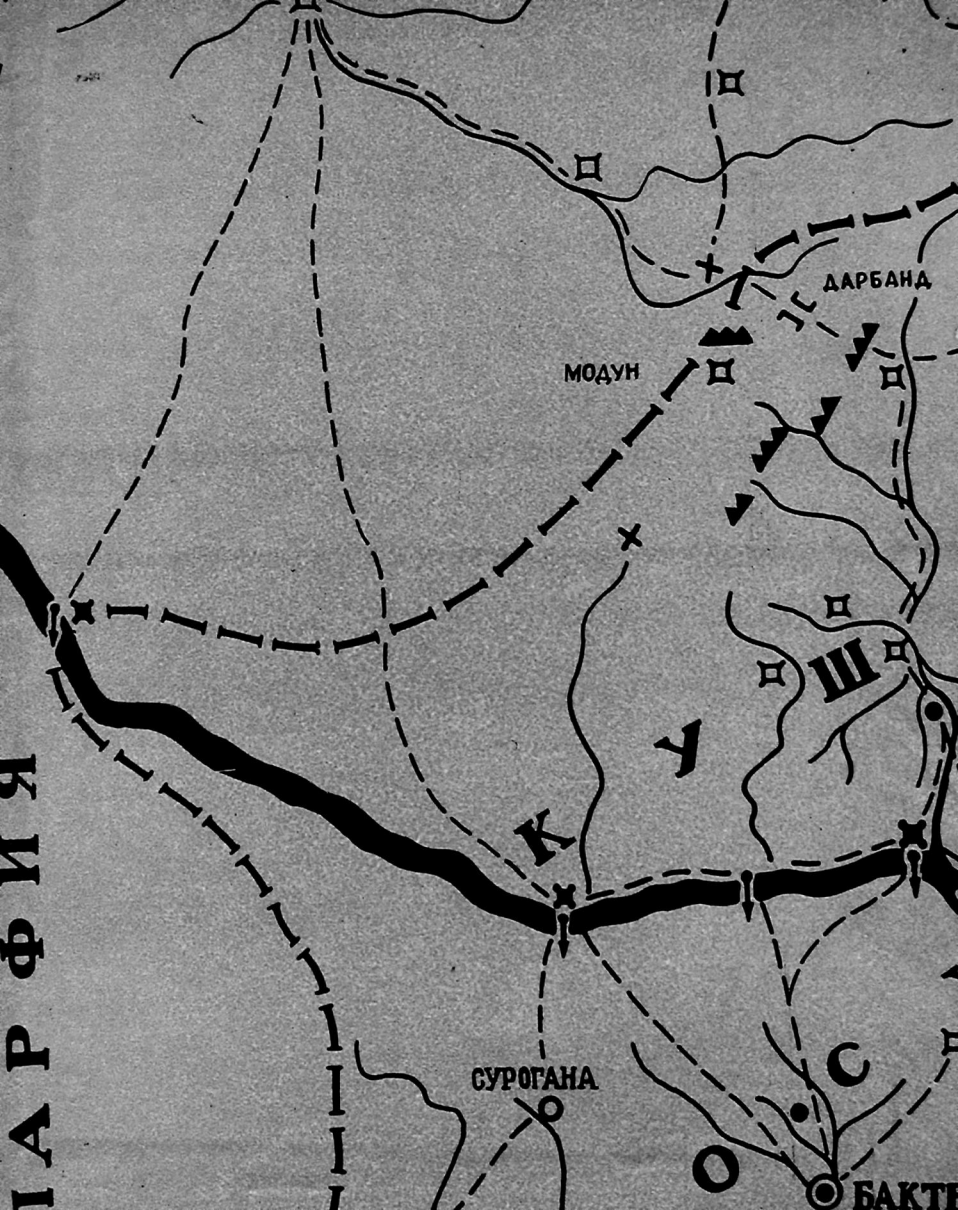
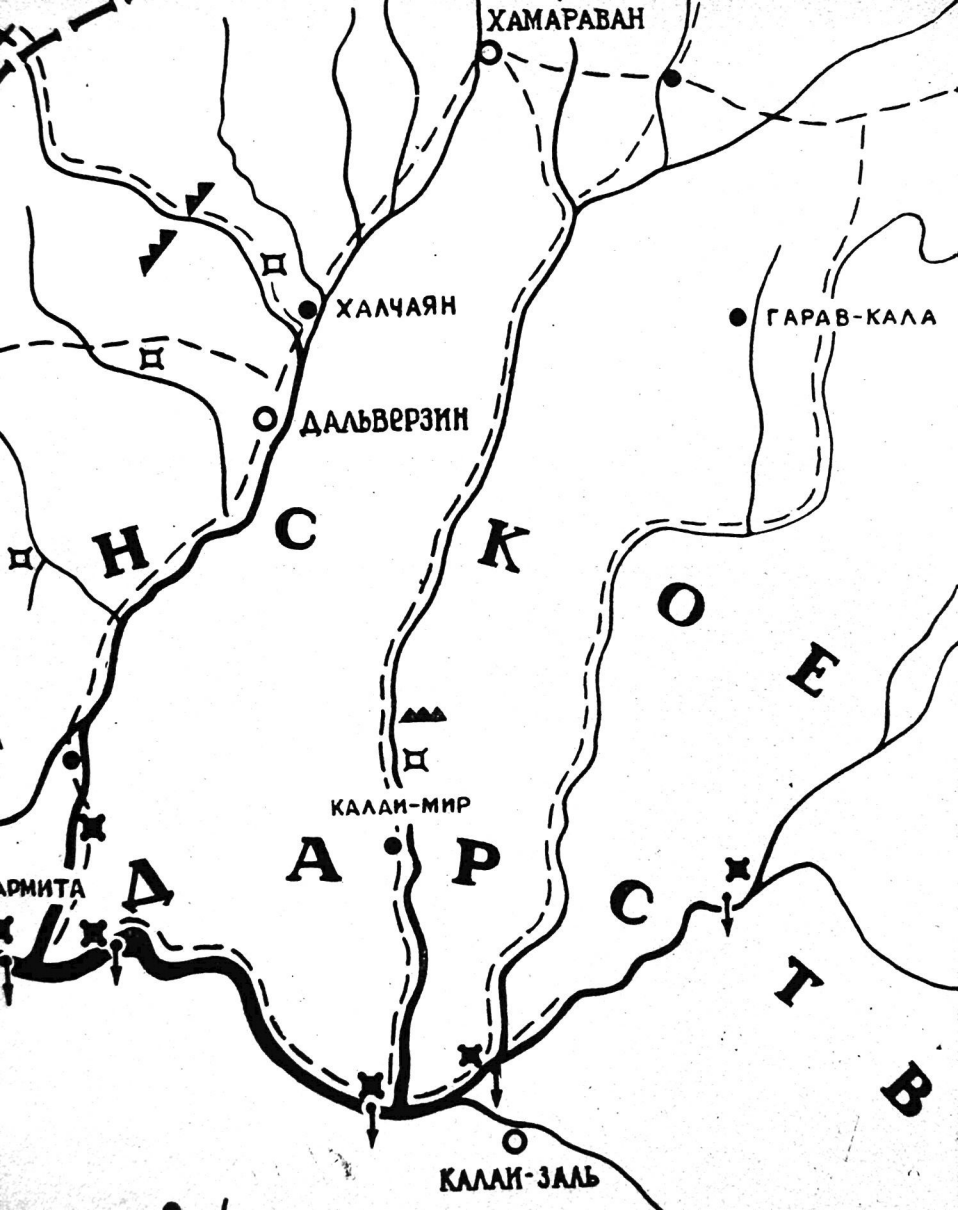
Г.А.Пугаченкова
Э.В.Ртвеладзе

Северная Бактрия-Тохаристан


ДАРБАНД
МОДУН
Ш
У
К
СУРОГАНА
С
О
БАКТ
ІАРФИЯ


ХАМАРАВАН
ХАЛЧАЯН
ГАРАВ-КАЛА
ДАЛЬВЕРЗИН
КАЛАЙ-МИР
КАЛАЙ-ЗАЛЬ
Н С К О Е
А Р С Т В
Д

Северная Бактрия-Тохаристан

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

❖

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Г.А.Пугаченкова
Э.В.Ртвеладзе

Северная Бактрия-Тохаристан

ТАШКЕНТ—1990

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б. В. Лунин*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Р. Г. Мукминова,*
кандидат исторических наук *З. И. Усманова*

П $\frac{0504000000-281}{M\ 355(04)-90}$ 22—90 © Издательство «Фан» УзССР, 1990 г.

ISBN 5—648—00887—2

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

7

ФОРМИРОВАНИЕ И СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

11

Древняя культура

25

АНТИЧНОСТЬ. СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ-ТОХАРИСТАН В СОСТАВЕ ДРЕВНИХ ГОСУДАРСТВ

39

Античная культура Северной Бактрии-Тохаристана

82

СЕВЕРНЫЙ ТОХАРИСТАН В РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

121

Культура раннего средневековья

140

СЕВЕРНЫЙ ТОХАРИСТАН В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

163

Культура развитого средневековья

182

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

204

Список использованной литературы

208

Список сокращений

219

Введение

История многообхватна. Она может строиться на всемирном обзоре, в хронологических отрезках жизни народов, в рассмотрении судеб отдельных народов, в рамках определенных стран — древних или современных, в пределах историко-географических регионов, а то и отдельных населенных пунктов, вписавших особые страницы на свитках Клио.

В данной книге рассматривается история одного из историко-культурных регионов Средней Азии, лежащего к северу от Амударьи, в пределах верхнего и среднего бассейна великой среднеазиатской реки. Эти земли составляли зону страны, упоминаемой уже в древнейших частях Авесты как Бахди, в греко-римских источниках — как Бактрия или Бактриана, а в китайских хрониках первых веков н. э. — как Дахя или страна Тухо-ло — искаженное название племени тохаров, каковое наименование — в местном произношении Тохаристан — здесь сохранялось и в средневековье. Мы еще вернемся к рассмотрению этого термина. Здесь же сразу условимся говорить о Северном Тохаристане как о районе, ограниченном Амударьей и системой Байсуно-Гиссарских хребтов. В наши дни эти земли входят в состав Узбекской ССР (Сурхандарьинская область) и Таджикской ССР (Кулябская и Кургантепинская области, районы республиканского подчинения).

История Северной Бактрии-Тохаристана (как впрочем и Южной) пока не написана. А между тем накоплен уже значительный материал: сведения древних и средневековых письменных источников; богатейшие разработки археологических экспедиций; прямые или косвенные данные, которыми снабжает нумизматика; объекты материальной и художественной культуры, несущие историческую информацию. Уже написаны и опубликованы ряд археологических монографий и сотни статей, имеются работы, посвященные искусству региона. Но значительно меньше публикаций собственно исторических. Пришла пора свести воедино и осмыслить весь этот обширный материал и обрисовать на его основе общую картину региональной истории Северной Бактрии-Тохаристана, особо выделив развитие материальной и художественной культуры в аспекте ее вклада в общую сокровищницу среднеазиатского культурного наследия.

История изучения данного региона в историко-археологическом плане частично освещена М. Е. Массоном (преимущественно в отношении Термезского района. — См.: ТАКЭ, 1940, I), М. М. Дьяконовым (в отношении Кобадиана. — См.: МИА, 1953, № 37), Л. И. Альбаумом (о памятниках Ангорского района. — См.: Балалык-тепе, 1960). Однако с тех пор появилось немало новых данных и публикаций. Краткий обзор основных этапов изучения и накопления материалов, которые ныне позволяют подойти к их обобщению, приводится ниже.

Данные первоисточников, затрагивающих Северную Бактрию-Тохаристан, сравнительно скудны. Греко-римские авторы дают лишь самые общие сведения, касающиеся Бактрии (вероятно, в большей мере Южной, где располагался ее главный центр — Бактры-Балх). Анализ их был осуществлен в последние годы И. В. Пьянковым. Лаконичны и данные китайских хроник со времени старшей династии Хань и вплоть до времени династии Тан (во многом повторяющие друг друга), которые давно уже стали доступны, благодаря переводу трудов Иакинфа Бичурина. Больше конкретных сведений содержится у арабо- и персоязычных авторов VIII—XII вв. Они были широко привлечены и всесторонне использованы В. В. Бартольдом, начиная с его классического труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»*и, хотя и не столь подробно, в более поздних работах. Источники эти фигурируют и в труде Г. Лестренджа. Русских переводов самих источников

пока немного — среди них следует выделить перевод Бейхаки и комментарии к нему, выполненные А. К. Арендсом. Некоторые отрывки из произведений восточных авторов, касающиеся Термеза, введены в науку М. Е. Массоном.

Начало археологическому изучению правобережья Амударьи было положено еще в дореволюционное время силами не специалистов, но тех представителей русской интеллигенции, которых горячо интересовало прошлое Средней Азии.

Археологическое изучение данного региона в советское время запоздало почти на десятилетие по сравнению с изучением Самарканда. Причин тому было немало — и вхождение его вплоть до 1920 г. в состав Бухарского эмирата, и отдаленность, и басмачество. Однако уже в 1927—1928 гг. экспедиция Музея восточных культур, возглавленная Б. В. Денике, осуществила первые изыскания на городище Древнего Термеза, где было обследовано несколько архитектурных памятников — в частности, открыты остатки дворца термезских правителей XI—XII вв., богато украшенного резным штуком. Подлинно же археологическое изучение открывают Айртамская экспедиция 1932—1933 гг. и Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1938 гг., основанные и руководимые М. Е. Массоном. Итогом их было изучение исторической топографии и стратиграфии обоих городищ, открытие ряда памятников буддизма (святилище и знаменитый скульптурный фриз в Айртаме, пещерный монастырь Кара-тепе в Термезе), раскопки Термезской мечети и широкомасштабное изучение дворца. Тогда же А. П. Окладников открыл в пещере Тешик-Таш останки мальчика-неандертальца. В 30-х годах велись местные краеведческие работы, во многом пополнившие созданный в Термезе музей.

Работы в Сурхандарьинской области были прерваны войной и возобновлены с 1949 г., когда в составе Узбекской археологической экспедиции АН УзССР был создан и на протяжении ряда лет работал Сурхандарьинский отряд во главе с Л. И. Альбаумом. После предварительной рекогносцировочной поездки отряд сосредоточил свои работы в Ангорском районе. Наряду с пробными раскопками на некоторых городищах были полностью вскрыты два крупных архитектурных объекта — Балалыктепе и Зангтепе. Позднее, в связи со строительством Кайраккумского водохранилища отряд осуществлял раскопки обреченных уйти под воду объектов в этой зоне. В 70-х годах Л. И. Альбаум осуществил раскопки Кучуктепе и полное вскрытие буддийского монастыря Фаязтепе в Старом Термезе, а ныне изучает Чингизтепе на этом городище.

С 1969 г. и по настоящее время одна из археологических групп Института археологии АН УзССР под руководством А. А. Аскарова проводит изучение крупных памятников эпохи бронзы Сапаллитепе и Джаркутан, группа археолога Ш. Пидаева осуществляла изучение сельских поселений в Шерабадском районе, а также цитадели и некоторых участков городища Старого Термеза. В 1972—1985 гг. совместная группа ленинградских и узбекских археологов во главе с В. М. Массоном вела раскопки на городище Зартепе.

В 1959 г. от Института искусствознания им. Хамзы Г. А. Пугаченковой было начато изучение городища Халчаян в Денауском районе, а с 1960 г. при этом институте была создана под ее руководством Узбекистанская искусствоведческая экспедиция (УзИскЭ), работающая поныне. Среди ее ведущих участников — Э. В. Ртвеладзе, А. С. Сагдуллаев, Б. А. Тургунов, З. А. Хакимов. В аспекте работ УзИскЭ осуществлены обследование и хронологическое определение до трехсот археологических пунктов разных эпох в Сурхандарьинской области, раскопки и изучение памятников периода раннего железа — Кызылтепе, Кызылча, Бандыхан-2, Талашкан, особенно памятников античности — Халчаяна, Дальверзинтепе, Айртама, Шортепе, Ялангуштепе, Кампыртепе, раннесредневековой усадьбы и кешка Бабатепе, средневекового городища Будрач, открытия выдающихся памятников бактрийско-тохаристанского градостроительства, архитектуры, монументальных и прикладных искусств. Для подготавливаемого Институтом искусствознания раздела «Свода памятников культуры Узбекистана» проведено изучение ряда наземностоящих памятников средневековой архитектуры и построек позднего народного зодчества.

С 1961 г. совместная экспедиция Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусств народов Востока и ВНИИ реставрации, возглавляемая Б. Я. Стависким, ведет систематические раскопки пещерного буддийского монастыря Каратепе в Старом Термезе.

Из других работ следует упомянуть небольшие раскопки, осуществлявшиеся Термезским областным краеведческим музеем (В. А. Козловский, К. А. Шейко).

Археологическое изучение Южного Таджикистана заметно запоздало по сравнению с исследованиями в Узбекистане, но со временем оно выровнялось. В предвоенные десятилетия уже имели место единичные краеведческие разведки и случайные находки. Положение изменилось с 1946 г., когда начала свою деятельность Согдийско-Таджикская экспедиция, основанная А. Ю. Якубовским и объединившая сотрудников Института истории материальной культуры (позднее Института археологии) АН СССР, Таджикского филиала АН СССР (позднее Академии наук ТаджССР) и Государственного Эрмитажа. Археологическое изучение южных районов республики в рамках этой экспедиции возглавил М. М. Дьяконов. Помимо рекогносцировок им были начаты стационарные раскопки на городище Кей-Кобад-шах. Его безвременная кончина оборвала эти работы. Их продолжил в части изучения могильников Бешкентской долины А. М. Мандельштам. С 1973 г. выделилась самостоятельная Южнотаджикская археологическая экспедиция, во главе которой встал Б. А. Литвинский. Продолжая общие разведки древностей, экспедиция эта осуществила крупномасштабные раскопки на городищах Тахти-Сангин, Саксанохур, Тепаи-шах, Кафыр-кала, Хульбук, Сайёд, на таких крупных архитектурных объектах, как Аджинатепе и Калаи-Кафирниган, продолжила изучение могильников Бешкентской долины, осуществляла на отдельных объектах разведочные раскопки и шурфы. Экспедицией внесен заметный вклад в познание античной и раннесредневековой культуры на территории Южного Таджикистана.

Существенную роль в понимании некоторых сторон политической истории, экономики, религии, культуры, особенно для эпох, слабо освещенных письменными источниками, играет нумизматика. Монетные сборы на территории Северной Бактрии-Тохаристана, полученные при раскопках и в составе случайных находок, иногда целых монетных кладов, уже весьма значительны. Обработка и осмысление их М. Е. Массоном, Е. А. Давидович, Е. В. Зеймалем, Э. В. Ртвеладзе дали ощутимые результаты в изучении товарно-денежных отношений и политической истории.

Особую категорию исторических источников составляют произведения материальной и художественной культуры. Первые воспроизводят те черты созидательной жизни народов, которым письменные источники обычно не уделяют никакого внимания, вторые отражают черты духовной жизни этих народов, с одной стороны, во всем ее своеобразии, с другой — в круге постоянных контактов. Но если первые обрисовывают состояние технических достижений, устаревавших с ходом веков, то памятники искусства таят те непреходящие духовные ценности, которые неподвластны времени и которые доныне дарят радость приобщения к Красоте.

Таковы исходные материалы, которыми располагает наука, канва, на которую авторы смогли набросать обобщающий очерк истории и культуры Северной Бактрии-Тохаристана*.

Удельный вес имеющихся данных неоднороден для разных эпох — для древнейших периодов ими в основном снабжает археология, со времени античности включаются нумизматика и письменные источники, значение последних нарастает в период средневековья.

---

* В процессе работы перед авторами возникла существенная трудность в отношении библиографических ссылок. Дело в том, что литература вопроса, в которой содержится в той или иной мере нужный материал, колоссальна, насчитывающая огромное число публикаций. Достаточно сослаться на двухтомный библиографический указатель советской литературы за 1917—1983 гг. «История Таджикистана» (Душанбе, 1986), где 2-й том, целиком посвященный археологии, включает около тысячи названий, из которых по крайней мере одна треть связана с Южным Таджикистаном. По югу Узбекистана такой перечень был бы еще большим. Даже индивидуальные работы ряда ученых — Б. А. Литвинского, Б. Я. Ставиского, да и авторов этих строк, затрагивающие археологию Северной Бактрии-Тохаристана, исчисляются многими десятками, а в сумме и сотнями.

Между тем в настоящей книге ставится основной целью обрисовать и с т о р и ю региона, в познание которой археология внесла хотя и существенный, но не исчерпывающий вклад. В силу этого в ней привлекаются также первоисточники, публикации исторического характера, сравнительные материалы других регионов и стран.

Дабы не загромождать книгу бесчисленными ссылками, мы ограничиваемся упоминанием лишь главнейших публикаций по тому или иному вопросу, и в тех случаях, если в них приведен перечень предшествующих работ, даем после цитируемого труда добавление — лит. (то есть смотри там же литературу вопроса).

В приведенном в конце книги списке основной литературы мы отсылаем к опубликованным обобщающим или индивидуальным библиографическим изданиям (с указанием их номеров), затрагивающим древнюю и средневековую историю региона.

Но и здесь следует подчеркнуть, что свидетельства арабо- и ираноязычных авторов в основном освещают черты исторической географии Средней Азии и события политического и военного соперничества, а судьбы народов в основном фигурируют в связи с войнами и борьбою власть предержащих. И в этом отношении исторические лакуны во многом восполняются данными археологии, материальной и художественной культуры.

Хронологические рамки книги — от эпохи бронзы до начала XIII в., когда историческим рубежом становятся неисчислимые бедствия, нанесенные Средней Азии монгольским завоеванием. История региона в последующие века — тема особого исследования, для которого, пожалуй, пока не накоплен достаточный материал.

Исторические очерки, разделы о письменности, градостроительстве, денежном обращении написаны Э. В. Ртвеладзе (с небольшими добавлениями и коррективами соавтора), очерки по истории культуры (архитектура, изобразительное и прикладное искусство, литературное и музыкальное творчество) — Г. А. Пугаченковой. Введение, заключение, указатели литературы, раздел о культовой идеологии — обоими авторами.

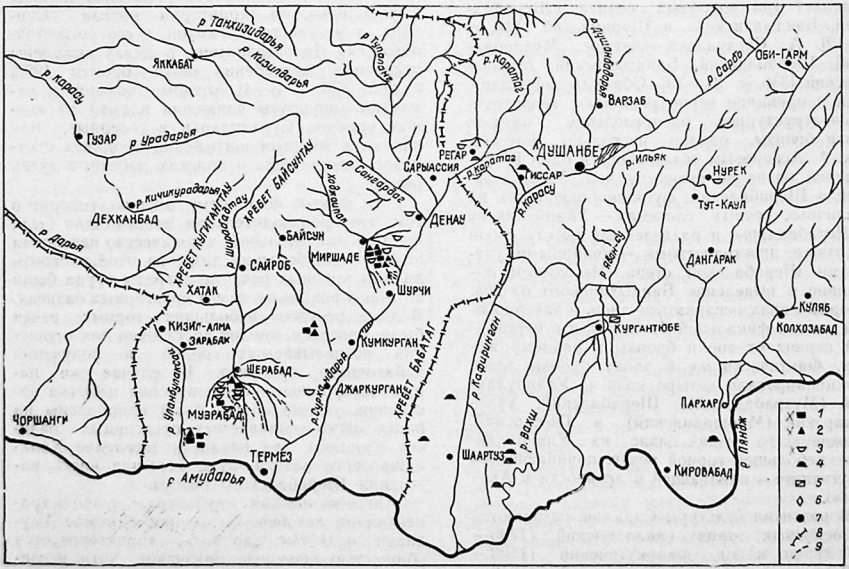
Формирование и сложение древней цивилизации

II тыс.—средняя треть I тыс. до н. э.

Возникновение первых стационарных поселений в Северной Бактрии относится к эпохе неолита (VI—III тыс. до н. э.), когда на ее территории бытовала «гиссарская» культура.

«Гиссарские» охотники, рыболовы и скотоводы осваивают в это время долины мелких и крупных рек, предгорья и горы вплоть до Байсунтау и Кугитанга [117, с. 84—92; 285, с. 133—147; 399, с. 138—148]. Однако дальнейшего развития она не получает, и в эпоху бронзы здесь формируются новые культуры иного хозяйственно-культурного типа.

Исследователи выделяют для этой эпохи четыре культуры — сапаллинскую, бешкентскую, вахшскую и степной бронзы, занимавших различные территории. Местные скотоводческие культуры — бешкентская и вахшская, представленные только могильниками,



Памятники Северной Бактрии в эпоху бронзы (по А. А. Аскарову и Б. Г. Абдуллаеву):

1 — поселения культуры Сапалли; *2* — поселения лепной расписной керамики; *3* — могильники культуры Сапалли; *4* — могильники степной бронзы; *5* — грунтовые могильники; *6* — отдельные находки; *7* — населенные пункты; *8* — границы союзных республик; *9* — сухое русло.

наиболее крупными из которых являются Тулхар и Тигровая балка, были распространены в Нижнекафирниганской и Вахшской долинах [283, с. 165—181; 154, с. 156—162], впрочем, Е. Е. Кузьмина и А. М. Мандельштам относят их к кругу степных культур [137, 179]. Стоянки культуры степной бронзы отмечены в Вахшской долине Таджикистана [166, с. 41—47].

Зона распространения оседлоземледельческой культуры охватывает, в основном, предгорную полосу вдоль Кугитанга и Байсунтау на юге Узбекистана [22; 24; 28; 336; 337] и частично юг Таджикистана [61, с. 554—555; 62, с. 576].

Первые оседлоземледельческие поселения возникают на небольших горных саях во второй четверти II тыс. до н. э. С этого времени и на протяжении всей эпохи бронзы и начальной стадии эпохи раннего железа система небольших оазисов, расположенных на строго ограниченной территории, становится основным типом антропогенного расселения в Северной Бактрии. А. Аскаров для эпохи бронзы выделяет три подобных оазиса — Шерабадский, Бандыханский и Шурчинский [24, с. 9—12], А. Сагдуллаев — четыре: Музрабадский, Шерабадский, Бандыханский, Миршадинский [336, с. 31—33]. Обе классификации, хотя в принципе верно отражают территориально-структурное распределение оазисов эпохи бронзы, однако несколько неточны. Так, А. Аскаровым объединены в один Шерабадский оазис по существу два: Уланбулакский и Шерабадский, функционировавших на различных речных системах — Уланбулаксае и Шерабаддарье и разделенных между собой «мертвым пространством» — обширными участками Шерабадской степи. Не совсем оправдано и выделение Бандыханского оазиса, который начал осваиваться лишь в завершающей стадии финальной бронзы или в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу. Фактически же в эпоху бронзы здесь функционировало четыре оазиса: Уланбулакский (Музрабадский), Шерабадский, Халкаджарский (Миршадинский) и Гиссарский. Прежде всего возник оазис на Уланбулаксае — небольшой горной речке, начинающейся в Кугитанге и впадающей в древности в Амударью.

В развитии культуры Сапалли выделяются три основных этапа: сапаллинский (1700—1500 гг. до н. э.), джаркутанский (1500—1350 гг. до н. э.) и моллалинский (1350—1000 гг. до н. э.) [24, с. 5]. Сейчас на основании изучения могильников Джар-Кутана выделен кузалинский этап этой культуры (XIII—XII вв. до н. э.) [28, с. 43], однако на других памятниках археологические слои этой эпохи еще не исследованы. На первом этапе функционировали два оазиса — Уланбулакский и Шерабадский, на втором — те же два оазиса, на третьем — Шерабадский, Халкаджарский и Гиссарский.

Антропогенное освоение Северо-Западной Бактрии в эпоху бронзы происходило последовательно, вначале осваивались предгорные районы юго-западной, а затем северо-западной части этой области. Причем, если на ранних этапах наиболее обживаемой территорией был юго-запад, то на завершающем основной территорией обживания становится Халкаджарский оазис, где к настоящему времени обнаружено шесть поселений эпохи бронзы [38, с. 30—37], больше, чем в других оазисах. В долинах же крупных рек — Амударьи и Сурхандарьи не имелось в это время ни одного поселения. Однако в ряде мест долины Сурхандарьи, на территории совхоза «Сурхан», в местности Хатамтой, у северо-восточного угла Дальверзинтепе, в Денау выявлены отдельные погребения эпохи бронзы [293, с. 265; 336, с. 3—4], которые, возможно, отмечают маршруты движения племен из южных районов Сурхандарьи в северные, или являются местами погребения бродячих охотников, заходивших в поисках добычи в туганы реки.

Эти факты, по нашему мнению, говорят о том, что производительная мощь общин была не столь значительной, а количество населения не столь еще большим для того, чтобы освоить долины крупных рек, где затраты труда были во много раз выше, чем в предгорных оазисах. Водных ресурсов небольших горных речек было, наверное, вполне достаточно для орошения возделываемых полей и получения добавочного продукта. В случае же нарушения равновесия и появления избытка населения, усилия общин были направлены на поиск легко осваиваемых предгорных оазисов — видимо, так началось заселение Халкаджарского оазиса, куда перешла часть населения Шерабадского оазиса.

Археологическая культура, распространенная на левобережье и правобережье Амударьи во II тыс. до н. э., характеризуется общностью основных признаков, хотя иссле-

дователи разделяют ее на две культуры: культура Сапалли и культура Дашлы [22; 24; 347]. Подобное членение единой в сущности культуры затрудняет правильное ее историческое восприятие. Не случайно поэтому В. М. Массон и А. С. Сагдуллаев, независимо друг от друга полагают, что культуры Дашлы и Сапалли — два варианта одной и той же дашлы-сапаллинской культуры [194, с. 125; 341, с. 117].

Распространение этой культуры в правобережье Амударьи связано с мигрировавшими в эту область из оазисов предгорной полосы Южного Туркменистана через Северо-Западный Афганистан земледельческими племенами во второй четверти II тыс. до н. э.

Изучение топографии поселений этого времени, расположенных на севере Афганистана и юге Узбекистана показывает, что маршруты данного переселения пролегали в основном через переправы Чушка-Гузар и Шуроб-Курган, к западу от Термеза [295, с. 181—187].

А. А. Аскаров наметил наиболее возможные, по его мнению, пути переселения земледельческих племен от Прикопеддагья через Мургабский оазис по южному Келифскому Узбою в Северо-Западный Афганистан, где во второй четверти IV тыс. до н. э. сформировалось несколько крупных земледельческих оазисов: Акчадарьинский, Давлетабадский, Ничкинский и Фарукабадский [347, с. 22—29; 24, с. 9—12]. Как он полагает, часть пришельцев сразу же приступила к освоению Уланбулакского оазиса на юге Сурхандарьи [25-а, с. 43]. Вместе с тем оставались необоснованными характер и причины миграции племен из долины Балхаба в оазисы Сурхандарьи. В связи с этим рассмотрим географические особенности расположения первого поселения древних земледельцев Сапаллитепе на данной территории. Оно находилось всего в 10 км к северу от переправы Чушка-Гузар, через которую на юг пролегал кратчайший путь (60—70 км) в древнеземледельческие оазисы Балхаба. Дорога в северном направлении от Сапаллитепе через долину Бустансая и по долине Шерабаддарьи выводила к Железным воротам. Именно через этот горный проход, как об этом свидетельствуют более поздние письменные источники, осуществлялись военные вторжения и этнические передвижения в Северную Бактрию-Тохаристан.

Возможно, поэтому, предположить, учитывая топографическую ситуацию и укрепленный характер Сапаллите, что данное поселение представляло собой укрепленный форпост, возведенный на северной границе ареала древнеземледельческих общин, в частности для охраны с севера важнейшей дороги к переправам через Амударью.

В связи с этим, как нам представляется, в Северо-Западной Бактрии отсутствуют стоянки культур степной бронзы. Находки же в Джар-Кутане керамики андроновского типа указывают на наличие каких-то контактов с ними [288, с. 15—18; 289, с. 58—63; 26], но не на прямое пребывание здесь больших групп степных скотоводческих племен [317, с. 115—116]. К тому же археологические слои, в которых найдена керамика, датируются более поздним временем. Не имеется убедительных свидетельств и для Северо-Западного Афганистана, откуда происходят единичные находки керамики культур «степной бронзы» [347, с. 146]. Вместе с тем, стоянки этой культуры обнаружены в Южном Таджикистане [166, с. 87—90; 283, с. 165—180; 284]. Здесь же открыты и могильники (ранний Тулхар, Аруктау), свидетельствующие, по мнению А. М. Мандельштама, о проникновении степных групп скотоводов на территорию Южного Таджикистана под давлением андроновских племен [179, с. 139—140]. Б. А. Литвинский, напротив, полагает, что эти могильники оставлены переселенцами из земледельческих оазисов Северного Афганистана и Южного Таджикистана, перешедшими в иных экологических условиях к скотоводческому хозяйству [153, с. 156].

Таким образом, четко выделяются две зоны: восточная (Северо-Восточный Афганистан и Южный Таджикистан), куда активно вторгались степные скотоводческие племена, и западная (Северо-Западный Афганистан и Южный Узбекистан), занятая оседлоземледельческими племенами.

Данная картина разграничения этнокультурных ареалов, вероятно, не случайна, а отражает создавшуюся в эпоху бронзы ситуацию: в западной зоне сформировалось достаточно мощное организованное объединение земледельческих общин, по-видимому, с центром в долине Балхаба, которое успешно противостояло натиску северных скотоводческих племен. Вероятно, населению древнеземледельческих общин этой зоны нередко приходилось вступать в военные столкновения и конфлик-

ты. В. М. Массон обратил внимание на находки значительного числа боевого оружия в комплексах Дашлы и наличие здесь крепостей со стенами и башнями [194, с. 126].

Сапаллитепе — первое оседлоземледельческое поселение эпохи бронзы — возникает на правобережье Амударьи именно как укрепленный форпост для защиты дорог к речной переправе. В последующем, в связи с расширением северных границ оседлоземледельческой общности, оно утрачивает свое былое значение и постепенно угасает. Роль основного центра переходит к Джар-Кутану, вероятно, также первоначально возникшему как мощная крепость у выхода из горного ущелья, закрывающая основную дорогу к амударьинским переправам: она шла с севера по долине Бустансай, через Сапаллитепе к переправам Шуроб-Курган и Чушка-Гузар.

Во второй половине II тыс. до н. э. Джар-Кутан становится опорным пунктом в северной части «бактрийского» объединения земледельческих общин. Вероятно, преимущественно отсюда осуществлялась дальнейшая колонизация предгорной полосы Гиссара и западных районов Южного Таджикистана. Топография найденных здесь памятников и их хронология указывают на последовательность и целенаправленность этого процесса. Очевидно также, что развитию данного процесса способствовали рост народонаселения и развитие производительных сил во второй половине II тыс. до н. э. в оседло-земледельческих поселениях правобережья Амударьи [28, с. 53—54].

Характер политико-административного устройства и социально-экономических отношений в этой области остается плохо изученным ввиду отсутствия письменных источников. Поэтому выводы исследователей данной проблемы остаются достаточно гипотетичными. А. А. Аскаров и Б. А. Абдуллаев относят джаркутанский этап ко времени разложения первобытнообщинного строя, а кузалинский и моллалинский характеризуют уже как стадию вероятного зарождения ранних форм классовых отношений [28, с. 54]. Напротив, В. И. Сарианиди считает, что не следует преувеличивать общий уровень социального развития Бактрии конца II — начала I тыс. до н. э., находившейся на пороге становления государственности [348, с. 181].

На наш взгляд, наиболее объективно процесс становления государственных объединений охарактеризован В. М. Массоном, выделившим в нем два основных этапа:

I. Появление оазисных городов-государств.

2. Становление на их базе крупных социально-политических систем [192, с. 119—129; 193, с. 3—10].

В разработанной советской наукой типологии ранних государств наиболее древним типом является город-государство или ном. И. М. Дьяконовым и В. А. Якобсоном на примере Шумера III тыс. до н. э. выделены определяющие признаки государств подобного типа: небольшой объем, расположение в пределах одной территориальной общины или, чаще, нескольких тесно связанных между собой общин; естественные границы: горы, окружающие долину, пустыня, окаймляющая орошаемое магистральным каналом пространство, центр с храмом главного божества, вокруг которого селилась администрация, размещались продовольственные склады, арсенал, мастерские ремесленников; стены, окружающие эту территорию [98, с. 3].

Попытаемся определить, исходя из сравнительно-исторического метода исследования, общность и отличия номных государств и оазисов изучаемой территории на примере Джар-Кутана.

А. Аскаров и Б. А. Абдуллаев определяют Джар-Кутан как единое поселение площадью более 100 га с рассредоточенной планировкой, расположенное вокруг крепости [28, с. 55]. Однако топографическая неоднородность местонахождения могильников, разная удаленность массивов застройки и неравномерное средоточие производственных мастерских скорее указывают на то, что Джар-Кутан — это своего рода поселенческая агломерация, которая включает несколько разновременных общинных поселений, расположенных вокруг укрепленного могучими стенами административного центра. В нем находился храм, включавший культовую и хозяйственную части, с металлургической мастерской и функционально-различными помещениями, а также монументальное здание, возможно, дворец [29, с. 16—17].

Формирование специальных некрополей, вынесенных за пределы поселения, указывает на повышение уровня социального сознания общества, тогда как на сапаллинской стадии развития погребения совершались внутри дома, что обычно свойственно обществам низкого уровня социального развития [71, с. 20—

25]. Важным признаком сравнительно высокого развития общества является формирование отдельных кварталов гончаров, продукция которых шла на внутриобластной рынок, и, следовательно, гончарное ремесло приобретает в это время черты товарного производства. Очевидно также наличие значительной имущественной дифференциации, отраженной, в частности, в количестве и качестве погребального инвентаря [28], а также определенной степени развития института собственности, одним из выразительных признаков которого являются печати [4, с. 28].

Наконец, агломерация Джар-Кутана представляет собой общину, концентрирующуюся в районе Бустансая и ограниченную естественными рубежами — степью и предгорьями.

Таким образом, имеется ряд существенных общих признаков, позволяющих сопоставить номное государство с агломерацией типа Джар-Кутана. Однако здесь отсутствует письменность, являющаяся непременной принадлежностью номных государств Месопотамии. Вместе с тем, И. М. Дьяконов указал, что в истории человечества имеются примитивного типа государственные образования, не знавшие письма [97, с. 134].

Вполне вероятно, учитывая проведенные аналогии, что в последней четверти II тыс. до н. э. в Бактрии формируются территориально-политические общности, стоявшие на начальной стадии номного или оазисного типа государства.

Первая половина — начало второй половины I тыс. до н. э. ознаменовались большими событиями в исторических судьбах Бактрии: появляется и распространяется железо, возникают поселения с цитаделями, преобразующиеся затем в ранние города, существенно изменяется облик материальной и художественной культуры, расселяются восточноиранские племена. С началом этого периода традиционно связывается распад первобытнообщинного строя и становление раннеклассовых отношений. В конце периода, между 539 и 530 гг. до н. э. или между 547 и 539 гг. до н. э. Бактрия вошла в состав Ахеменидской империи на правах сатрапии, управляемой побочной ветвью этой династии. Подчинение Бактрии Ахеменидам продолжалось вплоть до 330 г. до н. э.

В археологическом отношении на указанный период приходится время существования трех культур маргианского типа: Яз I—III. Наиболее ранняя из них — Яз I, датируется исследователями рубежом II—I тыс. до н. э.— VIII—VII вв. до н. э. Примечательной ее особенностью являются поселения с цитаделями на сырцовых платформах и своеобразного облика лепная керамика, иногда с росписью.

В Северной Бактрии выявлено более десяти поселений этой культуры, большинство из них в Сурхандарьинской области, а также Макони-Мор — на юге Таджикистана [293, с. 95—96; 27; 336; 337, с. 30—37; 483]. Эти поселения традиционно концентрируются в небольших оазисах предгорной полосы. В Сурхандарьинской области, где они наиболее хорошо изучены, в период Яз I функционируют четыре оазиса: Уланбулакский, Бустанский, Ургульский и Халкаджарский. Однако внутри самих оазисов по сравнению с эпохой бронзы происходят существенные изменения: заметно уменьшается площадь поселений, а в ряде оазисов сокращается их количество, о чем наглядно свидетельствуют сравнительные данные о поселениях второй половины II тыс. до н. э. — начала I тыс. до н. э.:

Эпоха бронзы	*Площадь, га*	*Период Яз—I*	*Площадь, га*
	Уланбулакский оазис		
Сапаллитепе	4	Кучуктепе	0,05
Кичиктепе	0,2		
Культепе	0,2		
	Шерабадский оазис		
Джар-Кутан	50	Верхний слой крепости	1
Бустан	2		
	Ургульский оазис		
		Бандыхан 1	1,5
	Халкаджарский оазис		
Моллали-тепе	8—9	Безымяное тепе	ок.1
Кызылджар-тепе	1,5	Буйрачи I (верх. слой)	1
Очамайли-тепе	2	Буйрачи II	1,5
Буйрачи-тепе	10	Цитадель Кызылтепе (нижний слой)	?
Кызылсу-тепе 1	0,3	Кызылча 6— нижн. слой	0,1
Кызылсу-тепе 2	0,2	Саритепе	?

Особенно сильно указанный процесс затронул юго-западные оазисы, где в данный

период на громадной площади поселения Джар-Кутан обживалась лишь крепость [23, с. 17—19], а в Уланбулакском оазисе осталось одно поселение — Кучуктепе [27].

Преобладающей территорией обживания становятся северо-восточные районы. В частности, в Халкаджарском оазисе сохранился баланс поселений, и, кроме того, на грани эпохи поздней бронзы — раннего железа возникает новый оазис заселения — Бандыханский. Однако и здесь площадь поселений уменьшается, они становятся компактнее. Наиболее крупное поселение этого времени — Бандыхан I, занимающее площадь 1,6 га.

Большинство поселений эпохи бронзы угасает, частично обживаются в это время лишь два из них (Джар-Кутан и Буйрачи I). Новые поселения основываются в пределах тех же оазисов, рядом с более древними поселениями эпохи бронзы. Сохраняется оазисная система расселения в предгорной полосе Кугитанга и Байсунтау, тогда как долины крупных рек правобережья Амударьи по-прежнему остаются неосвоенными. Поселения этого времени появляются в плодородных горных долинах, в частности, Вахшуварсая, [301, с. 285—286].

Как показывают археологические исследования, центрами этих оазисов являлись небольшие компактные двухчастные поселения с цитаделями — Кучуктепе, Джар-Кутан, Бандыхан I, Кызылтепе. Не исключено, что эти оазисы следует рассматривать как территориально ограниченные владения, принадлежавшие военным предводителям оседлых земледельцев и скотоводам-састарам, а сами цитадельные центры этих оазисов — их резиденцией.

Памятники юга Средней Азии в начале I тыс. до н. э.

Исторические исследования авестийской традиции, проведенные И. М. Дьяконовым, показали, что на первую четверть I тыс. до н. э. приходится возникновение мощного военно-политического объединения Арьйошайаны — «страны ариев» с центром в Дрангиане, включавшего Харайву, Арею, Маргиану, Согд и Хорезм [97, с. 136—137]. Его появление связано с расселением восточноиранских племен, занявших обширные пространства Средней Азии от Прикаспия до Припамирья [97, с. 134—144; 229, с. 4—22; 187, с. 134—144]. В. М. Массон непосредственно связывает культуру Яз I с восточноиранскими языковыми группами [193, с. 7—8], что представляется нам весьма доказательным мнением.

Более того, мы полагаем, что имеются все основания к сопоставлению Арьйошайаны с территорией распространения культуры Яз I. Так, географический ареал этой культуры ограничен с запада Прикопетдагской равниной, а на востоке отрогами Памира, северная ее граница проходит в низовьях Мургаба, Средней Амударьи (в районе Чарджоу — Одойдепе), Зарафшанскому хребту с захватом Кашкадарьи, а южная ограничена Гиндукушем и Памиром [192, с. 4—10].

Обратимся теперь к данным об Арьйошайане, содержащимся в одном из древнейших гимнов Авесты — Михр-Яште. Согласно почти единодушному мнению ученых, этот гимн сложился в дозаратуштровский период. Время жизни Заратуштры исследователи данного вопроса относят к рубежу XI/X — VI вв. до н. э. В. Б. Хеннинг предлагает три возможные даты жизни Заратуштры: 630—553, 628—551, 618—541 гг. [453, p. 41]. В. Джексон, как и многие другие ученые, отдает предпочтение VI в. до н. э. [457, p. 174]. Ряд советских ученых определяют дату жизни Заратуштры VII—VI вв. до н. э. [1; 95, с. 59; 365, с. 135; обзор всех точек зрения см.: 87, с. 305—307]. Согласно И. М. Дьяконову, эпико-героическая традиция «Авесты» о «стране ариев» отражает события истории восточноиранских племен до времени Кави-Виштаспы и Заратуштры [97, с. 136].

Таким образом, очевидно, что события, связанные с этой страной, происходили в период бытования археологической культуры Яз I. В Михр-Яште говорится, что бог Митра

с высоких золоченых горных вершин взирает на Арьйошайану, где отважные састары свершают многочисленные набеги, где высокие, ограждающие (?) горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются, вскипая... (?) реки — и к Ишкате Порутской, Моуру Харийской, и оазису согдийскому и Хорезму» — X, 14 [97, с. 1—36, перевод И. М. Дьяконова]; согласно переводу И. С. Брагинского — «к Ишкате и Порута, к Моуру (Маргав) и Харойва, к Гава (Сугда) и Хваризму» [9, 35]; ср. также перевод С. П. Виноградовой [385, с. 66].

Рассмотрим местоположение упоминаемых в Яште областей. Так, Ишкату предположительно связывают с областью нижнего течения Хильменда [117, с. 508, прим. 72; 438, р. 175] или с Паропамизом [97, с. 136]; Порута — страна λαροvιας — с верховьями Геруда [117, с. 508, прим. 72; 97, с. 136]. Mouru — hārōua — буквально «Хайрайвский Маргу» — «Гератский Мерв», что, по мнению В. А. Лившица, свидетельствует о наличии Герат-ско-Мервского объединения (царства) в доахеменидское время, покоренного Киром II [144, с. 33, прим. 47; 438, р. 176]. Хорезм традиционно помещается в низовьях Амударьи, однако не исключено, что здесь Хорезм следует понимать как доахеменидский Большой Хорезм, локализуемый в долине реки Акес-Теджена [117, с. 152; 187, с. 172—176]. Нетрадиционным представляется нам и местоположение Гавы Согдийской, но об этом ниже.

Ряд исследователей предположили, что Хорезм и Гава Согдийская интерполированы в текст Михр-Яшта позднее [138, с. 36], что, однако, не доказано и не подтверждено другими исследователями. Л. А. Лелеков на этом основании полагает, что Арьйошайана «примерно совпадает с условными границами Бактрии времени эллинистического, греко-бактрийского или раннекушанского времени» [138, с. 35]. Против этой гипотезы свидетельствует не только отсутствие названия Бактрии в Михр-Яште, но также упоминание в нем Ишкаты, Поруты, Ареи, которые, так же, как Согд, не входили в границы Бактрии ни в эллинистическое, ни в раннекушанское время.

В Михр-Яште упоминается шесть областей: Ишката, Порута, Харайва (Арея), Моуру (Маргиана), Хорезм и Гава Согдийская, или четыре, если объединить Ишкату с Порутой и Харайву с Моуру, но в ней нет сведений о Бактрии и Драигиане. И. М. Дьяконов объясняет это тем, что Драигиана являлась точкой, откуда автор гимна «как бы смотрит на рисуемую им географическую картину». Это возможно, хотя более вероятно, что подобной точкой отсчета являлись Паропамис и Гиндукуш, ибо только с их горных вершин можно обозреть рисуемую в гимне географическую картину. Кроме того, все упомянутые в ней реки текут на север, тогда как Драигиана — равнинная область, лежащая к югу от Гиндукуша.

Отсутствие Бактрии в данном пассаже И. М. Дьяконов объясняет тем, что она не входила в Арьйошайану [97, с. 136], однако возможно, что в данное время Бактрия как отдельная область еще не существовала, а сами бактрийцы населяли долину р. Мургаб и прилегающие к ней равнины сильного политического объединения Харайва-Моуру.

На это, в частности, намекают данные Бехистунской надписи, где о подавлении восстания маргианца Фрады в 522 г. до н. э. говорится: «Вот что мною сделано в Бактрии», — хотя в начале этого пассажа речь идет о стране Маргуш, ставшей враждебной Дарию [Бехистунская надпись, § 38; 365, с. 24—51; 186, с. 142].

Не исключено, что совмещение этих двух географических понятий произошло не только потому, что Бактрия и Маргиана в это время были объединены в одну сатрапию, а в связи с исторической традицией местоположения Бактрии в более раннее время в долине Мургаба. Отметим также, что Маргиана — Моуру, Маргав — это скорее географическое и территориальное понятие, но отнюдь не этническое, поскольку особого маргианского языка в составе восточноиранских народностей не существовало [229, с. 10—24].

В то же время бактрийцы — это прежде всего этническое понятие, отдельная восточноиранская народность, объединенная языковой общностью. Можно предположить, что бактрийцы и маргианцы составляли прежде единую восточноиранскую народность, обитавшую в долине Мургаба и прилегающих районах в начале I тыс. до н. э. и входивших в политическое объединение Харайва-Моуру. Возможно, в период Яз I произошло расселение этих племен из первоначального очага на новую территорию в долину Балхаба и далее на восток.

Характерно, что ряд исследователей воз-

водят название «Бактрия» к «бахтар» — восток [281, с. 11], в чем, возможно, отражена традиция главного направления миграции бактрийцев на восток из первоначальной родины обитания, расположенной на западе.

При подобном толковании географических сведений в Михр-Яште возникает закономерный вопрос о том, какая из упомянутых областей находилась в это время в Северном Афганистане и на правобережье Амударьи, объединенных в историко-культурном отношении памятниками «язовской общности». Не исключено, что обе эти части составляли область Гавы Согдийской, подтверждение чему мы видим в донесенной античными авторами традиции, по которой граница между Бактрией и Согдом проходила по Оксу-Амударье [364, XI, I, 15; XI, 8, 8; VI, 12, I], а пустыня между Бактрами и Оксом именовалась согдийской [124, VII, 5, 12; 281, с. 34—52].

Вполне возможно, что в период Яз I согдийцы под давлением другой восточноиранской народности — бактрийцев — перешли через Гиссарский хребет на север, в долину Кашкадарьи. Как показывают археологические исследования, поселения времени Яз I расположены вдоль дорог, ведущих к перевалам через этот хребет как со стороны Сурхандарьи, так и Кашкадарьи, где сейчас А. С. Сагдуллаевым исследован ряд памятников данной культуры. По его мнению, переселение «язовских» племен в Кашкадарью произошло из области бассейна Сурхана, о чем свидетельствует хронологический приоритет поселений этой области и однотипность керамических комплексов [339, с. 33—38; 340, с. 29—30].

Таким образом, можно, видимо, говорить о том, что в первой четверти 1 тыс. до н. э. на юге Средней Азии сложилось крупное военно-политическое объединение восточноиранских племен — Арьйошайана, в состав которого входила изучаемая нами территория правобережья Амударьи. В древнейших частях Авесты имеется термин «дахьюсасти», буквально — «власть над областями», который, вероятно, применим для обозначения военно-политических объединений типа Арьйошайаны. В состав дахьюсасти входили территории, обозначенные термином «дахью», содержание которого недостаточно выяснено. Он мог обозначать как небольшие территориальные образования, так и более крупные [68, с. 56]. По мнению В. А. Лившица, дахью — «понятие прежде всего территориальное, географическое, нередко указывающее и на значительную этническую общность, но еще не административная единица в составе сложившегося государства» [139].

В Авесте упоминаются и более мелкие территориальные и социальные единицы. Одна из них — вис, которая обозначала не только род, но и родовое поселение, со временем приобретающее черты сельской общины. В состав виса входили семьи-нмана и более значительные группы, объединенные родством по отцовской линии — нафа. Эти группы включали до 100 полноправных мужчин [68, с. 55].

Хронологическая близость данных древнейших частей Авесты и времени бытования культуры Яз I в определенной мере позволяет определить социальный характер исследованных поселений в правобережье Амударьи.

Из всех известных здесь поселений наиболее изученным является Бандыхан I, состоящее из высокой цитадели с сырцовыми постройками и пониженного участка собственно поселения из каркасных жилищ, разделенных между собой руслом канала-рва. Другие поселения — меньших размеров, без цитадели и рва. Так, Кучуктепе, первоначально определенное А. А. Аскаровым как «дом родового вождя», военно-административный и культурный центр [27, с. 3, 30], по наблюдению А. С. Сагдуллаева, в X—VIII вв. до н. э. состоял из трех небольших хозяйственно-жилых комплексов площадью 62 кв. км. Он резонно полагает, что в это время Кучуктепе представляло собой сельскую усадьбу домашней общины, где проживало около 20 человек [343, с. 72]. Такого рода усадьбы, можно, видимо, сопоставить с нмана Авесты.

Площадь поселений, расположенных в других оазисах, определена в основном по визуальным наблюдениям и характер их застройки неясен.

По качественным и количественным признакам с поселением типа вис наиболее вероятно сопоставление Бандыхан I, не исключено, что таковыми же могли быть и расположенные в Халкаджарском оазисе Буйрачи I (1 га) и Буйрачи II (1,5 га) [483, р. 189].

Имея в виду эти данные, можно предположить, что оазисы Северной Бактрии являлись местом обитания, в одном случае, большой семьи, нмана, в другом — родовой общины, вис. Совокупность этих оазисов, главным центром которых, по всей вероятности, был

Бандыхан I, следует, возможно, рассматривать как дахью в одном из его значений, так как они были объединены территориальной близостью, сходными географическими условиями, одинаковым хозяйственным укладом, основанным на земледелии и оседлом скотоводстве, а также аналогичной культурой и этническим родством. Подобного типа дахью — т. е. объединений нескольких оазисов — нмана и вис вокруг крупного поселения сельской общины с цитаделью, являющегося, вероятно, местопребыванием военного предводителя-састара в пределах Бактрии, могло быть несколько.

Как бы ни были временны и некрупны военно-политические объединения типа Арьйошайана, они, как образно отметил В. М. Массон, означали «уверенные шаги становления среднеазиатской государственности» [192, с. 13], более высокую ступень унификации которой представляло доахеменидское Бактрийское царство [97, с. 145].

Не следует, конечно, преувеличивать самостоятельного значения социальных и военно-политических процессов, происходивших на правобережье Амударьи в период Яз I. Они являлись отражением кардинальных общественных изменений, охвативших весь юг Средней Азии и сопредельных стран, и сопровождающихся ростом имущественного расслоения, сложением дифференцированной социальной иерархии, усилением роли военной знати и жречества, развитием патриархального рабства, объединением социальной верхушки, что, в частности, отразилось в топографии поселений этого времени, где появляются высокие, доминирующие над всем поселением цитадели и рвы, ограждающие их от остальной части поселения.

Период VII — середины VI до н. э. в археологическом отношении приходится на ранний этап развития культуры Яз II (650—450 гг. до н. э. по В. М. Массону). В Северной Бактрии с этим периодом сопоставимы комплексы Кучук II [27] и Кызыл II [343, с. 38—39]. В историческом плане он зачастую именуется как ахеменидский или древнебактрийский. Археологические памятники этого времени выявлены только в Сурхандарьинской области УзССР, в Южном Таджикистане они пока отсутствуют. Их изучение показывает дальнейшее прогрессивное развитие культуры, усложнение социальной структуры общества [342, 343].

Остановимся на наиболее важных сторонах историко-культурного процесса в этой области.

1. При сохранении прежней системы оазисного расселения значительно изменяется внутренняя структура самих оазисов или культурно-хозяйственных районов-оазисов, как их предлагает называть А. С. Сагдуллаев [343, с. 77], увеличивается их площадь. По его данным, наиболее значительный культурно-хозяйственный район — Миршадинский оазис — включал: территорию расположения отдельных компактных групп усадеб из 3—4 домов с приусадебными участками и ирригационной сетью (всего здесь выявлено 10 усадеб — Кызылча 1—10); территорию, занятую поселением Кызылтепе (пл. более 20 га) с прилегающими участками орошаемой площади, ирригационной сетью; незастроенные участки и невозделанные земли; пастбища [343, с. 76—77].

Иная структура была в Ургульском (Бандыханском) оазисе, состоявшем из одного крупного поселения — Бандыхан II, пл. около 14 га с мощной крепостью-убежищем [294].

В подобного типа структурах А. С. Сагдуллаев видит сельские или соседские общины, считая, что в данное время производственные отношения между отдельными домами («союзная община») играют второстепенную роль [343, с. 76]. Он также полагает, что по сравнению с архаичной социальной организацией Авесты археологические материалы Бактрии, относящиеся к VIII—VI вв. до н. э., дают более сложную структуру общества.

2. Отмечается формирование типологически разнообразных и функционально различных поселений: сельских усадеб (Кызылча), небольших сельских поселений (Кучуктепе), крупных компактных неукрепленных поселений с крепостью (Бандыхан II), сложноструктурного центра типа раннего города (Кызылтепе). Совершенствуется фортификация, впервые создаются оборонительные стены и рвы вокруг собственно поселения. Происходит становление ремесленного, в частности, керамического производства. Появляется новая технология изготовления керамики, выразившаяся в замене прежней ручной лепки гончарным кругом и гончарными печами. Гончарное производство концентрируется в крупных центрах, приобретая товарный характер. Развивается орошаемое земледелие.

Все эти в совокупности взятые факты свидетельствуют о кардинальных социально-эко-

номических изменениях в обществе. В этом отношении показательны некоторые параллели с древней Грецией. Исследователи считают, что укрепление оборонительными стенами всей городской территории связано с социально-экономическим развитием греческого общества, отраженном, в частности, в образовании полисной системы [89, с. 188]. В свою очередь, возникновение древнегреческого полиса связано с возникновением классового общества и государства и их естественного порождения — города [130, с. 9].

В VII—VI вв. до н. э. в Бактрии также формируются города, территория которых обносится оборонительными стенами типа Алтын-Дильертепе (Аорна), Бактр и Кызылтепе, в чем можно видеть одну из сторон процесса становления здесь государства.

Рассказ древнегреческого автора Ктесия о могущественном Бактрийском царстве в доахеменидский период [280, с. 43—51], видимо, имеет реальную основу. Большинство исследователей, отвергая во многом фантастическое содержание рассказа Ктесия, высказывались в пользу существования этого царства [Обзор литературы см.: 117, с. 57—60], но другие пришли к отрицательному решению этой проблемы [72, с. 27—30], хотя археологические данные убеждают в обратном [344, с. 118—120].

Более конкретно можно говорить о включении Северной Бактрии в состав государства Ахеменидов, хотя и для данного периода не имеется прямых указаний письменных источников. Считается, что Бактрия стала частью Ахеменидского государства после похода Кира, между 539 и 530 гг. до н. э. или в период с 547 по 539 г. до н. э. [195, с. 57; 117, с. 190—191]. Ряд исследователей указывают, что в это время на северо-западных рубежах Бактрии в районе Железных ворот находилась крепость Сисимифра [494, с. 27—30; 75, с. 192]. И. В. Пьянков считает, что здесь размещался пограничный пункт, отмечавший рубеж между Бактрией и Согдом и контролировавший большую дорогу [281, с. 48]. Эта гипотеза не подтверждается археологическими исследованиями данного района [315, с. 34—39]. Вместе с тем, подобное предположение не может быть полностью исключено. На середину I тыс. до н. э. приходится процесс создания крепостей у переправы через Амударью и вдоль дорог к Оксу (Шортепе, Талашкан I, возможно, Термез, Хирмантепе), что, вероятно, отражает целенаправленный характер деятельности ахеменидской администрации по осуществлению контроля над основными дорогами, проходившими через Бактрию в Согд.

Существенные изменения происходят и в системе антропогенного расселения. Если в эпоху бронзы оседло-земледельческие поселения концентрируются в основном на северо-западе Бактрии, то позднее ареал их захватывает и северо-восточную ее часть. Обживаются традиционные оазисы предгорной полосы, но возникают и новые в долинах Сурхандарьи, Кафирнигана, Вахша и Явансу [164, с. 35—36; 233, с. 98].

Можно выделить десять оазисов, различных по площади и месту расположения:

1. Уланбулакский, занимающий долину Уланбулаксая — притока Амударьи. Здесь находятся два поселения — Кучуктепе (площадь 0,5 га) и Дабил-Курган, отстоящие друг от друга на расстоянии 20 км.

2. Шерабадский, расположенный в бассейне среднего течения Шерабаддарьи — притока Амударьи. В эпоху бронзы была освоена только территория на правом берегу Шерабаддарьи, позднее новые поселения возникают на левом берегу: на дельтовых протоках и небольших каналах. Южная граница оазиса опускается до Ангора;

3. Ургульский (Бандыханский), находившийся в среднем течении Бандыхансая (Ургульсай). Прежние поселения на правом берегу Ургульсая — Бандыхан I и II в этот период не функционируют. Новое поселение Газимуллатепе (площадь около 10 га) возникает на левом берегу сая;

4. Халкаджарский, занимающий территорию долины Халкаджара (Тентексая) — правого притока Сурхандарьи. В эпоху бронзы здесь обживалась территория вдоль дельтовых притоков, в VI—II вв. до н. э. поселения возникают и на левом берегу реки. В оазисе обнаружено более десяти поселений: городище Кызылтепе (пл. более 20 га), а в радиусе 1—1,5 км — усадьбы (пл. 0,1—0,2 га) на левом берегу реки — Каратепе и Чоргультепе II [345, с. 24—30];

5. Верхнесурханский (Сангардак-Туполанг-ский), расположенный в бассейне верхнего течения Сурхандарьи. Найдено два поселения: одно — на правом берегу Широбсая, у одноименного кишлака (пл. около I га), другое — в среднем течении Дашнабадсая;

6. Среднесурханский, размещавшийся в среднем течении Сурхандарьи. Два поселения: Хантабадтепе и безымянное вблизи впадения Бандыхансая в Сурхандарью;

7. Амударьинский, занимающий территорию в среднем течении Амударьи от Термеза до Болдыра. Отмечены три поселения. Под наружной стеной цитадели Старого Термеза зафиксирован культурный слой с фрагментами керамики середины I тыс. до н. э. [236, с. 98]. В 0,5 км к западу от кушанского городища Кампыртепе расположено безымянное поселение (пл. около 5 га), занимающее юго-западную оконечность террасы;

8. Вахшско-Яванский, находящийся в среднем течении Вахша и Явансу. Три поселения: Тамошотепе [2, с. 38—47], Болдайтепе [112, с. 84—93] и безымянное у кишлака Шурчи [2, с. 558].

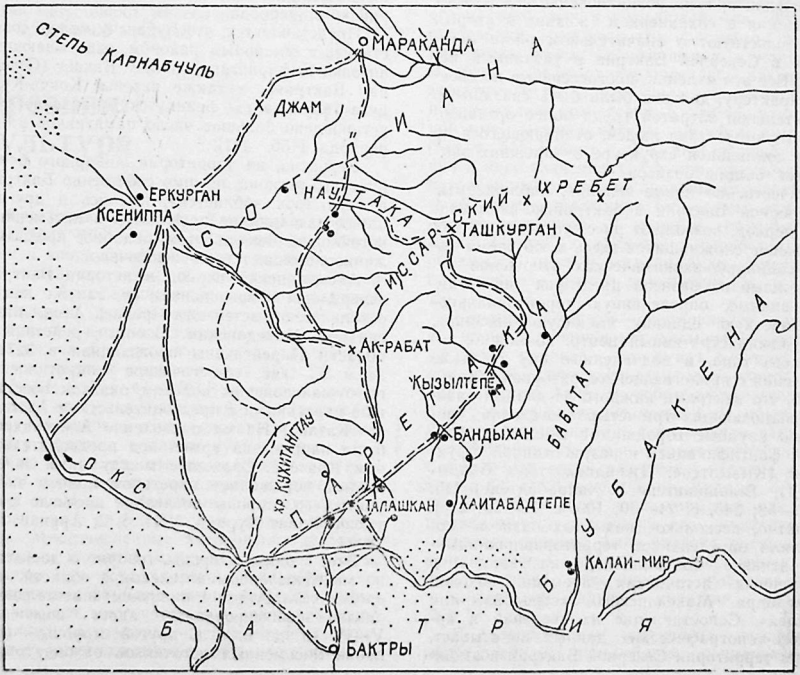
9. Нижнекафирниганский, занимающий нижнее течение р. Кафирниган. В нем три поселения: Калаи-мир, Мунчактепе, Хирмантепе [93, с. 25; 94, с. 121—140, 164].

10. Байтудашский, расположенный в верхней части Пянджской долины на массиве Байтудашт. Здесь выявлено восемь небольших поселений [3, с. 38—40].

Таким образом, в середине I тыс. до н. э. в Северной Бактрии отмечены следующие явления:

значительное расширение обживаемой территории и, соответственно, орошаемых и возделанных земель;

Памятники Северной Бактрии в V—IV аа. до н. э.



возникновение новых оазисов в районах, где их прежде не было;

слияние оазисов и возникновение ирригационных районов при расстоянии между оазисами 20—30 км;

освоение долины бурной и многоводной Сурхандарьи, что свидетельствует о значительном прогрессе мелиорации и создании сложных ирригационных систем;

увеличение количества поселений внутри оазисов и площадей их заселения (расстояние между поселениями внутри оазисов от 0,5 до 10—15, 20—25 км, обычное расстояние — 4—5 км);

появление качественно новых типов поселений (формирующихся городов и земледельческих усадеб).

Распад системы традиционных оазисов предгорной полосы, возникновение новых мест обживания с сохранением жизни в старых свидетельствуют о значительном росте населения в Северной Бактрии в указанный период. Все эти явления, прогрессивные по своему характеру, должны были быть связаны со значительной затратой труда более организованного коллектива людей, отличающегося по своей социальной структуре от прежних замкнутых общин оазисов.

Качественно новые явления, наблюдаемые в Северной Бактрии в бактрийско-ахеменидский период, позволяют рассматривать их как отражение сложившихся здесь в это время новых социально-экономических отношений.

Каждый из оазисов предгорья представлял, видимо, определенную территориально-политическую единицу, имеющую название, свой административный центр, возможно, городского типа, и подчиненные ему сельские поселения с прилегающей территорией. Характерно, что центрами каждого из данных оазисов, включающих три-четыре поселения, являлись крупные городища с мощной и развитой фортификацией и разработанной структурой (Кызылтепе, Джандавляттепе, Бандыхан II, Талашкантепе I, Хайрабадтепе) [45, с. 43—52; 345, с. 24—30; 105, с. 19—25; 293]. Вероятно, несколько подобных оазисов составляли определенное территориально-административное объединение, называемое в письменных источниках времени походов Александра Македонского «страной» или «землей». Сопоставление их сведений и археолого-топографических данных показывает, что на территории Северной Бактрии возможно локализовать три «страны». Одна из них — Парейтакена — охватывала предгорную полосу Кугитанга и Байсунтау, а также долину Сурхандарьи. Подобная ее локализация, предложенная еще В. В. Григорьевым [75, с. 200—201] и И. М. Марквартом [464, с. 75], подтверждается археологическими данными [98, с. 99]. Другая область — Газаба (Габаза) — по мнению И. В. Пьянкова, находилась в районе Гузара (Қашкадарьинская обл. УзССР) [281, с. 45]. Более вероятно, однако, локализовать ее не только там, но и в горных местностях Байсуна и Кугитанга, где уже выявлено несколько поселений ахеменидо-бактрийского времени [с. 263—265]. Еще одна «страна» — Бубакена, упомянутая Курцием Руфом, отождествляется с позднейшим Хутталем (область Куляба)) [281, с. 45], но здесь до сих пор не известно ни одно поселение ахеменидо-бактрийского периода.

Представляется, что Бубакену можно сопоставить с обширным районом, охватывающим низовья Кафирнигана, долину Вахша (Северная Бактрия), а также низовья Кокчи-Кундуза-Талукана, где французскими археологами установлено большое число памятников этого периода [436, 411].

Вероятно, на территории обширного бактрийского региона, помимо собственно Бактрии и этих трех «областей», имелись и другие, но их названия не приводятся в письменных источниках. Вместе с тем, подобное предположение не может быть исключено.

Ахеменидский период в истории Бактрии завершился с завоеванием ее, так же как и остальных областей юга Средней Азии, Александром Македонским. Военные действия в области Парейтакены происходили в 327 г. до н. э., где ожесточенное сопротивление греко-македонским войскам оказали восставшие паретаки под предводительством Австана и Катана. На их подавление Александром была направлена армия под предводительством Кратера. Сражение между ними завершилось поражением паретаков, причем число убитых со стороны последних достигло двух тысяч [Квинт Курций, VIII, 5, 2; Арриан, IV, 22, 1—2].

Это, с одной стороны, говорит о достаточно многочисленном населении в области, что вполне согласуется с наличием значительного числа зафиксированных здесь поселений V—IV вв. до н. э. С другой стороны — сведения письменных источников находят опре-

деленное подтверждение в археологически установленном факте полного запустения поселений в бассейне Сурхандарьи. Действительно, только два поселения (Джандавлятепе и Хантабадтепе) обживались в последующие периоды, тогда как Кучуктепе, Талашкантепе, Газимуллатепе, Шортепе, Обишир, Кызылтепе и другие более мелкие поселения прекращают свое существование. Этот факт не может быть объяснен только экономическими причинами или перемещением площадей орошаемых территорий [345, с. 29—30], поскольку вышеуказанные поселения расположены в различных физико-географических зонах: предгорьях, степях, долинах рек. Можно поэтому предположить, что греко-македонское завоевание отрицательно сказалось на последующем хозяйственном и культурном развитии данной области. Почти на три столетия запустевают многие плодородные оазисы предгорной полосы.

Древняя культура

Культовая идеология. Характерной чертой культовых воззрений оседло-земледельческих племен эпохи бронзы являлся политеизм, наложивший отпечаток на все сферы духовной жизни. Археологическими исследованиями установлено существование в это время разнообразных культов, связанных с почитанием предков, плодородия, огня и воды, различных тотемистических представлений [22; 24; 211; с. 27—31; 287, с. 41—45]. Важнейшее место в сфере этих представлений принадлежало культу предков и тесно связанному с ним культу мертвых, а также культу огня.

Уже на ранних этапах исторического развития складываются некоторые формы почитания предков, отраженные, в частности, в погребениях, находящихся в жилых помещениях. Многочисленные захоронения с разнообразным инвентарем, устроенные под полом, стенами или перед порогом жилых комнат, обнаружены на Сапаллитепе [22]. Этот обычай находит многочисленные археологические параллели и этнографические аналоги, определенно указывающие на связь его с культом предков. Подобный обряд был широко распространен на громадных пространствах евразийского материка — в Европе со времени раннего неолита [215, с. 218], на Ближнем Востоке — с IX тыс. до н. э. [212, с. 28—29].

В Средней Азии наиболее ранние захоронения в жилых помещениях обнаружены на поселениях IV тыс. до н. э. в Южном Туркменистане, где они затем широко бытуют в эпоху бронзы. Отсюда этот обычай был принесен в Бактрию мигрировавшими племенами. Этнографами отмечено его бытование у многих племен земного шара, находящихся на ранних стадиях развития. Первопричина возникновения данного обычая связана с бытующим у них определенным отношением к покойному, который не являлся для них умершим в полном смысле этого слова, поэтому покойника оставляли внутри дома, помещая его на полу или в неглубокой яме. Лишь с осознанием вредоносности покойного возникал страх живых по отношению к мертвым. В связи с этим предпринимались различные защитные меры, в том числе захоронение под полом жилого помещения, в глубокой могильной яме, засыпка могилы землей и камнями [388, с. 53]. Вместе с тем, этот обычай получил и иное значение. С тех пор, как покойник погребен, само жилище превращается в своего рода храм — обиталище его духа, который отныне постоянно и незримо присутствует среди живых. Со временем выработался и обрядовый цикл почитания духа умершего, обитавшего в жилом помещении [71, с. 15—16].

Сходным образом осуществлялся, вероятно, процесс превращения жилища в обиталище духов предков — прообраза будущих храмов у населения древнеземледельческих общин Средней Азии. В любом случае комнаты с погребениями уже не могли быть обычными жилыми помещениями, а выполняли сакральные функции. Наличие многих погребений в Сапаллитепе, расположенных у входа в помещение [22, с. 43], не случайно. Видимо, с этого времени порог дома воспринимался как священное место, пережитки его почитания до недавнего времени были широко распространены у многих народов Средней Азии, в жилище которых печь, порог и очаг считались посвященными духам умерших предков [366, с. 26].

С усложнением культовых воззрений, обусловленным дальнейшим социально-эко-

номическим прогрессом древних обществ, взамен примитивного типа святилищ возводятся монументальные храмы, призванные, в частности, утвердить торжество того или иного культа, возводимого в ранг господствующих идеологий. Аналогичный процесс происходил во второй половине II тыс. до н. э. в зоне оседло-земледельческой культуры Сапалли.

На поселении Джар-Кутан открыт храм огня, о чем свидетельствуют найденные здесь стационарные и переносные алтари, комнаты для захоронения священной золы. В этом храме культ огня в значительной мере сочетался с культом почитания воды [28, с. 16—17]. Преждевременно, однако, искать в нем генетические корни зороастрийского вероучения, поскольку нельзя связывать зарождение зороастризма с какой-то определенной областью. Родина его — весь Восточный Иран. Разнообразные культовые представления населения этого обширного региона в последующем вошли составными элементами в философско-религиозную доктрину, провозглашенную пророком Заратуштры во второй четверти I тыс. до н. э. и кодифицированную затем в «Авесте».

Формирование прото- и ранних городов. Древние города Северной Бактрии сложились в результате длительного исторического процесса и влияния разнообразных факторов: социально-экономического, политического, культурного и естественно-географического. Основа бактрийского градостроительства была заложена миграцией в эту область урбанизированной культуры древневосточного типа, адаптировавшейся на местной почве и впоследствии выработавшей самостоятельный путь развития.

Для древней эпохи в эволюции градостроительного периода можно выделить два периода: догородской (вторая четверть II — начало I тыс. до н. э.), распадающийся на три этапа, и раннегородской (VII—IV вв. до н. э.).

Первые стационарные поселения возникают на правобережье Амударьи, точнее в ее западной части, во второй четверти II тыс. до н. э. [22, 24]. Это были поселения совершенно нового типа для данной области, не имеющие здесь генетических истоков, ибо поселения гиссарского неолита разнятся с ними по всем признакам.

Из известных сейчас около двадцати поселений эпохи бронзы в Северной Бактрии наиболее хорошо изучено полностью раскопанное Сапаллитепе, расположенное на юго-западе Сурхандарьинской области, вблизи райцентра Советабад. В основу планировки здесь положен периметрально-дворовой принцип. Отметим отличительные его признаки: двухчастная структура — укрепленная центральная часть, вокруг которой располагается неукрепленное поселение; небольшая площадь (все поселение — около 3 га, центральная часть — 1 га); четкость планировки основной части; компактность группирующейся по периметру внутренней застройки, состоящей из пяти многокомнатных жилых массивов-блоков, разделенных между собой коридорами, оборонительных стен с отсеками. Характерен высокий уровень керамического и металлического ремесел и ведущая роль земледелия [29; с. 26—32, 24]. Более монументальные и укрепленные поселения существовали также на левобережье Амударьи [347; с. 22 сл.].

Происхождение этого типа поселений неясно. В оформленной, зачастую квадратной планировке укрепленной части, обнесенной стенами с башнями, В. М. Массон видел влияние харапских крепостей сходного планировочно-фортификационного типа [188, с. 11].

Аналогичный тип укрепленных поселений повсеместно бытовал в эпоху бронзы в Маргиане [184 а, с. 73—76]. Возможно, одновременное их появление в Бактрии и в Маргиане — результат культурной интеграции и сходных условий социально-экономического развития.

Более высокую стадию градоэволюционного процесса на изучаемой территории в эпоху бронзы отражает Джар-Кутан, определенный как поселение рассредоточенной планировки площадью более 100 га с крепостью [28, с. 54]. Однако наличие нескольких отдаленных друг от друга могильников и особенности топографии позволяют отнести Джар-Кутан к типу поселенческих агломераций — совокупности нескольких общинных, возможно, разновременных поселений. Вместе с тем, в Джар-Кутане в отличие от Сапаллитепе происходит обособление отдельных структурных частей, занимающих здесь определенное место: жилых домов, храма, гончарного производства, некрополей [28, с. 17; 29, с. 16—18].

Наряду с двухчастными поселениями на изучаемой территории в эпоху бронзы имелись

также крупные и мелкие поселения с рассредоточенной планировкой [335, с. 31—33; 337, с. 30—37]. Оба этих типа поселений бытовали здесь на протяжении всего древнего периода, тогда как агломерации типа Джар-Кутана как определенное стадиальное явление, отражающее социально-экономические отношения своей эпохи, завершают существование уже на данном этапе.

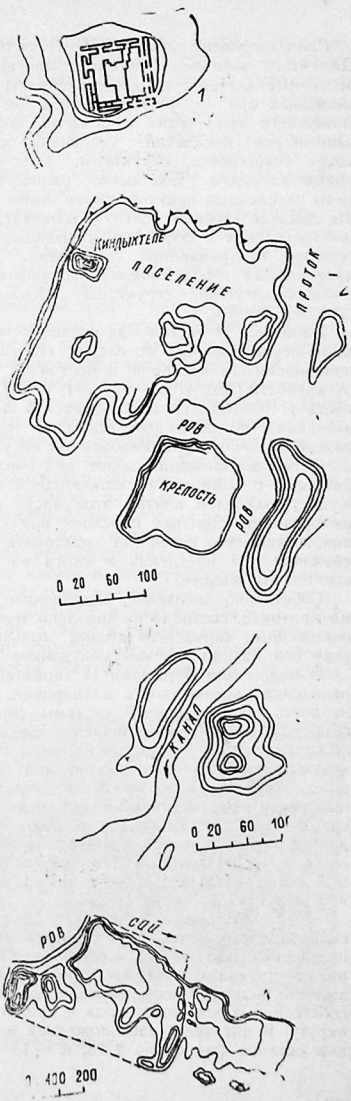
В начале I тыс. до н. э., в эпоху распада первобытно-общинного строя на юге Средней Азии возникают небольшие по площади компактные двухчастные поселения с цитаделями, основанными на искусственных платформах из сырцового кирпича и пахсы [186, с. 63—93].

В Северной Бактрии обнаружено два поселения подобного типа: Бандыхан и и Кучуктепе. Наиболее крупное из них — Бандыхан I. В стратиграфии его восточной части (90×80 м) зафиксировано четыре строительных горизонта, представленных остатками зданий из крупноформатного кирпича. На последнем этапе обживания поселения возникает мощная платформа из квадратного кирпича под монументальное здание [294, с. 94; 335, с. 31—33].

Застройка западной части (180×50 м) состояла из заглубленных в землю жилищ каркасного типа [294, с. 94—95].

Кучуктепе также имеет две части: укрепленную и неукрепленную площадью 0,5 га. В первой находился комплекс помещений одного здания, возведенного на четырехметровой платформе, которая была окружена тремя последовательно сооруженными оборонительными стенами [27, с. 14, 18—30]. Характер застройки второй части пока не выявлен.

Таким образом, по сравнению с предшествующим этапом можно отметить определенный регресс в развитии градостроительного процесса на изучаемой территории, который выражен в сокращении площади поселений, укрупнении их структуры, изменении характера застройки неукрепленной части, где вместо домов из сырцового кирпича (Джар-Кутан) появляются заглубленные в землю жилища каркасного типа.



Города и поселения Северной Бактрии эпохи бронзы и античности: Сапаллитепе *(1)*, Бандыхан I и II *(2, 3)*, Кызылтепе *(4)*.

Раннегородской период (VII—IV вв. до н. э.). Для этого периода характерны многие прогрессивные явления: широкое распространение железных орудий, усовершенствование ирригационного земледелия и ремесла, количественный рост поселений, увеличение их площади, усложнение структуры, включающей новые элементы. Возникают разнообразные типы населенных пунктов: укрепленные усадьбы земледельческой знати (Қызылча), крупные поселения с рефугиумом (Бандыхан II), сельские неукрепленные поселения, ранний цитадельный город сложной фортификационно-планировочной структуры (Қызылтепе) [343, с. 72—73].

Бандыхан II состоит из крепости-рефугиума и неукрепленного поселения (13 га), расположенного с северной и восточной сторон от крепости [330, с. 51—62; 294, с. 97]. Крепость (110×100 м), находящаяся в ю-в углу поселения, по периметру обведена рвом и пахсовой стеной, фланкированной по углам и в месте расположения ворот полуовальными башнями с бойницами клиновидной формы. Культурный слой внутри этой части состоит из органики, зольных прослоек при отсутствии жилищ, что позволяет трактовать ее как убежище для населения и скота на случай военной опасности.

Собственно поселение, защищенное руслами протоков, состояло из довольно тесно расположенных каркасных жилищ только в с-з углу его находилось монументальное здание.

В целом для Бандыхан II характерна определенная компактность планировки, усложненность оборонительной системы (стены с башнями, рвы), одновременность сложения и обживания всех частей поселения. В конкретно-функциональном воплощении оно, вероятно, представляло собой административный центр небольшого земледельческого оазиса. По существу, Бандыхан II повторяет тип двухчастных поселений эпохи бронзы (Сапаллитепе), отличаясь более совершенной системой оборонительных сооружений и внутренней структурой крепости.

Вместе с тем, в данный период здесь складывается новый градостроительный тип поселений (Қызылтепе), отличающийся от предшествующих многими признаками. Қызылтепе включает несколько частей: цитадель, собственно город, «пригород» и прилегающую округу. В цитадели, расположенной на лессовом останце (пл. около 2 га, в. — 14—15 м), западная половина занята монументальными сооружениями, возможно, дворцом правителя, возведенным на высокой искусственной платформе. В восточной половине цитадели, отделенной от западной обширным двором, или площадью, находится хозяйственно-жилой комплекс, состоящий из множества разновременных помещений [45, с. 43—51; 345, с. 24—30; 336, с. 4—5].

К ю-в от цитадели расположена отделенная от нее широким и глубоким рвом основная часть городища подквадратного плана (420×360 м), обнесенная с ю-в и ю-з сторон стенами с башнями.

Внутренняя планировка этой части характеризуется определенной регулярностью, чередованием плотно застроенных возвышенных участков с понижением дворов, площадей, улиц. Интенсивное и постоянное обживание этой части характеризуют мощные хозяйственно-бытовые слои (тол. 2,5—3 м), насыщенные керамикой, костями животных и земледельческими орудиями труда.

В пригородной части (пл. более 5 га), расположенной за пределами ю-в стены, отмечены остатки заглубленных в землю жилищ каркасного типа. Вокруг городища на расстоянии 0,5—1 м находились укрепленные и неукрепленные усадьбы площадью 840—1650 м² и 400—524м² соответственно [343].

Стратиграфическими исследованиями установлены три основных периода обживания (Қызыл I—III). В период Қызыл I (X—VIII вв. до н. э.) на месте цитадели формируется небольшое поселение, вблизи него возникает еще ряд поселений этого же времени (Буйрачи I—II, Қызылча VI) [336; 343].

В период Қызыл II (VII—VI вв. до н. э.) происходит постепенный рост первоначального ядра Қызылтепе, складывается цитадель, обживается основная территория, которая на одном из этапов обводится крепостной стеной. Қызылтепе превращается в крупный центр с развитой внутренней структурой, являющейся, видимо, отражением сословного членения общества. Формируется округа с усадьбами земледельческой знати.

В период Қызыл III за ю-в стеной городища складывается неукрепленный пригород, внутри него и на цитадели происходит преобразование отдельных участков и обживание новых. В конце этого периода город постепенно приходит в упадок: у оборонительных стен появляются мусорные свалки, верхние поме-

щения цитадели перекрываются мощными слоями хозяйственных отходов [345, с. 29].

По отношению ко всем поселениям предшествующего времени в Кызылтепе появляются совершенно новые структурные и планировочные элементы: трехчастность, функциональные различия и обособление каждой из частей, превращение крепости в цитадель, преобразование неукрепленной части в собственно поселение, выделение пригорода и округи. Существенно отличается и фортификация — в первую очередь, масштабностью, структурой, созданием двойной системы оборонительных рубежей. Глубокие и широкие рвы защищали цитадель и собственно поселение, обнесенное к тому же крепостными стенами, возведенными из сырцового кирпича и пахсы на естественных всхолмлениях, подрубленных с откосом ко рву и создающих мощные основания. Сами стены состоят из передней, более тонкой стены — 0,7—1 м, и задней, более широкой — 2,5 м, между ними широкий коридор — 2 м, в передней стене расположены в двух уровнях бойницы, чередующиеся в шахматном порядке и предназначенные для стрельбы с колена и стоя. Бойницы прямоугольной формы, размеры изнутри 60—70—15 см, снаружи они несколько скошены для удобства спуска стрел. Кроме того, стена фланкирована башнями, большинство из которых полукруглой формы, диаметром 4 и даже 6 м, но встречаются и прямоугольные, те и другие со стрелковой камерой. В стенах башен — бойницы аналогичной формы. Длина куртин различна: в одном месте башни расположены почти впритык, другие — на расстоянии 3,10 и 22 м. В стенах и башнях отмечено несколько ремонтов и реставраций, хотя существенные изменения произошли лишь в позднеахеменидский период (V—IV вв. до н. э.), когда внутристенный коридор был полностью заложен, в результате чего образовалась мощная стена шириной около 10 м.

Таким образом, Кызылтепе представляет *собой качественно новый тип поселения*, который соответственно имеющимся научным разработкам можно отнести к категории ранних городов. Так, по М. М. Дьяконову, древний город — это центр тяготеющей к нему округи и специализированного ремесла, товарного или иного обмена, а также накоплений [96]. В. М. Массон характеризует древние города как крупные пункты, места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные и торговые функции [188, с. 23]. Уже на ранних стадиях развития городов учитывается их типологическое разнообразие, отраженное в выполняемых ими функциях, на основании чего выделяются города торгово-ремесленные, военно-административные и культурно-идеологические, а также центры сельскохозяйственной округи.

Согласно имеющимся количественным и качественным признакам: многочастность, разнообразие градообразующих структур, Кызылтепе следует отнести к разряду ранних городов. С точки зрения выполняемых функций Кызылтепе выступает как крупный военно-административный центр большой оседлоземледельческой области, потребления и переработки сельскохозяйственных продуктов, а также ремесленного, в основном керамического и отчасти металлического производства. Пока менее выражены его функции как центра междугородной торговли и религиозного лидерства, но очевидно, что Кызылтепе в силу своего положения мог быть центром межобластной меновой торговли.

В Средней Азии частично исследовано несколько городов середины I тыс. до н. э. Среди них археологи выделяют цитадельные (основная часть) и бесцитадельные, а также крупнейшие города — центры культурно-исторических областей и районов [149а, с. 106]. Кызылтепе в этой классификации соответствует типу крупного города — центра небольшой области. Ряд исследователей, в свою

Кызылтепе. Остатки башен.

очередь, рассматривают города Бактрии и Согда как племенные центры: убежища — refugium, за стенами которых укрывалось окрестное население [279, с. 132; 108, с. 201]. Однако для подобных целей строились специальные поселения типа Талашкантепе I, Бандыхантепе II, но не города, каковые, как показали исследования Кызылтепе, предназначались для постоянного, а не временного пребывания.

Античные источники характеризуют Бактрию ахеменидского времени как страну со множеством больших городов, среди которых наиболее крупными были Бактры-Зариаспа, Аорн, Драпсака или Дараспа-Адраспа и Каринатиды. В Бактрах имелась цитадель на высокой горе и нижние стены, окружавшие город. Акрополь имел и Аорн [281, с. 128]. По археологическим данным, Бактры в ахеменидское время занимали территорию Бала-Хисара (120 га) и часть нижнего города к юго-западу от него. Аорн сопоставлен нами с Алтын-Дильертепе [303, с. 149—152], расположенном в 35 км к северу от Балха. Это круглое в плане городище площадью 50 га, диаметром около 800 м, в центре которого — цитадель, укрепленная двойным рядом стен, а за пределами собственно города, обнесенного стеной с башнями, — пригородная зона [134, с. 9—12; 303, с. 116—128].

Во второй четверти — середине I тыс. до н. э. в Бактрии существовали различного типа города с четырехчастной структурой — цитадель, собственно город, пригородная зона и округа, как полагают, из селений [281, с. 128], но более вероятно — из отдельных усадеб.

Формирование раннебактрийского города происходило на местной почве, причем, уже на ранней стадии развития для него характерен оформленный план — подпрямоугольный (Кызылтепе) и круглый (Алтын-Аорн), восходящий к квадратным и круглым поселениям эпохи бронзы, где уже имеются отдельные структурные элементы, соединенные затем в раннебактрийском городе.

Фортификация. Первые оборонительные сооружения на правобережье Амударьи возникают во второй четверти II тыс. до н. э., когда сюда мигрируют оседлоземледельческие племена долины Мургаба и Прикопетдагской равнины. Во всяком случае, до их прихода ни на поселениях гиссарского неолита (IV—III тыс. до н. э.), ни на синхронных памятниках левобережья Амударьи фортификационных сооружений еще не имелось. В то же время довольно сложная фортификационная система первых крепостей эпохи бронзы в Бактрии говорит о значительном опыте в этой области, каковой отсутствовал у местных насельников. Тип «крепость — неукрепленное поселение» широко распространяется и является общим для Южной и Северной Бактрии в эпоху бронзы, вместе с тем, в структуре фортификационных систем здесь наблюдаются локальные различия.

Крепости Южной Бактрии (Дашлы I и Дашлы 3) демонстрируют довольно зрелую фортификацию: в первой — прямоугольник плана охвачен кирпичной стеной толщиной 4 м, фланкированной по углам и периметру округлыми в плане башнями; вторая — круглая в плане, защищена двумя рядами стен с обводной галереей, а по внешнему кольцу стен девятью прямоугольными башнями [347].

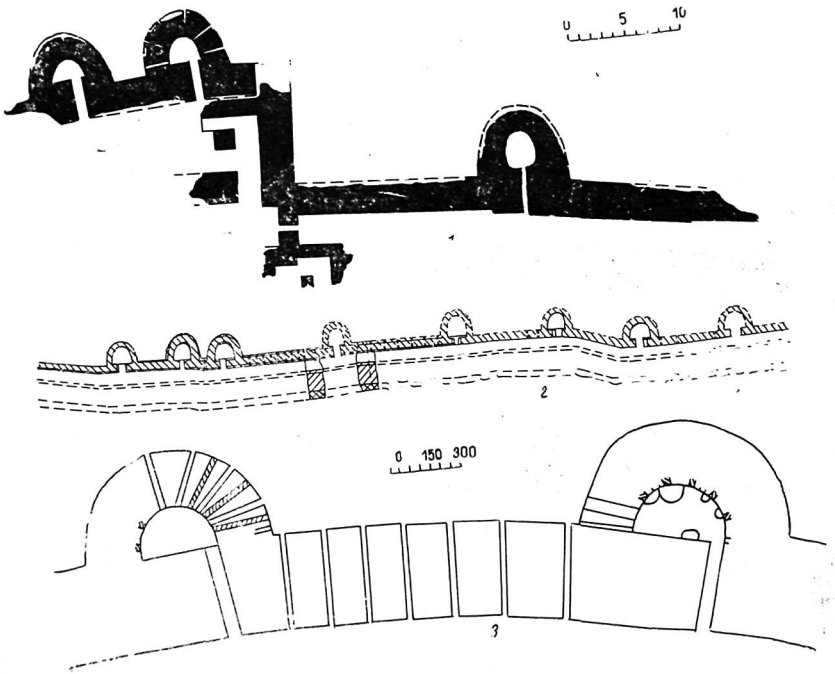
Несколько иную фортификационную систему показывает аналогичного времени крепость Сапалли на правобережье Амударьи. В ней отсутствуют башни, но система обороны крепости, тем не менее, достаточно эффективно — она осуществляется тремя рядами стен и лабиринтообразными коридорами [22].

Тип «крепость — неукрепленное поселение» сохраняется здесь и в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу. В это время на юге Средней Азии повсеместно возникают цитадели на мощных искусственных платформах из пахсы и сырцового кирпича, но на правобережье Амударьи этот процесс, по-видимому, несколько запоздал. На поселении Бандыхан I (X—VIII вв. до н. э.), основанном на естественном лессовом останце высотой около 1,5 м, только на самом последнем этапе существования, на накопившемся культурном слое предшествующего времени мощностью 5,5 м была возведена двухметровая сырцовая платформа под какое-то монументальное здание.

Следующий этап развития искусства фортификации на правобережье Амударьи характеризует поселение Бандыхан II (VII—VI вв. до н. э.), где впервые фиксируется применение бойниц в башнях. Поселение состоит из крепости площадью 1 га и неукрепленной части около 13 га, причем, крепость основана не на искусственной платформе, а на невысоком лессовом останце. Она расположена в углу поселения, с двух сторон — западной и южной — обведена естественным протоком, с во-

сточной и северной — специально вырытым рвом. Обнесена стеной из пахсы толщиной 2 м, фланкированной овальными в плане башнями диаметром 7—7,8 м при толщине стен 1,9 м, с бойницами клиновидной формы, расположенными по периметру. Эти башни фланкируют не только углы крепости, но расположены также и на фронтальных участках стен. Собственно поселение, хотя еще и не имеет оборонительных стен, но располагается таким образом, что со всех сторон его защищали естественные рвы — широкие русла протоков, заполненных в древности, надо полагать, водой. В этих естественных протоках, ограждающих собственно поселение, можно видеть истоки второго водного искусственного защитного рубежа (ров у цитадели, ров у города), который возникает в бактрийско-ахеменидский период и становится обязательным элементом фортификации бактрийских городов кушанского времени.

Таким образом, в период, непосредственно предшествующий завоеванию Бактрии ахеменидами, фортификация ее поселений уже являла собой довольно сложную систему, включающую комплекс оборонительных сооружений: крепость на естественном лессовом



Фортификация городов и крепостей Северной Бактрии средней трети I тыс. до н. э. Планы фортификационных систем:

1 — Бандыхан II; *2* — Кызылтепе; *3* — Талашкантепе.

останце или на искусственной платформе, усиленная башнями с бойницами для стрельбы, и обведение рвом, ограждение собственно поселения системой естественных протоков, выполняющих функцию рва.

Значительный прогресс фортификации по сравнению с предшествующим периодом, по-видимому, означает не только дальнейшее совершенствование военно-оборонительного искусства, но, вероятно, и кардинальное изменение в социальной структуре общества, связанное с распадом первобытнообщинных и становлением классовых отношений.

С вхождением Бактрии в состав Ахеменидского государства в 539 или 530 гг. до н. э. фортификация ее городов получает дальнейшее развитие.

На правобережье Амударьи в этот период возникают и получают дальнейшее развитие разнообразные типы поселений, в частности, Кызылтепе и Талашкантепе I, имеющих достаточно сложную систему оборонительных сооружений.

Кызылтепе и Талашкантепе I — два разных типа памятников: первый — формирующийся город, второй — типа позднейших римских refugium, по этой причине и система их крепостных сооружений различна. В Кызылтепе четко выделяются три части: крепость, собственно город и пригород. Две первые имели свою систему оборонительных сооружений. Крепость расположена в юго-западном углу и заключала монументальное сооружение с мощными стенами, а к северу от него на более пониженном участке — хозяйственно-жилой комплекс. Она была возведена на высоком лессовом останце, на котором покоилась искусственная платформа (или специально забутованное нижнее здание), а уже на ней было сооружено монументальное здание. Общая высота холма в настоящее время около 20 м, а в древности, вероятно, была значительно выше. Крепость окружает широкий и глубокий ров. Собственно город четкого подквадратного плана обведен мощной стеной из пахсовых блоков и сырцового кирпича, достигающей у подошвы десятиметровой толщины.

Стена состоит из стрелковой галереи с широкой задней стенкой и узкой передней, в которой имеются два ряда прямоугольных и стрельчатых бойниц. По фронту она усилена равномерно расположенными округлыми в плане башнями с аналогичными бойницами. Перед стеной, возведенной на высоком лессовом останце, образующем выдвинутую вперед площадку, находился глубокий и широкий ров, общий для города и цитадели.

Иная фортификационная система существовала на Талашкантепе I, время обживания которого датируется ахеменидо-бактрийским периодом (VI—IV вв. до н. э.). Это была мощная крепость, возведенная на развилке дорог, идущих от переправ через Амударью к Железным воротам и далее в Согд. Есть основания сопоставить ее с упоминаемой Квинтом Курцием Руфом безымянной крепостью, мимо которой прошел Александр, возвращаясь в Бактры из похода в Согд. Талашкантепе — это округлое в плане поселение диаметром 120 м — было обведено мощной крепостной стеной шириной около 5 м из пахсовых блоков и крупного сырцового кирпича (62×32×10; 58×29×10 см). В нижней части стен, на высоте 0,8 м от подошвы устроен первый ряд прямоугольных и стреловидных бойниц (50×25 см), находящихся на расстоянии 1,7—2,0 м друг от друга, а на 0,8 м и выше — второй ряд бойниц, расположенных в шахматном порядке, аналогичный первым. Стену фланкировали округлые в плане башни диаметром около 10 м, при толщине стен 2,8 м, с внутрибашенными помещениями (4,0×2,6 м) Башни, также имеющие два ряда бойниц, выступают от линии стен на 5—5,2 м, длина куртины — 15 м [237, с. 7; 105, с. 19—24].

Кызылтепе и Талашкантепе демонстрируют различие не только фортификационных систем, но и приемов защиты. В Кызылтепе защита осуществлялась из-за стен стрельбой из лука через бойницы; такие передние стенки не могли бы противостоять стенобитным машинам. В Талашкантепе стена монолитная без стрелковой галереи, стрельба через бойницы в стенах пятиметровой толщины вряд ли возможна, скорее они создавали чисто психологический эффект. Защита здесь осуществлялась радиальным обстрелом из мощных, далеко вынесенных вперед башен, а также с верхних участков стен, защищенных, возможно, парапетом. Кроме того, раскопки на Талашкантепе зафиксировали возможность применения уже в VI—V вв. до н. э. метательной артиллерии и стенобитных машин, о чем свидетельствуют находки крупных глиняных ядер диаметром 10—12 см и пролом в передней стенке башни. Значительная мощь стен и их монолитность — показатель того, что они

создавались с учетом применения при осаде стенобитных машин.

Таким образом, уже в VI—IV вв. до н. э. бактрийская фортификация предстает как сложившаяся система, обладающая всем комплексом оборонительных сооружений, свойственных фортификационным системам развитых обществ.

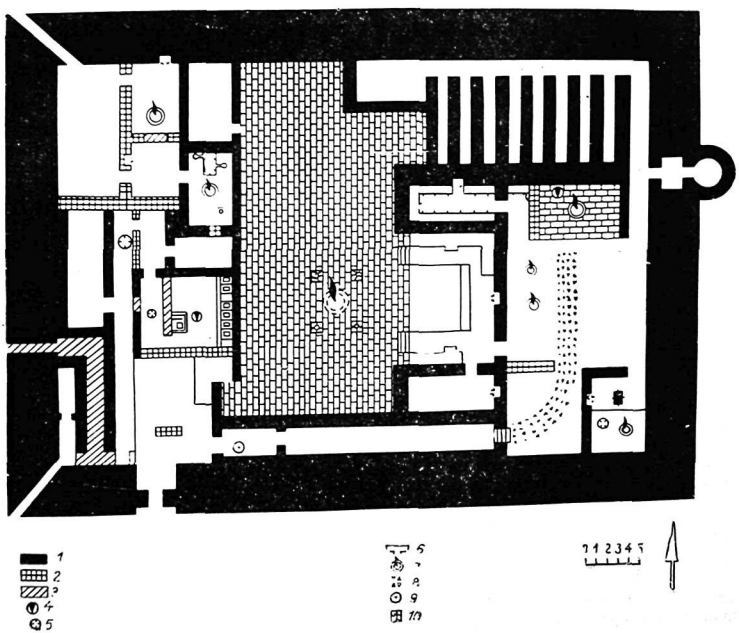
Поступательное развитие бактрийской фортификации свидетельствует в пользу местного ее генезиса и эволюции. Иноземные модели и инновации на этом этапе развития бактрийской фортификации не играли в ее становлении существенной роли.

Художественная культура. Во II тысячелетии до н. э. общественное бытие Северной Бактрии требовало разрешения ряда практических задач по застройке жилищно-бытового назначения, с выделением общественных — социальных и культовых центров. Слагается архитектура — не только как строительное мастерство, но и как искусство.

Строительно-технические основы закладывались еще в предшествующий период, затем уже протекал процесс их совершенствования. Строители овладели мастерством подготовки глины и выполнения из нее крупноформатного прямоугольного сырца. Его размеры варьируют — в среднем около полуметра в длину, наполовину — по ширине и еще вдвое — по толщине, но единого стандарта нет. Из них профессионально точно выводятся стены, каковые иногда выкладывались также из битой глины-пахсы. Перекрытия плоские, балочные,

План храма в Джар-Кутане:

1 — стена I строительного периода; *2* — стена II строительного периода; *3* — стена III строительного периода; *4* — колодец; *5* — яма; *6* — очаг; *7* — алтарь огня; *8* — гравийная дорожка; *9* — керамический резервуар; *10* — базы колонн.



причем длина строительного леса ограничивала максимальные пролеты помещений пятью-шестью метрами. В условиях жаркого климата существенную роль в быту играли полуоткрытые навесы, балки которых основывались на стенах и деревянных стойках. Возможно, в последних уже были выделены база и подбалка, несущая прогон, то есть это уже был не просто деревянный ствол, но колонна.

Раскопки архитектурных сооружений этой эпохи, осуществленные на больших площадях, выявили три крупных здания, которые иллюстрируют три этапа развития северобактрийской монументальной архитектуры: Джаркутанский храм, Сапаллитепе и Кучуктепе.

Храм в Джар-Кутане [28] прямоугольный в плане (60×44×5 м) и обведен мощными сырцовыми стенами. Ориентация его — строго по странам света. Вход невелик, ничем не выделен и скромно размещен близ юго-западного угла. Он ведет во двор, где имеется несколько колодцев, и в южный коридор; напротив входа — комната для жертвоприношений. Центральную треть сооружения занимает обведенная сырцовыми стенками сакральная платформа, где расположен алтарь, рядом помещения для хранения священной золы. В конце упомянутого южного коридора начинается особая, вымощенная гравием, дорожка, которая ведет к священному колодцу. В северо-восточном отделе — система узких коридоров, видимо, хранилищ, а у восточной стены расположено круглое ритуальное сооружение. Неоспорима связь джаркутанского храма с культом огня, причем выдвигалось предположение о его протозороастрийском характере.

В планировке храма обращает внимание умелое сочетание разнообразных по своим функциям элементов (помещения, дворы, коридоры, платформа) при очень точной их разбивке, с соблюдением параллельности стен и прямых углов. Его монолитный объем несомненно господствовал в системе древнего поселения как главный идеологический центр всего Джаркутанского района.

Сапаллитепе [22, с. 13 сл.] представляет небольшой укрепленный жилой блок. В нем примечательна четкость периметральной застройки: квадратного плана (82×82 м), охваченного двумя рядами двухметровых по толщине стен, пространство между которыми подразделено на право- и левосторонние отсеки. Оборонительная идея вполне очевидна: прорвавшийся через внешнюю стену неприятель попадал в ловушку этих отсеков. Обширное пространство внутри ограждений было плотно заострено на протяжении трех хронологических этапов помещениями жилого и хозяйственно-бытового назначения. В контрасте с регулярной разбивкой внешних ограждений застройка эта хаотична и бессистемна будучи подчинена чисто практическим запросам проживавшей здесь общины.

Памятником эпохи, знаменующей важный процесс перехода от бронзовых орудий к железным и охватывающей конец II — первую четверть I тысячелетия до н. э., является поселение Кучуктепе в Шерабадской долине [27]. В центре его располагалось крупное укрепленное здание, приподнятое на высокой искусственной платформе и обведенное оборонительными стенами. Оно претерпело несколько этапов перестроек, когда внутри подквадратного с округлением контуров пространства возводится здание с прямоугольными помещениями и четкой их планировкой. Однако впоследствии оно подвергалось перестройкам, в результате появились разного рода малые комнаты с небрежно выведенными стенками. Судя по обильному инвентарю, здание имело жилое назначение, но примечательно в одном из помещений культовое устройство, выделенное нишей и установленными в ней булыжными камнями.

Зодчество средней трети I тысячелетия до н. э. — помимо фортификационных сооружений пока выявлено в загородных усадьбах вокруг Кызылтепе [342]. Полностью вскрыта была усадьба Кызылча-6. Это уже определенный архитектурный планировочный и объемно пространственный тип. Постройка квадратного плана (50×50 м) с квадратным двором (16,5 м в стороне), охваченным по периметру продолговатыми помещениями жилого и хозяйственно-бытового назначения, а с двух сторон также и колонными навесами. В углу — выступающий входной объем, через который можно было попасть во дворик, а также на крыши дома, использовавшиеся обитателями в теплое время года. Перед зданием располагался просторный хозяйственный двор, очевидно, для кладовых и для содержания скота. Сходная планировка присуща и сильно разрушенной усадьбе Кызылча-1 в том же районе.

Таким образом, периметрально-дворовая

архитектурная система, уже заложенная в Сапаллитепе, применяется в зданиях жилого назначения, датируемых средней третью I тыс. до н. э. В монументальном масштабе ту же идею развивает загородный дворец на южно-бактрийском городище Алтын-10 — здесь квадратный двор охвачен группой помещений и дававшим доступ к ним обводным коридором. Развитие бактрийской архитектуры по обе стороны Амударьи следовало единым путем, причем Южная Бактрия, где находились столичные Бактры, была в этом отношении лидирующей.

В художественной культуре Северной Бактрии эпохи бронзы — раннего железа отмечалось отсутствие убедительных данных о наличии здесь монументального ваяния и настенной живописи. Однако в последнее время в могильниках Джар-Кутана и Тандыр-йула найдены глиняные антропоморфные статуи (публикации этих находок пока нет).

Не получила какого-либо развития в этой области и терракотовая пластика, хотя на левобережье Амударьи найдено несколько антропоморфных и зооморфных статуэток [347]. Это свидетельствует о том, что древняя традиция изготовления терракот, столь свойственная многим раннеземледельческим культурам, в Бактрии прерывается, что, вероятно, связано с какими-то иными культовыми и эстетическими представлениями.

Вместе с тем на поселении Моллали была обнаружена скульптурная головка конца II — начала I тыс. до н. э., изваянная из коричневого камня и отполированная до блеска [258, с. 78 сл.]. Она передает обобщенный мужской образ с широким лицом, крутыми бровями над миндалевидными глазами, крупным ртом, прической, обозначенной глубокими врезами. Стилистически она напоминает хараппскую скульптуру и в общем составляет единый ряд с изваяниями классического Востока, особенно Месопотамии.

Высокого уровня в Бактрии достигли прикладные искусства, среди которых в первую очередь следует отметить керамику и художественный металл.

Характерной чертой керамики ранних стадий является отсутствие орнаментации, что, возможно, связано со становлением ремесленного производства, но не исключено, что с изменением эстетических воззрений населения Бактрии поиск мастеров-керамистов был направлен в первую очередь на совершенствование и разнообразие форм, достижение технологического совершенства. Подавляющее большинство форм изготовлено на гончарном круге быстрого вращения. Керамика обжигалась в двухъярусных гончарных печах ложной конструкции. Черепок сосудов тонок и плотен, хорошего обжига. Керамику отличает разнообразие типов и изысканность форм. Художественная выразительность достигалась также применением ангоба. Более распространен светлый ангоб, но некоторые сосуды, особенно вазы на высоких полых ножках, покрыты темно-вишневым ангобом.

Таким образом, цвет и форма в ту пору были средством художественной выразительности керамики. В конце эпохи бронзы — начала раннего железа керамическое искусство Бактрии претерпевает значительные изменения. Широко распространяются грубые лепные сосуды, зачастую украшенные примитивной росписью коричневой и красной краской по светлому и желтому ангобу. Орнаментация обычно размещена концентрическими кругами на верхней части сосудов. Основные орнамен-

Мужская голова из Моллали. Камень.

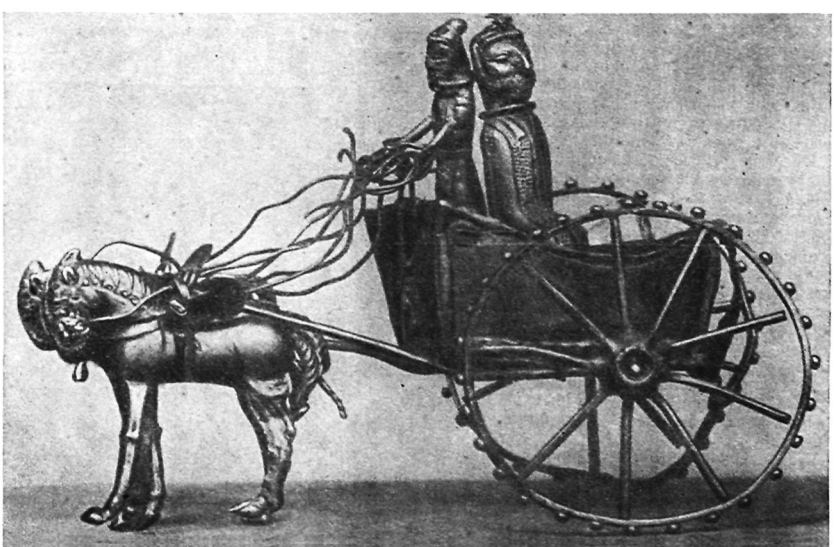
тальные мотивы: прямые, зигзагообразные, волнистые линии, заштрихованные треугольники, очень редки зооморфные изображения.

Художественный металл представлен металлическими сосудами разных форм, украшенными изредка головками быков, булавками с навершием в виде фигурок различных животных, зеркалами. У некоторых зеркал тыльная сторона украшалась фигурками птиц, данных в высоком рельефе. Характерен преимущественно «звериный стиль», причем зачастую изображения животных лишены динамизма и экспрессии, позы их статичны.

Видное место занимала в искусстве Бактрии эпохи бронзы — раннего железа глиптика. С поселений этой области происходит значительное количество бронзовых, каменных и глиняных печатей, являющихся знаками личной или общественной собственности. Редки печати с антропоморфными образами, возможно, божеств, широко распространены печати с зооморфными и геометрическими изображениями. Круг представленных образов достаточно разнообразен: фигуры хищных птиц и животных, космическая и солярная символика, мифологические сюжеты.

Определенное развитие получает и ювелирное искусство: бронзовые браслеты простейших форм, бусы, серьги, изготовленные из золота, височные кольца, бусы из различных пород камней, в том числе и из лазурита. Многие бусы отличаются изяществом форм, тщательностью отделки. Встречаются орнаментированные бусы и подвески: растительная и геометрическая орнаментация, зооморфные изображения.

Искусство Бактрии эпохи бронзы, судя по имеющимся материалам, развивалось в основном в декоративно-прикладных видах, тогда как монументальное искусство находилось в этот период, вероятно, в зачаточном состоянии. В значительной степени художественная культура Бактрии носила синкретический характер. В ней наряду с местной основой яв-



ственно проступают черты месопотамских и, вероятно, хараппских традиций.

Для времени Ахеменидов выдающееся значение имеет так называемый «Амударьинский клад», случайно обнаруженный крестьянами где-то в Вахшской долине еще в начале века и затем увезенный купцами в Северо-Западную Индию, где был продан англичанам, переправившим его в Британский музей. Предполагают, что этот клад происходит либо из сокровищницы местных древних правителей, либо из хранилища подношений одному из местных храмов [421, 109].

Состав предметов очень разнороден по своему характеру и стилю, роднит их прикладная ценность — большинство предметов выполнено из золота, а также из серебра. Ценность же их историко-познавательная и художественная простому исчислению не поддается. Среди ученых нет единства в определении датировок: от VI до III вв. до н. э., и особенно в отношении мест их создания, каковые относят и к ахеменидским центрам, и к грецизированной Малой Азии, частью и к самой Бактрии. Споры эти вряд ли угаснут, но неоспоримо одно: находка такого комплекса в Северной Бактрии служит свидетельством как ее широких сношений с ближневосточным миром в пору включения страны в состав Ахеменидской державы, так и вхождения местной культуры — по крайней мере ее элитарного пласта — в общее русло искусства классического Древнего Востока.

Объекты амударьинского клада по изобразительному составу и содержанию могут быть подразделены на несколько групп. Ряд

Предметы Амударьинского клада: повозка с всадниками, воин с барсманом. Золото. Всадники на охоте. Серебро, позолота.

золотых плакеток несет изображения мирно шествующих бородатых мужчин в башлыках или с непокрытыми волосами, перетянутыми лентами, в накидках со свисающими рукавами (кандис) или в длинных подпоясанных рубахах, мягких шароварах, облегающей обуви. У поясов — короткий меч-акинак, в руках — ветви барсома для поддержания священного пламени у алтаря. Это адепты Авесты, участники ритуала. По-видимому, это бактрийцы, по крайней мере, некоторые напоминают изображения данников-бактрийцев в рельефах Персеполя, тем более, что плакетки выполнены в том же стиле, что и эти рельефы.

Другая группа — две объемные головки, статуэтка нагого юноши с лицом того же типа, в заостренном головном уборе. Его отождествляют с древнегреческим куросом, но этнический облик его иной, не греческий.

Поразительны по мастерству исполнения две модели колесниц, одна из которых с впряженной четверкой лошадей сохранилась почти полностью. На ней восседают два персонажа в накидках-кандисах и башлыках-кирбисиях (мидийский тип костюма). Фигуры людей и коней статичны. Все детали выполнены очень тонко и достоверно.

В кладе несколько браслетов, разомкнутые концы которых завершают головки львиц, волков, крылатые львогрифоны. В них вполне очевидна близость к изделиям скифского звериного стиля, имевшего распространение от Сибири до Причерноморья. Немало перстней, в которые оправлены геммы-интальи. Разнообразны их изображения: львогрифон, сражение Геракла с чудовищем, правитель или божество на троне, протома быка и др.

Описание объектов клада и анализ их как по отдельности, так и в целом вызвали к жизни обширную литературу. Круг аналогий к предметам клада велик, но едва ли правомерна тенденция некоторых исследователей видеть в их составе лишь импорт. Период создания и двухвекового могущества огромной Ахеменидской державы, объединившей множество стран и народов, открыл возможности встречных влияний и заимствований, по крайней мере в искусстве для высших классов. Отсюда сходный стиль в широком ареале этого искусства, в которое входила и художественная культура древней Бактрии. Содержание его — прославление мощи царей и державы через символику реальных и фантастических хищников, победоносной борьбы с ними царей, а также почитание утвержденной государством зороастрийской религии. Стиль изображений величаво-торжественный в облике участников культовой церемонии и напряженно-экспрессивный в образах хищников.

Древневосточный стиль царит в украшении выточенных из слоновой кости ножен короткого меча-акинака VI—V вв. до н. э. из храма Охшо в Тахти-Сангине. На них в обрамлении овов выполнена в невысоком рельефе фигура стоящего льва, держащего в лапах миниатюрного оленя. Утолщенное же основание — бутероль заполняют фигура свернувшегося хищного зверя и голова козла [162]. Тема терзания хищником копытного животного, столь характерная для скифского искусства, здесь получает стилевые видоизменения — поза льва неуклюжа, масштабы его гипертрофированы по отношению к жертве, динамичности «звериного стиля» они лишены. В этом изделии городского ремесла, которое, возможно, уже относится к ранней античности, утрачен грозный смысл искусства кочевого мира, а лишь воспринята из него изобразительная тема и ее символика.

Античность
Северная Бактрия-Тохаристан
в составе древних государств

Конец IV в. до н. э.—IV в. н. э.

Политическая история. Поход Александра Македонского в Среднюю Азию в 330—327 гг. до н. э. имел важнейшее значение для социально-политической и культурной жизни этого региона. Следствием его явилось включение в состав крупных эллинизированных государств южных областей Средней Азии, в том числе Северной Бактрии. Внедрение в эти области новой политико-административной системы дало импульс к изменению социальной структуры при введении некоторых форм рабовладельческого хозяйства, бытовавших во всем эллинистическом мире, подъему на новую ступень экономики, возникновению и развитию товарно-денежных отношений. Отмечаются значительные нововведения в духовной и художественной культуре: внедрение греческой письменности и возникновение на ее основе местной бактрийской, влияние эллинистической культуры в градостроительстве, архитектуре и изобразительном искусстве, распространение в религиозной жизни греческих верований.

Это был крупный рубеж, от которого история Средней Азии начинает отсчет новой эпохи.

Около полувека тому назад в определение рассматриваемого хронологического периода среднеазиатской истории вошли термины: «античный», «античность». Они приняты многими исследователями, в том числе авторами этих строк, но имеют и противников, считающих правомерным их применение лишь к Греции и Риму. Однако возражения последних в значительной мере проистекают от того, какое содержание вкладывать в данные термины.

Дело в том, что ряд советских исследователей — в числе их археолог С. П. Толстов, искусствовед Б. Чепелев, историк Б. Г. Гафуров исходили из преамбулы о развитии в Средней Азии в данный период рабовладельческих отношений и сложении рабовладельческой формации. Обзор концепций о рабовладении в Средней Азии снимает прямолинейный выход из нее на понятие античности. Но весомым остается одно: в рассматриваемое время основные оазисные области Средней Азии в большей или меньшей мере вступают на совершенно новый, прогрессивный путь общественного развития, спад которого приходится уже на III—IV вв. н. э. Зримый след этого прогресса — многочисленные и разнообразные памятники градостроительства и ирригации, письменности и денежного хозяйства, материальной и художественной культуры.

Рассматриваемый временной интервал характеризуется всеобщим процессом вступления многих стран древнего мира в новую фазу общественного развития, проявляющуюся и в социально-экономической, и общекультурной среде. Он в разных странах имел свою специфику. Но будь то ханьский Китай или аршакидская Парфия, сако-парфяно-кушанская Индия, греко-бактрийская и кушанская Бактрия, новое предстает здесь во всех параметрах общественного бытия. То был один из конвергентных процессов мировой истории, охвативший страны Древнего мира. И потому вполне правомерно приложение к нему понятия «мира античности». В европейских языках antiquité, antiquity, antique означают «отдаленную древность», «древний», не будучи связанными лишь с греко-римскими ареалами. Кстати, противники их применения по отношению к Средней Азии пока не предложили взамен никакого термина, который отражал бы иное, по сравнению с предшествовавшей эпохой, содержание и вещественное воплощение.

Первый этап — Бактрия в составе Селевкидского и Греко-Бактрийского царства. После смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. сатрапом Бактрии был назначен македонец Филипп. Его преемником на этом посту стал грек с острова Кипр Стасанор, который управлял Бактрией, по-видимому, по 306 г.

до н. э. [149, 275—277]. О политическом положении правобережья Окса в это время ничего не известно, но, опираясь на тот факт, что оба вышеназванных лица были одновременно сатрапами Бактрии и Согдианы, можно считать, что эта область также находилась в их подчинении.

В конце IV—середине III в. до н. э. Бактрия входила в состав державы Селевкидов, созданной полководцем Александра Македонского Селевком. В ожесточенной борьбе с другими диадохами Селевку удалось в 312 г. захватить Вавилон, положив тем самым начало основанию государства, которое в науке получило название «селевкидского», [46, с. 5—6]. Селевк I, укрепив свои силы захватом Вавилона, завоевал затем восточные сатрапии эллинистического мира и, в частности, Бактрию [398, XV, 4, 11]. Согласно Аппиану, Селевк I после многих войн с македонцами и варварами стал управлять парфянами, бактрийцами, согдийцами, гирканцами [17, 55]. Завоевание ряда южных областей Средней Азии современными исследователями этого вопроса датируется 306 г. до н. э. [149, с. 277, лит.].

Восточные сатрапии, в том числе области Средней Азии, играли значительную роль в политической жизни Селевкидской державы. Об этом свидетельствует факт назначения сына Селевка I от брака с дочерью Спитамена Апамой Антиоха I соправителем царя на Востоке. С 280 по 261 г. до н. э. Антиох I — правитель всего Селевкидского государства. С именем Селевка и, особенно, Антиоха связан ряд важных событий в политической и экономической жизни Бактрии этого времени, и, в частности, выпуск первых в истории этой области монет: золотых статеров, серебряных тетрадрахм, драхм, полудрахм и оболов [473, p. 229—243].

Около 250 г. до н. э. от Селевкидского государства отделяются две важнейшие восточные сатрапии: Бактрия и Парфия. Этому во многом способствовали политические неурядицы на западе государства, а также ярко выраженное стремление к независимости греческих сатрапов восточной части государства, опирающихся на возросшую экономическую и военную мощь своих сатрапий. Анализ кратких сведений, содержащихся у Помпея Трога и Страбона, показывает, что отделение Бактрии от Селевкидского государства носило, скорее всего, характер восстания греческой верхушки, возглавляемой наместником области Диодотом, и поддержанной местным бактрийским населением [149, 68].

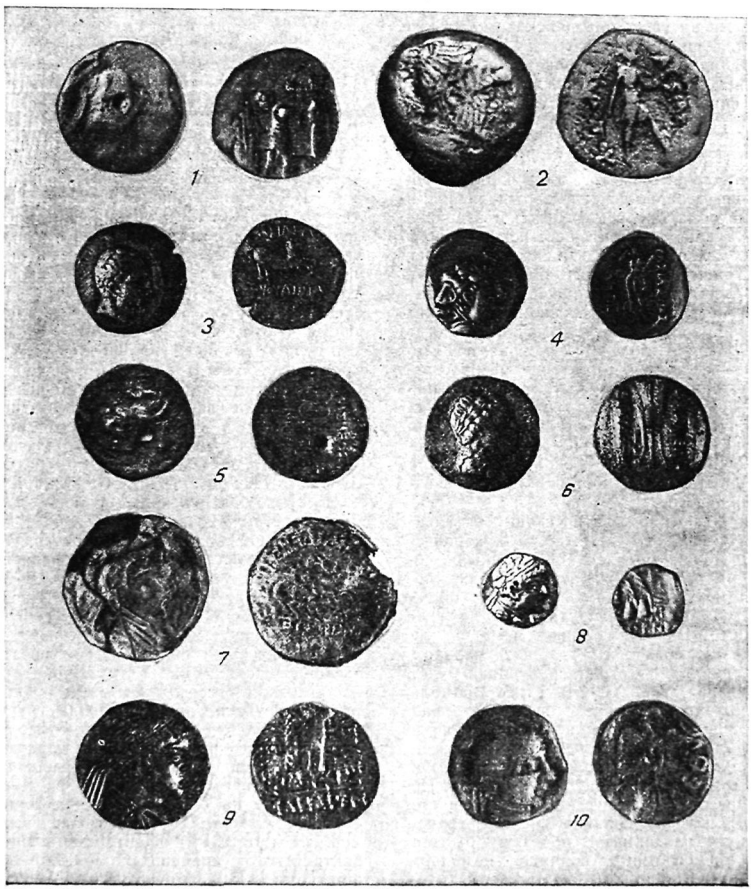
Исследователи называют различные даты возникновения Греко-Бактрийского царства, основанные на анализе кратких сведений письменных источников: 256, 250, 248 и 246—245 гг. до н. э. Так же приблизительна и дата окончательного падения Греко-Бактрийского царства как самостоятельного государства, которая определяется между 141 и 128 гг. до н. э. [149, с. 290—291; 472].

Греко-Бактрийское царство было основано селевкидским наместником в Бактрии Диодотом I. Ядром государства являлась Бактрия, при отдельных правителях (Евтидеме, Деметрии, Евкратиде) в его состав входили также северо-западная часть Индии и южные области Среднеазиатского Междуречья. Столицей государства являлся город Бактры, находившийся на месте г. Балха в Северном Афганистане. Наивысший его расцвет приходится на вторую половину III в. до н. э.— первую четверть II в. до н. э. Греко-Бактрийское царство являлось централизованной монархией, во главе которой стоял царь, в ряде случаев сын царя был его соправителем. Государство было, вероятно, разделено на отдельные наместничества (сатрапии), правители которых обладали определенной степенью самостоятельности. Эпоху Греко-Бактрийского царства характеризует широкое развитие экономики, ремесла, культуры и городской жизни [149, 195, 404—407, 491].

По-видимому, уже во второй четверти II в. до н. э. начинается постепенный упадок военно-политического могущества Греко-Бактрийского царства, завершившийся окончательным его падением под ударами сакских и юечжийских племен в третьей четверти II в. до н. э.

В письменных источниках отсутствуют какие-либо сведения, касательно положения северной части Бактрии в селевкидское и греко-бактрийское время; остается неясным даже вопрос о территориальных границах этих владений к северу от Окса. Одни исследователи полагают, что селевкиды, как и греко-бактрийские цари, владели обширной территорией Среднеазиатского Междуречья, включая Согд и даже Фергану; другие — что их владения едва заходили за Амударью, охватывая только прибрежную ее полосу (Обзор мнений см. [32]).

Сведения письменных источников в этом отношении недостаточно информативны — они используются как доказательство обоих мнений. И хотя нумизматические данные об ареале распространения селевкидских и греко-бактрийских монет, в особенности первых,



Типы античных монет из Северной Бактрии:

1 — Антиох I (311—280 г. до н. э.), халк, Кампыртепе; *2* — Диодот (250—230 г. до н. э.), халк, Старый Термез; *3* — Евтидем (230—200 г. до н. э.), халк, Кампыртепе; *4* — Деметрий (190 — первая четверть II в. до н. э.), драхма, Дальверзинтепе; *5* — то же, дихалк, Кампыртепе; *6* — Евкратид (171—155 г. до н. э.), драхма, Кампыртепе; *7* — то же, дихалк (?), Кампыртепе; *8* — то же, обол, Кампыртепе; *9* — Гелиокл (155—140 г. до н. э.), драхма, Кампыртепе; *10* — то же, халк.

также еще недостаточны, они уже дают определенные сведения о сфере влияния этих государств в Средней Азии.

Так, ареал селевкидских монет, среди которых имеются и медные халки, приходится, в основном, на правобережную Бактрию (Термез, Тахти-Сангин, Денау, Кампыртепе) и Самаркандский Согд (Афрасиаб) [110, с. 66—68; 318]. Ареал греко-бактрийских монет уже значительно шире: он охватывает также Южный и Западный Согд (Кашкадарья и Бухара), причем, помимо отдельных серебряных и медных монет, отсюда происходят и клады греко-бактрийских монет, включающих оболы, драхмы и тетрадрахмы [110, с. 43—57; 481, с. 61—76].

Сопоставление этих ареалов говорит о проникновении товарно-денежных отношений в различные области Среднеазиатского Междуречья, а также о территориальном расширении в них сферы греко-бактрийского влияния. Однако границы греко-бактрийских владений не были постоянной величиной и могли меняться в зависимости от военно-политических обстоятельств. Очевидно, что редкие в Согде находки монет Антимаха, Деметрия и Гелиокла, в то же время достаточно распространенные на правобережье Амударьи, указывают на сужение границ греко-бактрийских владений, тогда как монеты Диодота, Евтидема и Евкратида, одинаково часто встречающиеся в обоих областях, — о расширении при них границ этого государства в Среднеазиатском Междуречье.

Сложную военно-политическую обстановку за Оксом в конце III в. до н. э. характеризует Полибий: Евтидем, осажденный селевкидскими войсками в Бактрах, просит передать Антиоху III, что «положение обоих становится небезопасным», так как на границе «стоят огромные полчища номадов, угрожающие им обоим; если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет ими завоевана» [243, XI, 34]. Е. В. Зеймаль считает, что этой границей являлась река Окс, а большая часть Трансоксианы была в III—II вв. до н. э. захвачена кочевниками [108]. Однако сведения Полибия, которые он цитирует, относятся к концу III в. до н. э. Не подтверждают археологические данные и его мнения об Оксе как границе между греко-бактрийскими владениями, ибо если бы это было так, то «огромные полчища номадов» несомненно оставили бы следы своего пребывания, однако кочевнических курганов III в. до н. э. на правобережье Амударьи не имеется. В Сурхандарье курганные захоронения ранее IV—V вв. н. э. (Бандыхан) отсутствуют, в Южном Таджикистане они появляются не ранее второй половины II в. до н. э. [178] или конца I в. до н. э. [164]. В то же время, как показал О. В. Обельченко, курганы V—II вв. до н. э. имеются только в долине Зеравшана [226, с. 69—70; с. 56—72; 228, с. 202]. Следовательно, кочевники, о которых писал Полибий, захватили в конце III в. н. э. почти весь Согд вплоть до Зеравшанского хребта (в бассейне Кашкадарьи кочевнических курганов этого времени не выявлено), который, возможно, стал на время северной границей греко-бактрийских владений. Временной границей этих владений на севере могла быть и горная система Западного Гиссара, естественно-географические условия которого служили надежным рубежом, предохранявшим северо-запад Бактрии, а, следовательно, и метрополию, от набегов кочевых народов. Не случайно в кушанское время (может быть и раньше?) в Дербентском проходе были возведены мощные пограничные стены [315, с. 34—39].

Допустимо считать, что границы греко-бактрийских владений на севере не были стабильными и в зависимости от военно-политической обстановки могли отодвигаться от Согда к югу, но Окс не являлся пограничным рубежом Греко-Бактрийского царства.

К греко-бактрийскому времени бесспорно относятся нижние слои, выявленные на ряде северобактрийских городищ. Топография расположения этих памятников позволяет предположить, что они представляли собой, скорее всего, крепости, возводимые греко-бактрийской администрацией для охраны важнейших дорог, ведущих с севера и северо-запада к переправам через Окс. Планировочная их структура — крепость на высоком лессовом останце, обведенная рвом, и неукрепленное поселение, группирующееся только с одной стороны, чаще всего с севера. Такого рода поселения представляют собой изучавшиеся УзИскЭ Джандавляттепе, Дальверзинтепе, Карабагтепе в Халчаяне, Кампыртепе на Оксе. В нижних горизонтах цитадели Старого Термеза сейчас выявлены мощные (до 2,5 м) культурные слои греко-бактрийского времени с археологическими остатками [236, с. 97—98]. Л. И. Альбаум по-

лагает, что на берегу Амударьи южнее Чингизтепе, к западу от термезской цитадели в IV—III вв. до н. э. существовала небольшая крепость, возведенная на высоком стилобате и что в греко-бактрийское время сам Чингизтепе относился крепостными стенами с квадратными башнями и внутренним коридором [12, с. 12]. Однако наличие последнего не свойственно греко-бактрийской фортификации.

Новые археологические данные заставляют с большим вниманием отнестись к гипотезе В. Тарна, предполагавшего наличие на месте Термеза Александрии Оксианской, восстановленной в конце III в. до н. э. Антиохом I после разрушения ее кочевниками и переименованной в Антиохию-Тармиту [492, p. 83]. Мнение П. Бернара, отождествившего Александрию Оксианскую с Ай-Ханум более убедительно [409, p. 129—138; 410, p. 216—238], но возведение Антиохом крепости на месте Термеза вполне вероятно.

Археологический комплекс из северобактрийских памятников представлен керамикой, медными и серебряными монетами, костяной статуэткой и лепешкообразными грузилами из необожженной глины. Основные формы керамики, при некоторых отличиях, аналогичны керамике Ай-Ханум [277, с. 144 сл; 351, с. 175 сл.], которая определяется как типично греческая [404, p. 87]. На этом основании справедливо заключение о сильном культурном влиянии греческих центров Бактрии на местное население, которое вторгается даже в такую традиционную область, как керамика [351, с. 175]. Греческими, или во всяком случае грецизированными, являются и монеты, находимые в Северной Бактрии. Костяная статуэтка из цитадели Старого Термеза аналогична статуэтке из сокровищницы Ай-Ханум [234, с. 40—41; 432, p. 15—18].

Среди находок из храма Окса в Тахти-Сангине выделяется три категории предметов греческого происхождения: чисто греческих; созданных эллинскими мастерами в малоазиатских традициях; изготовленных на месте [242, с. 81—82]. Первые и вторые могли попасть в Бактрию во время походов Александра Македонского, вторичного притока греков при Селевкидах и греко-бактрийских царях, но последние уже имеют локальное изготовление. Значительное число предметов эллинистического происхождения имеется и в составе Амударьинского клада [421], как теперь полагают, происходящего из храма Окса [241, с. 99—100].

Таким образом, археологические данные свидетельствуют не просто о наличии культурных контактов, связывающих правобережье и левобережье Амударьи в эллинистическое время, а о прочном вхождении правобережной Бактрии в состав эллинистических государств.

В результате греко-македонской колонизации на Востоке оказалось значительное количество эллинов во вновь основанных городках и военных поселениях [130, с. 178]. Можно предположить, что гарнизоны крепостей Северной Бактрии зачастую состояли из греческого населения, внесшего в материальную и художественную культуру этой области эллинистические традиции. Наряду с этим разумеется, продолжалось развитие и местной культуры.

Второй этап — Северная Бактрия при юечжах. Политическая обстановка после падения Греко-Бактрийского царства анализировалась многими исследователями. Научная литература этой проблемы огромна [обзор ее см.: 117, с. 92—93; 68, с. 128—131], и нет недостатка в остроумных гипотезах и различных концепциях, хотя базируются они, в основном, на скудных сведениях китайских и греко-римских письменных источников.

Согласно Страбону, Бактрию завоевали ассии, пассиане, тохары и сакаравлы, обитавшие на другом берегу Яксарта рядом с саками и согдианами [364, IX, 8,2]. По данным Помпея Трога, «...Бактрию и Согдиану захватили скифские племена сарауков и ассианов». Исследователи этой проблемы считают, что у Страбона и Помпея Трога названы одни и те же племена.

Древние китайские источники называют завоевателями Бактрии племена юечжей, первоначальная родина которых была, вероятно, в Центральной Азии. Во второй четверти II в. до н. э. (исследователи этого вопроса предлагают различные даты — между 172 и 161 гг. до н. э.) после разгрома хуннами они перекочевывают на север Средней Азии. Переселившихся в Среднюю Азию юечжей китайские хроники называют да-юечжами — «великими», «большими юечжами», в отличие от малых юечжей, оставшихся в Центральной Азии [47, с. 147—151].

Согласно сведениям Чжан-Цзяня, после нового разгрома юечжей хуннами уже на территории Средней Азии, юечжи двинулись на

юг и завоевали Дахя (Бактрию), утвердив свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй (Амударьи) [47, с. 151]. В истории старшего Дома Хань уточнено, что юечжи основали столицу по северную сторону реки Гуй-шуй [47, с. 184].

Ко времени завоевания юечжами Бактрия уже не была единым государством, а состояла из множества мелких самостоятельных владений, «где почти каждый город поставляет своего правителя. Войска их слабы и робки в сражении» [47, с. 152]. Считается, что юечжи вторглись в Бактрию между 140—130 гг. до н. э., а в 128 или 126 г. до н. э. китайский посол Чжан-Цзянь уже увидел всю Бактрию, покоренную ими [47, с. 152—153; 499, с. 359; 195, с. 133—134; 360, с. 96]. Спустя некоторое время в Бактрии было создано государство Больших юечжей. В истории старшего Дома Хань последние характеризуются как кочевники, которые переходят с места на место. Вместе с тем указывается, что столицей государства являлся город Ганьши или Ланьши. Народонаселение в государстве состояло из 100000 семейств, 400000 душ и 100000 строевого войска. В зависимости от правителя Больших юечжей находилось пять Хи-хэу (княжеств): Хюми, Шуаньми, Гуйшуан, Хэй-тунь, Гаофу [47, с. 184], или Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисие и Думи, согласно истории младшего Дома Хань [47, с. 227]. Нельзя согласиться с Б. Г. Гафуровым, который писал, что захват Бактрии юечжами привел к ее дальнейшему раздроблению и децентрализации [68, с. 134]. Напротив, в отличие от обстановки полной раздробленности страны, в которой почти каждый город имел своего правителя в период, предшествовавший юечжийскому завоеванию, при юечжах в Бактрии было создано достаточно централизованное государство, хотя и разделенное на пять крупных владений, зависимых в то же время от верховного главы Больших юечжей.

Обычно весь юечжийский период в истории Бактрии рассматривался без поэтапной конкретизации. В этом отношении выделяется исследование Е. А. Давидович, определившей в нем на основе анализа китайских источников три этапа [83, с. 59—61]:

I этап (между 139—125 гг. до н. э.) — Большие юечжи завоевывают область Дахя, но главные их владения находились к северу от Амударьи. Южной границей являлась Дахя, состоявшая из мелких владений, зависимых от юечжей.

II этап (данные, по сведениям Цяньханьшу, до 25 г. н. э.) — формирование и дальнейший рост государства Больших юечжей. Столица государства находилась к северу от Амударьи, южной границей была область Гибинь (Кашмир или Гандхара). На территории, подчиненной юечжам, имелось пять владений, управляемых хи-хоу (ябгу): Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хейтунь, Гаофу.

III этап (Хоуханьшу, изложение событий до 125 г. н. э.) — распад государства Больших юечжей; обретение независимости ябгу вышеупомянутых владений; ябгу кушан Кюцзюко (Куджула Кадфиз) подчиняет четыре владения, положив тем самым начало Кушанскому государству.

Местоположение столицы юечжей на втором этапе определено Е. А. Давидович в правобережье Амударьи, но в Цяньханьшу прямо указано, что правление государства юечжей находилось в городе Гяньши [47, с. 183], каковой отождествляется с Бактрами [360, с. 89]. Только на первом этапе столичная ставка юечжей была в правобережье Амударьи.

Нельзя согласиться, что южной границей юечжийских владений на первом этапе являлась Дахя-Бактрия, которая якобы противопоставляется правобережью Амударьи [360, с. 16; 108, с. 122—123]. Согласно данным Чжан-Цзяня: ...«Дом Юечжей... ударил на Дахя и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй» [47, с. 151], т. е. расселение юечжей к северу от Амударьи произошло только благодаря покорению Дахя, что заставляет считать территорию по обе стороны реки во время юечжийских походов единой областью.

Очевидно, таким образом, что Северная Бактрия являлась, особенно на первом этапе, одной из основных территорий расселения юечжей и играла важную роль в их государстве. Приток достаточно большого количества пришлого населения должен был, соответственно, отразиться на культуре этой области, оставить заметный след в ее археологических памятниках.

Общепризнано, что одним из наиболее ярких археологических признаков присутствия кочевников на той или иной территории являются курганные могильники. На юге Тад-

жикистана обнаружено множество курганных могильников, в том числе наиболее крупные из них Аруктауский и Тулхарский, которые А. М. Мандельштам датировал второй половиной II—I вв. до н. э., непосредственно связывая их с юечжийскими племенами [178]. Однако Б. А. Литвинский и А. З. Седов основную часть этих могильников датируют первыми веками н. э., определяя их принадлежность к кочевому населению Северной Бактрии кушанского времени [164]. Подобные курганные захоронения отсутствуют в Сурхандарьинской области. Отнесение Айртамского могильника к кочевническим памятникам [164, с. 106] спорно и бездоказательно. По данным УзИскЭ, он принадлежит местному населению [371, с. 12]. Здесь отсутствуют курганные насыпи, а тип могильной ямы свойствен еще погребальным сооружениям эпохи бронзы. Часть погребений из этого могильника относится, судя по находкам монет Сотера Мегаса, к I в. н. э. Если даже Айртамский могильник или какая-то его часть принадлежали пришлому кочевому населению, то это отражает не время завоевания данной территории юечжами, а более поздний этап их проживания здесь. К числу предметов, не характерных для могильников оседлого населения, следует отнести найденные в Айртамском некрополе железный меч и флягу-мустахару: данная форма отсутствует в керамике предшествующего «термезского» комплекса III—II вв. до н. э.

Вместе с тем в Айртамском могильнике и Дальверзинском наусе, наряду с древним антропологическим типом, принадлежащим населению данной области эпохи бронзы (Сапаллитепе), выявлен иной тип, характеризующийся признаками, свойственными скотоводческим племенам [383, с. 108, 120]. Возможно, это свидетельствует о сравнительно быстро протекавшем процессе проникновения пришлого населения в среду местных жителей.

Непосредственно с юечжами связан Халчаян, один из важнейших памятников которого — парадное здание, украшенное глиняной скульптурой и настенной росписью. Г. А. Пугаченкова определила, что данное здание, возведенное на рубеже новой эры как дворец правителей из «Гераева» рода, поскольку все основные персонажи скульптуры по своему этническому типу весьма схожи с изображением правителя на монетах Герая, впоследствии было превращено в кушанский династийный храм. В связи с этим она предположила, что территория среднего течения Сурхандарьи соответствует кушанскому владению Гуйшуан, а столицу Ходзо, которая, согласно китайской хронике, находилась к северу от Амударьи, отождествила с Дальверзинтепе [252]. Выдвигавшиеся возражения против трактовки и датировки халчаянского здания [360, с. 202—207], как показал комплекс фактических данных, несостоятельны [163, с. 259, сл.].

Для реконструкции политической истории Северной Бактрии юечжийского периода важное значение имеют нумизматические данные. Здесь отмечены находки подражаний тетрадрахмам Гелиокла с Зевсом или конем на об. ст; оболам Евкратида; драхмам Фраата IV (39—2 гг. до н. э.) с надчеканом (голова в шлеме влево) и без него; Фраатака (3 г. до н. э. — 3 г. н. э.) с надчеканом (голова влево); оболов и халков Сападбиза; тетрадрахм и оболов Санаба-Герая. Наиболее ранними из них являются подражания монетам Гелиокла с Зевсом на об. ст и подражания монетам (оболам) Евкратида, начало выпуска которых относится к последней четверти II в. до н. э. [185, с. 74; 93 с. 173—174; 177, с. 141—143; 110, с. 100, 117; 111, с. 117]. Следовательно, они являются первыми эмиссиями монет, которые выпускались на территории Северной Бактрии, завоеванной юечжами. Ареалы этих монет не совпадают: подражания монетам Гелиокла с Зевсом на об. ст. распространены на крайнем юге Узбекистана и частично в Южном Таджикистане, в основном, на территории, примыкающей к верховьям Сурхандарьи. Напротив, подражания оболам Евкратида распространены в Южном Таджикистане от Кафирнигана до Пянджа [111, с. 186] и только изредка встречаются в Термезе; другого типа подражания найдены также на Талашкантепе [326, с. 20—23].

По В. М. Массону, подражания Гелиоклу выпускались юечжами в период, предшествующий образованию Кушанского царства [185, с. 73—74], что признано и другими исследователями [276, с. 100—103; 326, с. 25—26; 108, с. 202; 110, с. 121]. Е. В. Зеймаль вначале считал, что они выпускались юечжийским родом Гуйшуан (Кушан), а распространение их в Южном Таджикистане рассматривал как расширение кушанского владения, подчинившего якобы находившееся

здесь владение Шуанми, в котором выпускались подражания оболам Евкратида [108, с. 202]. Однако сейчас он полагает, что эти монеты могли чеканиться *населением* оседло-земледельческих оазисов правобережной Бактрии или одним из юечжийских родовладений.

Обратим внимание на два важных обстоятельства:

1. *Обе группы имеют строго очерченные* ареалы, проникновение внутрь которых соответственно монет той или иной группы происходит, в основном, только в приграничной зоне ареалов и почти не заходит в центральные части. Такая картина хождения монет в двух разных, но смежных владениях характерна и для средневековья, когда, к примеру, Термез принадлежал Газневидам, а Чаганиан — Караханидам.

2. Ареалы той и другой группы очерчивают довольно значительную территорию, что свойственно более крупным, централизованным в какой-то степени владениям, нежели разобщенным, мелким оазисам.

Таким образом, уже в последней четверти II в. до н. э. — начале I в. до н. э. в Северной Бактрии сложились два сравнительно крупных владения, границей между которыми, если основываться на преимущественном ареале распространения этих двух групп монет, возможно, являлся Бабатаг.

Учитывая вышеприведенные исторические данные о том, что в это время Северная Бактрия являлась основной зоной расселения юечжийских племен и местонахождением указанной главной ставки, можно считать, что во главе владений стояли юечжийские правители.

Затем здесь, наряду с прежними монетами стали обращаться подражания монетам Гелиокла с конем на об. ст., парфянские монеты Фраата IV и Фраата V с подлинными и ложными надчеканами и без них, монеты Сападбиза и Герая-Санаба. Кроме парфянских, пока остается неясным вопрос о начальной дате чеканки этих групп монет. Находки же подлинных парфянских медных и серебряных монет свидетельствуют о возможных парфянских влияниях, если не о прямом подчинении парфянам части Западной Бактрии (где они встречены), в том числе и правобережья Амударьи в пределах Южного Узбекистана.

В долине Амударьи зафиксированы также монеты Фраата IV и Фраатака (Кампыртепе) с надчеканами. На монетах Фраата IV и подражаниях им имеется типологически однородный надчекан: бюст правителя в шлеме вправо [*110*, с. *129—130*; *318*]. На монетах Фраатака надчекан иного типа — бюст правителя вправо, но без шлема. «Драхма» Фраатака или подражание с надчеканом такого же типа, как на монетах Фраата IV, зафиксирована в кладе из Варрык-депе в окрестностях *древнего Мерва*. Е. В. Зеймаль считает, что надчеканивание драхм Фраата IV могло начаться и при жизни этого царя и продолжаться спустя какое-то время, а изготовление подражаний и их надчеканивание начинается в пределах первой четверти и продолжается частично, видимо, во второй четверти I в. н. э. [110, с. 131—134].

Исходя из этих данных, можно считать, что в конце I в. до н. э. — I в. н. э. в Бактрии, преимущественно в западной ее части, включая правобережье Амударьи, возможно, возникает еще одно самостоятельное владение. На этой же территории локализуются и выпускавшиеся от имени правителя Сападбиза оболы, которые найдены на Зартепе в Сурхандарьинской области [6, с. 37—39], на городище Дильберджин в Балхском оазисе [135, с. 179], на Кампыртепе. На Хайрабадтепе в Сурхандарьинской области найдена аналогичная типу оболов уникальная медная монета Сападбиза [319, с. 94].

Ареал находок монет Сападбиза, приходящийся на Балхский оазис и южные районы Сурхандарьи, позволяет считать, что его владения ограничивались Западной Бактрией.

В. Рос, а вслед за ним В. И. Сарианиди и Г. А. Кошеленко считали, что Сападбизу принадлежали также драхмы Фраата IV и подражания им с надчеканом — голова в шлеме [349, с. 310]. По мнению В. Роса, Сападбиз был одним из юечжийских правителей, правивших в Бактрии до создания Кушанского государства [496, p. 114]. Датировка монет Сападбиза соответственно определяется самым концом I в. до н. э. — началом I в. н. э., или I в. н. э. [349, с. 311; 480, p. 89, 292]. При этом В. И. Сарианиди и Г. А. Кошеленко считают, что Сападбиз, хотя и был независимым правителем из юечжийской среды, но признавал в какой-то мере парфянский суверенитет. Г. А. Пугаченкова отмечает, что как монеты Сападбиза, так и инвентарь из тиллятепинского могильника, находящегося на территории владений Сападбиза, свиде-

тельствуют не о юечжийско-бактрийских, а о сако-парфянских связях местных правителей, находившихся при определенной самостоятельности под властью Аршакидов [275, с. 9, 22].

По мнению Е. В. Зеймаля, подражания оболам Евкратида, которые он подразделяет на семь серий, типологически предшествуют монетам Сападбиза, а поскольку седьмая серия подражаний датируется, якобы, второй половиной I — началом II в. н. э., то, соответственно, монеты Сападбиза нельзя относить ко времени ранее конца I — начала II в. н. э. [111, с. 189].

Нам представляется, что подобный прототип для монет Сападбиза невозможен, так как на территории Западной Бактрии, где обращались его монеты, отсутствуют находки подражаний оболам Евкратида, локализующихся, в основном, в Южном Таджикистане. Иконографический тип — правитель в «македонском» шлеме, имеющийся на монетах Сападбиза, восходит не к оболам-подражаниям Евкратиду, а непосредственно к подлинным оболам последнего, которые, вероятно, обращались в Бактрии в юечжийский период.

Отметим, что на своих монетах Сападбиз выступает как приверженец старых бактрийских традиций, об этом говорит и наличие македонского шлема, и фигура хищника вправо, как на греко-бактрийских монетах, и почитание богини Наны, имя которой отмечено на об. ст. В его владения, как показывает топография монетных находок, вероятно, входила и южная часть Северо-Западной Бактрии в долине Амударьи.

Таким образом, на рубеже новой эры на территории Бактрии существовали, очевидно, три крупных владения: северо-западная часть принадлежала правителям, чеканившим подражания монетам Гелиокла первой группы; северо-восточная — правителям, выпускавшим подражания оболам Евкратида; а юго-восточная и часть правобережья Амударьи — правителям из рода Сападбиза, вначале ограничившимся проставлением надчеканов на парфянских монетах, а затем приступившим к выпуску подражаний драхмам Фраата IV с ложным надчеканом и монет самостоятельной чеканки.

Не исключено, что и в других районах Бактрии в это же время также оформляются суверенные владения, выпускавшие свои монеты. Известны более поздние подражания монетам Гелиокла с изображением коня на об. ст (вторая группа — по В. М. Массону, группа I—VI — по Е. В. Зеймалю). Исходя из точно локализуемых находок, подражания с конем могли выпускаться в течение незначительного промежутка времени в одном из районов Северной Бактрии, где найдено 9 экз. этих монет [326, с. 26]. Согласно Е. В. Зеймалю, эта группа подражаний чеканилась к югу от Амударьи, но за исключением одной монеты из Дильберджина [110, с. 159] все остальные — около 30 экз., якобы происходящих из Афганистана, не паспортизированы. Он полагает, что их чеканка здесь связана с расширением кушанского владения к югу от Амударьи, причем выпуск поздних подражаний осуществлялся якобы даже при самом Куджуле Кадфизе [110, с. 125]. Против этой гипотезы свидетельствует преимущественное распространение монет Куджулы Кадфиза в Кабулистане и Гандхаре и полнейшее их отсутствие в Северной и Западной Бактрии. Трудно предположить, чтобы в одном владении и при одном правителе осуществлялся двойной выпуск монет, разных по типу и метрическим показателям — безымянных и именных.

Не совсем ясно местоположение владения Гуйшуан (Кушан) в это время. Наибольшее число точно локализуемых находок его монет происходит из самых южных районов Таджикистана — 17 оболов и клад тетрадрахм [83, с. 70, 71; 110, с. 158—159]. Особенно показательны находки оболов, которые, как убеждают примеры из среднеазиатской нумизматики (оболы Гиркода, оболы с изображением лучника, оболы-подражания Евкратиду), имели ограниченный ареал и почти не выходили за пределы области, где они чеканились. В Сурхандарьинской области пока ни одного обола Герая-Санаба не обнаружено, тогда как здесь оказалась целая галерея Гераева клана в Халчаянском дворе, а в Термезе найдена тетрадрахма этого царя [115]. Отдельные находки оболов зафиксированы на Дильберджине, в Кабулистане и Гандхаре.

Монеты Герая-Санаба обычно датируются временем около рубежа н. э. ± несколько десятилетий в ту или иную сторону [115, с. 22—23; 83, с. 73—78; 271, с. 100, сл.], но Е. В. Зеймаль относит их ко времени не раньше начала II в. н. э., считая Герая-Санаба современником Вимы Кадфиза [110, с. 155—157]. Он исходит из того, что оболы Герая-Санаба

якобы чеканятся только после прекращения выпусков подражаний оболам Евкратида в конце I — начале II в. н. э. Но, во-первых, им достаточно произвольно растянута во времени датировка завершения чеканки этих подражаний; во-вторых, неясно, почему чеканка оболов Герая-Санаба должна была начаться только после прекращения выпуска подражаний оболам Евкратида: ничего общего в иконографии этих двух разных групп монет и надписях на них не имеется. Прототип оболов Герая-Санаба — греко-бактрийские монеты со стоящими божествами и тетрадрахмы со всадником на об. ст. индо-сакских и индо-парфянских монет конца II в. до н. э. — первой половины I в. н. э.

Подводя итог, отметим, что нумизматические данные рисуют несколько иную картину истории юечжей в Бактрии, чем данные китайских письменных источников. Так, если в истории старшего Дома Хань фиксируется сам факт существования пяти владений, находящихся в зависимости от Большого Юечжи, а в истории младшего Дома Хань утверждается, что после переселения в Бактрию Дом Юечжей разделился на пять княжеств [47, с. 151, 223], то нумизматические данные показывают, что процесс образования этих владений внутри государства Больших Юечжей не был одноразовым актом, а происходил в течение достаточно длительного времени. Первоначально возникли только два владения, находившихся в Северной Бактрии, затем еще три, преимущественно захватывающих южную ее часть.

Политическое положение этих владений внутри государства Больших Юечжей, судя по монетным данным, было неравнозначным. Так, из всех пяти групп монет лишь на двух имеются имена правителей: Герая-Санаба и Сападбиза. Из них только имя Герая-Санаба передано с титулом τυραννουντος (причастная форма от τυραννος), который, как показал Кеннеди, в отличие от титула βασιλεος, носили мелкие зависимые правители [115, с. 11—12]. По-видимому, этим титулом подчеркивался вассальный характер кушанского владения, находившегося, как и остальные, в зависимости от верховного главы Дома Юечжей [47, с. 151]. Имя правителя другого владения — Сападбиза — приведено на монетах без какой-либо титулатуры, что, вероятно, означало еще менее значимый характер его власти. Три других владения занимали еще более скромное положение в иерархической структуре государства Больших Юечжей в Бактрии.

Все это, на наш взгляд, указывает на достаточно сильную центральную власть в этом государстве при известной самостоятельности входивших в него владений. По-видимому, государство Больших Юечжей представляло собой конфедерацию отдельных владений, находившихся в известной степени зависимости от верховного главы. По своей структуре с этим государством в какой-то мере схожи государство эфталитов или государство тюркских ябгу Тохаристана, состоящих из отдельных полунезависимых владений, которые выпускали свои монеты с именами и титулами правителей, но также при отсутствии централизованного монетного чекана.

Возникновение Кушанского царства отражают две группы источников — краткие сведения древнекитайских хроник и нумизматические данные.

В «Истории династии Поздняя Хань» после описания юечжийского завоевания Бактрии говорится: «По происшествию с небольшим ста лет Гуйшуанский князь Кюцзюко покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием Гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их. Кюцзюко жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжань получил престол, еще покорил Индню, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени Юечжи сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский Двор удержал прежнее ему название: Большой Юечжи» [47, с. 227—228]. Лингвистически доказано, что имена Кюцзюко и Яньгаочжань китайских источников соответствуют именам кушанских царей Куджулы Кадфиза и Вимы Кадфиза на монетах, а Гуйшуан — китайская транскрипция термина «кушан», известного по монетам и эпиграфическим памятникам [лит. вопроса см.: 68, с. 145—149].

В отличие от китайских источников нумизматические данные рисуют несколько иную картину образования Кушанского царства. Кушанское владение тирана Герая-Санаба, судя по преимущественному ареалу его монет, находилось в одном из районов Бактрии. Владение другого раннекушанского правителя, ябгу Куджулы Кадфиза, занимало

Кабулистан и Западный Пенджаб, где на ряде городищ — Беграм, Буткара, Таксила — в большом количестве найдены его именные монеты раннего периода [441; 466, I, p. 67—68, II, p. 785—786; 444, p. 21—24].

Сопоставление этих данных позволяет предложить два возможных истолкования: либо Герай-Санаб и Куджула Кадфиз, если они правили в одно и то же время, вели внутриплеменную борьбу за власть и первый утвердился в Бактрии, а второй был вынужден уйти за Гиндукуш, либо, если считать Герая предшественником Куджулы Кадфиза, кушанские правители в многоэтапной борьбе за власть в силу каких-то причин потеряли свои владения в Бактрии.

Наиболее ранние монеты Куджулы Кадфиза чеканены от имени Гермея и Куджулы, который фигурирует на них как ябгу — владетельный князь, тогда как имя Гермея передано с титулом βασιλευς — царь. Неравнозначность этих титулов и наличие имени Куджулы Кадфиза на оборотной стороне указывает, что этот кушанский владетель находился в определенной степени зависимости от Гермея, который, как полагают, был потомком греко-бактрийских, либо индо-греческих царей, владевших областью Парапамиза-Гиндукуша [195, с. 158—159].

Но уже последующие по времени монеты только с именем Куджулы Кадфиза, легенды на которых передают иранский титул ябгу (ιοβγο) и эквивалентный ему греческий титул ζαοογ, свидетельствуют об обретении им определенного политического суверенитета. Завершают именной чекан Куджулы Кадфиза монеты с титулом «царь царей» [417; 480], ознаменовавший превращение кушанского владения ябгу Куджулы Кадфиза в Кушанское царство царя царей Кадфиза I.

Очевидно, таким образом, что формирование этого царства происходило в основном вне пределов Бактрии, к юго-востоку от Гиндукуша. Характерно, что на всех известных типах «именных» монет Куджулы Кадфиза, наряду с греческими легендами, имеются надписи индийским письмом кхароштхи, причем титул Куджулы не греческий — Василевс/Василеон, характерный, в частности, для индо-сакских и индо-парфянских правителей, а индийский — Магараджа Раджатираджа. Сказанное не позволяет согласиться с утверждением Б. Я. Ставиского о том, что «весь процесс становления Кушанского государства от начальных его этапов до того момента, когда Куджула Кадфиз стал первым кушанским царем, протекал на территории Бактрии» [360].

Установленный на основании монетных находок факт формирования Куджулой Кадфизом Кушанского царства по южную сторону Гиндукуша противоречит вышеприведенным сведениям китайских хроник. Согласно им, Куджула Кадфиз вначале покорил остальные четыре юечжийских владения, объявил себя кушанским государем и только после этого приступил к завоеванию загиндукушских владений: Аньси (индо-парфянские владения), Гаофу (Кабул), Пуду (Арахозия или район Газни) и Гибинь — Гандхара или Кашмир [Лит. вопроса о локализации этих владений см.: 68; 195].

Этому противоречию можно предположить следующее объяснение: четыре покоренных Куджулой юечжийских владения находились не в Бактрии, а в горных долинах северо-восточной части Гиндукуша, как считал И. Маркварт, — в Бадахшане, Читрале и Вахане [464, с. 225; 15, с. 61—62, 97—98], что, однако, не соответствует ни сведениям письменных источников, ни нумизматическим данным. Не исключено также, что подчинение Куджулой Кадфизом четырех владений, вероятнее всего находившихся в Бактрии, о чем свидетельствуют и письменная традиция, связывающая юечжей с этой областью, и нумизматические данные, было первоначально чисто номинальным, не в результате военных действий, а в силу какого-то соглашения. Поэтому в них продолжали сохраняться локальные выпуски монет и только с укреплением политических позиций Куджулы Кадфиза они были упразднены, а вместе с ними теряют свой суверенитет и выпускавшие их правители. Как очевидно, требуются известные допущения для объяснения некоторых несовпадений письменных источников и нумизматических данных. Но в целом они свидетельствуют о несравненно более сложном и длительном процессе последовательности образования Кушанского царства, чем это бы вытекало из сведений китайских хроник.

Северная Бактрия вошла в состав Кушанского государства в период правления Сотера Мегаса, многочисленные находки монет которого сделаны на многих городищах и поселениях всего кушанского ареала: от Бактрии до долины Инда. Существуют две основные гипотезы о принадлежности монет этого

безымянного «царя царей Великого Спасителя»: по одной из них, всесторонне обоснованной М. Е. Массоном и поддержанной рядом ученых, они выпускались Куджулой Кадфизом на втором (царском) этапе его правления [199; 195, с. 159—160; 251; 271], согласно второй — это пореформенный чекан Вимы Кадфиза [110, с. 160—178; там же литература вопроса]. В пользу первого отождествления говорят метрические показатели, иконография лицевой и оборотной сторон, анализ сплава, занимавшего промежуточное положение между монетами Варварского Гелиокла и Вимы Кадфиза.

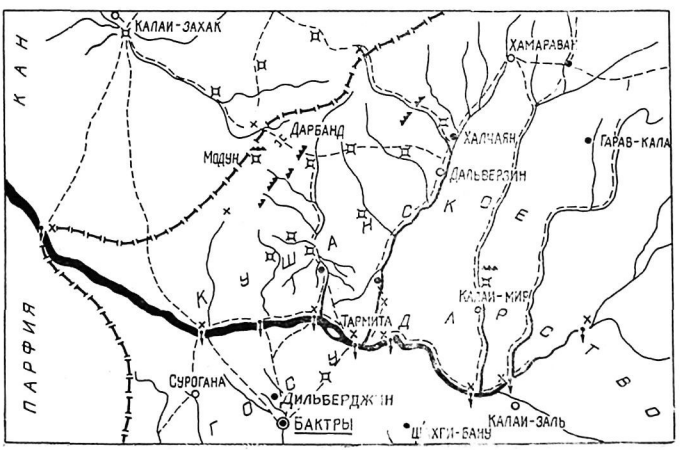
Аргументы второй гипотезы малоубедительны: это сходство титулатуры на монетах Сотера Мегаса и в одной из групп чекана Кадфиза II, что могло быть простым заимствованием от предшествующего чекана [195, с. 160]. Другой довод, объясняющий наличие кладов только с монетами Сотера Мегаса тем, что курс новой медной монеты Кадфиза II резко обесценил его дореформенные монеты — Сотера Мегаса [110, с. 47], может в равной мере применяться и в пользу монет Кадфиза I — Сотера Мегаса.

Не исключено, что титул «царь царей Великий Спаситель» был принят Куджулой Кадфизом в связи с завоеванием Бактрии. Примечательно, что на большинстве монет Сотера Мегаса, среди которых М. Е. Массон выделил шесть групп [199; с. 23—27], в отличие от именных монет Кадфиза I имеется только греческая легенда, т. е. они предназначались, по-видимому, в первую очередь для населения Бактрии, являясь собственно бактрийским его чеканом.

Северная Бактрия, начиная с царского периода правления Кадфиза I, входила в состав Кушанского государства на всех этапах его существования. При отсутствии письменных источников об этом убедительно свидетельствуют нумизматические данные — здесь представлены монеты всех кушанских царей: Сотера Мегаса (Кадфиза I), Кадфиза II, Канишки, Хувишки, Васудевы и Канишки III.

Однако Е. В. Зеймаль, основываясь на якобы малочисленных находках монет Хувишки периода «А» в Северной Бактрии, полагает, что она была утрачена кушанами во второй период правления этого царя в результате каких-то военно-политических событий. Этот этап «отпадения», по его мнению, будто бы приходится на 50—90 гг. «эры Канишки» и нумизматически заполняется подражаниями монетам Хувишки [106, с. 212—214].

Граница Кушанского государства на севере.



Между тем, монеты Хувишки в находках из Северной Бактрии совсем не малочисленны — в северо-западной части, по нашим данным, около 40 экз. и клад из 37 динаров; в северо-восточной части — 32 экз. [110, с. 212—214] — всего более 100 экз., т. е. в относительно равном пропорциональном соотношении с монетами других кушанских царей. Не согласуются с этим утверждением и состав монетных кладов, в которых фиксируется четкая поэтапная последовательность монет кушанских царей без каких-либо перерывов на подражания монетам Хувишки, и ранние выпуски сасанидских кушаншахов [312, с. 186—187]. Подчинение Северной Бактрии кушанам при Хувишке сейчас подтверждается также айртамской надписью с именем этого царя [375, с. 38—49].

Политическая история Кушанской империи в поздний период ее существования построена на гипотетических допущениях. Установлено, что наиболее поздние монеты кушанских царей выпускались от имени Васудевы и Канишки III. Причем, на основании выявленной типологической близости последних и монет Васудевы второй фазы их чеканки было высказано предположение о их выпуске на одном монетном дворе. Хронологически параллельными считаются также эмиссии медных монет Васудевы и Канишки III с изображениями богини Ардохш на об. ст. [110, с. 225; 480, p. 110—112].

Эти данные, а также якобы разные ареалы монет Васудевы и Канишки III послужили основой для распространенного мнения о разделе Кушанского государства на две части: «западную» и «восточную», или «северную» и «южную» (Рапсон, Р. Гёбль, Д. Розенфильд, Я. Харматта, Б. Чаттопадхьая). Так, Д. Розенфильд относил монеты Канишки III к южным областям на основании того, что об. ст. этих монет была перенесена затем на монеты династии Гупта, а монеты Васудевы — к северным областям, поскольку об. ст. их была унаследована сасанидскими кушаншахами. Он ссылается также на устаревшие данные А. Канингхэма о распространении монет Канишки III в Северо-Западной Индии, а монет Васудевы — в долине Кабула [449, p. 116; 480, p. 107—110]. Я. Харматта свое мнение о разделе Кушанского государства на две части обосновал якобы разным ареалом находок монет Канишки III и Васудевы [450, с. 183].

Е. В. Зеймаль считает неясным вопрос о подчинении Северной Бактрии кушанам в правление этих царей [110, с. 225]. Он полагает, что указанные монеты проникают сюда значительно позднее времени их выпуска, в период между гипотетическими двумя сасанидскими оккупациями в 20—40 годы V в. [106, с. 41—42]. Однако в кладах монеты Васудевы и Канишки III, за редчайшим исключением, не встречаются с монетами сасанидских кушаншахов, а в стратиграфическом отношении вслед за монетами Хувишки следуют монеты Васудевы и Канишки III [304, с. 186—187]. Монеты эти в большом количестве повсеместно встречаются в Северной Бактрии [326, с. 82—85; 110, с. 215—228]. Эти данные не фиксируют какого-либо перерыва в подчинении Северной Бактрии кушанами и не подтверждают мнение о разделе Кушанского государства на две части в правление Васудевы и Канишки III.

Общеизвестна исключительная противоречивость в определении хронологических границ существования Кушанского царства и дат правления его государей, их последовательности и числа. Дискуссия по этой проблеме не утихает, она была предметом международных симпозиумов и имеет обширную литературу. В китайских источниках упоминаются только Киоцзюко — Куджула Кадфиз, его сын Янгаочжень — Вима Кадфиз и Бо-Дю, чье имя — китайская передача имени кушанского царя Васудевы [498, p. 489; 450, p. 195; 478, p. 258; 360, с. 27]. В надписях по «неизвестной эре» содержатся сведения об одном кушанском царе — Увиме Кавтисе, датированные 187 (184?) г. [107, с. 18—23]. В индийских надписях, датированных по «эре Канишки», упомянуты следующие кушанские цари: Канишка I (I—23 г.), Васишка (24—28 г.), Хувишка (28—60 г.), Канишка II (41 г.), Васудева (64—98 г.). В числе эпиграфических памятников на бактрийском языке пока фигурируют имена Канишки (Сурх-Котал) и Хувишки (Айртам). На кушанских монетах зафиксированы имена Куджулы Кадфиза, Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки, Васудевы и еще одного Канишки, третьего по счету, если первым считать Канишку великого, а вторым — Канишку, упоминаемого в надписи из Ары, датированной 41 г. по «эре Канишки» [107, с. 40]. Таковы в кратком изложении основные использованные исследователями данные о великих кушанских царях и последовательность

их правления. Первым из них был, бесспорно Куджула Кадфиз, последним же, если исходить из эпиграфических данных, — Васудева, а согласно нумизматическим — Канишка III. Несовпадение сведений различных источников и некоторые особенности монет породили также гипотезы о возможном существовании царей Хувишки I и II, Васудевы I и II. В обобщенном же виде последовательность правления кушанских царей может быть следующей: Куджула Кадфиз, Вима Кадфиз, Канишка I, Васишка, Хувишка, Канишка II, снова Хувишка (или Хувишка II), Васудева, Канишка III.

Вместе с тем, Р. Гёбль выдвинул предположение, что в Кушанской империи, подобно Римской, существовала система пребывания у власти одновременно двух царей — «старшего» и «младшего» — Sēnior Augustus — Jnior Augustus. В соответствии с этим Канишка I правил до 41 г. «эры Канишки» и, следовательно, не было Канишки II, а Васишка и Хувишка (в первый период своего правления) являлись младшими царями [446]. В этой небезынтересной гипотезе, объясняющей отсутствие монет Васишки и наличие имени Канишки в надписи из Ары (41 г.), вместе с тем, как отметил Е. В. Зеймаль, имеются существенные недостатки [107, с. 51—52]. Недоумение вызывает тот факт, что достаточно многочисленные надписи не содержат имен каких-либо других царей после Васудевы. Между тем известен обильный типологически сходный чекан золотых и медных позднекушанских монет (царь в доспехах/сидящая богиня Ардохш). В круговой легенде на золотых монетах содержится имя «царя царей» Канишки. Остается неясным, был ли этот Канишка младшим царем при Васудеве или правившим после него государем. Не исключено также, что это не два лица, а одно, носившее два имени: исконное — Канишка и тронное — Васудева.

Еще более сложен вопрос об абсолютных датах правления кушанских царей. Сопоставление довольно многочисленных эпиграфических памятников с территории Кушанской империи, где упоминаются кушанские цари, датированных по «неизвестной эре» и «эре Канишки», с другими датированными эрами (эра Сака, эра Викрама, эра Калачури) пока не привело к положительному результату. Колебания в определении начальной даты Канишки (НДК) — краеугольного камня кушанской абсолютной хронологии, весьма ощутимы от 57 г. до н. э. до 278 г. н. э. Обзор различных мнений в отношении НДК с исчерпывающей полнотой проведен в 1968 г. Е. В. Зеймалем, отметившим, что для решения кушанской хронологии предложено более тридцати вариантов абсолютных дат [107, с. 132—135].

С тех пор появился еще ряд публикаций по этой проблеме. Здесь лишь укажем, что в научной литературе наиболее распространены следующие варианты начальной даты Канишки: 78 г. н. э. (Фергюссон, Ольденбург, Томас, Лехайзен де Леев); 103, 105, 128 (Нарайн, Смит, Ван Вийк, Конов); 144 г. н. э. (Гиршман); 225/230 г. н. э. (Гебль), 278 г. н. э. (Бхандаркар, Зеймаль). Исследования двух последних десятилетий не решили проблемы. Отметим исследования Ж. Фюсмана, относящего время правления Куджулы Кадфиза между 20—46 гг. н. э., Вимы Кадфиза — 46—78 гг. н. э., а начальную дату Канишки — к 78 г. н. э. [433; р. 41—50; 434; р. 1—43], но эта точка зрения также основана на различного рода допущениях. Привлекаемый для доказательства того или иного варианта даты Канишки круг источников, за редким исключением, остается прежним и его исследование не может решить проблему кушанской хронологии. Между тем привлечение данных монетной стратиграфии может внести определенный вклад в ее понимание. По мнению Г. А. Пугаченковой, анализ залегания в стратиграфических слоях монет домусульманских и раннекушанских правителей позволяет установить следующую последовательность монетных чеканов: варварский Гелиокл — Герай (ему современны именные чеканы Куджулы Кадфиза) — Сотер Мегас (чекан Куджулы второго периода его правления) — Вима Кадфиз. На основании ряда аналогий она делает вывод, что монеты варварского Гелиокла датируются от рубежа II/I в. до н. э. до первой трети I в. н. э; монеты Герая относятся к концу I в. до н. э. — началу н. э.; чекан Сотера Мегаса — Куджулы Кадфиза — к средней трети (или второй—третьей четверти) I в. н. э. [271, с. 98—107, там же дискуссия по датам царствования этих правителей].

Один из реальных путей установления кушанской абсолютной хронологии — совместные находки в археологических слоях или кладах кушанских монет и монет парфянских, римских и сасанидских царей, имеющих

уточненные даты правления. Анализируя клад из Ахин-поша, Е. В. Зеймаль пришел к пессимистическому выводу о том, что следует отказаться от попыток установления кушанской абсолютной хронологии по совместным находкам монет. Этот вывод не представляется нам убедительным. Единичные случаи совместных находок и выводы исследователей, вытекающие из них, конечно, субъективны. Однако использование серий монетных находок, образующих временной ряд, в котором на всем протяжении кушанские монеты сочетаются с хорошо датированными монетами, дает возможность определить terminus ante quem u terminus post quem существования Кушанского государства и, в определенной мере, временных рубежей правления кушанских царей.

Рассмотрим в хронологическом плане совместные нумизматические находки из ряда археологических памятников, расположенных в разных частях Кушанского царства и за его пределами: Ахин-пош и Сиркап Таксила (Гандхара), Дальверзинтепе, Кампыртепе и Хайрабад-тепе (Северная Бактрия), Бард-и Нишанде (Иран). На цитадели Кампыртепе определены три периода ее обживания: эллинистический, представленный монетами Антиоха I (280—261 гг. до н. э.) и греко-бактрийских царей (середина III в. до н. э. — 40-е годы II в. до н. э.), юечжийский и кушанский, заключительная фаза которого датируется монетами Канишки.

Для юечжийского периода обживания зафиксированы находки в одном культурном слое парфянской монеты Фраата IV (40—3 гг. до н. э.), монет Фраата IV и Фраата V с надчеканами, а также подражаний монетам Гелиокла. Для начальной стадии третьего периода отмечены находки в одном культурном слое монеты Фраата IV с надчеканом, а также лежащих друг на друге монеты Сотера Мегаса мелкого номинала и медной парфянской монеты I в. н., возможно, Готарза II (43—50 гг. н. э.) с изображением на аверсе царя в зубчатой короне влево, а на реверсе — головы рогатой лошади [аналогичный тип см.: 463, с. 12—13 илл. 110]. В верхнем слое цитадели, на полу одного из помещений обнаружены две монеты — халк Канишки и парфянская монета с изображением царя в диадеме и надчекан в виде головы правителя. По типу эта монета близка парфянским монетам I в. н. э. [240; с. 120—124, табл. IV].

Для датировки монет Сотера Мегаса существенны также другие находки. Так, в Сиркапе Таксилы во II (парфянском) и III (сакском) слое найдено наряду с двумя монетами Герая-Санаба восемь монет Сотера Мегаса. Показательно, что монеты Куджулы Кадфиза именного чекана появляются здесь уже в IV (раннесакском) слое, но присутствуют также и в позднесакском и парфянском слоях. Стратиграфический слой с монетами Сотера Мегаса датируется не позднее первой четверти I в. н. э. [466, p. 783, 792, 812; 271, с. 103].

На городище Хайрабадтепе в одном из помещений найден сестерций Нерона (54—68 гг. н. э.) и халк Сотера Мегаса, а также монеты Вимы Кадфиза (которые В. Д. Жуков ошибочно отнес к разным номиналам чекана Васудевы) и Васудевы. К сожалению, он не дает послойного распределения этих монет [101, с. 184—185]. При раскопках ступы в Ахин-поше в реликварии и рядом с ним были обнаружены двадцать золотых монет: 10 — Вимы Кадфиза, 6 — Канишки, 1 — Хувишки и три римских ауреуса Домициана (81—96 гг.), Траяна (98—117 гг.) и жены Адриана (117—138 гг.) — Сабины (начало чеканки ее монет 128 г.) [107, с. 114].

Обратимся теперь к кладу из Бадр-и Нишанде, включающему 5 тыс. монет Элимиады II в. н. э. (наиболее поздние из них — 5 экз. датируются концом II — началом III в. н. э.) и халк Канишки [400; 440, p. 13—14]. В научной литературе справедливо отмечено, что данный клад свидетельствует о невозможности отнесения даты правления Канишки позднее II в. н. э. [360, с. 27; 131, с. 194].

На Дальверзинтепе на раскопе Дт — 18 найден клад монет, состоящий из восьми подражаний монетам Васудевы и Канишки III и драхмы Шапура I (241—272 г. н. э.).

Сопоставим имеющиеся материалы. Монеты Сотера Мегаса в двух случаях сочетаются с монетами, датированными второй — третьей четвертью I в. н. э. К тому же А. Симонетой опубликована монета Сотера Мегаса с надчеканами парфянского царя Пакора (35—55 гг. н. э.). Согласно его мнению, Сотер Мегас правил в 35—50 гг. н. э. [485; p. 49, pv. 3—1; 251, с. 21].

В целом эти данные подтверждают выдвинутую М. Е. Массоном датировку монет Сотера Мегаса промежутком между 30—40/60—70 годами I в. н. э. [199, с. 38].

Монеты Канишки в одном случае сочетаются с римскими конца I — начала второй четверти II в., в другом — с парфянской монетой первой половины II в. и элеманднскими монетами II в. Эти данные определяют временной диапазон их чеканки не ранее и не позднее II в. н. э.

И, наконец, подражания кушанским монетам Васудевы и Канишки III сочетаются с сасанидской драхмой Шапура I (241—272 гг. н. э.). Это показывает, что по крайней мере в третьей четверти III в. н. э. монеты последних великих кушанских царей Васудевы и Канишки III уже не чеканились, но появляются их подражания. К тому же отметим, что выпуск подражаний начался ранее, чем они выпали из обращения, соответственно и верхний хронологический рубеж существования Кушанского государства приходится на время более раннее, чем третья четверть II в. н. э. и первый год (241 г.) правления Шапура I.

В хронике династии Вэй сообщается о прибытии к китайскому двору в январе 230 г.н. э. посольства с дарами от царя да-юечжи, Бодю — Васудевы [498, p. 371]. Если исходить из нашего положения о том, что был только один последний кушанский царь по имени Васудева, тождественный Канишке III, то время падения государства Великих Кушан, учитывая нумизматические данные, приходится, вероятнее всего, на вторую четверть — середину III в. н. э. К 261 г. н. э., как это указывается в надписи на Каабе Заратуштры, весь Кушаншахр до Пашкабура (Пешавара) уже принадлежал сасанидам.

Таким образом, вышеприведенные данные позволяют построить временной ряд для кушанских монет. В нижних его пределах на среднюю треть I в. н. э. приходится один из этапов обращения монет Сотера Мегаса — Куджулы Кадфиза. Верхний же предел выпуска кушанских монет ограничен второй четвертью III в. н. э. В середину этого ряда закономерно укладываются монеты Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки, что в свою очередь позволяет ограничить временные границы существования Кушанского царства в пределах второй трети I в. н. э. — первой половины III в. н. э.

Северная Бактрия являлась одной из важнейших составных его частей, значение которой определялось высоким экономическим потенциалом и, прежде всего, ролью пограничной области. Здесь была создана мощная фортификационая система, рассчитанная на противодействие внешнему врагу и включавшая три пояса оборонительных сооружений:

1. Пограничные стены с крепостями, обозначавшие и защищавшие государственную границу (Дербент);

2. Государственные крепости, закрывавшие дороги из ущелий. Эти крепости, зачастую находившиеся в голове каналов, выполняли также функции надзора за распределением воды и, вероятно, таможенные функции (Кафыр-кала, Сар-и-Банд, Тарагайтепе, Коштепе).

3. Государственные крепости, контролировавшие переправы через Окс (Айвадж, Кампыртепе, Термез).

Вероятно, имелись и районные стены вокруг важнейших оазисов, подобно окружной стене Балхского оазиса [260, с. 137—140]. Неслучайно наличие мощной фортификации в городах и большого числа мелких укрепленных городков-крепостей, создававшихся с учетом возможных вторжений с севера и противодействия внутреннему врагу.

По мнению А. П. Франфора, со II в. до н. э. до III в. н. э. в Бактрии происходит возврат к доэллинистическим традициям фортификации: появляются внутристенные коридоры и полукруглые башни. Это обстоятельство он связывает с решающей ролью конных и рукопашных сражений на театре кушанских и парфянских военных действий, что привело к отказу от сложных глинобитных массивов стен и башен, поскольку кавалерийские атаки и действия пехоты стали основным методом осады городов [431, p. 34—35; возражение его позиции — 474, с. 23].

В. М. Массон, основываясь на якобы слабом развитии протейхизм и небольшой толщине внешних стен, также считает, что северо-бактрийская фортификация была рассчитана в первую очередь на оборону от пеших и конных контингентов [193, с. 261]. Однако это не так. Мощные протейхизмы выявлены в основании стен Будрача, Дальверзинтепе, Кампыртепе, толщина которых достигает 10, 7—9 и 5 м соответственно. Укрепления кушанских городов Северной Бактрии предназначались как для противодействия стенобитным машинам (наличие протейхизмы, большая толщина стен, передняя стенка становится, в отличие от ранних периодов, значительно шире), так и атакам кавалеристов и пехоты (множество бойниц в стенах и башнях, обес-

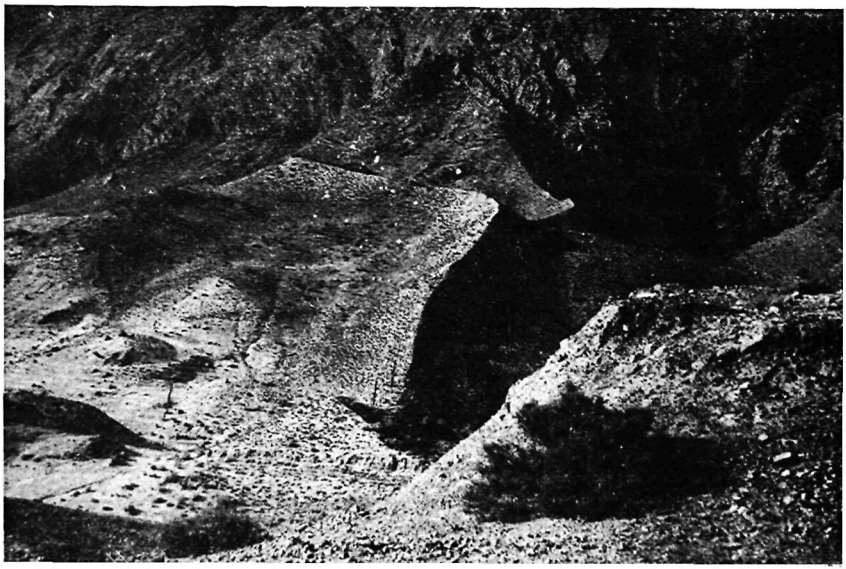
печивавших фронтальный и радиальный обстрел местности). С учетом возросшего уровня военного дела и развития осадной техники в кушанское время были созданы соединяющие бактрийские и эллинистические приемы, различные фортификационные системы.

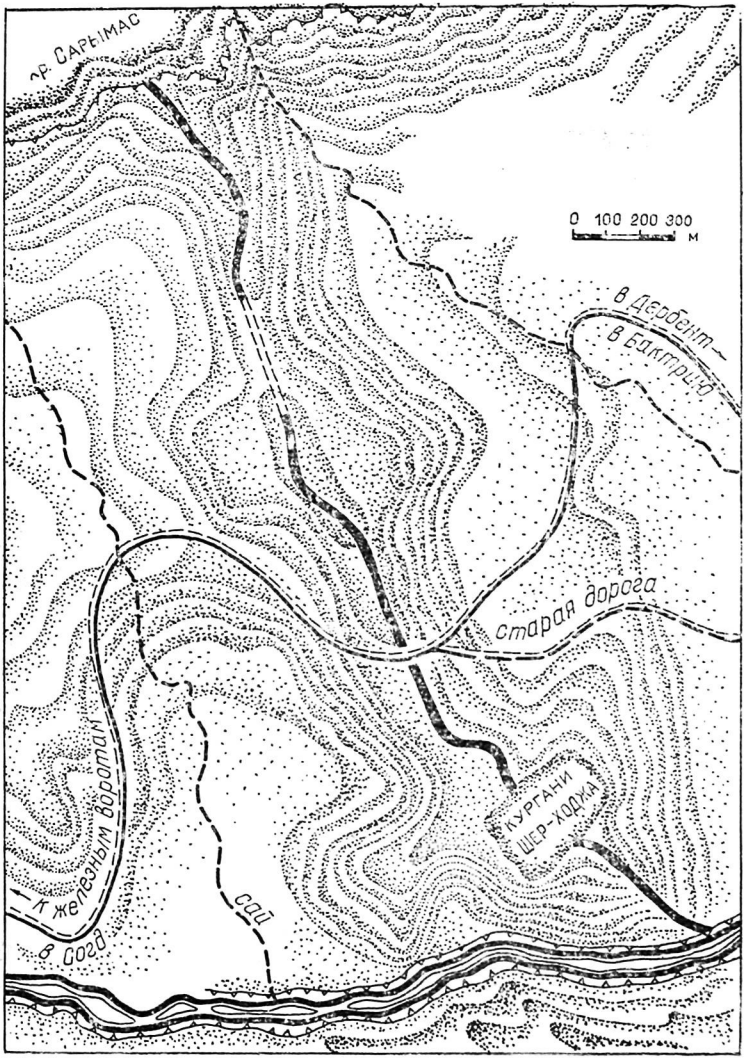
Количественное разнообразие оборонительных сооружений, выявленных на изучаемой территории, свидетельствует о том, что кушанам больше приходилось опасаться военных вторжений с севера, нежели самим осуществлять экспансию в данном направлении.

Новые археологические данные позволили нам установить более конкретное местоположение северо-западной границы Кушанского царства. У кишлака Дарбанд рядом с Железными воротами выявлена крепость и мощная оборонительная стена протяженностью 1,5 км, шириной 6—6,5 м, перегораживающая долину р. Шуроб между хребтами Сарымас и Сусизтаг, по которой проходила основная дорога, соединявшая в древности и средневековье Согд с Бактрией-Тохаристаном и Индией. Оборонительными стенами были перегорожены и второстепенные дороги, идущие по ущельям Узундара около Сайроба, Тангидувал у Панджаба и Хатака, хотя эти дороги труднопроходимы и непригодны для прохождения больших вьючных соединений [315, с. 34—39]. Мощная стена из рваного камня протяженностью 5 км и шириной 3 м перегораживала горное ущелье у к. Сина [249, с. 50—51].

Таким образом, Северная Бактрия в системе Кушанского царства занимала важное стратегическое положение, представляя собой «пограничную область». На существование таких областей в составе Кушанского царства указывает надпись из Сурх-Котала, где зафиксировано имя «Ноконзок» с бактрийским титулом — Καραλραγγο — наместник, началь-

Пограничная стена кушанского времени у Дербента: фото с натуры и глазомерный план (см. с. 58).




р. Сарымас
0 100 200 300
м
в Дербент—
в Бактрию
старая дорога
курганы
Шер-Ходжа
к железным воротам
в Согд
сад

ник пограничной области — маркграф [140, с. 55 — 56; 386, с. 66; 363, с. 328; 452, p. 50—51]. В надписи из Айртама упоминается некий Шодийа [375]. Но поскольку с его именем связывается осуществление по приказу царя Хувишки крупных строительных работ в Айртаме, мы вправе предположить, что он был представителем высшей кушанской администрации, возможно, наместником (сатрап?, канаранг?) одной из областей Северной Бактрии.

Сама же область могла состоять из отдельных наместничеств и мелких областей, управляемых представителями высшей администрации или даже наследственными династиями из побочных ветвей правящего кушанского рода.

Почти несомненно, что такой областью был Чаганиан, где в Халчаяне находился дворец правителей, позже превращенный в династийный храм, посвященный прославлению кушанских династов Чаганиана или кушанского царского рода [252, 255]. Изучение же скульптуры из буддийского святилища на Дальверзинтепе позволило предположить, что основная ее группа изображает «представителей одной из ветвей кушанского рода из дома наместника, управляющего областью по Сурхандарье» [277, с. 67, 96—97]. Вместе с тем, здесь же имеются изображения персонажей, стоявших на достаточно высокой ступени сословной иерархии, возможно, из числа правителей городов и более мелких административных единиц.

На наличие дробной структуры административного устройства Северной Бактрии указывают данные археологической географии, наметившие группировку поселений в несколько микро- и макросистем: ирригационные районы и области.

Вероятно, эти системы отображают не столько географический принцип размещения, сколько государственную политику административного членения. В каждой из них находились сильно укрепленные городки и города, являвшиеся, возможно, местопребыванием военного гарнизона и правительственного чиновника, ведавшего сбором налогов и осуществлявшего фискальный надзор.

Вместе с тем, в Северной Бактрии существовали своего рода религиозные центры, находившиеся под покровительством кушанских царей. Как явствует из эпиграфических надписей, такого рода центрами были буддийский монастырь Каратепе в Тармите, носивший название «царской вихары» — Кхадевакавихара [362, с. 47; 60, с. 134—151], и буддийский храм в Айртаме. В первой строке надписи из Айртама прямо указывается на какие-то пожалования в пользу буддийской общины этого пункта. Поскольку в начале первой строки указанной надписи упоминается имя царя Хувишки, а в строках 2—4 рассказывается о деятельности Шодийа, связанной с перестройкой храмового комплекса, мы вправе предположить, что в нарушенной части первой строки говорится о том, что сам Хувишка поручил Шодийа расширить храм и выделил на это необходимые средства [375, с. 45].

Проанализированные выше материалы с очевидностью указывают на то, что Северная Бактрия, вошедшая в состав Кушанской империи, начиная с царского периода правления Куджулы Кадфиза, оставалась важнейшей составной ее частью вплоть до падения этого государства.

Видимо, уже в правление Васудевы и Канишки III развиваются центробежные силы сепаратизма, приведшие к гибели государства и распаду его на отдельные владения.

Эпоху после падения Кушанского царства вплоть до включения Северного Тохаристана в состав Эфталитского государства зачастую определяли как кушано-сасанидскую или посткушанскую, очерчивая ее продолжительность серединой III — началом V вв. [191, с. 37].

Иную периодизацию на основании монетных данных из Южного Таджикистана предлагает Е. В. Зеймаль. В этой эпохе он выделяет два этапа сасанидской оккупации: 1—нумизматически обеспеченный наиболее ранними из монет сасанидских кушаншахов (60—80 гг. IV в.); 2 — якобы нумизматически обеспеченный подражаниями монетам Васудевы и Канишки III (40—80 гг. V в.). Последний он предлагает теперь именовать «кидаритским» этапом, связывая с кидаритами чекан указанных подражаний, хотя прежде (на наш взгляд, справедливо) он отрицал владычество кидаритов к северу от Амударьи [110, с. 41—42; 106, с. 34—35]. Предложенная периодизация в отношении последовательности и абсолютной датировки не подтверждается археолого-нумизматическими данными из Северо-Западного Тохаристана. На основании имеющихся материалов в истории этой области данной эпохи можно выделить три крупных истори-

ческих периода: 1. Политическая дестабилизация (посткушанский); 2. Подчинение сасанидским кушаншахам (кушано-сасанидский); 3. Образование небольших самостоятельных владений (тохаристанский).

1 период. Нумизматически обеспечен подражаниями монетам Васудевы и Канишки III, возможно, также монетами Хувишки. В археолого-стратиграфическом отношении эти подражания залегают в слоях или совместно с монетами последних кушанских царей (Васудевы или Канишки III), или над ними [304, с. 47—53]. Имеются также монетные клады, содержащие только данные подражания. Особенно показателен в этом отношении клад из Зартепе, состоящий из 507 медных подражаний монетам Васудевы (442 экз.) и Канишки III (63 экз.), при полном отсутствии монет сасанидских кушаншахов. Ш. Р. Пидаев справедливо считает, что существовал период, когда на рынке обращались только эти подражания [235, с. 78]. Примечательно, в свою очередь, что клады монет сасанидских кушаншахов из Северного Тохаристана или целиком состоят из указанных монет, или содержат небольшую примесь из подражаний монетам Васудевы и Канишки III [110, с. 291 — 295; 235, с. 78—79].

Для определения абсолютной датировки данного периода большое значение имеет клад из Дальверзинтепе, включающий девять монет: подражания монетам Васудевы — 6 экз., подражания монетам Канишки III — 2 экз., драхма Шапура I (241—272 гг.). Подражания монетам Васудевы относятся ко второму-четвертому этапу их чеканки по классификации Е. В. Зеймаля, подражания монетам Канишки III близки к исходному прототипу, драхма Шапура I обычного типа [169, с. 167; 447; с. 31—34]. Наличие в кладе драхмы Шапура I, кстати, наиболее ранней сасанидской монеты, обнаруженной в Северном Тохаристане, позволило датировать эти подражания синхронным временем или, во всяком случае, в пределах достаточно близких времени ее чеканки. Строго говоря, допустим и иной вариант: драхма Шапура I могла выпасть из обращения спустя сравнительно большой промежуток времени, но он менее возможен, так как в этом случае в кладе, вероятнее всего, отложились бы монеты более поздних сасанидских царей или сасанидских кушаншахов.

Таким образом, мы имеем первый достаточно надежный факт для датировки подражаний монетам Васудевы, Канишки III, а следовательно, и для определения абсолютной хронологии первого этапа: середина — третья четверть III в.

В этой связи уместно привлечь также среднеперсидскую надпись из Каратепе, содержащую цифру «60» или «61». В. Б. Хеннинг и В. Г. Луконин полагали, что она означает год либо по сасанидской царской официальной эре, начавшейся в 204/205 гг. (по В. Б. Хеннингу), в 208/209 гг. (по В. Г. Луконину), либо по годам царствования Шапура III (309—379 гг.), причем В. Б. Хеннинг отдавал предпочтение первому предположению, а Луконин — второму [170, с. 45—46]. Я. Харматта предложил иную датировку — 286 г. н. э. [362, с. 180]. Б. Я. Ставиский, не отдавая предпочтения ни одной из этих дат, указал, что присутствие в Каратепе сасанидских официальных лиц, а, возможно, и солдат, колеблется между 264/265 — 369/370 гг. н. э. [362, с. 186].

Рассмотрение стратиграфических особенностей храма П—22, в котором была найдена указанная надпись, намекает, однако, на вероятность более ранней ее датировки. По Б. Я. Ставискому, во дворе храма после его разгрома был сооружен алтарь огня, затем храм забросили, в результате здесь накопился трехкомпонентный слой завала; после этого помещения храма стали использоваться для массовых захоронений, датируемых монетами кушаншаха Варахрана II. Его правление В. Г. Луконин относил к 384—389 гг., а надпись датировал 369/370 гг. Получается, что на 15—20 лет приходится разгром храма, возведение алтаря огня, период запустения и, наконец, период захоронений. Это маловероятно, поскольку подобная многослойность соответствует обычно более продолжительному отрезку времени.

В связи с вышеизложенными данными представляется, что надпись Шапура I на «Каабе Зороастра» (датируется 262 г.), в которой утверждается, что среди царств, подчиненных сасанидам или приносящим им дань, была страна кушан (Кушаншахр), отражает сложившуюся к этому времени реальную ситуацию, а не только претензию на господство, как полагал В. Г. Луконин [169, с. 128—129].

Как показывают монетные клады, найденные в Северном Тохаристане, и стратиграфия памятников, монеты Великих Кушан последовательно сменяются подражаниями, а за-

тем монетами сасанидских кушаншахов. Следовательно, начальный этап сасанидских завоеваний на Востоке не сопровождался еще выпуском монет сасанидских кушаншахов, а между падением Кушанского государства и основанием кушанского наместничества сасанидов существовал определенный промежуток времени, нумизматически обеспеченный подражаниями кушанским монетам. Об этом достаточно длительном периоде чеканки подражаний Васудеве говорит типологический ряд из шести временных фаз [110, с. 241—245], хотя остается неясным, сколько времени приходится на каждую из них: драхма Шапура I (242—272 гг.) из Дальверзинского клада указывает, с одной стороны, на возможность их обращения в это время, а с другой — на отсутствие еще в обращении монет сасанидских кушаншахов. Таким образом, завершение первого этапа может быть датировано временем не ранее последней четверти III в. н. э.

II период. М. Е. Массоном были впервые зарегистрированы находки монет сасанидских кушаншахов на юге Узбекистана от Термеза до Байсуна [202, с. 226]. Б. Я. Ставиский и Б. Я. Вайнберг, основываясь на данных среднеперсидских надписей из Каратепе и монетных находках, считают, что значительная часть правобережного Тохаристана принадлежала сасанидским кушаншахам [362, с. 137]. Е. В. Зеймаль, однако, полагал, что им принадлежала только узкая прибрежная полоса вдоль Амударьи [86, с. 71—72].

Нами было показано несоответствие фактическим данным этого вывода [304, с. 47—55]. По мнению В. М. Массона, ареал владений сасанидских кушаншахов охватывал значительную часть Северного Тохаристана [191, с. 37—38]. В последних работах Е. В. Зеймаль, несколько изменив свое мнение, по-прежнему считает, что монеты сасанидских кушаншахов встречаются преимущественно в прибрежной зоне Амударьи. Согласно В. Б. Пилипко, весь район правобережья Амударьи до Чарджоу также являлся сасанидско-кушанским владением [239, с. 113].

В действительности на территории Северного Тохаристана зона монет сасанидских кушаншахов охватывает правобережье Амударьи, долины Шерабаддарьи и Сурхандарьи, где они найдены на двадцати пяти городищах и поселениях [304, с. 45]. Особенно много этих монет встречается в Старом Термезе, хотя издано пока лишь незначительное их число [114, с. 102—103; 361, с. 188]. Несколько сот монет обнаружено на Зартепе [6, с. 40—41; 190, с. 140; 103, с. 141—154]. Они широко распространены в долине Сурхандарьи. Так, на Алибайтепе найден большой клад, включающий более 1000 экз., в том числе более ста подражаний монетам Васудевы [235, с. 77—78]. Реже данные монеты встречаются на Дальверзинтепе, что объясняется значительным его упадком в то время.

Таким образом, несомненно, что эта область входила в состав владений сасанидских кушаншахов, причем границы данных владений оставались, по-видимому, неизменными на протяжении всего периода существования кушанского наместничества Сасанидов. Здесь найдены монеты всех сасанидских кушаншахов, но особенно часто встречаются монеты Хормизда, Шапура, Варахрана I и II, сравнительно редки монеты Арташира и Пероза. Известны также находки монет из группы «Кобада» или «Кабо» [110, с. 262—268; 304, с. 53—54] и монеты «Сатрапа Мезёв».

Начало выпуска монет сасанидских кушаншахов ряд исследователей относили к III в. н. э. [454, с. 31—40; 412, p. 13—42; 449, с.84—108]. В последнее время, однако, эта точка зрения пересмотрена Р. Гебльм и В. Г. Луконины. Причем, если ранее Р. Гебль датировал начало чеканки данных монет временем Хормизда II (302—309 гг.) [443], по существу, так же как Канингхэм и Р. Гиршман, то сейчас датировку монет сасанидских кушаншахов он определяет с 371 по 400 г. В. Г. Луконин относит начало чеканки кушано-сасанидских монет к 380 г. н. э., а сасанидо-кушанских — к 367 г. н. э. [169, с. 124—152].

Это мнение принято рядом советских исследователей (Е. В. Зеймаль, Б. И. Маршак, Б. И. Вайнберг, Б. А. Ставиский). Последние, однако, выразили сомнение в датировке монет Варахрана II концом IV — началом V вв., указав, что в это время в районе Термеза обращались монеты группы «Гобозико».

М. Е. Массон полагал, что кушано-сасанидские монеты чеканились, вероятно, с конца III в. н. э., вначале из меди, а затем — из золота и продолжались с некоторыми перерывами еще в первой половине V в. [202, с. 225—227]. Согласно В. М. Массону, начало их выпуска — конец III — начало IV вв. [191, с. 35].

По мнению В. Н. Пилипко, выпуск сасанидо-кушанских монет в первой половине IV в.,

следует считать вероятным, а во второй — бесспорным. Датируя завершение их чеканки концом IV в., он считает малообоснованной как хронологически, так и типологически чеканку монет кушаншахов Хормизда и Пероза в 60 гг. V в. [239, с. 17—22].

В отношении абсолютной хронологии возникновения и чеканки кушано-сасанидских монет единства мнений нет. Даты их колеблются в пределах 80—120 лет: середина III в. (Херцфельд, Бивар, Крибл), конец III в. (М. Е. Массон, В. М. Массон, Ртвеладзе, Пилипко), начало IV в. (Каннингхэм, Гиршман); 371 г. — Гебль; 367 г.— Луконин. Завершение же — до 80—100 лет (360 г. — Бивар: середина 80-х гг. IV в. — Гебль; 459 г. — Луконин, Зеймаль).

Эти хронологические разногласия не дают возможности определить абсолютную датировку начала второго периода. Однако, опираясь на археолого-нумизматические данные из Северо-Западного Тохаристана, можно датировать начало обращения здесь монет сасанидских кушаншахов не ранее последней четверти III в. При всем том, IV в. считается всеми исследователями как время выпуска и обращения монет сасанидских кушаншахов.

Если последняя четверть III в. как время возможного начала второго этапа может определяться приблизительно, то завершение его датируется достаточно точно. Как показала Б. И. Вайнберг, на конец IV в. в Северо-Западном Тохаристане уже приходится выпуск серебряных монет по образцу сасанидских драхм Варахрана IV (377—389 гг.), относимых ею к чекану хионитов [55, с. 134; 362, с. 189—190].

Системы расселения и некоторые черты социально-экономической структуры. Поход Александра Македонского и последующее включение Северной Бактрии в состав Селевкидского и Греко-Бактрийского государств определенным образом сказались на существовавших здесь прежде системах антропогенного расселения. В частности, полностью запустевают древние оазисы подгорной полосы Байсунтау и Кугитанга, тогда как основные общественные зоны концентрируются в долинах крупных рек: Амударьи и Сурхандарьи.

Коренные изменения в системе расселения происходят в Северной Бактрии в период вхождения ее в состав Кушанского государства, что характеризуется обживанием почти всех физико-географических зон, за исключением высокогорья, созданием обширных селитебных массивов, включающих крупные и мелкие городки и поселения, сельские усадьбы, с хозяйственной специализацией каждой из зон.

Для равнинно-долинной зоны, где сосредоточивались основные селитебные массивы, была характерна концентрация ремесел, торговли, орошаемого земледелия; для подгорно-равнинной зоны с ее системой расселения в крупных и мелких оазисах — богарное и орошаемое земледелие, скотоводство, при малом удельном весе ремесел; а для среднегорья при системе изолированных мелких оазисов — земледелие, скотоводство и металлургия.

Очевидно, возникновение данной системы было не одновременным актом, а постепенным и длительным процессом, активизация которого связана с приходом в Северную Бактрию большого числа кочевников, занявших не только степную территорию, но осевших в поселениях и городах [383, с. 102—153].

Большой приток кочевников — саков и юечжей в Бактрию способствовал увеличению количества населения в ней, а постепенный переход их к оседлости сопровождался освоением новых территорий и увеличением площадей орошаемых земель.

В кушанский период в условиях военно-политической стабилизации внутри государства происходит максимальный подъем антропогенного освоения Северной Бактрии, формирования и развития разнообразных систем расселения, отражающих, вероятно, сложившиеся в этот период административные единицы. Всего здесь выявлено около 200 археологических памятников кушанского времени, из которых 123 приходятся на Сурхандарьинскую область [292, 294, 320, 326].

Основные физико-географические зоны расселения: поймы и долины рек, надпойменные террасы, степная и подгорная возвышенная равнина, межгорные котловины. Основные единицы расселения: усадьбы, крепости, сельские поселения и городского типа, городища нескольких типов. Всего, по нашим наблюдениям, здесь функционировало не менее десяти разнофункциональных поселений, площадью от 0,3 га до нескольких десятков и даже сотен гектаров. Отмечена также преобладающая роль сельских поселений, когда на один город их приходилось шесть-семь [297].

Микрооазис, оазис, ирригационный район, ирригационная область — эти территориальные единицы составляли основную структуру всей Северной Бактрии, поэтому остановимся на их обобщенной характеристике.

Горный микрооазис. Представляет собой ограниченную небольшую территориальную единицу, расположенную в долинах горных саев и в межгорных котловинах. Включает одно, реже два сравнительно мелких поселения. Степень обживания таких оазисов зависела не только от географических условий, но также от функциональной их значимости. Некоторые из них представляли собой, вероятно, форпосты-крепости на северных границах Кушанского государства, другие сложились вблизи мест добычи полезных ископаемых и их переработки.

Равнинный и подгорный микрооазис. Зона оседлости, занимавшая территорию площадью до 10 кв. км в долинах небольших саев (подгорный), в головных и хвостовых частях каналов и арыков (равнинный). Микрооазис включает одно или два рядом расположенных небольших поселения сельского типа, которые, судя по раскопкам Мирзакултепе и Ак-Кургана, представляли собой места обитания большесемейной общины, сопоставляемые Ш. Р. Пидаевым с хорезмийскими «домами — семьями». О них упоминается в документах конца II — начала III в. н. э. из Топрак-калы [232, с. 101; 143, с. 265—279].

Помимо собственно поселения микрооазис включал также часть ирригационной системы (участки канала, сеть крупных и мелких арыков), прилегавшие к поселению сельскохозяйственные угодья (поля, сады, выгоны), дороги, некрополи.

Подобного типа микросистемы, составляющие, вероятно, самую нижнюю ступень в структурной иерархии Кушанского государства, вместе с тем, судя по их многочисленности и повсеместному распространению, являлись основной его структурной единицей — главным сельскохозяйственным базисом страны. Поселения микрооазисов имели ярко выраженный сельскохозяйственный характер, преимущественно земледельческий и отчасти скотоводческий при отсутствии ремесленного производства, потребности в котором удовлетворялись городом. Свидетельством широкого размаха денежной торговли здесь являются монеты, в большом количестве находимые в сельских поселениях-микрооазисах.

Оазисы. Сравнительно крупная зона оседлости, площадью от 10 до 100 кв. км и более, состоявшая из совокупности нескольких микрооазисов — поселений, компактно группировавшихся вокруг сильно укрепленного города, вдоль реки или русла крупного канала с отходящей от него сетью мелких арыков. На всей протяженности крупного канала концентрировалось по два или даже три оазиса, границы между которыми достаточно четко определяются пустыми участками, лишенными поселений. Как правило, своеобразными центрами оазисов являлись небольшие по площади (1—3 га), сильно укрепленные стенами и рвами городища с выделенной цитаделью пл. 0,1—0,3 га, также обведенной рвом и стенами, тогда как другие поселения — это обычные мелкие сельские усадьбы. Судя по принципиального характера различию в планировочной структуре и укреплениям, данные городища занимали в оазисах доминирующее положение, не исключено, что они служили местопребыванием военного гарнизона и являлись резиденцией правителей оазисов и специально назначаемых правительственных чиновников, ведавших сбором налогов и осуществлявших фискальный надзор [297, с. 115]. Причем, учет южнотаджикистанских материалов показывает широкое распространение данной структуры в Северной Бактрии [163, с. 83], а также, вероятно, в южной ее части [360, с. 75—82].

Примечательно также, что наши исследования показали закономерный процесс формирования этих структур, где центральное городище основано на месте более древнего, в то время как все мелкие поселения, окружающие его, — только в кушанское, изредка — в юечжийское время. Это, по нашему мнению, свидетельствует о государственной политике образования данных структур, что заставляет видеть в них не только археолого-географическое понятие, а, вероятно, и особую административную единицу в системе Кушанского государства.

Если это так, то заселение оазисов осуществлялось не только по принципу кровного родства, как в микрооазисах-поселениях, но также на основе переселения в них жителей других общин, не связанных кровными узами. Вероятно, можно говорить, что оазис в социально-административном отношении представлял собой скорее территориальную общность, нежели семейную.

Ирригационный район. Это крупная зона оседлости площадью несколько сот квадратных километров, состоявшая из ряда оазисов и микрооазисов, группировавшихся на географически обособленной территории, в речной долине, с автономной ирригационной системой, представлявшей разветвленную сеть крупных и мелких каналов и арыков. Так, Шерабадский ирригационный район занимал площадь около 1000 кв. км, судя по крайним пределам распространения поселений, и помимо основного источника водопользования — Шерабаддарьи, орошался по крайней мере шестью крупными каналами протяженностью 20—30 км, а также десятками крупных и мелких арыков.

В речной долине, как мы показали выше, находилось по нескольку ирригационных районов, отделенных друг от друга «мертвым» пространством: возвышенностями, адырами, степью, песками. Обычно ирригационный район включает несколько оазисов, расположенных в низовьях, средней части или верховьях реки или канала и четко разграничивающихся друг от друга.

Как определенная археолого-географическая структура ирригационный район представлял собой внушительную совокупность структурных систем, включавших микрооазис, оазис, крупный город — центр района, ирригационную сеть с распределительными сооружениями, сельскохозяйственные угодья: поля, сады, виноградники, выгоны для выпаса скота, дороги и придорожные сооружения; мосты, неосвоенные территории — охотничьи угодья, адыры, надпойменные террасы, поймы рек, туган.

Одним из определяющих признаков ирригационного района является наличие четко выраженной иерархии поселений, выражающейся в размерах и фортификационных градациях, функциональной их противоположности. Это усадьбы, неукрепленные сельские поселения, сельские поселения с «цитаделью», городки, крупный город, объединенные системой экономических и товарно-денежных, идеологических и военно-административных отношений, скрепленных доминирующим этническим родством.

Ирригационная область. Наиболее крупная зона оседлости площадью несколько тысяч квадратных километров, занимавшая географически обособленную территорию в пределах бассейна большой реки или его части и объединявшая несколько ирригационных районов с автономной для каждого из них системой орошения. В Северо-Западной Бактрии можно выделить три такие области: Верхнесурханская, Шерабадско-Зангская и Сурхан-Амударьинская. Весьма примечательно, что в каждой из них имелись крупные города — Дальверзинтепе, Зартепе, Термез, превосходившие все остальные как по площади, так и по средоточию экономических, идеологических и культурных ценностей, что позволяет видеть в этих городах административные центры данных областей.

Таким образом, анализ археолого-географического районирования указывает на наличие разнообразных микро- и макроструктур, дифференцированно группирующихся по определенным признакам. Не исключено, о чем мы уже писали выше, что каждая из выделенных структур могла представлять особую административную единицу в иерархической системе Кушанского государства, однако отсутствие данных письменных источников не позволяет привести конкретные аналоги.

Обобщая полученные данные, отметим наиболее характерные черты процесса антропогенного освоения в кушанское время:

освоение новых территорий, расположенных в различных физико-географических зонах;

расширение площади орошаемых земель в традиционных местах обитания;

окончательное формирование крупных ирригационных районов и почти сплошных зон оседлости в лесных долинах;

освоение заброшенных в постахеменидское время оазисов предгорной полосы;

увеличение и усовершенствование ирригации; создание крупных магистральных каналов протяженностью несколько десятков километров и обширной арычной сети;

возникновение разветвленной сети дорог — крупных трактов, в основном, в долинах рек, ведущих к переправам через Амударью, мелких дорог, соединяющих поселения, расположенные в самых различных местах области, тем самым обеспечивающих быстроту передвижения и торговых операций;

основание специализированных поселений, призванных не только обеспечивать безопасность речных переправ, караванных дорог, ирригационных систем, но и осуществлять, видимо, таможенный надзор;

значительное увеличение количества поселений и разнообразие их типов;

дальнейшее формирование антропогенных ландшафтов: селитебного, включающего подкласс сельского и подкласс городского; промышленного, дорожного.

В целом можно констатировать исключительно высокий уровень антропогенного освоения Северной Бактрии и особенно северо-западной ее части в кушанское время, намного превышающий уровень всех предшествовавших периодов. В этом отношении весьма показательно количественное сравнение поселений ахеменидского и кушанского периодов в основных речных долинах Северной Бактрии:

Поселения

Речные долины	*VI—V вв. до н. э.*	*I—III вв. н. э.*
Шерабадская	5	38
Сурхандарьинская	7	76
Кафирниганская	2	45
Вахшская	4	27
Пархарская (Таирсу-Кызылсу)	—	9
Амударьинская	3	14
ВСЕГО	21	191

Из приведенных данных следует, что наиболее плотно заселенной в Северной Бактрии являлась долина Сурхандарьи. Три другие долины — Кафирниганская, Шерабадская, Вахшская — по количеству поселений (соответственно — 45, 38, 27) значительно уступают Сурхандарьинской. Ведущее положение последней определяется не только количественным преобладанием поселений, но и наличием наиболее крупных городов: вблизи низовьев Сурхандарьи — Тармита, в среднем течении — Дальверзинтепе, в верховьях — Шахринаусское городище.

Наглядна и значительна разница в количестве поселений между ахеменидским и кушанским периодами. В некоторых речных долинах соотношение поселений разных периодов составляет 1:7, 1:8 и даже 1:10, а по всей Северной Бактрии — почти 1:12, т. е. общее количество поселений в кушанский период возросло по сравнению с ахеменидским примерно в 12 раз.

Столь высокий прирост поселений обусловили, видимо, разнообразные причины и, в частности, политическая и военная стабилизация внутри Кушанского государства, что создавало благоприятные условия для расцвета ремесел, торговли, сельского хозяйства; приход в Бактрию в предшествующую эпоху больших масс кочевников, перешедших затем к оседлой жизни, естественный прирост населения в благоприятных условиях. Нельзя, видимо, отрицать и возможности применения в больших масштабах подневольного труда, хотя остается неясной его социальная природа и соотношение с трудом свободных общинников-земледельцев, видимо, составлявших в кушанском обществе одну из основных производительных сил.

Было бы неверным утверждать, что весь этот «поселенческий взрыв» является порождением только кушанского времени. Он был подготовлен поступательным ходом социально-экономического развития Бактрии, начиная с середины I тыс. до н. э., когда разрушается традиционная система замкнутых предгорных оазисов и начинается заселение долин крупных рек. Этот процесс получает еще большее развитие в греко-бактрийский и юечжийско-бактрийский периоды и достигает своего апогея при Кушанах.

Выявленные системы расселения отражают закономерный процесс расширения осваиваемой территории и количественного роста поселений в связи с общим экономическим подъемом в Кушанском государстве. Вместе с тем уже на финальной его стадии начинается процесс постепенного сокращения обживаемой территории и уменьшения площади поселений. В посткушанское время наблюдается заметное запустение ряда оазисов, расположенных в речных долинах и в предгорной зоне. Так, судя по археолого-нумизматическим данным, в это время почти полностью прекращает функционировать оазис на правобережье Амударьи с поселениями Хатын-рабат и Айртам. В Ургульском (Бандыханском оазисе) частично обживается только цитадель большого городища Ялангтуштепе, а другое городище — Сар-и Банд, находившееся в голове канала, прекращает свое существование. Соответственно, вероятно, разрушается налаженная система ирригационных сооружений, снабжавших водой этот оазис.

В Туполангском (Халчаянском) оазисе сокращаются количество поселений и площадь обрабатываемых земель, которые постепенно заболачиваются. В IV—V вв. этот интенсивно обживавшийся в кушанское время оазис, судя по полному отсутствию здесь сасанидо-

кушанских монет и археологических материалов, полностью запустевает.

Аналогичный процесс происходит и в соседнем Сангардакском оазисе, где все крупные кушанские городища: Будрач, Калля-Минор и Ходжакапар — незначительно еще обживаются в III в., но позднее забрасываются, причем два последних уже больше никогда не восстанавливаются.

В Халкаджарском ирригационном районе наблюдается почти повсеместное сокращение освоенной прежде территории и заброс многих поселений, в том числе и центра всей области — Дальверзинтепе.

Вместе с тем в сасанидо-кушанский период происходит определенный хозяйственно-экономический подъем некоторых сельских поселений Северного Тохаристана [232; 352, с. 15], что, однако, не свидетельствует об универсальном характере, поскольку превалируют значительные явления упадка. На наш взгляд, эти полярно противоположные явления отражают закономерный процесс перемещения центра хозяйственной жизни из города в селения, определяя начальную стадию становления новой социально-экономической формации.

Огромную социально-организующую роль в оазисах Северной Бактрии и Тохаристана играли города. С III в. до н. э. по IV — начало V в. н. э. они прошли три основные стадии развития. Первая определяет истоки формирования, вторая — становление и расцвет, третья — упадок и завершающее звено. Особенности развития городов, как и в целом культуры Бактрии в это время, во многом определялись взаимодействием древнебактрийских и эллинистических, в меньшей степени — индийских градостроительных принципов. В определенной мере это связано с политическими событиями: вначале с завоеванием Бактрии Александром Македонским и включением в ее состав Селевкидского и Греко-Бактрийского царств, притоком в эту область колонистов из Греции и Македонии, основавших здесь ряд крепостей и городов [130, с. 148—160], в том числе и греческий город Ай-Ханум на левобережье Окса [394, с. 31; 404—408], затем с завоеванием Бактрии юечжами, далее с созданием Кушанской империи, в состав которой вошла также Индия, откуда в Бактрию распространяется буддизм и проникают черты индийской культуры.

Для конца IV в. до н. э. — рубежа н. э. можно констатировать наличие здесь трех типов населенных пунктов:

а) двухчастные, состоящие из укрепленного города, расположенного на естественном возвышении (на Дальверзинтепе —170×180 м, в Халчаяне — 240×246 м), и неукрепленного поселения с рассредоточенной застройкой из частично заглубленных в землю жилищ каркасного типа [277, с. 75];

б) одночастные крепости (Кампыртепе);

в) одночастные неукрепленные поселения (Безымянное поселение Б—9).

Не исключено, что некоторые из них, судя по структуре, представляли собой военные поселения-катойкии. В селевкидское и греко-бактрийское время подобного типа поселения во множестве возникают на территориях, подвластных эллинистическим монархам, в наиболее важных в стратегическом отношении местах: на речных переправах, пересечениях торговых путей.

На изучаемой территории поселения с крепостями также расположены у переправ через Окс (Термез, Кампыртепе) и вдоль трасс основных дорог (Джандавляттепе, Дальверзинтепе, Халчаян). Примечательно, что основная часть этих поселений основана на новых местах, другие (Джандавляттепе, Хаитабадтепе) — на существовавших поселениях.

Наиболее значительным для того времени, вероятно, являлось поселение на месте Термеза, однако, ни площадь, ни его структура не ясны. Последними археологическими раскопками установлено наличие на цитадели мощного (около 2,5 м) слоя эллинистического времени с архитектурными остатками [233, с. 98], что в определенной мере, как и данные о находках здесь сравнительно большого количества синхронных монет [196, 283—284; 253, с. 80—82; 481], подтверждает мнение ряда ученых о значительности находившегося здесь населенного пункта [198, с. 5—12; 360, с. 89—90].

В. Томашек, не уточняя время основания Термеза, возводил его название к авестийскому taro maetha — «поселение по ту сторону реки» — Зареченск [494, с. 27]. По мнению В. Тарна, здесь находилась Александрия Оксианская, которая около 293 г. н. э. была разрушена кочевниками, а затем восстановлена Антиохом I [491]. П. Бернар считает, что Антиохия-Тармита возникла в результате активной политики урбанизации, проводимой Анти-

охом I в период между 293—281 гг. [409, с. 235—236; 411, p. 4—5]. Согласно В. Хеннингу, одно слово в среднеперсидской надписи из Каратепе является первой частью названия города — Антиохия-Тармита [170, с. 46, прим. 24].

При всем этом, Антиохия-Тармита и другие поселения указанного времени по планировке и структуре значительно отличаются от ранних бактрийских городов предшествующего времени: Кызылтепе и Алтынтепе. Подобного типа города отсутствуют и в Северо-Восточной Бактрии, где на ранних поселениях (Калаи-Кафирниган, Томошотепа) вскрыты слои эллинистического времени, а на других (Саксанохур, Тахти-Сангин) — отдельные сооружения, в том числе монументальный храмовый комплекс, возведенный в конце IV — начале III в. до н. э. Однако планировка и структура этих поселений остается неясной [160, с. 166; 156, с. 84—110; 351; 460, p. 25—82, 461].

Таким образом, очевидно, что в это время прерывается поступательный ход развития городов как таковых в Северной Бактрии и, по существу, первый этап рассматриваемого периода является отправной точкой их новой стадии развития. Примечательно в связи с высказанным положением, что основанные в этот период поселения (Дальверзинтепе, Термез, Халчаян, возможно, Шахринау) в последующем становятся наиболее крупными городами этой области.

I в. до н. э. — первая половина III в. н. э. На этот период приходится подлинный подъем урбанизации Северной Бактрии, когда здесь появляется множество типологически разнообразных и полифункциональных городов, чему способствовала политическая и экономическая стабилизация в Бактрии, особенно во время вхождения ее в состав Кушанской империи.

Археологические данные, по существу, основной источник по многим кардинальным вопросам истории городов Северной Бактрии этого времени [252; 256, с. 187—202; 277, с. 176—202; 154, с. 99—125; 163; 189, с. 2—13; 193, с. 250—272; 360, с. 42—84; 294, с. 93—103; 296, с. 108—115; 292, с. 87—105].

В какой-то мере их дополняют надписи из Сурх-Котала [452, p. 47—55] и Айртама [375, с. 45—48], содержащие названия некоторых элементов бактрийских поселений.

К. Маркс отмечал особую роль торговли в развитии городов Востока [Соч., изд. 2-е. Т. 46. С. 464]. Многие города Бактрии также возникли на трассах важнейших караванных дорог, у речных переправ, на месте пересечения торговых путей, но формирование их происходило различными путями. По мнению В. М. Массона, можно говорить о двух путях сложения кушанских городов Северной Бактрии. Одни из них формировались стихийно, о чем говорит изломанность ограждающих их стен, отражающих постепенный рост поселений, другие — регулярного плана, создавались в результате целенаправленной политики центральной власти [193, с. 257].

Однако заранее спланированные крупные города Северной Бактрии неизвестны. Вероятно, по этому принципу возводились небольшие городки, появляющиеся здесь в кушанское время. Большие города образовывались несколько по-иному. В одних случаях уже существовавшее неукрепленное поселение обносилось оборонительными стенами и обводилось рвом и, тем самым, превращалось в крепость, у которой слагалось неукрепленное поселение хаотичной застройки. На следующей стадии последнее обводилось стенами, приобретало правильный план, превращалось в собственно город — шахристан, крепость — соответственно в цитадель, с одной или с двух сторон от которых формируется загородная зона. В других случаях оборонительное ядро — крепость — закладывали сразу же, по заранее продуманному плану, поселение у крепости первоначально формировалось стихийно, а затем также обводилось стенами и приобретало регулярный план.

Во многом процесс формирования городов Северной Бактрии кушанского времени, их структура и планировка зависели от наличия в его основе предшествующего по времени поселения. Сейчас можно выделить три группы городов, различающихся своей основой:

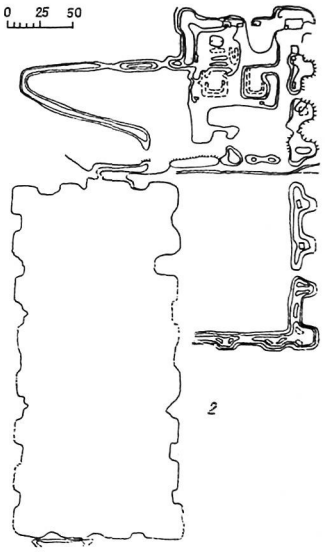
1. Многослойные города с древней основой, восходящей к ахеменидскому времени (Джандавляттепе, Калаи-Мир, Хантабадтепе, возможно, Термез);

2. Города, восходящие к греко-бактрийскому или селевкидскому времени (Дальверзинтепе, Кей-Кобад-Шах (?), Саксанохур, Термез, Шахринау (?), Халчаян);

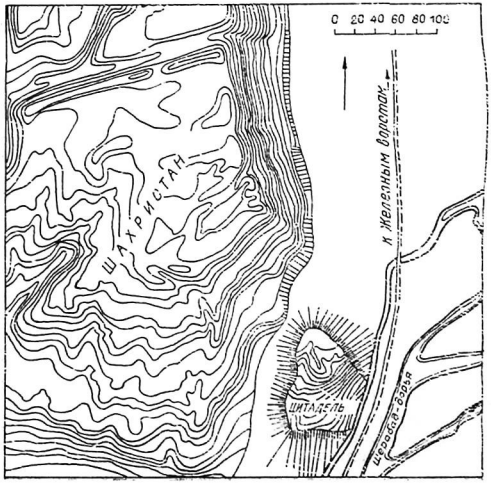
3. Города, возникшие в юечжийское или кушанское время. Большая часть мелких городков, а также Будрач, Зартепе, Гарав-кала

50 0 100 200 с
Древнее русло Кармакшан
Кармакшан

7


0 25 50

2


0 20 40 60 80 100
Шахристан
Цитадель
р. Желтый болотник
Шахрисабз

3

(Яван), Каля-минор (у Денау), Шахтепе и др.

Процесс генезиса и формирования кушанского города наиболее наглядно отражает Дальверзинтепе. Его первоначальное ядро зарождается в III в. до н. э. в юго-восточной части городища на высоком лессовом останце, омываемом с двух сторон естественным руслом древнего протока, который использовался как ров. Несколько позднее, но в пределах греко-бактрийской эпохи эта часть обводится пахсовой стеной толщиной более 2 м и превращается в крепость площадью немногим более 3 га. К северу складывается неукрепленное поселение с рассредоточенной планировкой. Для нее характерно сочетание небольших участков застройки с большими свободными от жилья пространствами. В домостроительстве преобладают каркасные жилища типа землянок [256, с. 186—202].

Вероятно, во второй половине I в. до н. э. или в начале I в. н. э. на месте первоначального ядра формируется цитадель с мощными, шириной до 7 м стенами и ровом. Неукрепленное поселение преобразуется в собственно город, который отличает четкий прямоугольный план, обведенный по периметру стенами. Внутри его происходят значительные перестройки. С этого периода Дальверзинтепа вступает в новый этап своей истории, который можно охарактеризовать как городской. Дальнейшее развитие этого процесса приходится на великокушанское время, когда территория внутри города подвергается значительной перепланировке, возводятся монументальные жилые комплексы, храмы, производственные кварталы, усиливаются стены. Формируется обширная пригородная часть, в которой, с одной стороны, концентрируются культовые и погребальные здания, а с другой, — сельскохозяйственные угодья. Площадь Дальверзинтепе вместе с пригородной зоной в период наивысшего расцвета составляла около 50 га, причем, на собственно город и цитадель приходилось более 30 га.

Аналогичный путь формирования, как показывают археологические исследования, присущ большинству городов кушанского времени в Северной Бактрии.

С. П. Толстов писал, что зачатки, из которых вырастает среднеазиатский город, это, с одной стороны, — refugium, с другой — базар [368, с. 275]. Е. Е. Неразик указывает, что сложение города возле укрепления было для Хорезма одним из распространенных путей развития [222, с. 138]. Первоосновой развития многих городов Парфии и Маргианы также являлось укрепленное ядро — крепость [246, с. 18—60].

Таким образом, в Северной Бактрии, так же как и в ряду других областей Средней Азии, развитие города шло в основном от крепости. Не случайно поэтому в кушанское время все города здесь имели цитадели, располагавшиеся на месте прежнего укрепленного ядра поселений.

Преимущественное распространение получают города и городки четкого прямоугольного плана и четырехчастного деления: цитадель, собственно город, пригородная зона, округа. Реже встречаются города с неправильной внешней конфигурацией. В основу первых были положены единые градостроительные принципы, обусловленные социальными и, в какой-то мере, может быть, эстетическими нормами кушанской эпохи. Вторые формировались стихийно рядом с укрепленной цитаделью, и в последующем строители приспосабливались к существовавшим границам поселения.

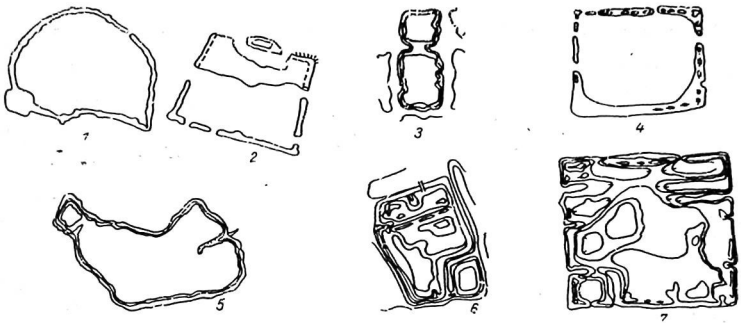
Содержание частей сходных по планировке и структуре городов было тем не менее различным — оно определялось значением конкретного города и разнообразием его функций.

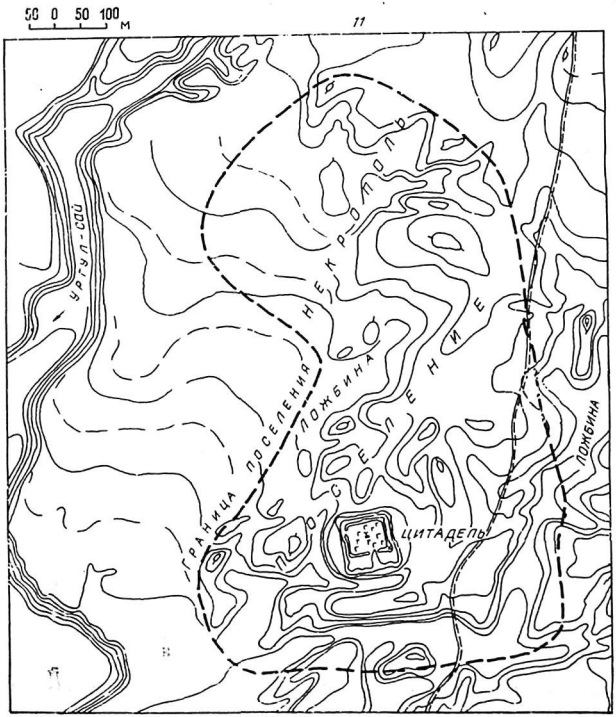
Собственно бактрийских терминов для обозначения отдельных частей города зафиксировано пока два: ραγοστανο — город вообще, возможно, одна из его частей [439, с. 39—40] и μαλιζο — акрополь, цитадель [452, p. 49].

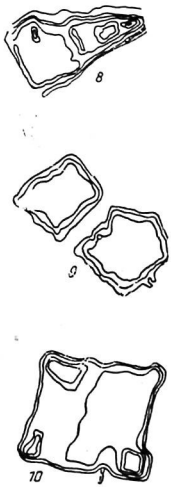
Многие кушанские цитадели генетически связаны с предшествующим временем, они сформировались на месте укрепленного ядра-крепости и унаследовали от них внешний абрис (Дальверзинтепе, Термез, Кампыртепе). Другие, видимо, возводились сразу же как цитадели (Ак-Мазартепе на городище Будрач, Зартепе, Хайрабадтепе). Они различаются между собой, в частности, по размерам и месторасположению в системе городской застройки. Первое, вероятно, определялось значимостью и размерами города, второе — рядом

Планы городов античного времени:

1 — Дальверзинтепе; *2* — Кухна-кала; *3* — Кафыр-кала у Шерабада.


1
2
3
4
5
6
7


50 0 50 100 м
11
УРГУЛ-САЙ
НЕКРОПОЛЬ
ГРАНИЦА ПОСЕЛЕНИЯ
ЛОЖБИНА
ПОСЕЛЕНИЕ
ЦИТАДЕЛЬ
ЛОЖБИНА


8
9
10

иных факторов, в том числе и природных. Подавляющее число цитаделей находится в одном из углов города, полностью входя в систему городской застройки. В другом случае, располагаясь в одном из углов, цитадель частично выступает за границу городских стен (Дальверзинтепе, Арпапаятепе). Некоторые цитадели располагаются в центре (Ялангтуштепе, Гарав-кала, Дильберджин), другие — отдельно от основной части города или на берегу реки (Термез, Кампыртепе).

Различались цитадели по размерам и планировке: прямоугольные (Кампыртепе, Термез), квадратные (Зартепе, Ак-Мазартепе, Хайрабадтепе), многоугольные (Дальверзинтепе). Самые большие по площади — цитадели Термеза (10 га) и Дальверзина (3 га), есть цитадели площадью 0,8 — 1 га, у большинства площадь колеблется от 0,1 до 0,4 га и даже 0,04—0,08 га. Даже у таких сравнительно больших городов, как Хайрабадтепе (свыше 6 га) и Джандавляттепе (7 га) площадь цитадели всего лишь 0,2 га, по отношению к площади собственно города составляет 1/30—1/35 [277, с. 20—21]. Если в крупных цитаделях могли размещаться отдельные монументальные здания, то более мелкие представляли собой, вероятно, укрепленные форты.

Цитадели, видимо, в зависимости от сословно-административного ранга города различались по своей структуре, назначению и выполняемым функциям. Наиболее четко военно-оборонительная функция кушано-бактрийских цитаделей как самого мощного оборонительного пункта в системе городских укреплений предстает на Дальверзинтепе, цитадель которой окружена двойным рядом стен толщиной более 10 м. У цитадели Будрача стены такой же толщины. Менее широкие, но достаточно мощные стены защищали цитадели и других кушанских городов. В некоторых, наиболее важных в стратегическом отношении (охрана переправ, дорог, границ), вероятно, размещался постоянный гарнизон, который, возможно, осуществлял и «полицейские» функции надзора над населением городов. Вместе с тем функции городов со временем несколько изменялись. Цитадель Кампыртепе первоначально — военно-оборонительное сооружение (100×75—45 м), укрепленное по внешнему абрису монолитной стеной, толщиной около 5 м, фланкированное на восточном фасе выступающим вперед бастионом и обведенное широким рвом. В последующий период, датирующийся временем Канишки, цитадель частично утрачивает свое прямое назначение. Внутри оно тесно застраивается жилыми, хозяйственными и культовыми разноразмерными помещениями, группирующимися в отдельные блоки, соединенные прямыми или г-образными коридорами. С северной, а возможно, и с восточной сторон цитадель опоясывает тройной ряд коридорообразных помещений. Однако цитадель не утрачивает полностью своего оборонительного значения. Подобную тесную внутреннюю застройку на последнем этапе существования имела и цитадель Дильберджина [135, с. 153].

Цитадели других городов Средней Азии кушанского времени имели несколько иную структуру. В цитадели Топрак-калы, в позднеантичный период находились дворец, храм огня и ряд построек служебного назначения— казармы или хранилища [222, с. 136—139]. В цитадели древнего Мерва — Эрк-кале располагались дворец правителя, арсенал и административные здания [376, с. 14].

По предположению Г. А. Пугаченковой, цитадели античных городов Средней Азии являлись местом сосредоточения административных зданий и различных служб при находившемся там дворце правителя, складов, построек для гарнизонов [252, с. 236]. Цитадели, как показывают археологические обследования, имелись в большинстве античных городов Средней Азии, хотя, в особенности в Хорезме, существовали и бесцитадельные города [193, с. 320]. Однако только в Бактрии кушанского времени цитадель стала непременной частью городов, крепостей и даже сельских поселений.

Применим ли к цитаделям термин «μαλιζο», зафиксированный в бактрийских надписях из Сурх-Котала и Айртама, который при различиях в толковании отдельных его частей интерпретируется как «акрополь» [452, p. 49]. Основываясь на сопоставлении археолого-топографической структуры этих двух памятников, нами предположено, что термин «μαλιζο» в бактрийском языке мог обозначать не только укрепленный культовый комплекс (Сурх-Котал) или укрепленную

Планы городов и поселений античного времени:

1 — Хантабадтепе; *2* — Дегриятепе; *3* — Бабатепе; *4* — Кей-Кобад-шах; *5* — Джандавляттепе; *6* — Хайрабад; *7* — Зартепе; *8* — Майдан-курган; *9* — Талашкан II; *10* — Беш-копа; *11* — Ялангтуштепе.

часть поселения (Айртам), но также и цитадели городов и поселений [310, с. 92—95].

Шахристан (ραυροστανο). Свое происхождение шахристаны кушанских городов ведут от неукрепленной части поселений эпохи бронзы и обведенной стенами основной жилой территории раннего города ахеменидо-бактрийского периода. Генетическая их связь вероятна, содержание же различно: на ранних этапах — это только жилая часть и, возможно, культовая, в кушанское время — средоточие жилых, ремесленно-производственных, идеологических и торговых функций.

Форма шахристана в основном прямоугольная, реже квадратная или многоугольная. Шахристаны городов, основанные или перепланированные в кушанское время, имеют строгие геометрические очертания внешнего абриса, поскольку были заранее спланированы с учетом природных условий местности. Месторасположение их по отношению к цитадели также учитывало влияние разнообразных факторов: географических, военных, экономических. В кушанское время шахристаны в основном располагались к северу и северо-востоку от цитаделей, иногда к юго-востоку и очень редко — к западу от них.

Шахристаны были хорошо укреплены глубокими и широкими оборонительными рвами и окружены стенами с башнями. Установлено, что четкость внешнего, общего контура абриса взаимосвязана с внутренней планировкой городов, которая, видимо, была достаточно упорядоченной.

В этой связи рассмотрим структуру шахристана Дальверзинтепе. Для него характерно сочетание тесно застроенных участков и довольно больших свободных пространств — это площади, дворики, хаузы. Размер шахристана — 27—28 га, из которых примерно 17—18 га приходится на селитебную площадь, которую составляли различного ранга домовладения, храмы, производственные сооружения, торговые лавки. Застройка шахристана Дальверзинтепе осуществлялась с учетом образования свободных пространств вдоль стен, так называемых «военных» улиц, создающих дополнительный защитный рубеж при обороне города. Уже этот факт говорит о внутренней планировке Дальверзинтепе как упорядоченной и продуманной системе. То же подтверждают и наблюдения над другими структурными элементами.

Город делился на две основные части центральной широкой улицей, начинавшейся, видимо, от городских ворот и выходящей на небольшую площадь, вокруг которой были сконцентрированы наиболее богатые и монументальные здания. От центральной магистрали отходили боковые улицы и улочки, в расположении которых, однако, отсутствует регулярность. В ряде мест эти улочки как бы намечают границы больших кварталов, состоящих из отдельных изолированных домовладений. В этом существенное отличие от некоторых среднеазиатских и индийских городов, для которых характерна блочная застройка городов и кварталов [150, 154, 222].

Кварталы Дальверзинтепе, видимо, застраивались по сословному принципу. Из какого количества домов они состояли, определить пока трудно, но можно попытаться представить общее число домовладений в городе.

Здания, вскрытые на Дальверзинтепе, имеют различную величину, назначение и площадь:

Дом богатого горожанина (ДТ-6) — более 1800 кв. м;
Дом богатого горожанина (ДТ-5) — более 1600 кв. м;
Производственный комплекс и храм (ДТ-9) — около 1000 кв. м;
Дом среднеимущего горожанина (ДТ-2) — 520 кв. м;
Дом среднеимущего горожанина (ДТ-18) — около 500 кв. м;
Храм (ДТ-7) — 600 кв. м;

В сумме эти шесть зданий занимают свыше 6000 кв. м — 0,6 га, т. е. в среднем на одно здание приходится 1000 кв. м. Однако следует учесть, что здания ДТ-6 и ДТ-5 принадлежат к наиболее значительным строениям на Дальверзинтепе. Поэтому усредненная площадь 1000 кв. м на одно строение не отражает действительности. Более верно среднюю величину одного домовладения дают дома типа ДТ-2 и ДТ-18, занимающие площадь в пределах 500 кв. м. Приняв эту величину и зная примерный размер застройки Дальверзинтепе, можно попытаться определить количество построек в этом городе, число которых могло достигать 340—350. В то же время не следует забывать, что судя по объектам ДТ-7, ДТ-9 и ДТ-25, определенную часть города занимали культовые и производственные комплексы, вероятно, также и административные постройки. Учитывая все это, можно

допустить, что здесь в среднем имелось около или немногим более 300 домовладений.

Возможно и то, что несколько кварталов были объединены в более крупные структурные единицы, подобные средневековым «дахя». На вероятность такого членения шахристана указывают наблюдения над топографией свободных участков, расположенных в различных его частях, внутри жилой застройки. Раскопки одного из них показали, что они представляли собой небольшую площадь с выходящими на нее жилыми домами и улицами. Всего отмечено четыре подобные площади размером 0,3—0,4 га, предполагающие выделение в шахристане Дальверзинтепе четырех секторов. Отдельный квартал составлял также производственно-жилой комплекс в южной части города, отделенный широкой улицей. Он состоял из жилых помещений, храма, гончарных мастерских и двора. Возможно, каждая из частей имела свой храм (три из них уже установлены: два располагались в северо-западной его части, один — в квартале гончаров) и свой водоем.

Таким образом, можно предположить, что для шахристана Дальверзинтепе характерна трехчленность структуры: домовладение, квартал и сектор.

В индийских городах имелось несколько крупных секторов, разбивавшихся в свою очередь сетью маленьких улочек на блоки-пада. Каждый блок был окружен стенами и обладал определенной степенью автономии, имея свой собственный водоем, священные деревья и храм, посвященные локальным божествам-покровителям. Б. А. Литвинский на основании сопоставления этих данных с материалами позднесредневековых кварталов-гузаров Бухары пришел к выводу об их явном параллелизме, предполагая, что уже в кушанское время среднеазиатские города имели квартальное членение [154, с. 123; 163, с. 124—125]. Этого же мнения придерживается Е. Е. Неразик [222, с. 140].

Материалы Дальверзинтепе в их сравнении с приведенными выше данными о содержании кварталов индийского города свидетельствуют об определенной близости между ними. Было ли это результатом влияния индийских градостроительных традиций, или данное сходство диктовалось близкими социально-экономическими условиями развития Индии и Бактрии в рамках Кушанского государства, пока не может быть решено. Очевидно одно обстоятельство, что формирование квартальной структуры среднеазиатского города происходит уже в кушанское время, что подтверждается теперь не сравнительными аналогиями, а синхронными данными.

Истоки формирования широко распространенных в среднеазиатском средневековом городе специализированных ремесленных кварталов также уходят в кушано-бактрийский город, где уже зафиксированы — кварталы металлистов в Термезе, кварталы гончаров в Саксанохуре и Дальверзинтепе.

Вместе с тем общая композиция планировки шахристана Дальверзинтепе отличается от широко распространенной в городах Индии и Ближнего Востока античного времени регулярно-сетчатой планировки, создание которой объясняется не только эллинистическим влиянием, но и древневосточной традицией [66, т. 2, с. 32, сл., с. 504 сл.). Возможно, она формировалась на базе местных бактрийских традиций градостроительства, включавшей элементы индийского и эллинистического опыта строительства городов.

Возможно, структура и планировка бактрийских городов были типологически разнообразными. Так, в Зартепа застройка шахристана осуществлялась по иному принципу. В центре также располагался комплекс монументальных зданий, в том числе и дворец, но к югу от него вдоль прямой улицы простирался вплоть до городской стены обширный жилой квартал. Он, в отличие от кварталов Дальверзинтепе, был сплошь застроен жилыми блоками из 5—6 комнат, принадлежавшими зажиточным горожанам. Не исключено, однако, что здесь мы имеем не типологическое, а временное различие, поскольку Зартепе изучен на уровне верхнего горизонта позднекушанского времени [103, с. 138—144; 396, с. 42—49].

Городище Кухна-кала в Вахшской долине, первончально отнесенное ко III в. до н. э. [147, с. 53—60; 57, с. 68—72], а сейчас датируемое позднекушанским временем, также имеет иную, чем Дальверзинтепе, планировку. Оно прямоугольное в плане, обведено прямоугольными башнями и состоит как бы из двух частей. Для внутренней планировки первой (125×250 м) характерна блочная застройка из тесно примыкающих друг к другу помещений, группирующихся вдоль крепостных стен и вокруг нескольких двориков.

Во всех городах кушанского времени имеется третья часть, расположенная за пределами крепостной стены города, чаще с одной стороны и, как правило, неукрепленная. Наряду с общими чертами, в характере застройки и отдельных структурных единицах наблюдаются определенные различия. Пригородные зоны составляют как бы два обособленных друг от друга, занимающих строго определенное место, участка: один из них занят культово-погребальными комплексами, другой — сельскохозяйственными угодьями и отдельными усадьбами.

В Дальверзинтепе территория к северо-востоку от крепостной стены была занята, в основном, погребальными сооружениями — наусами, к северу от которых, на расстоянии до 200 м размещался буддийский храм. В это время поля и пригородные усадьбы жителей Дальверзинтепе концентрировались в юго-восточной и юго-западной частях пригорода [277, с. 176 сл.]. В пригороде Дильберджина, наряду с культовыми и мемориальными постройками (буддийский храм, наус), имелись обширные участки, застроенные жилыми домами, среди которых уже опознаны дом богатой семьи и дом ремесленника. Буддийский монастырь (Фаязтепе) раскопан в пригороде Термеза. Размещение культовых и погребальных построек за пределами основной городской территории отмечено в Ялангтуштепе, Кампыртепе.

Пригородная зона некоторых городских поселений и городов включала производственные сооружения (Дальверзинтепе, Дильберджин, Культепе, Кампыртепе и др.), в чем можно видеть, в частности, будущее назначение пригорода среднеазиатских городов как средоточия торгово-ремесленных функций.

Города Северной Бактрии-Тохаристана в посткушанский период хиреют, сокращаются численно и в конечном счете погибают. Исследование урбанистических процессов в переходный период от древности к средневековью, знаменующий, по мнению ряда ученых, кризис рабовладельческой формации и начало становления феодального строя во многом затруднено из-за отсутствия полноценных сведений письменных источников. Состояние городов этого времени в Северном Тохаристане, как и предшествующих, может быть охарактеризовано исключительно по археологическим данным, в основном, на примере Дальверзинтепе и Зартепе, наиболее полно исследованных по сравнению с другими, притом расположенными в географически отдельных зонах этой области.

В истории городов этой области можно выделить два этапа. Первый охватывает посткушанское и кушано-сасанидское время, по принятой нами хронологии — вторая половина III—IV в. На данном этапе для Дальверзинтепе характерно значительное сокращение обживаемой территории, жилых домов ДТ-5 и 6 и квартала керамистов, а также появление некоторых новых жилых строений невысокого строительного качества [277, с. 180—181], датировку их определяют находки подражаний монетам Васудевы — Канишки III (около 20 экз.) и монет сасанидских кушаншахов (12 экз.). Общее количество этих монет здесь незначительно и не идет ни в какое сравнение, к примеру, с Зартепе, где обнаружено несколько сот аналогичных монет, в том числе в кладе из ступы у Зартепе — более 500 экз.

Среди обживаемых объектов — дом ремесленника и святилище в южной части Дальверзинтепе, здания ДТ-5 и ДТ-6, хотя степень интенсивности их обживания, судя по слабой насыщенности культурных слоев и комплексу находок, гораздо менее значительная, чем в кушанское время. В центре Дальверзинтепе функционирует крупный буддийский храм, украшенный великолепной гипсовой и глиняной скульптурой [372, с. 37—40], последний период обживания которого, судя по находкам подражаний монетам Васудевы—Канишки III ранних типов, относится ко второй половине III в. н. э. Полное отсутствие среди монетных находок из этого храма монет сасанидских кушаншахов позволяет считать, что причиной его запустения является сасанидская экспансия в Северный Тохаристан. Примечательно, что в это время прекращают существовать буддийские монастыри в Айртаме, Фаязтепе и Каратепе в Старом Термезе.

Сасанидо-кушанский период для Дальверзинтепе — время постепенного, но неуклонного упадка города, хотя еще и не окончательного.

Степень обживания и уровень развития другого северотохаристанского города — Зартепе — несколько отличные. Здесь, в юго-западной части города вскрыт большой городской квартал III — второй половины IV в., прорезанный улицей, культурные слои которого

насыщены многочисленными находками предметов материальной и художественной культуры, в том числе монет сасанидских кушаншахов [103, с. 141—154; 104, с. 65—69]. В юго-восточной части городища раскопана усадьба того же времени, состоящая из шести помещений, из которых происходит большое число находок [103, с. 51—58]. Таким образом, эти данные указывают на достаточно высокий уровень развития города, располагавшегося на месте Зартепе в посткушанское и кушано-сасанидское время. В. М. Массон считает, что подъем городской жизни в этом городе в данный период связан с усилением роли местных правителей и династий [190, с. 143]. Между тем, уже в это время намечаются явные признаки упадка города, что особенно очевидно на примере его оборонительных стен. К. С. Сабиров отмечает, что в четвертый период разрушаются и запустевают оборонительные стены Зартепе, осуществляются ремонты, пристройки к стенам с внутренней стороны. Это ослабляло фортификацию города. В поздний период существования на одном из участков Зартепе было возведено буддийское святилище, которое можно датировать III—IV вв. [240, с. 67].

Второй этап. Для него характерно прекращение жизни в обоих городах. Ряд объектов на Дальверзинтепе: квартал керамистов, жилые дома, храм используются под погребения [277, с. 181]. Другие объекты полностью забрасываются. Оборонительные стены уже не функционируют. Г. А. Пугаченкова подчеркивает, что никаких следов сооружений этого времени здесь не обнаружено. Судя по находке в верхнем слое на северном участке крепостной стены серебряного подражания монетам Пероза конца V — начала VI в. [277, с. 182] и датировке последнего слоя обживания на городище IV в., Дальверзинтепе прекращает существование, видимо, в конце IV—первой половине V в. Новое частичное его обживание приходится на VI—VIII вв. Однако в это время жилые постройки возникают только на цитаделях, тогда как сам город не обживается, а некоторые участки стен используются под некрополи [9, с. 63—64; 48; с. 24—26].

Вероятно, в то же время, что и Дальверзинтепе, перестает существовать и город на Зартепе. К. С. Сабиров отмечает, что после четвертого периода оборонительные стены города постепенно забрасываются и превращаются в оплывшие руины [332, с. 48]. На территории города последний период обживания датируется концом IV — началом V в. [190, с. 143—144; 107, с. 153]. Только в раннее средневековье частично обживается цитадель Зартепе. Характерным для данного периода фактом является полное или почти полное прекращение жизни и на других крупных городищах Северо-Западного Тохаристана [277, с. 187—188]. Однако этот процесс не был однозначным и одновременным актом, а занял достаточно длительный период времени. Одни города и городские поселения прекращают существование, вероятно, уже в посткушанское время, на первом этапе. К ним относятся Айртам, Культепе, Калля-Мазар, Халчаян и ряд других. На всех этих городах полностью отсутствуют находки монет сасанидских кушаншахов, тогда как подражания монетам Васудевы — Канишки III нередки, в том числе и в самых верхних культурных слоях. Другие города, как Дальверзинтепе и Зартепе, продолжают существовать и развиваться в кушано-сасанидский период, а затем также приходят в полный упадок.

Указанный период еще не был временем окончательного разрушения древних кушанских городов, в какой-то степени можно даже говорить об определенном подъеме некоторых из них, но в целом по уровню развития городской жизни, количеству городов Северо-Западный Тохаристан кушано-сасанидского периода не идет ни в какое сравнение с кушанским. Определенное равновесие было достигнуто только между сельскими поселениями, которые в кушано-сасанидский период получают большое развитие [232].

То же явление отмечается в Северо-Восточном Тохаристане, где в это время процветает ряд сельских поселений [352, с. 139].

Таким образом, кушанские города III—IV вв., по существу, являются заключительным звеном в эволюции древнебактрийского города. Дальнейшее его развитие в Северо-Западной Бактрии-Тохаристане проходит уже в условиях иной социально-экономической формации.

В античный период города Северной Бактрии-Тохаристана являлись не только административными и идеологическими центрами, но также средоточием торговли и ремесла. Уже Чжан-Цзянь для второй половины II в. до н. э., отмечал, что жители Дахя (Бактрии) искусны в торговле, а в столице страны имел-

ся рынок с различными товарами [47, с. 152]. Благоприятному развитию международной торговли способствовало то, что по этой территории пролегал Великий шелковый путь, связывавший страны Средиземноморья с Дальним Востоком. Один из отрезков этого пути, описанный Птолемеем, вел из Бактр на север через Амударью в районе Тармиты, а затем поворачивал на северо-восток и шел по долине Сурхандарьи через Каратаг к Каратегину по стране комедов [282, с. 134]. Другой его отрезок после Тармиты пролегал по долине Шерабаддарьи и выводил через Железные ворота в Согд. Эта дорога соединяла центральные и северные области Средней Азии и Северную Бактрию с Индией [315, с. 34—39]. Использовался также и речной путь по Амударье, связывавший Северную Бактрию с Парфией и Хорезмом. Чжань-Цзянь отмечал, что по реке Гуй-шуй (Амударья) живут торговцы и купцы, которые и сухопутным путем и по воде развозят свои товары по соседним владениям [47, с. 151]. Функционировали и другие дороги, соединяющие отдельные районы Северной Бактрии и игравшие важную роль во внутриобластной торговле. Одна из них проходила по долине Амударьи, связывая восточную и западную зоны Северной Бактрии. Некоторые из расположенных на Амударье поселений (Кампыртепе, Хатынрабад, Айвадж), возможно, выполняли функции торговых факторий или являлись своего рода атможенными пунктами.

О развитии и направлении международных торговых связей этой области свидетельствуют некоторые археологические находки. Это привозные предметы из Индии — гребень, шахматные фигурки, гадальная кость, часть золотых предметов, предметы из слоновой кости (Дальверзинтепе); из Рима — стекло (Халчаян), мраморная головка (Илантепе), маскарон (Шахри-Гульгуль), сестерций Нерона (Хайрабадтепе); Египта — украшения и амулеты из голубой египетской пасты, найденные в могильниках и на городищах Северной Бактрии (Байсун, Бандыхан, Кампыртепе, Тупхана), папирус (Кампыртепе); Китая — обрывки шелковых тканей (Кампыртепе, Халчаян), зеркала (Айртам, Бараттепе, могильники Южного Таджикистана); Парфии — монеты; Хорезма — сосуд с круговой росписью (Кампыртепе) [277, с. 220; 164; 310; 389].

Развитию торговли, особенно внутриобластной, способствовал бурный рост ремесел. В кушанское время в городах Северной Бактрии возникают специализированные кварталы керамистов, в которых одновременно функционировало несколько печей, камеры которых могли вмещать при разовом обжиге более сотни сосудов [277, с. 203]. Отсутствие керамических печей в сельских поселениях свидетельствует о том, что продукция гончарных мастерских шла на удовлетворение запросов не только городского, но и сельского населения. Существовали ремесленные производства, связанные с обработкой металла и изготовлением из него различных изделий: квартал металлистов зафиксирован в Термезе, остатки железного и меднообрабатывающего дела выявлены на Шортепе [126, с. 165, 175; 272, с. 21—45].

Судя по высокому уровню строительного дела и архитектуры, в городах Северной Бактрии имелись профессиональные корпорации строителей и, возможно, архитекторов.

В строительстве наряду с сырцовым кирпичом и пахсой в кушанское время применялся также жженый кирпич. Хумданы для его обжига зафиксированы, в частности, на Дальверзинтепе, причем на некоторых кирпичах отмечены оттиски личных печатей, свидетельствующие, возможно, о том, что кирпичеобжигательные мастерские выполняли работу на заказ.

Повсеместное распространение в городах и сельских поселениях Северной Бактрии получило ткачество. При раскопках здесь найдены сотни ткацких глиняных и терракотовых грузил, употреблявшихся при изготовлении ковров, паласов и тканей, а также каменных пряслиц и веретен. Развитие ткачества в этой области подтверждают сведения «Махабхараты», относящиеся ко второй половине IV в. н. э., где, в частности, сообщается, что из страны Бахли (Бактрии) наряду с драгоценными камнями и оружием доставлялись шерстяные одеяла и различные ткани (11, 47). Широкое развитие ткачества свидетельствует о том, что оно являлось не только домашним промыслом, вероятно допустить существование в городах крупных ткацких мастерских, работающих на международный и внутренний рынок. На наличие мастеров-ткачей или ткачих указывают оттиски личных печатей, найденных на Дальверзинтепе [277, с. 204] и Кампыртепе.

Преимущественно в городах концентрировалось ювелирное дело — на Дальверзинтепе найдены литейные формы для изготовления украшений [277, с. 204]. Ювелиры работали в небольших сельских поселениях. Об этом свидетельствуют находки литейной формы на Буйрапуштепе [294, с. 102]. Разнообразие ювелирных изделий и высокое качество их изготовления — прямое свидетельство того, что ювелирное дело занимало в Северной Бактрии видное место среди различного рода ремесел.

Отметим высокую степень развития мукомольного производства, которое концентрировалось в крупных городах и, особенно, в сельских местностях. В Ак-Кургане обнаружена мастерская, принадлежащая патриархальной семье, специализировавшейся на изготовлении зернотерок и жерновов [232, с. 103]. Мука, вероятно, была одним из основных видов сельскохозяйственной продукции, вывозимой в города.

Добыча и обработка камня также получила широкое развитие в Северной Бактрии. Одним из ее основных центров была Орлиная сопка вблизи Термеза, куда камень по воде и суше доставляли в города и поселения, где находились специализированные мастерские по обработке сырья. Помимо Ак-Кургана, подобные мастерские обнаружены в Хатын-рабаде [258, с. 97] и в Кампыртепе. Мастера-камнерезы специализировались на изготовлении орудий труда, связанных с обработкой сельскохозяйственных продуктов, архитектурных деталей и ткачеством. Большинство видов продукции, вырабатываемой в мастерских, шло на рынок.

О товарности производства свидетельствуют, особенно для юечжийского и кушанского периодов, наличие развитой монетной системы, многочисленные находки монет в городах и сельских поселениях Северной Бактрии. Какие-то формы денежной торговли зарождаются здесь уже в селевкидское время, что *подтверждается находками* 10 монет — трех драхм и семи халков Антиоха I (280—268 гг. до н. э.) из Тахти-Сангина — 4; Термеза — 3; из Кампыртепе — 2; из Денау — 1 [91; 110].

Более многочисленны находки греко-бактрийских монет — всего более 70 экз., в том числе Диодота, Евтидема, Деметрия, Антимаха, Евкратида, Аполлодота и Гелиокла. Основное место их концентрации — приамударьинская зона: Старый Термез — 20; Кампыртепе — 15, Тахти-Сангин — 16 [110, с. 43—57; 481, p. 62—76, 318, с. 61—62]. Второй район компактных находок — верховья Сурхандарьи и Каратага (Дальверзинтепе, Денау, Регар, Халчаян, Шахринау). По мнению Е. В. Зеймаля, большинство областей Средней Азии, за исключением округи Термеза, в III—II вв. до н. э. не знали товарно-денежных отношений и представляли собой монетный вакуум, куда греко-бактрийские монеты притекали в качестве иноземных. Он полагает, что эти монеты обращались только в кушанское время [108, с. 197; 110, с. 147, 201]. Возражение этой позиции аргументировано нами в специальных статьях [278, с. 31—39; 481, p. 174—76]. Здесь же отметим, что в кладах кушанских монет отсутствуют греко-бактрийские монеты, что отрицается тезисом Е. В. Зеймаля. Эти монеты отражают действительное их обращение в Северной Бактрии во второй половине III—II вв. до н. э. Не исключено, что первоначально, как и полагает Е. В. Зеймаль, денежные отношения были распространены преимущественно в среде греческого населения Бактрии, но в последующем с расширением товарного производства они охватывают и коренное ее население.

Примечателен состав находок, представленный монетами различных номиналов: тетрадрахмы, драхмы, оболы, дихалки, халки. Он говорит о развитом внутриобластном рынке, о достаточно широком развитии как мелкой розничной торговли, так и сферы крупной торговли в наиболее экономически передовых районах Северной Бактрии. Вместе с тем, на других ее рынках товарно-денежные отношения были еще слаборазвитыми, преобладающим был натуральный обмен.

После разгрома Греко-Бактрийского царства саками и юечжами в третьей четверти II в. до н. э. прекращается общегосударственная чеканка, и вместе с тем постепенно прекращается приток греко-бактрийских монет в области Среднеазиатского Междуречья.

Главная отличительная особенность денежного хозяйства этого периода — возникновение и последующее обращение подражательных выпусков монет (по образцу греко-бактрийских монет Евтидема, Евкратида, Гелиокла), которые Е. В. Зеймаль во многом справедливо считает началом монетной чеканки автохтонного населения Средней Азии [110, с. 71—76]. Другая характерная черта — это широкое распространение денежной торговли,

включение в орбиту денежных отношений как городского, так и сельского населения, обеспечение монетой разнообразных сфер торговли, что, в основном, отмечается в Северной Бактрии. Эти процессы в значительной степени нашли отражение и в северо-западной части этой области. На протяжении всего периода денежная торговля здесь была в достаточной степени обеспечена монетой, видимо, как серебряной, так и бронзовой.

Серебро. Можно предполагать, что греко-бактрийские монеты (драхмы и тетрадрахмы) продолжали сохраняться в денежной торговле Северной Бактрии, хотя достоверно зафиксированных фактов (находки в археологических слоях этого периода, клады) пока не имеется. В Термезе обнаружена тетрадрахма Санаба-Герая [115, с. 34—35], но в целом обращение этих монет характерно для приамударьинских районов Южного Таджикистана, где найдено 16 оболов и 9 тетрадрахм [110, с. 158—159; 83, с. 17—35], и юго-восточных районов Афганистана [110, с. 149]. Известны также находки здесь согдийского обола Гиркода (Зартепе) [6, с. 37], подражаний драхмам Фраата IV (Тахти-Сангин, Кампыртепе, Орлиная горка) и драхмы Синатрука (Старый Термез). Кроме того, на Зартепе [6, с. 37—39] обнаружены серебряные оболы Сападбиза обычного типа. Значительное место в денежной торговле Северо-Восточной Бактрии и отчасти Северо-Западной, занимали серебряные подражания оболам Евкратида.

Медь. Основу денежного обращения в Северной Бактрии в этот период составляли подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла (погрудное изображение царя вправо/Стоящий Зевс), выделенные В. М. Массоном в первую группу [185]. Е. В. Зеймаль сейчас предложил более дробную классификацию этих монет, учитывающую последовательность изменения в составе металла, иконографическом типе и надписях, подразделив их на четыре группы [110, с. 111—112]. Находки первых двух групп — серебряные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла, здесь, так же как и в других районах Северной Бактрии, не отмечены, зато широко представлены монеты третьей и четвертой групп (медные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла). В третьей группе Е. В. Зеймаль выделяет семь последовательных периодов чеканки — монеты всех этих периодов также встречаются в Северо-Западной Бактрии.

Здесь уже зафиксировано с точной паспортизацией более 80 монет третьей и четвертой групп, обнаруженных на 20 городищах и поселениях, однако количественно преобладают монеты третьей группы («тетрадрахмы»), нежели четвертой («драхмы»).

Менее 20 экз. монет третьей и четвертой группы обнаружено в Таджикистане [110].

Таким образом, топография находок подражаний данного типа показывает, что основной их ареал приходится на Северную Бактрию, преимущественно на ее западную часть, где, вероятно, находились чеканившие их монетные дворы. Примечательно также, что находки наиболее ранних подражаний тетрадрахмам Гелиокла, к которым мы относим монеты с монограммой и которые типологически ближе всего примыкают к подлинным монетам этого царя, концентрируются главным образом в южных районах Сурхандарьинского оазиса, на городищах правобережья Амударьи (Айртам, Термез, Кампыртепе), в низовьях Сурхандарьи (Ширалитепе) и Шерабаддарьи (Зартепе, Шортепе). В более северных районах этого оазиса еще не встречено ни одного экземпляра ранних изображений. Таким образом, можно полагать, что ареал обращения этих монет первоначально концентрировался на правобережье Амударьи, где, возможно, в Термезе, находился выпускавший их монетный двор, а затем охватил всю территорию Сурхандарьинского оазиса и частично Южного Таджикистана.

Существенная черта этого периода — рост объема и уровня денежной торговли и распространение ее на сельские районы в сферу мелкого розничного оборота. Косвенным свидетельством достаточно развитой денежной системы в этой области является наличие подражаний монетам Гелиокла различных номиналов.

Можно выделить всего четыре группы подражаний, различающихся по весу и диаметру:

1. В=2,28—4,2 г; Д=12—13 и 18—20 мм;
2. В=7,6—7,9 г; Д=22—24 мм;
3. В=10,3—15,6 г; Д=25—30 мм;
4. В=23—26 г; Д=31—37 мм.

Амплитуда весовых колебаний в этих группах свидетельствует о существовании четырех номиналов, чеканившихся по определенному весовому стандарту. Для них — II и IV редки и, вероятно, выпускались эпизодически. Так, монет четвертой группы нет в серии подобных подражаний, когда отмечены три

первые весовые группы; в ранней серии отсутствуют монеты первых двух групп.

Первоначальные выпуски подражаний Гелиоклу первого типа В. Массон рассматривает как аттические тетрадрахмы резко пониженного стандарта, вес которых впоследствии в результате денежной реформы повышался, приближаясь к аттическому стандарту греко-бактрийских монет [189, с. 14]. По его мнению, вес 9—12 г свойствен монетам с изображением Гелиокла, а 13—15,3 г — монетам с «портретом местного правителя». Однако с этим нельзя согласиться, поскольку, например, монеты из Айртама, Ширалитепе, Шортепе, принадлежащие к раннему типу, весят 13—15 г, тогда как в поздних подражаниях из Аккурганского клада — 10—12 г. Таким образом, происходит не повышение, а постепенное снижение веса монет, а вместе с ним и ухудшение качества — становятся более плоскими, более тонкими и неровными края монет, искажаются греческие легенды, нечетки изображения, меняется и фактура монеты.

Подражания Гелиоклу первого типа, как показали исследования химического состава, чеканились из меди с различными добавками [326, с. 101], которые отчасти могли быть естественными примесями. Некоторые исследователи считают их субэратными, но этот вопрос требует дальнейшего изучения, поскольку ни на одной монете следы серебра пока не обнаружены. Неясной остается и сфера обращения данного типа подражаний: сомнительно применение их в крупной международной и межобластной торговле, так как металл их не имел фактической ценности. Поэтому данные подражания не выходили далеко за пределы Северной, и, может быть, части Южной Бактрии, а обслуживали лишь внутриобластную торговлю. По этой же причине их обращение было штучным, а не весовым.

Подражания Гелиоклу второго типа — это уже самостоятельный монетный тип. При сохранении греко-бактрийской выпукло-вогнутой формы и греческой легенды, хотя и искаженной, в этих монетах содержится на обратной стороне идущая вправо неоседланная лошадь, а на лицевой — изображение местного правителя. Монеты этого типа с медной основой и небольшим добавлением различных примесей, двух номиналов: В=3—4 г, Д=18—19 см; В=11—15 г, Д=25—29 см.

Ареал находок этих монет в Северной Бактрии в основном приходится на Сурхандарьинский оазис и прилегающие к нему районы Гиссарской долины. Всего здесь сейчас зарегистрировано 12 монет: Сурхандарьинский оазис, Ак-Курган — 2 экз., Дальверзинтепе — 1, Кампыртепе — 1, Халчаян — 1, Гиссарская долина, крепость в Гиссаре — 1, Чим-Курган — 1, Шахринау — 3, Тахти-Сангин, расположенный при слиянии Вахша и Пянджа, — 1 экз. [326, с. 26; также новые данные — 110, с. 128].

Исключительно редки находки в Северной Бактрии бронзовых монет иных правителей. На Хайрабадтепе (раскопки Л. И. Альбаума) найдена бронзовая (или медная) монета Сападбиза, иконографический тип которой аналогичен его серебряным монетам, однако до сих пор она была неизвестна науке. Опираясь на паспортизированные находки его серебряных монет (Зартепе, Кампыртепе, Дильберджин), можно заключить, что ареал их обращения приходится на западные и южные районы Сурхандарьинского оазиса. Монетный чекан этого правителя был достаточно разнообразен, включая серебряные оболы и бронзовые халки, известны также парфянские монеты Фраата IV с надчеканами Сападбиза.

Таким образом, денежное хозяйство в Северной Бактрии в юечжийский период было достаточно развитым. В сфере серебра денежная торговля обеспечивалась, вероятно, греко-бактрийскими монетами, в южных приамударьинских районах — частично тетрадрахмами Герая (Санаба) и подражаниями оболам Евкратида (общего и «талашканского» типов). Однако находки серебряных монет для этого периода пока редки. Основным средством обращения во внутриобластной торговле здесь являлись медные подражания монетам Гелиокла с Зевсом и реже с конем на об. ст. различных номиналов (некоторые из них, вероятно, субэратные), обслуживавших различные сферы торговли. Судя по ареалу распространения данных монет, встречающихся в Северо-Западной Бактрии повсеместно (в отличие от греко-бактрийского периода), в денежную торговлю активно включились различные слои населения этой области, в том числе и сельского. Можно предположить, что в этот период в Северо-Западной Бактрии находился монетный двор, регулярно и интенсивно выпускавший монеты — во всяком случае, для подражаний Гелиоклу с Зевсом на об. ст., которых здесь найдено намного боль-

ше, чем в других районах Бактрии. Такое предположение представляется небезосновательным. Все это позволяет предполагать устойчивый характер экономики в период юэчжийского господства в Северной Бактрии и расширение сфер товарного производства. Как показывает топография монетных находок, подражания Гелиоклу имели не узколокальный круг обращения, а ходили на территории всей Бактрии, играя здесь вплоть до создания Кушанского государства роль основного государственного средства денежного обращения. Наряду с этим, в середине или во второй половине исследуемого периода с созданием независимых юэчжийских владений заметна тенденция к образованию обособленных нумизматических провинций, территориальная сфера обращения монет которых была ограничена (монеты Сападбиза, подражания оболам Евкратида, возможно, монеты Санаба-Герая).

Включение Северной Бактрии в состав Кушанского царства обусловило массовый приток и широкое обращение здесь монет общегосударственной чеканки. Уже в начале данного процесса из обращения были, вероятно, вытеснены подражания монетам Гелиокла, об этом свидетельствуют, в частности, клады кушанских монет, в которых полностью отсутствуют монеты предшествующего периода.

Наиболее ранние монеты общегосударственной чеканки, встречающиеся в Северной Бактрии, — монеты Сотера Мегаса, а самые поздние — монеты Канишки III. При Кадфизе II в Кушанском царстве была проведена реформа, упорядочившая денежное обращение. Новая монетная система была основана на золоте различных номиналов, изменены и весовые стандарты медных монет [195, с. 182, 178—180].

Золото. Известны отдельные находки золотых монет: динар Канишки найден на Орлиной горке вблизи Термеза, динар Хувишки — около Денау [196, с. 286], клад из 37 динаров Хувишки был найден на городище Старый Термез [197, с. 83], два динара Канишки в Кулябе и Узуне [110, с. 199] и четыре динара Васудевы — Кей-Кобад-Шах, Колхозабад, Чор Мазак [110, с. 219]. В целом в Северной Бактрии известны находки восьми золотых монет и клад из 37 динаров. Столь небольшое количество не позволяет пока в полной мере оценить их роль как средства обращения на данной территории, но указывает на вероятность участия во внутриобластной торговле.

Медь. Основу денежного обращения в Северной Бактрии составляли медные монеты общегосударственной чеканки. Так, только в Сурхандарьинской области зарегистрировано около 600 находок медных кушанских монет, из них точно паспортизированы 513 экз.

Правитель	*Отдельные находки*	*В кладах*	*Общее количество*
Сотер Мегас	72	более 100	172
Кадфиз II	36	37	73
Канишка	64	74	138
Хувишка	24	—	24
Васудева	55	21	76
Канишка III	27	3	30

Если учесть, что в Южном Таджикистане сейчас зарегистрировано (в том числе и в кладах) около 500 медных кушанских монет (Сотер Мегас — 259, Кадфиз II — 104, Канишка — 72, Хувишка — 31, Васудева — 52), то общее количество этих монет, найденных в Северной Бактрии, уже превышает 1000 экз. Сравнивая количественные показатели зарегистрированных монет кушанского времени с предшествующим периодом (всего более 200 монет), при всем субъективизме подобных сравнений, можно тем не менее заметить, насколько возрос объем денежной торговли, а, следовательно, и товарного производства в Северной Бактрии. Денежные отношения развиваются «в тех областях товарного обращения, где монеты циркулируют наиболее быстро , т. е. там, где акты купли и продажи постепенно возобновляются в самом мелком масштабе» (Маркс, Энгельс. Соч., изд 2, т. 23, с. 136).

Состав монетных находок в Северной Бактрии однообразен — это медные монеты общегосударственной чеканки, иноземные чрезвычайно редки (римская монета Нерона из Хайрабадтепе). Представлены основные типы монет всех кушанских царей.

Кушанские медные монеты найдены в Северной Бактрии в бо́льшем или меньшем количестве на всех поселениях и городищах, относящихся к этому периоду. Наибольшее их число встречается в густонаселенных долинах, реже — на поселениях, находящихся в предгорьях, и совсем редко — в горных поселениях (монеты Канишки и Хувишки в Ушаре, Байсуне и Сине).

Такое географическое распределение монетных находок свидетельствует о неравномерности развития денежной торговли в Северной Бактрии, о ее высокой концентрации в земледельческой зоне и слабом развитии товарно-денежных отношений в горных районах с преимущественным занятием населения скотоводством, где, вероятно, в значительмере сохраняются какие-то формы натурального обмена.

О количественном распределении монет в городах и поселениях различного функционального назначения, раскопки на которых осуществлялись в достаточно широких масштабах, свидетельствуют следующие данные:

Правитель	*Дальверзин-тепе, город*	*Халчаян город*	*Кампыр-тепе крепость*	*Шортепе селение*
Сотер Мегас	16	16	19	10
Кадфиз II	11	2	35	—
Канишка	21	8	90	8
Хувишка	9	—	3	—
Васудева	33	6	—	6
Канишка III	10	5	—	8

Примечательно, что в крепости Кампыртепе найдено 147 кушанских монет (100 экз. в кладах), в то время как в городе Дальверзинтепе, площадь которого в 10 раз превышает площадь Кампыртепе, найдено 103 монеты (35 экз. в кладах). Небольшое, в 30 раз меньше, чем Дальверзинтепе поселение Шортепе дало 37 монет. Следовательно, можно полагать, что товарно-денежные отношения в кушанский период охватывают многие сферы экономических взаимоотношений между городом и селением, распространяясь даже на самые незначительные формы розничной торговли. Высокий уровень развития денежной торговли мелкотоварного производства и розничной торговли является основной отличительной особенностью товарно-денежных отношений в Северной Бактрии в кушанское время по сравнению с другими областями Средней Азии (возможно, за исключением Маргианы), где уровень их развития был несколько ниже, а территориальная сфера охвата более узкой.

Для характеристики денежного обращения большое значение имеют клады. К настоящему времени в Северной Бактрии выявлено уже шестнадцать кладов, содержащих кушанские монеты: шесть в Таджикистане [110, с. 291—295], десять — на юге Узбекистана. Сведения о четырех из них (Термез, Дальверзинтепе) опубликованы [277, с. 231]. Шесть — найдены в последние годы. На Кампыртепе — 4 клада. Клад I содержит четыре монеты Канишки I, клад II — 15 халков Кадфиза II, клад III — 32 монеты (Кадфиз II — 7 экз., Канишка I — 25 экз.,), клад IV — 49 экз. монет (Кадфиз II — 11 экз., Канишка — 38 экз.). Клад из Будрача содержит 6 монет Сотера Мегаса, клад из Зартепе включает более 500 экз. монет Васудевы и Канишки III.

Анализ состава найденных монет позволяет выделить несколько этапов денежного обращения в Северной Бактрии кушанского времени. Это вытекает из четкой закономерности: клады содержат в большинстве своем или монеты одного правителя, или двух, правивших непосредственно один после другого.

Клады первого этапа содержат только монеты Сотера Мегаса и никаких других предшествующего времени, в частности, монет «варварского» Гелиокла. Зарытие их, судя по всему, относится к начальному периоду раннекушанского времени.

Ко второму этапу относятся семь кладов, шесть из них содержат только монеты Кадфиза II и Канишки. Один, клад № 13, по Е. В. Зеймалю, включает монеты: Кадфиза II — 5 экз., Канишки — 24 экз., Хувишки — 21 экз. Еще в одном (клад № 14 из храма Окса) имеются 8 монет Сотера Мегаса и два — Кадфиза II. Примечательно, что в обоих кладах ранние монеты составляют незначительный процент. Фактически это означает, что монеты предшествующего времени в период правления Кадфиза II — Канишки уже не играли видной роли или вообще выпадали из денежного обращения.

Ту же тенденцию смены старых монет новыми показывают клады третьего — позднекушанского этапа. К этому времени относятся пять кладов, в четырех из которых содержатся только монеты Васудевы и Канишки III и в одном — монеты Хувишки, Васудевы, Канишки III и подражания Васудеве (клад из Кызыл-Кетмана). Время Хувишки, как представляется из анализа состава кладов, по-видимому, можно охарактеризовать как переходный этап от развитого к позднекушанскому этапу в денежном обращении, поскольку незначительная доля этих монет содержится как в кладах предшествующего, так и последующего этапов (клад монет Хувишки и Канишки из храма Окса и вышеупомянутый клад из Кызыл-Кетмана). Ни одной монеты раннекушанских правителей: Сотера Мегаса,

Кадфиза II, Канишки I — в составе кладов позднекушанских царей пока не имеется. Поскольку все клады, как это видно из их состава, являются результатом кратковременного накопления, то они отражают непосредственную картину денежного обращения на том или ином этапе. Отсюда следует вывод, что замена старой монеты новой в Кушанской Бактрии происходила быстрее, чем предполагалось ранее, и что период циркуляции старых монет был ограничен во времени. Иными словами, есть основания говорить о вероятности изъятия старых монет из обращения и постепенной замене их новыми.

Античная культура Северной Бактрии-Тохаристана

В Северной Бактрии, как и во всем Древнем мире, огромную роль в социальной и духовной жизни общества играла культовая идеология. Раскопки в Джаркутане выявили здесь комплекс II тыс. до н. э., связанный с культом огня, возжиганием его на алтарях и, очевидно, выполнением соответствующих ритуалов, возглашением молитв и песнопений. Пока преждевременно утверждать, что это был зороастрийский культ, но, вероятно, в нем уже были заключены какие-то черты, впоследствии вошедшие в религию Авесты, сложившуюся в I тыс. до н. э. на обширных иранo-среднеазиатских просторах, когда уже оформились многие ее разделы (яшты, гаты).

Бактрия-Бахди, упоминаемая в Авесте среди созданных благим Ахурамаздой «областей благословения», была одним из районов формирования этой удивительной книги древних праноязычных народов Среднего Востока. Какие из ее частей возникли именно в Бактрии, какие в иных областях—вопрос вряд ли когда-нибудь разрешимый. Во всяком случае, разделы, касающиеся працарей-кайянидов, ряд ученых (первым обосновывал это Кристенсен [419, с. 30 сл.]) соотносит именно с Бактрией. Еще в средневековье Хамза Исфагани говорит об основоположнике рода кайянидских царей — Кейкобаде, как о создателе городов, в числе которых был Кобадиан на реке Аму. Археологи отождествляют с ним городище Кей-Кобад в Вахшской долине, древнейшие археологические слои которого, однако, не старше середины I тыс. до н. э.

Среди выдвигавшихся исследователями зороастризма определений места канонизации Зороастром оформившегося авестийского вероучения фигурируют Бактрия, Маргиана, Атропатена, Систан, но спор этот пока не завершен.

Да и был ли в Бактрии зороастризм в той его ортодоксальной форме, которая была узаконена в ахеменидском Иране? По-видимому, в среднеазиатском регионе имела место его разновидность с локальной спецификой, особенно *в ритуальной сфере*, показателем чего служат, например, иные, чем в Иране, особенности погребального обряда. Во всяком случае, применяя в дальнейшем термины «зороастризм», «зороастрийский», мы постоянно подразумеваем местную специфику. В частности, в круг почитавшихся здесь авестийских божеств входили локальные божества. Таков, например, Охшо, которому был посвящен храм в Тахти-Сангине [161]. Имя Охшо соотносится с великой среднеазиатской рекой Амударьей (Вахш-Окс), а через нее с Водой как одной из четырех великих стихий мироздания в зороастризме. Почитание этой реки отражено также в имени местной богини Ардохшо (дух Охшо), фигурирующей на кушанских монетах и в произведениях искусства.

Прямым свидетельством выполнения в Северной Бактрии-Тохаристане предписаний Авесты *является погребальный ритуал*, выявленный в ряде античных пунктов Северной Бактрии. Он предусматривал возведение специального загородного здания «ката» или «кед», где помещался на некоторое время труп усопшего, а в дни годового праздника мертвых Фравартикана выставлялась еда и возжигались светильники. Такая ката была открыта в загородной зоне Кампыртепе [482, с. 34 сл.]. Далее, согласно ритуалу, осуществлялось очищение трупа от истлевающей плоти на далекой дахме и лишь год спустя—перенос костных останков в особые наусы. Последние обнаружены и исследованы на городищах Дальверзинтепе, Ялангтуштепе, Кампыртепе [482, с. 30 сл.], Тепаи-Шах [163, с. 38 сл.]. В них помещали также некоторые сопутст-

вующие предметы — керамические сосуды, бусы, кольца, зеркала, хотя в Авесте указаний на это нет. По-видимому, в данном случае сохранялся более древний, доавестийский местный обычай внесения в могилу сопроводительного инвентаря, широко представленный в Северной Бактрии в погребениях эпохи бронзы.

Предполагают — и не без оснований,— что с возжиганием священного огня связана платформа-терраса середины I тыс. до н. э., выявленная при раскопках холма Пачмактепе в Шерабадском районе [230, с. 34 сл.]. Ее монолит размерами 21,5×21,5 м при высоте 2,6 м с тремя ступенями по сторонам сложен из пахсы. Возникает прямая аналогия с храмами огня на террасах в ахеменидском Иране, материалом для которых, однако, служил камень.

В эпоху античности в Бактрию проникают иные, иноземные религии. В правление греко-бактрийских базилевсов это были божества олимпийского пантеона, образы которых в качестве богов-покровителей представляют на обороте их монет. Большинство этих богов после юечжийских завоеваний и в кушанское время теряет былую роль, но, судя по монетам и монументальной скульптуре, некоторые из них сливаются с местными божествами: например, греческий Гелиос с Михром, Ника с Ваниндой, Геракл с Охшо.

Вероятно, под влиянием сако-юечжийского пласта в Бактрию был привнесен культ родового предка, слившийся на местной почве с династийным культом. Он отражен в монетном чекане Герая и Сотера Мегаса, где фигурирует конный царственный всадник во славе, а также в появлении многочисленных терракотовых фигурок всадника-идольчика на коньке [250, с. 148 сл.].

В условиях обширной Кушанской империи, объединившей народности, исповедовавшие различные религии, кушанские цари Канишка и Хувишка подчеркивали в монетном чекане свою толерантность к этому многообразию культов. В нем представлен обширный пантеон авестийских и локально-бактрийских божеств (Атеш, Охшо, Михр, Мах, Нана, Ардохшо) и некоторых индийских божеств. Появление последних связано с расширением кушанских владений вплоть до долины Ганга. Между тем, на монетах Вимы Кадфиза, а позднее Васудевы I фигурирует только Шива — по-видимому, это воинственное божество особенно импонировало обоим правителям. Вместе с тем продвижение при Кушанах в области Бактрии буддизма привлекло сюда немало адептов, в том числе и среди правящей верхушки, свидетельством чего служит появление в Северном Тохаристане многочисленных буддийских монастырей и храмов.

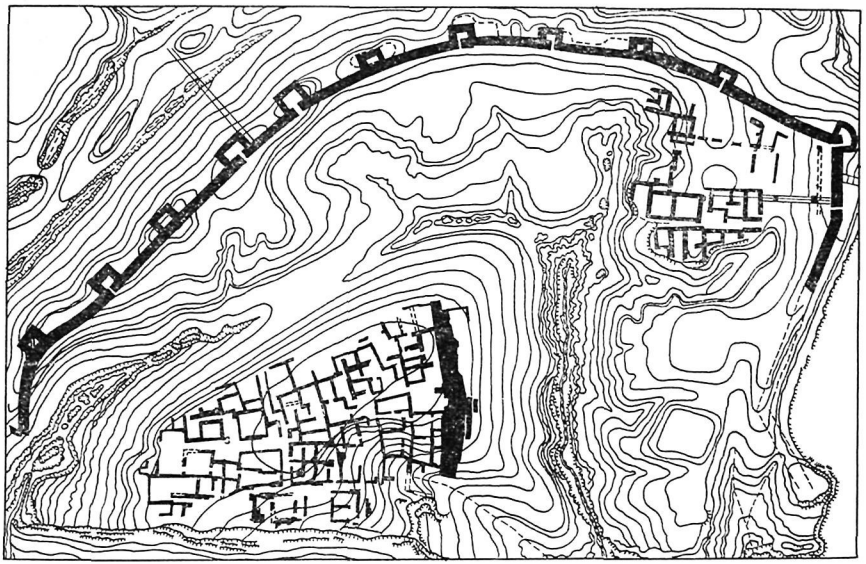
В Бактрии, как впрочем и в других среднеазиатских областях — Согде, Маргиане, Хорезме большую популярность в народе (в основном у женщин) имел культ Великой богини, свидетельством чему явились многочисленные терракотовые статуэтки. Ее имя назвать с определенностью затруднительно, во всяком случае, соотнесение рядом исследователей этих терракот с Анахитой Авесты прочных оснований не имеет, ибо этому не отвечает сама иконография.

Культовая идеология обуславливала многое, но далеко не в первую очередь и не все в формировании разных сторон культуры Северной Бактрии. Общественное бытие требовало разрешения как ряда практических задач, так и удовлетворения духовных, в частности эстетических запросов.

Среди активных творческих свершений античного времени — творения архитектуры, связанные с бурной, особенно в городах, строительной деятельностью. Наряду с массовой застройкой жилых и ремесленных кварталов возникают здания высокого художественно-образного воплощения — храмы, дворцы, богатые жилые дома.

Приемы застройки городов уже стоят на уровне высокоразвитого урбанизма, о градостроительных приемах в них было сказано выше. Существенную роль при этом играла фортификация. Изучение системы оборонительных сооружений Северной Бактрии осуществлялось путем разрезов и раскопок на многих городищах — Хайрабадтепе, в Старом Термезе, Зартепе, Шортепе, Кампыртепе, Дальверзинтепе, Халчаяне, Кухне-кала, Кумкала, Кей-Кобад-шах, а в Южной Бактрии в Ай-Ханум, Балхе, Сурх-Котале, Дильберджине, Джигатепе. На этой основе обрисовывается следующая их эволюция.

Успехи македонских завоеваний, когда широко применялись осадные орудия, побудили в греко-бактрийское время отказаться от прежнего типа тонких внешних стенок ахеменидского периода. В Кей-Кобад-шахе характерны толстые стены с примыкающими к ним монолитными башнями, выступающими до



Кушанская фортификация: Кампыртепе, план укреплений, стена с башнями.

6 м. Они, очевидно, служили главными узлами средоточия стрелков, а также камнеметной артиллерии. По гребню же стены проходила боевая дорожка, огражденная зубчатым парапетом. Тип этот аналогичен укреплениям Ай-Ханум. Монолитная система с выступами башенного типа присуща также ограждениям Балха греко-бактрийского периода и стене балхской округи. И в этот и в последующие периоды стены охвачены рвом.

В пору сако-юечжийских вторжений и позднее, когда учитывался натиск конной лавы, начинает слагаться универсальный тип городских укреплений, получивший окончательное воплощение в кушанское время. В них противостоянию осадным орудиям отвечала мощь стен, вынесенная ко рву протейхизма, а натиску конницы — устройство башен, как монолитных, так и со стрелковыми камерами, а в стенах — казематов или отсеков, причем те и другие снабжены бойницами для лучников. Именно таковы стены Дальверзинтепе, подвергшиеся дополнительному усилению при Кушанах. По-видимому, аналогичны и стены Дунья-тепе на городище Будрач, раскопки которых пока лишь начаты. Это как бы промежуточный тип между греко-бактрийским и кушанским.

Развитая система кушанской фортификации представлена в Кухне-кала, Кум-кала, Хайрабадтепе, Кампыртепе в Северной Бактрии, в Дильберджине и укреплениях Балха этого времени — в Южной. Широкие и высокие стены из сырцового кирпича, иногда в комбинации с рядами пахсы, возведены на специально подрубленном лессовом основании или искусственной платформе со скосом граней. По фронту они укреплены сильно выступающими прямоугольными башнями со стрелковыми камерами, соединенными со стрелковой галереей. В башнях и в пролетах стен между ними имеются в двух уровнях бойницы, расположенные в шахматном порядке. Бойницы прямоугольные или стреловидные со смотровой щелью.

Полукруглые башни в фортификации античной Бактрии сравнительно редки и применение их имеет два истока. В одних случаях это сохранение старобактрийского типа башен ахеменидского времени, как, например, в культовом комплексе III—II вв. до н. э. Джигатепе близ Дильберджина [263, с. 67 сл.]. В других, наоборот, это предвозвестие башен, полукруглая или, точнее, полуовальная форма которых возобладала уже в раннефеодальной фортификации Средней Азии и Ирана. На почве Бактрии таковы башни кушанского времени на стенах Зартепе (они напоминают стены Сирсукха в Таксиле) [466, t. III pl. 42], а в последних перестройках стен цитадели Дильберджина, датируемых II—III вв., округлые башни сосуществуют с прямоугольными [90, с. 81 сл., 88].

Некоторые варианты крепостных ограждений дают цитадели. Так, на цитадели Дальверзинтепе в великокушанский период появляется двойной ряд стен, разделенных узким проходом: *нижняя — со скосом ко рву и верхняя* — со значительным выступом мощной протейхизмы. На цитадели городища Будрач — Акмазартепе — крепостная стена толщиною более 7 м имеет выступ на 2,5 м, значительно усиливающий оборонную мощь нижних участков стены.

Большое внимание в кушанский период придается такому весьма эффективному средству обороны, как рвы. Они теперь окружают повсеместно как цитадель, так и шахристан, становятся более широкими (до 15—20 м) и более глубокими. В целом строится сложносоставная система обороны города, включающая четыре главных оборонительных рубежа: ров и крепостные стены собственно города, ров и крепостные стены цитадели. Этот основной принцип обороны широко распространяется и устойчиво повторяется как в крупных, так и в более мелких городах кушанской Бактрии.

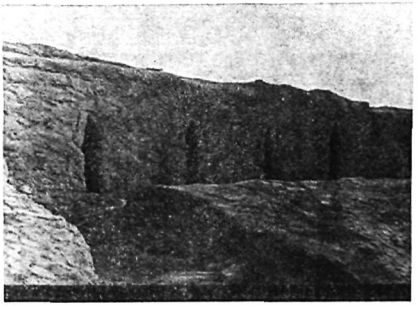
Фортификация определяла внешний аспект городов. Уже издалека при приближении к ним воспринимались высокие стены, предстенные выступы или башни, вносившие в их структуру четкий архитектурный ритм, а в одном из участков виднелась возвышенная цитадель, также укрепленная башнями. По верху стен тянулся зубчатый парапет, о чем свидетельствуют памятники изобразительного искусства — в частности скульптурные фрагменты из Дальверзинтепе [264, рис. 55]. Зубцы создавали ритмическую организацию гребней стен.

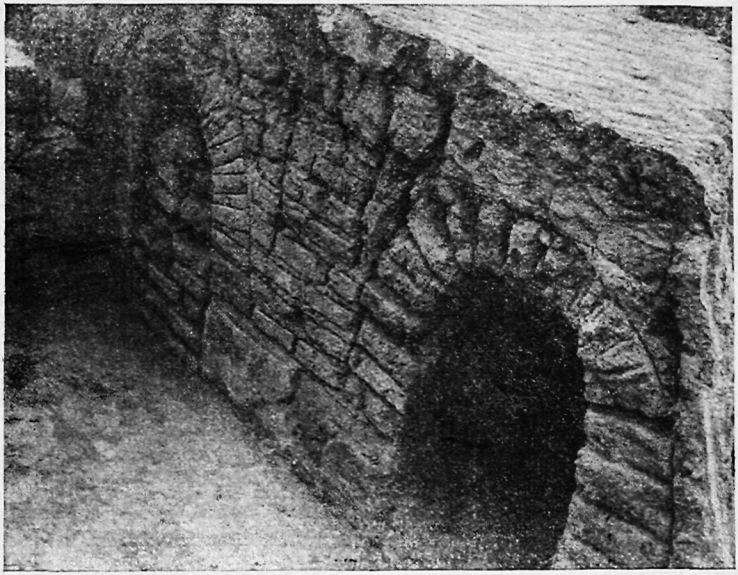
Представление об архитектуре греческих колоний на почве Бактрии дает городище Ай-Ханум на левобережье Амударьи, характеристика которого широко освещена в трудах французских археологов [MDAFA, t. XXI, XXVI—XXIX и лит.] и выходит за рамки нашей книги. Что касается Северной Бактрии, то здесь археологические слои греко-бактрийского времени, уже прослеженные на ряде памятников, невелики по объему, так как перекрыты последующими напластованиями. Тем не менее, и здесь греко-бактрийское искусство уже начинает обрисовываться на некоторых объектах.

В Тахти-Сангине исследован храм, посвященный богу Охшо, чье имя напрямую отождествляется с Оксом-Вахшем-Амударьей, и почитание которого, видимо, было для бактрийцев столь же значимым, как Посейдона у греков. Он был возведен в III в. до н. э. и просуществовал, подвергаясь некоторым перестройкам, до III—IV вв. н. э. В первоначальной композиции доминировал квадратный четырехколонный зал (12×12 м), обведенный с трех сторон отсеками с коридорами в два ряда. Вход был выделен восьмиколонным портиком, по обе стороны которого располагались подсобные помещения. В зале стояли алтари [461, p. 197, сл.; 91, с. 69].

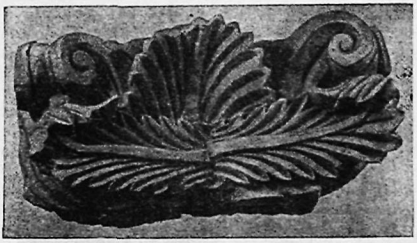
Если в предшествующую эпоху в Бактрии определилась типология зданий «двор в перистильном обводе помещениями», то теперь вырабатывается новый тип — «зал в обводе

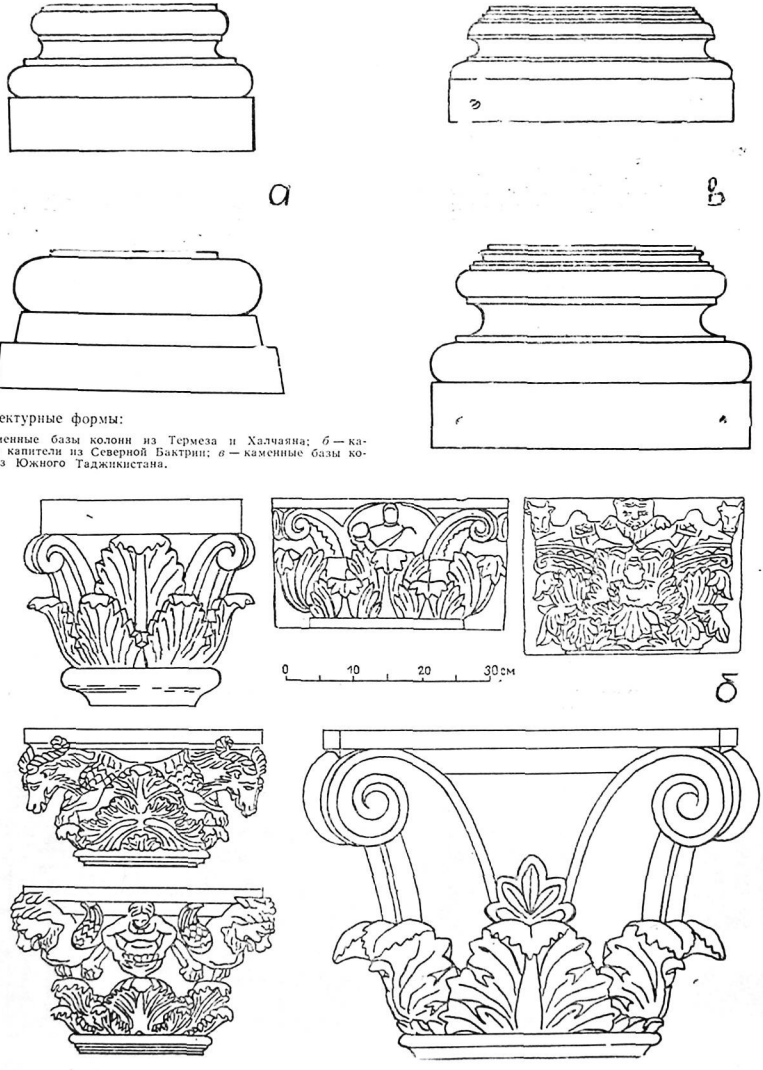
Бойницы в крепостной стене.





Архитектурные конструкции и формы: арки науса на Дальверзинтепе; коринфизированная колонна из Хатын-Рабада; каменные базы колонн и пилястр из Дальверзинтепе.





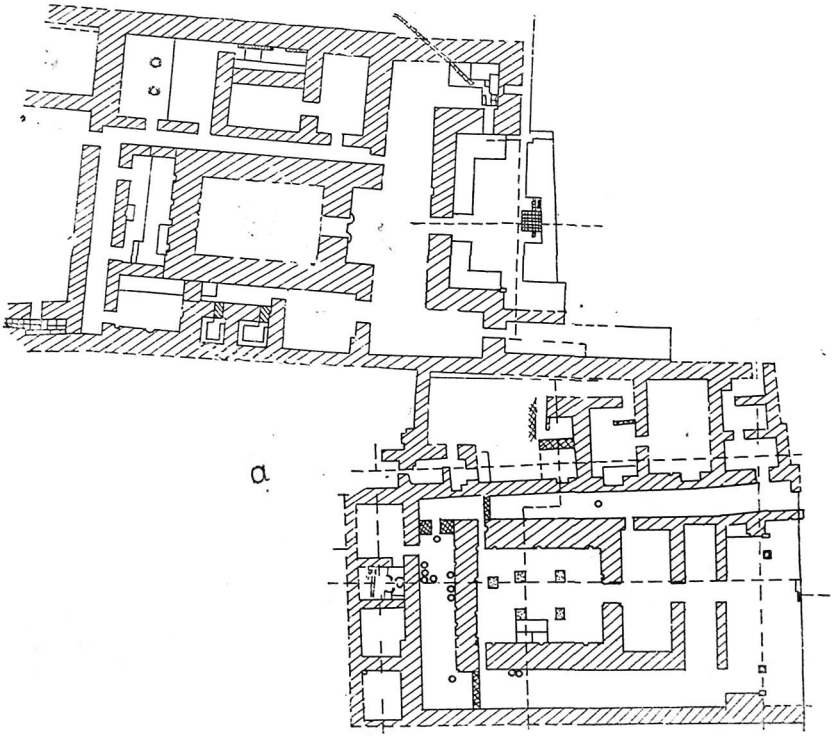
Архитектурные формы:

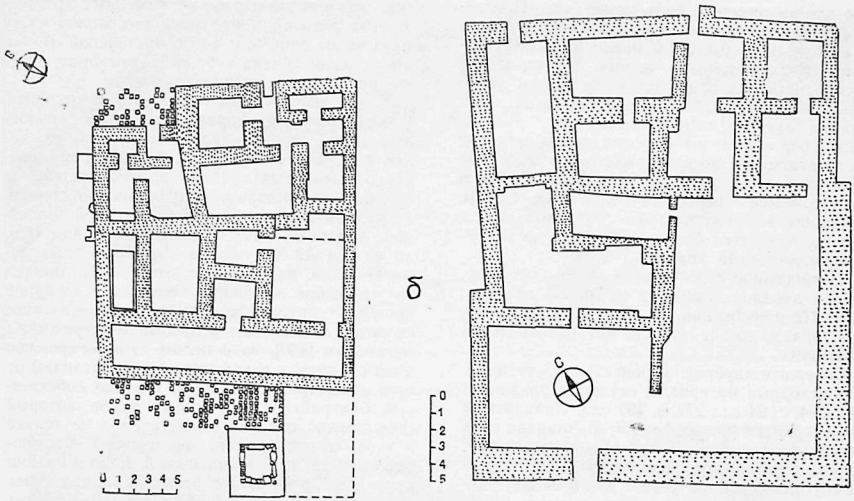
а — каменные базы колонн из Термеза и Халчаяна; *б* — каменные капители из Северной Бактрии; *в* — каменные базы колонн из Южного Таджикистана.

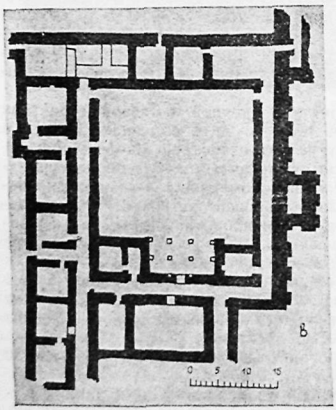
коридоров» с выделенным колонным порталом по фасаду. Тот и другой тип сохранятся с определенными видоизменениями в местном зодчестве на века.

В архитектуре тахтисангинского храма налицо черты синкретизма. Они запечатлены, например, в типе каменных колонн. Составные стволы их покоились на торовидных базах с двухступенчатым плинтом — форма, явно соотносимая с базами ахеменидской архитектуры (например, сокровищницы в Персеполе). Вместе с тем, венчанием служили ионические капители, в выполнении которых, очевидно, участвовал греческий мастер. Перекрытие колонного портика было не стропильно-треугольным, как в греческой архитектуре, а плоским. По существу, это не столько портик, сколько среднеазиатский колонный айван.

На городище Айртам, где располагалась одна из древних переправ через Амударью, в конце греко-бактрийского периода на самом возвышенном участке было начато возведение крупного здания, которое осталось незавершенным, вероятно, в связи с нашествием саков [371, с. 53, сл.; 258, с. 94, сл.]. Стены его, тщательно выведенные из пахсовых блоков, обрисовывают четкий план. В нем выделяются центральное пространство пролетом 15 м —

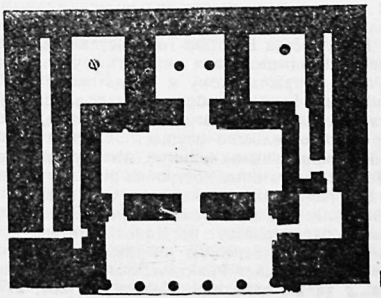






Жилые дома и дворцы кушанского времени:

а — два богатых дома на Дальверзинтепе; *б* — дома родовых горожан: Хатын-Рабад, Дальверзинтепе; *в*—дворец в Саксанохуре; *г* — дворец в Халчаяне.



это или дворик, или, быть может, зал. Последнее вполне вероятно, но при таком пролете в нем должна бы быть предусмотрена установка промежуточных колонн. Центральное пространство охвачено продолговатыми помещениями. Здесь та же композиционная идея, что и в тахтисангинском храме.

В свое время мы предполагали, что это был начатый и незавершенный форт. Однако архитектурная общность с храмом Охшо и расположение непосредственно над Оксом позволяет выдвинуть иное истолкование, а именно, что здесь был задуман, но не завершен аналогичный храм.

Интенсивное строительство в городах и селениях давало импульс к развитию архитектуры. На протяжении I в. до н. э. — III/IV вв. н. э. она проходит этапы последовательной эволюции.

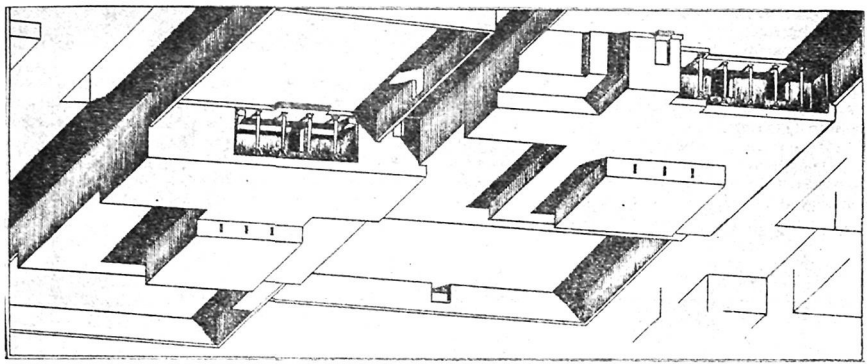
Совершенствуется строительная техника, хотя исходные материалы остаются прежними [248; 264, с. 24 сл.; 277, с. 191 сл.]. Появляются новые архитектурные формы. В кладках стен используется сырцовый кирпич, который уже в греко-бактрийское время взамен былого прямоугольного приобретает квадратный формат, применяется пахса. Штукатурки глиняные, иногда с обмазкой ганчем. Из сырца выводятся арки и своды, однако преобладают по-прежнему плоские балочные перекрытия. Полы глинобитные. В портиках-айванах, а иногда и и в интерьерах используются деревянные колонны, нередко на каменных базах, предохранявших стволы от сырости. Форма этих баз или древняя торовидная, или же с привнесенной греками аттической профилировкой. Из других деталей греческого зодчества встречаются терракотовые антефиксы с оттиснутыми на них сильно искаженными пальметтами или акантами.

В зодчестве Бактрии-Тохаристана вырабатывалась определенная типология, удовлетворявшая гражданскому и культовому строительству. В своих образцовых воплощениях она отвечала запросам имущих слоев, для которых строительство осуществлялось высокопрофессиональными зодчими. Между тем, жилые дома и бытовые постройки рядовых граждан, вероятно, как и ныне в Средней Азии, возводились самими владельцами. Два таких дома, раскопанных на Дальверзинтепе и в Хатын-Рабаде, невелики по размерам, планировка их отвечает практическим формам бытия, а также занятиям обитателей [261, 277, с. 33 сл.]. Так, дом в Хатын-Рабаде принадлежал мастеру по обработке каменных архитектурных деталей и потому к его жилой части примыкает дворик и навес мастерской. В обоих домах выделена небольшая гостиная, здесь же место для домашнего алтаря.

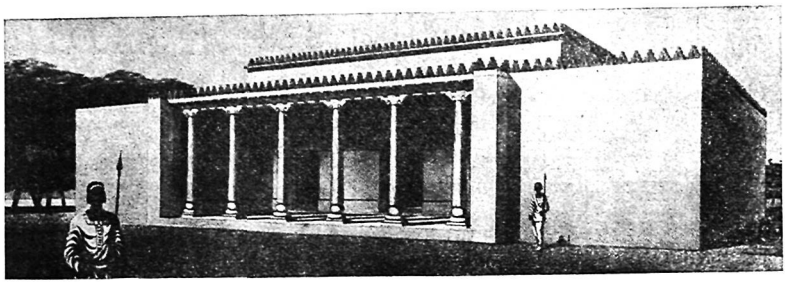
Иное дело — дома городского патрициата. В планировке их характерен входной колонный айван, за ним расположен вестибюль, далее следует обширный продольно или поперечно вытянутый зал для приема гостей, охваченный коридором, откуда можно попасть к группам жилых комнат, к семейной трапезной, домашней бане. Таковы жилой дом II в. до н. э. в Ай-Ханум, два крупных жилых дома I—II вв. на Дальверзинтепе, где имеется также особая домашняя молельня с алтарной нишей. В литературе отмечалось отдаленное сходство плана дома в Ай-Ханум с греческим мегароном [430], но в целом это совершенно иная система, в еще большей мере отличны от него дальверзинские дома. Налицо собственный бактрийский тип жилых домов, который существенно отличен от мегаронов не только в деталях планировки, но и своей объемно-пространственной композицией. Если в Греции прямоугольный объем всего здания венчает треугольно-скатная крыша, то в Бактрии над общим параллелепипедом основного объема дома возвышается прямоугольный объем центрального зала, причем оба с плоскими перекрытиями. Стены гладкие, оживлены лишь небольшими оконными проемами. Архитектурный акцент здесь сделан на главном фасаде с его глубоким айваном, который выделяют стройные деревянные колонны на каменных базах, вероятно, с фигурными капителями.

Архитектура дворцов в Северной Бактрии предстает пока в двух образцах. Дворец в Саксанохуре (его относят ко II—I вв. до н. э.) значителен по масштабам. В нем, по существу, развита в новом качестве композиция периметрально-дворовой застройки, уже определившаяся в южнобактрийском дворце Алтын-10 середины I тыс. до н. э. В Саксанохуре двор также охвачен коридором и группами помещений, но в ином расположении, кроме того, вход со двора в коридор дворца выделен глубоким четырехколонным айваном; колонны каменные, с прекрасно разработанными коринфизированными капителями [160, с. 130 сл.].

Небольшой дворец-резиденция ранних Кушан в Халчаяне дает вариант описанного архитектурного типа жилых домов: колонный



Два жилых дома на Дальверзинтепе. Реконструкция.



Дворец в Халчаяне. Реконструкция.

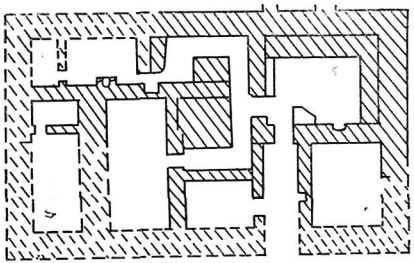
айван, поперечно вытянутый зал для приемов, за ним двухколонная (видимо, тройная) комната, по обе стороны подсобные помещения и коридоры. Дворец был богато оформлен скульптурой и живописью [252, с. 75, сл.].

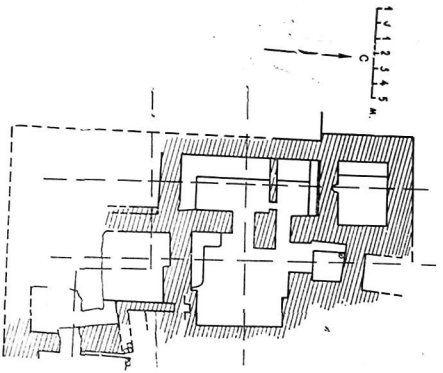
Остатки административно-дворцового комплекса, вскрытые в Кухне-кала (датировку городища, которую относили к греко-бактрийскому времени, ныне сдвигают к эпохе Кушан), содержат многочисленные помещения регулярного плана, сгруппированные вокруг внутренних дворов [147, с. 60, сл.]. По-видимому, административно-военное назначение имел и охваченный обводными коридорами плотный комплекс помещений внутри возвышенного участка укреплений на кушанском городище Кампыртепе. В том и другом случае перед зодчими не ставилось целью создание выразительных объемных композиций, но рационально решались чисто функциональные задачи.

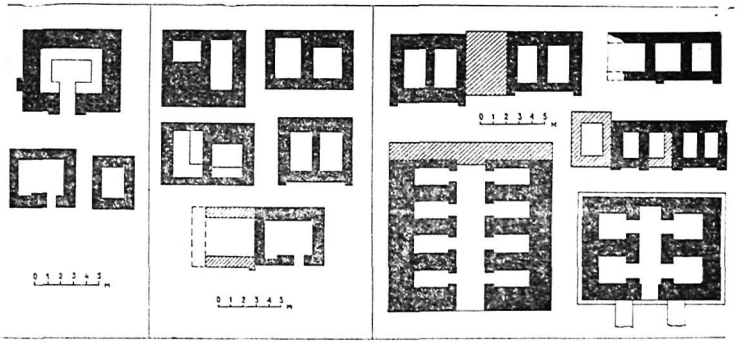
Комплекс сооружений культового зодчества был соподчинен их функциям, при этом и здесь формируются определенные архитектурные типы зданий. Пока не открыты остатки зороастрийских храмов огня — аташкедов, хотя они, несомненно, были, но, во-первых, в ограниченном числе — даже в крупных городах едва ли более одного, во-вторых, судя

по иранским аташкедам, масштабы их были невелики. По существу для них требовалось квадратное помещение для алтаря огня с отверстием в зените, доступное лишь для жрецов и немногих храмовых служителей. Располагались они в изолированном месте в особой загородной зоне. Но если в Иране аташкеды возводились из камня и потому дошли до наших дней, хотя и в руинах, то в сейсмических регионах Средней Азии, где камень не применялся и строительным материалом служил сырцовый кирпич, в процессе разрушения от них могло сохраниться лишь глиняное всхолмление.

В числе построек зороастрийской веры выявлены уже упоминавшиеся ката и наусы. Ката, исследованная на Кампыртепе, представляет группу нескольких смежных закрытых помещений, образующих длинное строе-







ние, вдоль которого тянулась суфа, видимо, некогда перекрытая навесом на деревянных колоннах, предназначенная для установки на ней сосудов с яствами, светильников и курильниц, огонь и ароматы которых должны были отгонять по ночам злых духов.

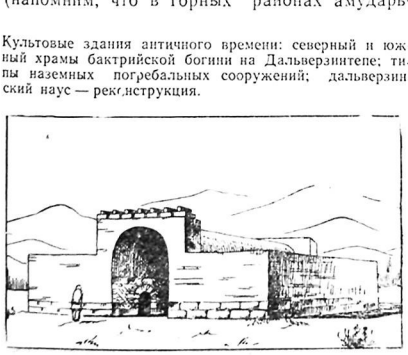
Наусы, изучавшиеся в ряде пунктов (Дальверзинтепе, Кампыртепе, Бандыхан, Тепа-и Шах) дают варианты планировки. Иногда это прямоугольное строение с двумя-тремя замкнутыми помещениями, но иногда и более развитая композиция. Так, дальверзинский наус включает центральный сводчатый коридор, по обе стороны которого поперечно расположены продолговатые сводчатые камеры, которые открывались для укладки очередных костных останков и сопроводительного инвентаря и вновь замуровывались. Вход в коридор возвышался над общим прямоугольным объемом. По-существу здесь уже одна из древнейших композиций мемориального здания с выделенным сводчатым айваном — прообраз будущих мусульманских мавзолеев.

В кушанское время храм Окшо в Тахти-Сангине продолжал функционировать, но был подвергнут некоторым перестройкам. А на Дальверзинтепе в разных концах города в раннекушанское время появились действовавшие на протяжении всей кушанской эпохи два небольших храма бактрийской богини (или двух разных богинь) [277, сл. 75, сл.; 130, сл.]. Один из них возведен посредине квартала керамистов — по-видимому, богиня почиталась не только в женской среде, но и считалась покровительницей гончарного дела (напомним, что в горных районах амударьинского бассейна еще до недавнего времени изготовлением лепной гончарной посуды занимались женщины). Храм этот имеет глубокий вестибюль, когда-то украшенный живописью, небольшой коридор, святилище со статуями и пару подсобных комнат, где хранились небольшой алтарь, курильницы и другие сосуды. Бо́льший по размерам храм — в северном конце города. Он включал квадратное святилище (со временем забутованное), обводной коридор, группу помещений, в двух из которых алтарные ниши. И здесь в оформлении главных помещений использовалась живопись и располагалась статуя богини.

На рубеже нашей эры в Северную Бактрию проникает буддизм и в I—III вв. возрастает число буддийских колоний и, соответственно, появляются буддийские монастыри, святилища. Они обнаружены и исследованы в Старом Термезе [123, I—V; 254], на Зартепе [238], в Айртаме [205, с. 64 сл.; 371, 56, сл.], на Дальверзинтепе [277, сл.; 372]. Буддийские предметы собраны в Хатын-Рабаде [258, с. 90 сл.]. Отдельные ступы исследованы в Термезе, Айртаме [254, 274], Уштурмулло [113]. Искусство выступало могучим фактором популяризации буддийского вероучения.

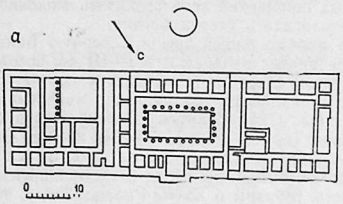
Буддизм проник в Бактрию из Гандхары (область Северо-Западной Индии, ныне территория Пакистана) через область Нагарахара и хребты Гиндукуша. И хотя при этом были привнесены его архитектурные каноны, в том числе основной состав буддийских сооружений, они на бактрийской почве приобрели черты локального своеобразия. В какой-то мере это было обусловлено иным составом строительных материалов — сырцовый кирпич и глина, а не сланцевые плиты с забутовкой, как в гандхарских постройках, белый мраморовидный известняк в некоторых архитектурных деталях, а не темный шифер. Видоизменяются и некоторые планировочные и объемно-пространственные композиции. В буддийских постройках Бактрии обращает внимание отсутствие канонизированных схем — ни один из исследовавшихся памятников не повторяет другого при решении единых в общем-то задач. Нередко применяются композиции, характерные для иных по назначению зданий бактрийской архитектуры. Главной целью создателей этих сооружений было обеспечить их основные сакральные функции и монашеский быт вне подчинения жестким архитектурным стандартам.

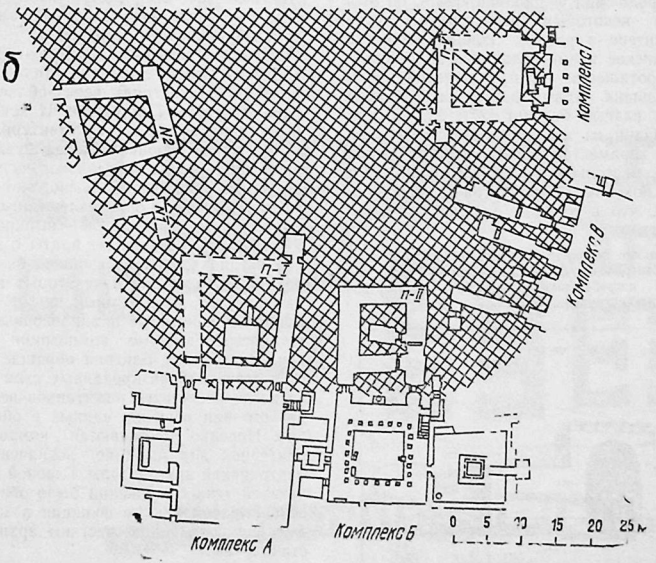
Культовые здания античного времени: северный и южный храмы бактрийской богини на Дальверзинтепе; типы наземных погребальных сооружений; дальверзинский наус — реконструкция.



Наиболее целостное решение дает монастырь Фаязтепе в Старом Термезе. Он включал три смежных отдела — каждый с внутренним двором, обведенным помещениями и частично колонными галереями. По существу, здесь применена традиционная бактрийская система планировки «двор в периметральном обводе помещениями». Центральный отдел был связан с ритуалами посещений и адорации, другой — с пребыванием монашеской общины, здесь были кельи, трапезная, зал собраний, третий исполнял хозяйственные функции, в него входили также кельи, возможно, для прибывших издалека паломников. Архитектурные формы строги и логичны. В системе перекрытий, наряду с балочными потолками, широко применены своды. Скульптура и живопись обогащали ряд помещений. На центральной оси монастыря высилась ступа. Выяснено, что под ее внешним сырцовым футляром затаено первоначальное ядро — цилиндрический ствол на квадратном базисе, перекрытый отлогим куполом с оштукатуренной белым ганчем поверхностью.

Другой крупный буддийский монастырь в Старом Термезе — Каратепе, расположенный на одноименном холме над Амударьей, откуда открывается широкая перспектива. В его песчаниковой породе высечены в двух уровнях пещерные помещения, какая-то застройка располагалась и наверху. Комплекс раскопан археологами лишь частично, но уже дает представление о взаиморазмещении смежных отделов. Обычно это полуопущенный в грунт





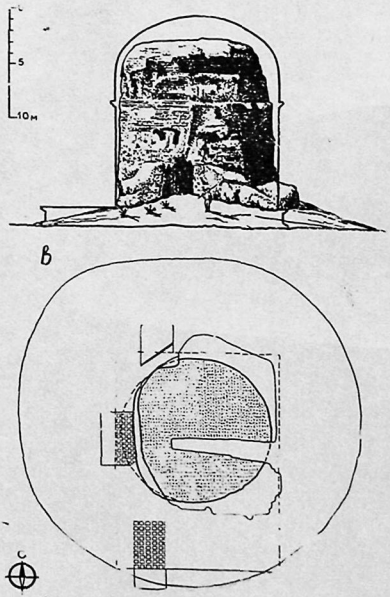
открытый дворик, где расположено то основание ступы, то водоем, и куда обращено закрытое святилище. Масштабы их невелики, пропорциональны самому дворику. Проходы ведут из дворов в пещерные отсеки — обычно это род длинного коридора, дающего доступ в небольшие кельи или охватывающего с трех сторон молельню.

Создание на Каратепе пещерного монастыря было связано с появлением в Термезе буддийских колонистов. Оно было вполне оправдано в Термезе, где пещерные отделы спасали монашескую общину от летней жары и удушающего ветра пустыни — «афганца». Каратепе, разумеется, не выдерживает сравнения с грандиозными пещерными комплексами Насика или Бамиана. К тому же в архитектурном воплощении здесь налицо ряд локальных черт: такова система двориков в обводе помещений, навесы на деревянных колоннах (в Индии они каменные), сводчатые коридоры и плоские плафоны молелен, имитирующие конструкции наземных сооружений.

В загородной части Термеза имеется еще одно монументальное буддийское сооружение — крупная ступа, именуемая Зурмала. Ее монолитный цилиндрический массив, увенчанный куполом, основан на высоком цоколе с лестницей, материал ступы — сырец, но тело ее некогда было облицовано окрашенным в красный цвет жженым кирпичом, а цоколь — каменными плитами с рельефами на буддийские сюжеты. Общий силуэт Зурмалы отличен от индийских ступ, где на платформе непосредственно покоится полусферический объем, но сближается со ступами Халды в Восточном Афганистане.

Два небольших буддийских комплекса располагались в Айртаме, они дошли до нас лишь фрагментарно. Один возвышался над выравненными стенами упоминавшегося незавершенного греко-бактрийского храма или форта. В нем выделяются квадратное святилище с реликварием и статуей Будды, выдвинутый вход в него, некогда оформленный знаменитым айртамским фризом, смежные помещения, а также подземная молельня. Пространство двора внизу охвачено глинобитным валом, вдоль которого размещались кельи и хозяйственные помещения. Поодаль располагалось другое буддийское сооружение, от которого дошли остатки двух помещений и небольшая ступа с квадратным постаментом, цилиндрическим телом и куполом. Как выяснилось, внутри нее была затаена другая, более ранняя ступа аналогичной формы, с белой ганчевой обмазкой. Как и перестройка ступы у Фаязтепе, это свидетельствует о каком-то этапе повышенной заботы о буддийских постройках в Северной Бактрии, прямое свидетельство чему дает айртамская надпись, сообщающая о кардинальной реставрации буддийского комплекса, осуществленной здесь в правление кушанского царя Хувишки, то есть во II в. н. э.

Варианты архитектурных буддийских сооружений дают два памятника, вскрытые археологами на Дальверзинтепе. Более раннее загородное святилище рубежа I/II вв. включало платформу, оформленную скульптурой,



Буддийские памятники Северной Бактрии:

а—б — наземный монастырь Фаязтепе и Каратепе в Старом Термезе; *в* — ступа Зурмала.

охваченную с трех сторон продолговатыми помещениями (или единым широким коридором) и рядом с ними парой подсобных помещений.

Внутри городских стен располагался буддийский храм II—III вв., возможно, составляющий часть монастыря (раскопки его еще не завершены). Композиционным центром служил дворик с монументальными статуями в нишах или под навесами, рядом — платформа былой ступы, с трех сторон находились разнообразные помещения, одни — связанные с ритуальными обходами и богослужениями, другие — служебно-подсобные. В оформлении некоторых из них входили скульптура и живопись.

Архитектура Бактрии рассматриваемой эпохи предстает, как яркое, во многом своеобразное направление в зодчестве античного мира.

Одним из важных показателей культурного уровня народов древнего мира является письменность.

В античную эпоху в Северной Бактрии бытовали различные системы письменности: арамейская, бактрийская, брахми, греческая, кхароштхи, среднеперсидская и сако-юечжийская («неизвестная письменность»).

Наиболее ранними памятниками письменности этой области, если не считать арамейскую надпись на гемме из Амударьинского клада, датированную IV—III вв. до н. э. [109] являются немногочисленные пока греческие надписи. Это легенды на монетах греко-бактрийских басилевсов и ранних кушанских правителей (Санаб-Герай, Сотер Мегас, Вима Кадфиз). Греческие легенды сохраняются на подражаниях греко-бактрийским монетам Гелиокла и Евкратида, выпускавшихся в Северной Бактрии, но начертания букв в них подвергаются, с одной стороны, значительным искажениям, а с другой — формы букв в этих легендах указывают на знакомство резчиков легенд с дальнейшим развитием греческой палеографии. Так, сигма, в соответствии с общим изменением написания этой буквы на поздних подражаниях приобретает вместо старой формы с изогнутой спинкой новую — квадратную или лунарную.

В храме Окса на городище Тахти-Сангин найден переносной алтарь с фигурой нагого силена. На одной из сторон алтаря вырезана греческая надпись: «По обету посвятил Атросок Оксу», датированная III—II вв. до н. э. Согласно В. А. Лившицу, имя Атросок — иранское, означающее в переводе «покорный божеству огня» [156]. Как установил Ф. Грене, бактрийские имена представлены также в греческих надписях Ай-Ханум [448, p. 373—381].

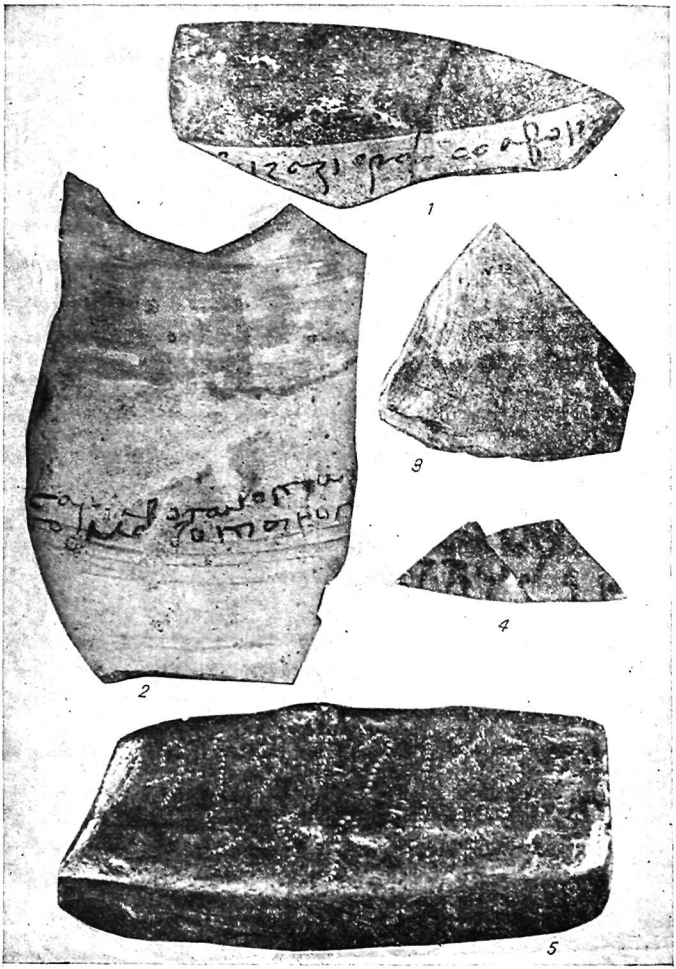
Греческая надпись на фрагменте хума кушанского времени, передающая имя σοζιρος, найдена при раскопках Гарав-калы в Южном Таджикистане [360, с. 246]. Часть греческой надписи — Κλεθ.. — также, вероятно, передающая имя, обнаружена на Кампыртепе на фрагменте хума. Греческая надпись, неясного пока содержания, вероятно, начала первых веков н. э., вырезана на стене пещерного комплекса Кара-Камар в Сурхандарьинской области.

Греческий алфавит из 24 букв с добавлением буквы «сан» лег в основу бактрийской письменности, название которой было предложено Хеннингом взамен ранее употреблявшихся названий — eteo — toharien — «истинно тохарской» (А. Марик) и «кушанской», сейчас эту письменность французские исследователи называют греко-бактрийской. Согласно нумизматическим данным, бактрийская письменность была введена в обиход при царе Канишке, однако есть основания полагать, что она бытовала уже при Кадфизе II [140, с. 48; 141; 360, с. 216; 363, с. 314; 433, p. 8—15].

В Северной Бактрии памятники бактрийской письменности обнаружены в основном в Сурхандарьинской области, более редки они в Южном Таджикистане (Тепаи-Шах, Душанбе).

Часть этих надписей выполнена лапидарным письмом, для которого характерны раздельное написание букв, сочетание округлых и угловатых в основном форм знаков. Другая, количественно большая часть надписей, исполнена разновидностями курсивного письма, отличающегося слитным написанием знаков, наличием лигатур, преобладанием, особенно в позднекушанских надписях, букв округлых форм. Судя по ряду данных, наиболее ранние памятники бактрийской письменности из этой области могут быть отнесены к концу I — первой половине II в. н. э. (Каратепе, Кампыртепе, Мирзакултепе, Фаязтепе). Известны также памятники этой письменности, которые могут

Бактрийская надпись на постаменте каменного блока. Айртам.


1
2
3
4
5

быть датированы III—IV вв. н. э., т. е. завершающими этапами античной эпохи (граффити из Каратепе, курсивные надписи на черепках из Старого Термеза и Дальверзинтепе).

Бактрийские надписи из Северной Бактрии можно подразделить на семь групп: надписи черной краской на фрагментах глиняных сосудов — остраках (Каратепе и Фаязтепе, район мусорной свалки в Старом Термезе, Зартепе); надписи на целых сосудах, впоследствии сломанных (Старый Термез, Кампыртепе); процарапанные до обжига надписи на глиняных сосудах (Дальверзинтепе, Душанбе, Мирзакултепе, Тепаи-Шах, Ялангтуштепе); надписи-граффити (на стенах пещерных комплексов Каратепе и Кара-Камара); лапидарная надпись на скульптурном блоке (Айртам); фрагменты рукописных текстов на папирусе (Кампыртепе); легенды на кушанских и кушано-сасанидских монетах.

Большинство надписей краткие, состоящие из нескольких слов, одной или двух строк. Самая большая надпись, нанесенная на постамент скульптурного блока из Айртама, состоит из шести строк и 350—360 букв. В основном по своему содержанию эти надписи, особенно на черепках и сосудах, вотивного характера, ряд из них, возможно, содержит хозяйственные записи, имена владельцев сосудов или относится к типу дарственных, как билингва (бактрийским письмом и брахми) на сосуде из Каратепе «Дар/Буддха/ширы» (проповедника дхармы) [74, с. 118—121].

Бактрийские надписи из Каратепе оставлены посетителями буддийского пещерного монастыря. В них различимы отдельные обороты типа — Καλδο, μαλο αγαδο, когда сюда /к/.../пришли?/, имена: βορζομιιρο, γαοδαρο, τιριδατο, некоторые слова, возможно, названия пещерного комплекса [140, с. 8; 451, 82—121]. Выдающееся значение имеет вышеупомянутая бактрийская надпись исторического содержания, повествующая о значительных строительных мероприятиях, осуществленных в акрополе Айртама /μαλιζο/ по восстановлению храма /βαγα λαννο/ и всего буддийского комплекса в четвертый год правления царя Хувишки неким Шодайа, возможно, наместником этого царя в округе Термеза [475, с. 38—48].

Курсивные бактрийские надписи из Кампыр-тепе, исполненные черной «тушью» на папирусе являются древнейшими бактрийскими рукописными текстами. Из-за сильной фрагментарности в них различимы лишь отдельные бактрийские предлоги, суффиксы и слова [310].

Найденные в Северной Бактрии индийские надписи-кхароштхи и брахми отражают два крупнейших языка древней Индии — пракрит и санскрит [73, с. 62—81; 451, с. 32—39; 74, с. 114—117; 59, с. 70—81; 80, с. 134—160; 63, с. 72—79; 64]. Ареал их распространения здесь значительно уступает ареалу бактрийской письменности и, в основном, связан с буддийскими общинами Термеза. Количественно преобладают надписи кхароштхи имеющиеся на глиняных черепках и сосудах, обломке каменного изделия, каменном сосуде, на золотых брусках из Дальверзинтепе и на стенах пещеры в Каратепе. Надписи брахми представлены только на глиняных черепках. По своему содержанию, они, в основном, дарственные и культовые. Носителем письменности кхароштхи в Северной Бактрии являлась буддийская школа Махасангхики, тогда как письмо брахми, появившееся здесь несколько позднее, связано с другой буддийской школой — Сарвастивадав [451, с. 35—36; 80, с. 155—160]. В ряде надписей кхароштхи упоминаются религиозные формулы, сопровождающие ритуал деяния, название царского монастыря — кхабевака вихара, имена доноров-монахов — Буддхашира, Буддхасаммата, Гхоса (?) и мирян — упасака, возможно, из числа горожан Тармиты.

Иной характер имеют надписи-кхароштхи на золотых брусках из Дальверзинтепе, содержащие весовое значение статеров, драхм и дхана — весовой единицы, близкой к оболу. Принципиальное значение этих надписей в том, что сопоставление указанных в них весовых единиц с реальным весом брусков впервые позволило выяснить весовое значение всех трех единиц [63, с. 72; 259, с. 67 сл.].

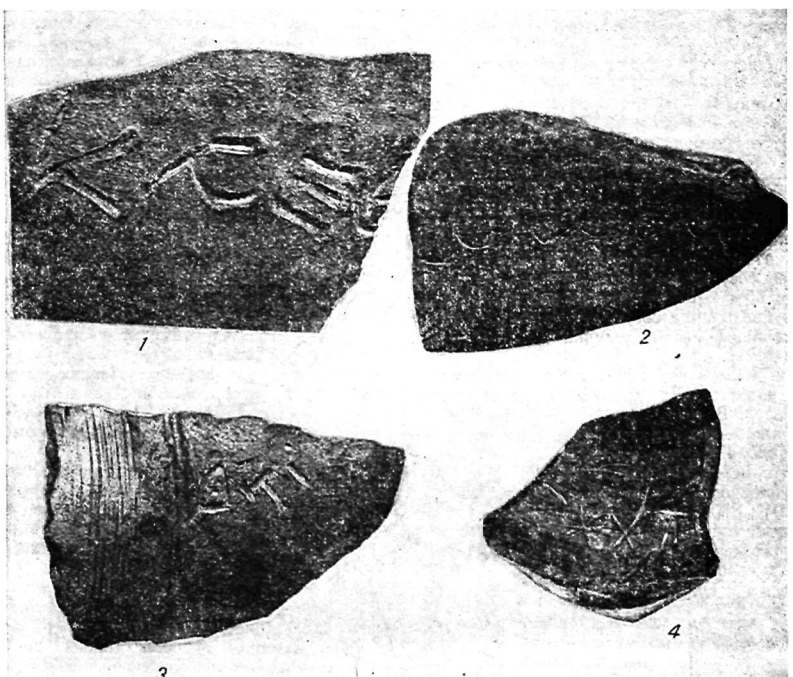
Определенное распространение получило так называемое «неизвестное письмо», ареал которого ныне прослежен от Семиречья до юга Афганистана. В Северной Бактрии па-

Памятники письменности первых веков н. э.:

1 — бактрийская курсивная надпись на фрагменте сосуда, Старый Термез; *2* — бактрийская курсивная надпись на фрагменте сосуда, Кампыртепе; *3—4* — надписи кхароштхи на фрагментах сосудов, Фаязтепе, Старый Термез; *5* — надпись письмом кхароштхи на золотом бруске, Дальверзинтепе,

мятники этой письменности обнаружены на Фаязтепе и Каратепе в Старом Термезе, Коштепе, Хатын-Рабате, Халчаяне и в Текузтепе [142, с. 165—166; 60, с. 160—167]. В основном они состоят из кратких, к тому же дошедших до нас фрагментарно надписей на глиняных черепках и сосудах, на которых сохранилось по нескольку букв. Более пространны надписи из Афганистана — Дашти-Навур, Сурх-Котал, Ай-Ханум [433, 434; р. 437—440; 462, р. 417, № 7]. Определение языка этих надписей остается дискуссионным: праормури или камбоджи (Ж. Фюссман), саки (В. А. Лившиц), юечжи (Э. В. Ртвеладзе, К. Рапэн). По мнению В. В. Вертоградовой, возможно выделить два вида «неизвестного письма»: ранний, представленный надписями Иссыка и Ай-Ханум, и поздний, более сложный, состоящий из ряда вариантов, отражающих не один, а несколько языков. Поздние варианты этого письма, в которое добавлены знаки письма кхарошти и греческого алфавита, сложились, по ее мнению, в самом начале нашей эры [434, с. 167].

Судя по наличию этой письменности вместе с бактрийской и кхарошти в трилингве из Дашти-Навура, она являлась третьей офи-



Памятники письменности из Кампыртепе:

1 — фрагмент сосуда с греческой надписью; *2* — фрагмент сосуда с бактрийской курсивной надписью; *3* — греческое граффити на стенке сосуда, обозначающее 15 драхм; *4* — греческое граффити на стенке сосуда, обозначающее 7 хоев.

циальной письменностью Кушанского царства.

Памятники среднеперсидской письменности в Северной Бактрии, помимо легенд на сасанидо-кушанских монетах, широко представлены в этой области в конце III—IV в. н. э. Таковы два граффити из Каратепе, в одном из которых содержится имя и обозначение писавшего его лица: «Зик, писец» а в другой — дата [170, с. 41, 48, прим. 24]. В последнее время несколько остраков с пехлевийскими надписями обнаружены Б. А. Тургуновым при раскопках буддийского комплекса из Дальверзинтепе. Все эти надписи, несомненно, появились в данной области после ее завоевания сасанидскими войсками.

Недавно в Кара-Камаре обнаружена первая в Бактрии и на Среднем Востоке латинская надпись, выполненная Гаем Рексом, возможно, плененным римским легионером, однако ее чтение еще остается во многом неясным.

Открытые в Северной Бактрии памятники письменности отражают, соответственно, бытование в ней многообразия языков — бактрийского, греческого, индийских (пракрита и санскрита), среднеперсидского и одного из языков сако-юечжийской группы.

Ареал распространения этих языков во времени и пространстве не был одинаковым: одни из них не выходили за пределы небольшой территории и, вероятно только городов, на других — бактрийском и неизвестного происхождения — говорили и писали в городах и сельских местностях Северной Бактрии. Если бактрийский являлся здесь языком автохтонного населения, то другие появлялись в силу определенных историко-культурных причин: миграции, завоевания, распространения религии и культурных связей.

К сожалению, нет прямых данных о том, что эти языки использовались в кушанское время (как, к примеру, бактрийский в раннее средневековье, по данным Сюань-Цзяня) *для записей литературных сочинений*. Однако не вызывает сомнения существование в Северной Бактрии если не письменного, то устного литературного и мифологического творчества. Косвенным свидетельством тому служит изобразительное искусство, в котором богатство образов — реальных, условных, символических и разнообразие сюжетов предполагают понятное для современников сказовое или мифологическое их содержание.

О таких формах духовной жизни народов Северной Бактрии-Тохаристана, утраченных с течением веков, как музыка и театрализованные зрелища, также свидетельствуют памятники изобразительного искусства: скульптура Халчаяна, айртамский фриз, терракотовые статуэтки [264, с. 130, сл.]. Во фризе халчаянского дворца [252, с. 178, сл. 255, с. 230 сл.] образы двух сатиров исполнены трагизма, остро выразительно лицо молодого актера, в то время как лицо бородатого масхарабоза иронично, и уж совсем контрастна им размалеванная рожа скомороха. В общем ансамбле фриза есть несколько женщин с одухотворенными лицами, среди них две музыкантши. У всех участников подчеркнуты локальный этнический тип, подстрижка волос и лицевой растительности у мужчин, прическа женщин. Изображение этой разноликой актерской труппы, очевидно, передавало подлинный состав участников дворцовых пиршеств, оживлявших их сценами драматического и комедийного характера, пением и музыкой. Упомянутые же масхарабоз и скоморох — это скорее участники народных увеселений, проходивших на площадях в праздничные дни.

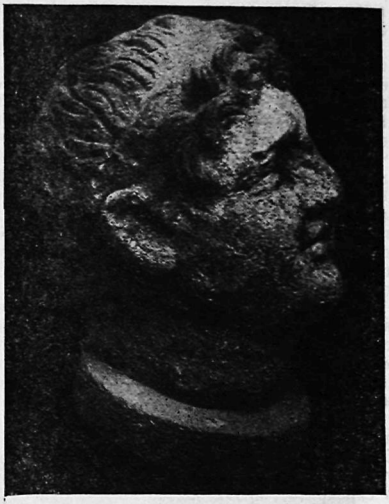
Немало данных удалось почерпнуть и о музыкальной культуре Северной Бактрии. [67, с. 165 сл; 458, с. 70 сл.]. В памятниках исскуства греко-бактрийского времени можно видеть греческие инструменты — таковы в Тахти-Сангине статуэтка Марсия, играющего на авлосе, и бронзовая пластинка-инкрустация — Эрот с лирой. Но в памятниках кушанского периода мы видим инструменты, распространенные в местной среде. Их состав обширен. На айртамском фризе представлены угловая арфа, гитарообразная лютня, двойной барабанчик, ударные чашки, двойная флейта. Перечень этот значительно пополняют терракотовые статуэтки, рассчитанные на массового потребителя. Наряду с широко *распространенными фигурками бактрийских* богинь, местными копластами изготовлялись сходные по типу фигурки музыкантш. Очевидно, это не простые исполнительницы, а своеобразные музы Бактрии. И если музыкантши на фризе Халчаянского дворца связаны с пиршеством знати, то на айртамском фризе представлены небесные музыкантши-гандхарвы, а терракоты отображают народные воззрения на музыку как носительницу бо-

жественных эмоций, возвышающих душу людей.

Памятники искусства свидетельствуют, что исполнителями на музыкальных инструментах были в основном женщины, Помимо названных инструментов у музыкантш айртамского фриза, на терракотовых статуэтках мы видим округлую лютню, угловую арфу, реже — сиринкс у статуэток мужчин-музыкантов (они нередко с козлиными ушами, это своего рода бактрийские сатиры) — двойную флейту или кроталы. Иногда, очевидно, под индийским влиянием, изображались музицирующие обезьяны, то с сириксом, то с бубном.

Наибольшее распространение имела лютня. Об этом позволяют судить бюст лютнистки в скульптурном фризе Халчаяна и ряд терракотовых статуэток с этим инструментом, а также матриц для их оттиска. Исследователи

Малая скульптура из Тахти-Сангина. III—II вв. до н. э. Аполлон.



Голова эллинистического правителя.

восточной музыки вообще пришли к заключению, что лютня — это древний среднеазиатский инструмент, который со временем получил широкое распространение и в других странах.

Судя по айртамскому фризу, наряду с сольным исполнением, существовало и оркестровое. Не вызывает сомнения тот факт, что на пирах и народных празднествах музыка звучала не только сама по себе, но и сопровождала танцы, служила аккомпанементом для певца. Иллюстрацией этого может служить матрица из Дальверзинтепе, оттиск с которой передает фигуру бородатого сатира с козлиными ушами. Рот его открыт — он поет, ноги раздвинуты — он танцует и при этом создает себе ритмический аккомпанемент кроталами, которые держит в руке.

Влияние эллинизма наглядно предстает в греко-бактрийский период в различных областях художественной культуры. В замурованных отсеках-сокровищницах тахтисангинского храма обнаружены многочисленные храмо-

Голова правителя

вые подношения [460, с. 71, сл. и лит.]. Это произведения искусства малых форм из золота, серебра, бронзы, слоновой и обычной кости, глины, алебастра, терракоты. Среди них многочисленны объекты III—II вв. до н. э., один лишь перечень которых свидетельствует о разнообразии тем и образов, связанных с эллинистической культурой. Приведем лишь наиболее выразительные. На бутероли из слоновой кости представлена гиппокампесса — крылатая женщина, обнаженный торс которой перерастает в передние ноги скачущего коня и далее в чешуйчатое тело рыбы. С поразительным мастерством здесь сочленены формы человечьего, птичьего, животного, рыбьего естества — воплощение земной, воздушной и водной стихии — и передан порыв движения всей фигуры. Имеются статуэтки нагого Аполлона, эрота, головки детей, фигурки и головка богини.

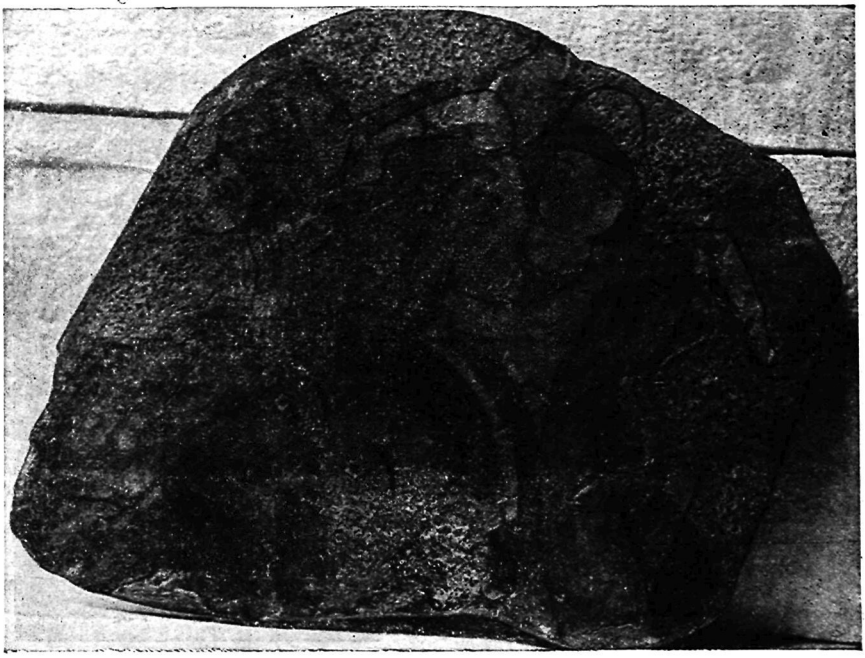
Особенно выразительны среди изделий малой пластики три небольшие головы: Александра Македонского, другая эллинистического типа и третья — азиатского правителя. Первая резана на слоновой кости и передает известный в античном искусстве облик Александра. Возможно, она привозная. Две другие выполнены из окрашенной глины. Этот хрупкий, нетранспортабельный материал не оставляет сомнений в их местном северобактрийском изготовлении. Но стиль отличен. Одна из них с тонко разработанной моделировкой лица в коротких кудрях живо напоминает образы селевкидского искусства. Другая выполнена более обобщенной лепкой и передает чисто азиатский образ бородатого мужчины в головном уборе со свисающими нащечниками. Каждая из них не только воплощает определенный этнический тип, но и индивидуальность персонажа. Как известно, повышенный интерес к многообразию облика разных народов, и более того — к личностному в человеке был присущ всему эллинистическому искусству, что находит отражение и в искусстве греко-бактрийском.

Как бы наглядным воплощением синтетического характера этого искусства является небольшой каменный алтарь, на котором закреплена бронзовая фигурка силена Марсия, играющего на авлосе. Надпись на постаменте гласит: «По обету посвятил Атросок Оксу».

Античная живопись: голова божества Фарро, Фаязтепе.

Голова центральноазиатского мальчика и голова бактрийца, Халчаян.

Жрец с младенцем, Дальверзинтепе.



Надпись греческая, как чистогреческой является и скульптура, но имя дарителя иранское (очевидно, бактрийское), и посвящен алтарь бактрийскому божеству. В этот синтез включается еще одна группа изделий того же времени, связанная со скифо-азиатской (сакской) культурой. На рельефной бляхе (золото, инкрустации бирюзой) передана процессия пантер, выдержанная в нормах сакского звериного стиля. А на бронзовой плоской бляхе изображен сак, выводящий двух коней. Таким образом, в Тахти-Сангине в едином цикле предстают бактрийское, греческое и скифское начала в предметах искусства малых форм.

Со времени эллинизации в Бактрии возникает мастерство коропластики. Круг ее образов гораздо уже, чем в греческом мире, где коропласты создают разнообразные статуэтки светского плана или сонма главных и второстепенных образов эллинской мифологии. Бактрийские терракоты связаны с местными народными культами, удовлетворяя запросы их приверженцев. Популярное здесь, как и в ряде других областей Востока, почитание Великой богини (мы воздержимся от отождествления ее с какой-то определенной богиней зороастрийского пантеона) определило изготовление статуэток типа ближневосточной нагой богини-Матери. Такие статуэтки, встреченные в Халчаяне, Бараттепе, Кампыртепе, передают прямостоящую обнаженную женщину с вытянутыми вдоль бедер руками, иногда с венцом на голове [264, с. 173, сл.]. Выполнены они штампом, пластически оформлены в основном с лицевой стороны, причем не идентичны — показатель выполнения их в разных пунктах разными матрицами .

Греческое влияние не миновало и столь массовой продукции, как керамика. Таковы амфоровидные и кратерообразные сосуды, плоские тарелочки с оттянутым бортом («рыбницы») — формы, ранее неведомые в местном керамическом сервизе.

В юечжийско-кушанское и великокушанское время отмечается все нарастающий подъем в различных сферах художественной культуры. Оно донесло нам, хотя и во фрагментах, остатки стенописи и скульптуры, украшавших храма, дворцы, а живопись — и некоторые богатые жилые дома.

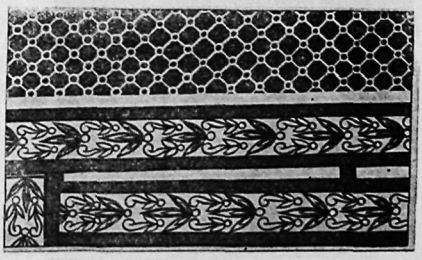
Росписи выполнялись, в основном, минеральными красками по глиняной затирке или поверх нее на белом пигменте, которые наносились на толстый слой глиняной штукатурки с растительными добавками, Последние, истлев, совершенно разрыхляли штукатурку и она опадала вместе с живописью, которая поэтому и дошла до нас лишь фрагментарно.

Тематика ее весьма разнообразна. В халчаянском дворце, например, помимо орнаментальных мотивов (виноградные грозди и листва, цветы) — два фрагмента с изображением мужчины эллинистического облика и мальчугана центральноазиатского типа с монголоидным разрезом глаз и особой выстрижкой волос [252, с. 144, сл.]. В северном храме Бактрийской богини на Дальверзинтепе были изображены жрец и жрицы с младенцами в воздетых руках, которых они, очевидно, протягивали к богине, а также часть сидящей на троне женской фигуры с мечом [277, с. 79 сл.]. В южном храме среди множества фрагментов на одном более крупном представлена многофигурная сцена — конь, стоящий рядом мужчина и взирающие на них с двухъярусных балконов женщины [277, с 217, сл.]. В одном из жилых домов — фрагменты головы воина в шлеме и морды его бронированного коня [277, с. 38], в другом доме — часть женского лица, а также костистая лапа грифона.

Живопись являлась составной частью украшений интерьеров буддийских зданий. Во внутригородском комплексе на Дальверзинтепе это образы Будды, осененного нимбом, и еще какие-то фигуры в складчатых одеяниях. Крупная фигура сидящего Будды выявлена в одном из пещерных отделов на Каратепе, на фрагменте из другого отдела — выразительная голова архата, с обожанием обращенная, очевидно, в сторону Будды [123, I, с. 27 сл.; 123, III, с. 36, сл.].

Особняком воспринимается сцена, где изо-

Орнаментальные мотивы. Дальверзинтепе.



бражения сохранились лишь в основных контурах [487, с. 50]. Здесь представлены сидящий мужчина, лежащая у ног его фигура покойного, а рядом и впереди два пса. При ее истолковании вспоминаются два ритуала Авесты. Либо это обряд, связанный с очище-

Бактрийская скульптура. Один из представителей Гераева рода.

Всадник-Геранч.

нием костей от тлеющей плоти особыми собаками-трупоедами. Либо это «сагдид»-взгляд собаки, когда на покойного должна была смотреть собака — животное, по поверьям Авесты, чистое, преданное человеку и отгоняющее духов зла. Казалось бы, обе интерпретации противоречат появлению подобных сю-

Голова Геранча.

жетов живописи в буддийском монастыре, но не исключено, что это поздняя, восходящая к кушано-сасанидскому времени живопись, когда монастырь уже был покинут.

Очень выразительны росписи в монастыре Фаязтепе [183, V, с. 9, табл. 1.1.]. Здесь помимо традиционных изображений Будды и бодисатв предстают адоранты. От одной композиции на стене сохранились нижние участки многофигурной сцены (мужчины в кушанских костюмах и женщины в длинных драпирующихся одеяниях), а на отдельном фрагменте — два донатора в профиль, чьи энергичные черты безусых и безбородых лиц и убранные короткими кудрями прически напоминают горделивых римлян. Но костюмы их чисто местные, они, очевидно, передают образы обращенных в буддийскую веру бактрийцев.

Уже само разнообразие тем и образов северотохаристанской настенной живописи свидетельствует о широком спектре сюжетов, к которым обращались художники — сюжетов,

Голова бактрийца и девушка-лютнистка, Халчаян.

Вельможа, Дальверзинтепе.

не всегда теперь понятных нам, но которые несомненно многое говорили художественным языком своим современникам.

И все же в монументальном искусстве Бактрии-Тохаристана античной эпохи главенствующая роль принадлежала не живописи, а скульптуре. Она пока выявлена лишь со времени ранних Кушан. Основным материалом служила пластичная глина. Техника исполнения была хорошо разработана и проверена долгой практикой. На внутренний каркас наносилась основная болванка будущей статуи, затем наращиванием нескольких глиняных слоев уточнялась общая форма и, наконец, наносился пластически тщательно обработанный верхний слой — той же глиной, но иногда со слоем гипса. Лепка велась вручную, однако в буддийской скульптуре, где во многом царил изобразительный канон, применялись матрицы. Иногда ими выполнялась лицевая маска и очень широко использовались штампы для оттиска таких деталей, как локоны, уши, разного рода ювелирные украшения, цветы и гирлянды.

Голова бактрийской богини. Дальверзинтепе.

Тематика пластических композиций или отдельных фигур весьма разнообразна, но в целом может быть подразделена на несколько ведущих сюжетных групп. В числе их — династическая тема, связанная с прославлением правящего дома; культово-мифологические об-

Буддийская скульптура:

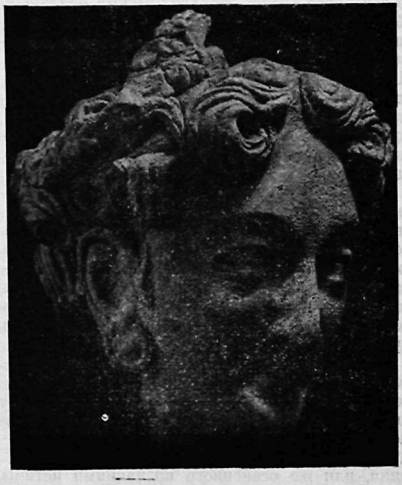
бодисатва; голова Будды, Фаязтепе, Старый Термез; голова дэвата, Дальверзинтепе.

разы местных верований и буддийского круга; образы театрализованных или же культовых действ, связанных с празднествами и ритуалами. Как правило, эта скульптура пристенная или же настенная, выполненная в высоком рельефе — голова объемна, торс — в трехчетвертном объеме, сходящий к ногам на барельеф.

Скульптура халчаянского дворца украшала фризовый отдел айвана и главный зал, в верхней части стен которых располагались большие тематические композиции с венчающим их фризом [252, с. 153, сл.; 255, с. 19 сл. 270].

Главные действующие лица композиций — члены Гераева рода Кушан, образы которых очень близки к типу Герая на его монетах. Но примечательно, что при единстве этнического типа, манеры подстрижки волос и усов, характерном нависании лба и сдавленном затылке (след искусственной деформации черепа) — каждый из них на свое лицо: это целая портретная галерея гераевых сородичей. Однако среди участников сцен есть и знатные представители иных среднеазиатских народов — густобородые бактрийцы, парфянин с завитыми буклями длинных волос и бороды. В этих лицах переданы и приметы возраста, и насыщающая их духовность, здесь явственно сохранена особенность эллинистической скульптуры — разнообразие индивидуальных черт и затаенная экспрессия.

Скульптуры входили в состав трех основных сцен. В центре торжественное тронное представительство: правитель Гераич с супругой и поодаль от них также восседающая на тронах знатная бактрийская чета. Рядом стоят, очевидно, члены их семей, вверху над главной парой — бюсты Геракла, Афины и фигурка парящей Ники — их божества-покровители. В композиции слева восседает, очевидно, великий князь также из Гераева рода, по обе стороны стоят его соплеменники и навстречу им мчится в колеснице богиня-охранительница. В левой части зала запечатлена бурная скачка воинов — это легко одетые лучники Гераичи, стреляющие сходу, и тяжеловоору-



женные бактрийцы-катафрактарии в шлемах и панцирных доспехах.

Таким образом, все три сцены служат прославлению и утверждению овладевшего Бактрией рода первых Кушан, величия их власти и воинской доблести. Между тем тематика фриза иного характера. В центре ее — увеселения, которым предавались правители на пирах или в дни всенародных празднеств. Ритмическую разбивку фриза определяют фигурки бегущих детей с тяжелыми гирляндами на плечах — мотив, явно пришедший из эллинистического мира и очень популярный в римском искусстве. В свесах гирлянд—бюсты актеров, музыкантов, ряженых. Разнообразие образов здесь поразительное, причем у всех примечателен местный типаж, очевидно, передающий хорошо знакомые скульпторам образы, почерпнутые из окружающей этнической среды.

Культовая скульптура местных религий развивалась в тех же нормах, что и светская. В двух храмах Бактрийской богини на Дальверзинтепе обнаружены остатки разбитых глиняных статуй — образы самой богини, сопутствующих ей малых детей [277, с. 61, сл., 214, сл.]. Хорошо сохранившаяся голова богини из северного храма передает весьма реальный образ немолодой женщины с тяжелым овалом лица. Это матрона, не раз рожавшая, покровительница материнства и продолжения рода. Местный народный типаж подчеркнут и в образе богини из Халчаяна — наличие каски и плаща не оставляет сомнения, что это локально-бактрийская интерпретация Афины, но сколь она уже не похожа на горделивую дщерь Зевса!

Буддийская скульптура кушанского времени из храмов Северного Тохаристана представлена в богатстве своих воплощений. Она появилась здесь в ту пору, когда в Гандхаре уже были выработаны основные каноны передачи Будды, бодисатв, их мифологического и земного окружения. Но по мере продвижения через хребты Гиндукуша и Амударью, они претерпели определенную эволюцию.

Фрагменты статуй будд из святилищ Дальверзинтепе, из термезских монастырей Каратепе, Фаязтепе, Зартепе (дошедших в большинстве разбитыми, возможно, преднамеренно, в послекушанское время) передают традиционный тип шествующего Будды-проповедника, или же осененного познаниями истины Будды, сидящего в позе медитации. Традиционен облик — лицо, исполненное покоя и духовной просветленности, обрамленное мелкими завитками или же волнистыми прядями волос, охватывающих темененную выпуклость-ушнишу. Фигура задрапирована мантией, пальцы рук сложены в жестах «мудра», несущих определенную символику. Подчинены канону и образы бодисатв — шесть статуй их украшали внутригородское святилище на Дальверзинтепе. Их полуобнаженные торсы частью прикрыты драпирующимися мантиями и в противовес аскетической простоте одеяния Будды на них многочисленные драгоценные украшения — ожерелья, перевязи, фигурные пояса, серьги, браслеты. В передаче бодисатв скульптор был менее скован. Их благородные лица неоднозначны, прически варьируют, обрамляя лицо локонами, пышными прядями, мелкими завитками. Исключительно разнообразны и ювелирные украшения, которые дают ряд таких вариантов, которым нет прямых аналогий в гандхарской скульптуре.

Вместе с тем монументальные масштабы, фронтальность поз, бесстрастие прекрасных лиц придают им вневременное величие.

В бо́льшей мере творческая индивидуальность скульпторов предстает в передаче второстепенных существ буддийской мифологии— гениев, дэватов, но особенно — светских персонажей, тех преданных адептов и новообращенных, которые запечатлены в сценах адорации Будды и подношения ему ритуальных даров. Они широко представлены в скульптуре Дальверзинтепе. В загородном святилище образы гениев и дэватов тяготеют не столько к гандхарской, сколько к греческой традиции, вызывая в памяти образы праксителевой школы [277, с. 94 сл., 215, сл.; 264, с. 121 сл., 166 сл.]. Во внутригородском комплексе они более каноничны и скорее сближаются со скульптурами Хадды. Что касается светских персонажей, то лица юного принца в конусовидной, украшенной каменьями царской шапке, знатных дам в богатых повязках, хотя и индивидуальны, но лишены какой-либо эмоциональности, лепка их заглажена, и вообще здесь явственна тенденция идеализированной передачи этих — возможно, и вполне конкретных — персонажей из того владетельного клана, который правил в ту пору областью по среднему течению Сурхандарьи, где главным городом был Дальверзинтепе. Для персонажей же соподчиненного ранга уже был выработан некий стереотип — так, в обоих дальверзин-

ских храмах почти идентичны головы небольших статуй вельмож, находившихся в свите царственных почитателей буддизма.

В буддийской скульптуре Тохаристана, как и в светской, встречаются участники праздничных действ. Таковы выступающие из кущи акантовых листов горельефные бюсты на айртамском фризе. Некоторые из них находят аналогии в гандхарском ваянии, но другие — в частности музыканты, передают не индийский, но, очевидно, местный этнический тип и детали украшений. Айртамский фриз — одно из немногих произведений ваяния в камне, каковое доминировало в Гандхаре, но сам камень здесь иной — не темный шифер, а местный мрамороподобный белый известняк, что придает им совсем иной аспект. Сюжет его, по всем данным, связан с темой «Парининрваны» — кончины Будды Гаутамы, когда, по словам древнеиндийского поэта Ашвагоши, «Дэвы с неба лили дождь цветочный, музыка играла в небесах». Здесь представлены небесные музыканты-ганхарвы и дэвы-небожительницы, несущие дарственные цветы и сосуды в руках.

Позднеантичная скульптура Северного Тохаристана знаменует формирование уже иного, чем в кушанское время, пластического стиля. Материал и техника остаются прежними — глина с окраской, в дошедших до нас образцах это настенная скульптура с объемно выполненной головой и рельефной лепкой торсов на стене. В усадьбе Куев-Курган за стенами городища Зартепе (датировка ее — в пределах IV—V вв. н. э.), в главном зале, по-видимому, игравшем роль гостиной-михманханы, имелась настенная многофигурная сцена. Композиция ее не восстанавливается [15, с. 197, сл.; 269, с. 120, сл.], но она, судя по составу персонажей, передавала пиршество владельца в окружении своего гарема. Здесь единственная, притом наиболее крупная мужская голова в двукрылой короне и восемь женских. Все они разнолики, отличны детали причесок, украшений и вместе с тем их роднит единый тип, за которым совершенно теряется какое-либо индивидуальное начало. Он принадлежит к иному этническому пласту, нежели те, что предстают в скульптуре кушанского времени, очевидно, передавая облик завоевателей Тохаристана, которые нахлынули с волной кидаритов и затем эфталитов. Характерны для них длинные чуть скосые глаза, линия которых, как и дуги бровей, уходит к вискам, мелкий рот, иные, чем ранее, прически и бесстрастие черт, хотя губы иногда чуть тронуты улыбкой. Во многом они предвещают пластическое искусство двух последующих веков — времени раннего средневековья.

Расцвет городской культуры, ремесла и торговли определил в эпоху античности высокий подъем разного рода малых искусств. В широких слоях населения получает распространение коропластика, в которой сочленяются разнородные струи из эллинистического, индийского, северо-кочевого мира, вливавшиеся в местное русло, и эти локальные черты, проступают наиболее выпукло. Терракотовые статуэтки, исчисляемые сотнями экземпляров и десятками типов, тиражировались посредством матриц-калыбов или изготовлялись вручную*. Матрицы обнаружены на Шортепе, в Старом Термезе, Бараттепе, Дальверзинтепе, Будраче, Саксанохуре, причем некоторые найдены в кварталах керамистов — показатель изготовления их в тех же печах, где обжигались и керамические сосуды.

Приводя основные типы тохаристанских терракот, мы публикуем и ряд новых экземпляров из находок УзИСКЭ. Преобладающий состав — статуэтки чтимой богини (богинь?), причем они дают стойкую иконографию в определенных районах Северной Бактрии, но в каждом из них иную. По-видимому, в этом нашел отражение разноплеменной состав населения данных районов, где коропласты стремились подчеркнуть присущий для него этнический тип и бытовые реалии костюмов, украшений. Статуэтки рубежа н. э. еще несут печать эллинистических воздействий, у них правильные пропорции фигуры, струящиеся одежды, напоминающие тунику и гиматий. Но уже в это время и особенно в период Великих Кушан меняется их облик, когда головы непропорционально крупны и выполнены объемно, в то время, как фигуры — барельефом на плоской плитке, одеты они в кроеные платья местного типа — либо веером расходящиеся понизу, либо тяжелые прямые, иногда с накладными украшениями. На голове то невысокая шапка, то род кокошника в радиальных лучах, то тюрбан. Руки полусогнуты и в одной из них атрибут — цветок или плод грана-

* Терракоты северотохаристанского региона опубликованы в ряде статей (см. 6, 67, 101, 123, 160, 166, 181, 232, 250, 252, 255, 258, 264, 269, 272, 273, 277 и др.),

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16

та, или зеркало на рукоятке. Два первых явно соотносятся с производящими силами природы, зеркало же — либо солярный символ, либо знак судьбы. Богиня представлена строго фронтально — стоя или сидя, подобно Ардохшо на монетах Канишки III. Может быть, некоторые из них и воплощают Ардохшо?

Меньше числом выполненные оттиском с матриц мужские статуэтки, которые обычно представлены стоящими, в характерном кушанском костюме. Они появляются лишь в кушанское время и передают либо кого-то из кушанских божеств, либо обожествленных царей и героев. Наряду с фигурками, оттиснутыми в половинном рельефе, встречаются плитки с мужским барельефным изображением. Здесь персонаж при оружии, в руке либо жезл, либо трезубец — данный образ близок к изображению Васудевы I на его монетах. На одной из плиток этого рода представлен «варварский Геракл» — с палицей в одной руке и пигмеем в другой, но у него чисто азиатские украшения — корона с лентами, гривна, браслеты.

Особую группу составляют статуэтки, связанные с местным дионисизмом—таковы матрицы и статуэтки из Дальверзинтепе, которые передают танцующего бородатого певца, женщин с музыкальными инструментами в руках. Причем это не бытовые исполнители, а своего рода бактрийские музы, воплощение божественной гармонии в музыке, вызывающей высокие эмоции во время свершения ритуалов или пения гимнов. С каким-то мифологическим сюжетом соотносится образ нагого юноши, обвитого змеями.

С культом степного предка связаны многочисленные лепные уродцы-идольчики на лепных же коньках. На их не бытовое, но сакральное значение указывает размещение таких идольчиков на культовых курильницах. Подобные статуэтки появляются в культурных зонах Средней Азии — в Бактрии, Маргиане, Согде, Хорезме со времени вторжения и осе-

Терракоты Северной Бактрии-Тохаристана. Женские образы:

1 — нагая богиня, Кампыртепе; *2* — богиня с чашей, Кампыртепе; *3* — сидящая богиня, Дальверзинтепе; *4* — богиня локального типа, Шортепе; *5* — деревянная статуэтка богини, Дальверзинтепе; *6—8* — богини—локальный тип, Дальверзинтепе, Бараттепе, Кампыртепе; *9—11* — головки богинь, Дальверзинтепе, Кампыртепе, Будрач; *12* — богиня с голубем и яйцом, Кампыртепе; *13* — любовная пара, Кампыртепе; *14* — богиня с перевязью, Кампыртепе; *15* — богиня с цветком и кошельком, Бараттепе; *16* — богиня с птицей и ребенком, Кампыртепе.

дания в них саков, юечжей, кангюйцев, кочевых парфянских племен. Поскольку они связаны с культом далекого степного предка и с образами шаманизма, в них подчеркнут идолоподобный облик.

Определенный цикл терракот был привнесен из Индии. В числе их статуэтки или плоские плиточки с фигурой Будды или бодисатвы. Встречаются обнаженные женские фигурки с перепояской и ожерельями типа индийских якшинь, плоские плитки со стоящими парой полуобнаженными юношей и девой или с двумя нагими юношами. Если буддийские образки могли использоваться местными адептами буддизма, то эта вторая категория скорее связана с проживавшими в Бактрии выходцами из индийских земель.

Как бы промежуточное положение между бытовым инвентарем и прикладными искусствами занимают в Тохаристане некоторые изделия керамистов. Формы столовой керамики характеризуют изящество профилировки, тонкость черепка, покрытие светлым или красным ангобом, иногда с лощением. В Чагаништане в I—II вв. получают распространение сероглиняные сосуды с черным лощением. На чашах, кувшинах иногда вводится несложная орнаментация — оттиснутые штампами листки аканта, пальметты, розетки, «ступня Будды».. Особую группу кушанской керамики составляют кувшинчики с ручкой в виде гибкого зверя кошачьей породы, либо обезьяны, а то и парой ручек в виде выгнутой фигурки ежа. Эти зооморфные мотивы, несомненно, имели магико-охранительное значение. И все же главное во всех этих сосудах — изящество формы и высокое качество керамической фактуры.

В среде состоятельных слоев, не говоря уж о социальной элите, несомненно, бытовали сосуды из драгоценного металла высокого художественного исполнения. В музейных собраниях мира имеется несколько прекрасных серебряных с позолотой чаш, несущих рельефные изображения предположительно бактрийского происхождения. В числе последних — образы крылатой богини, женщина с луком (Артемида или амазонка?), сцены из драм Еврипида и некоторые другие.

Из немногих же локализованных находок можно назвать крупную серебряную с позолотой пластину (фалар, или деталь закрепления на крупном сосуде) с изображением головы Диониса почти в фас, лишь с небольшим по-

воротом. Мягкое женственное лицо обрамлено длинными локонами, в которые вплетены два цветка и листья плюща. Эллинистическая основа образа несомненна [370].

Более многочисленны находки в Северном Тохаристане предметов ювелирного искусства. Среди них — украшения из могильников Бишкентской долины [178, с. 126, сл.; 210, с. 114, сл.; 91, с. 104], Саксанохура [91, с. 117], клад золотых изделий из Дальверзинтепе [476], несколько случайных находок. Наряду с драгоценными металлами — золотом, серебром, широкое распространение имели изделия из меди и ее сплавов — бронзы, латуни, рассчитанные на массового потребителя. Высок был уровень обработки драгоценных и полудрагоценных камней.

В числе предметов, явно несущих отпечаток эллинистической культуры,— ряд предметов греко-бактрийского времени — такова золотая серьга из Душанбе, оформленная полуфигурой женского сфинкса. На сердоликовой гемме, украшающей пектораль из дальверзинского клада, вырезана голова Геракла.

Для последующих периодов в курганных могильниках предгорных скотоводов в Южном Таджикистане с обильным массовым материалом (оружие, керамика, зеркала) среди дешевых, малопримечательных украшений встречены единичные золотые и бронзовые изделия, выполненные в традициях звериного стиля. Таковы бляшка в виде свернувшегося лежащего коня, пряжка с встречно направленными протомами двух львогрифонов. Среди изделий очень тонкой ювелирной работы, явно выполненных в городских мастерских, встречены разомкнутые и витые браслеты, золотые серьги, дополненные жемчугом и бирюзой,— некоторые чисто орнаментальных форм, другие с сильно стилизованными зооморфными фигурами, например, изображениями петушков или парой дельфинчиков (чисто греческий мотив, сохранявшийся на бактрийской почве).

Особенно разнообразен по своему составу был дальверзинский клад (I в. н. э.). Помимо золотых брусков и округлых слитков, он включал множество ювелирных изделий — все из золота (многие, дабы плотнее уместить их в обычном глиняном горшке, были смяты или разрублены, в некоторых отсутствуют инкрустировавшие их камни). В составе клада — гривны с утолщенными концами, несомкнутые браслеты аналогичной формы, витые браслеты, витая серьга, фигурная серьга на змеевидной петле. Роскошны два шейных украшения. Одно из них — пектораль из трех спаянных кругов с фигурной застежкой и центральной фигурной же оправой, в которую вставлена упомянутая гемма-инталия, другое — ожерелье из трех шнуров, сплетенных «в косичку» и соединявшихся по центру отсутствующим ныне кабашоном между двумя гнутыми цилиндрами, которые украшены вставками из бирюзы и альмандинов. Ожерелье это находит прямые аналогии на статуях бодисатв в буддийской скульптуре — в частности и тех, что украшали храмы Бактрии-Тохаристана. Ношение таких ожерелий (нелишне отметить, что в натуре оно встречено впервые, хотя на статуях предстает во множестве вариантов), несомненно, составляло привилегию высшей касты индийского общества. По-видимому, ожерелье из дальверзинского клада — привозное, из Индии, упомянутая же пектораль, судя по некоторым аналогиям, местная, бактрийская. Особняком выглядит в составе клада круглая бляха или пряжка, на которой в высоком рельефе выполнена фигура свернувшегося кольцом остроухого зверя, а в обрамляющем круге оставлены сердцевидные гнезда для драгоценных камней. Такого рода инкрустационный прием, а также сам образ зверя известны в широком ареале скифо-сарматского «звериного стиля».

Таким образом, дальверзинский клад ювелирных изделий синтезирует бактрийское искусство времени Кушан: эллинистический элемент (Геракл), индийский (ожерелье бодисатвы), степной азиатский (пряжка) и преобладающий собственно бактрийский (пектораль, браслеты, серьги и пр.).

Тохаристанский стиль запечатлен на золотой бляхе из Саксанохура. На ней в высоком рельефе передано изображение всадника в азиатском мягко драпирующемся костюме. Сидя на коне, он сражает копьем поверженного кабана, от которого передана лишь протома с огромной головой. Несмотря на экспрессию самого сюжета, сцена довольно статична. Но запечатленная на пряжке тема героизированного всадника пройдет через все искусство Средней Азии — от античности вплоть до зрелого средневековья.

Среди изделий малых искусств в Северной Бактрии следует отметить печати из твердых камней (сердолик, халцедон, кварц), а также обработанную кость — обычную и слоновую. На поселении Илантепе в Шурчинском районе

1
2
3
4
5
6
7

найден крупный кусок привозного слоновьего бивня. Встречаются стили (или булавки?), выточенные из кости. В Тахти-Сангине обнаружены фрагменты обкладки ларца с изображением скачущих лучников, стреляющих сходу назад, как это было принято у азиатских кочевников и стало затем приемом охоты городских слоев [461, с. 128, сл.]. Убиты архары, убегают заяц и лиса, а на одного из всадников прыгает, защищая двоих детенышей, не очень искусно переданная львица Облик охотников, да и сама их поза близки к сцене скачки лучников и катафрактариев в скульптуре халчаянского дворца — таким образом, и в монументальном искусстве и в искусстве малых форм царил единый стиль.

Выдающейся не столько в художественном, сколько в общекультурном плане стала находка в одном из богатых жилых домов на Дальверзинтепе двух шахматных фигурок из слоновой кости в слое II в. н. э. [277, с. 39, сл.]. Оказалось, что игра эта проникла из Индии в ираноязычные страны не в VI в., как считалось прежде, но намного раньше.

Рассматривая художественную культуру Северной Бактрии-Тохаристана, мы отмечаем в ее развитии этапы постепенных изменений. На всем своем пути культура эта предстает как своеобразный феномен, в котором запечатлены и приверженность к собственным традициям, и живая реакция на воздействия извне. Наиболее значимым оказалось влияние эллинизма. Но если в греко-бактрийское время филэллинство басилевсов содействовало приобщению к его художественным достижениям, то в дальнейшем его влияние как бы ушло вовнутрь. В раннекушанское время и позднее оно сказывалось не простым повторением греческих эталонов, но сохранением в архитектуре ордерной системы, получившей здесь собственную разработку, а в скульптуре — повышенным интересом к индивидуальному в человеке и сдержанной экспрессией в его передаче.

Подспудно роль эллинизма была затаена и в буддийской скульптуре Северного Тохаристана. Буддизм в период Великих Кушан получил здесь заметное распространение, принеся с собою заложенные в его доктрине идеи гуманизма, активное обращение к благим делам, к доброте как движущему началу этих дел, определяющему ценностные качества человека. Буддийское же искусство принесло с собою цикл канонизированных образов. Но не следует забывать, что образы эти проникали в Бактрию не из центральной Индии, а из Гандхары, которая, оставаясь индийской по своему существу, формировалась под мощным воздействием эллинистической, а затем и римской художественной культуры.

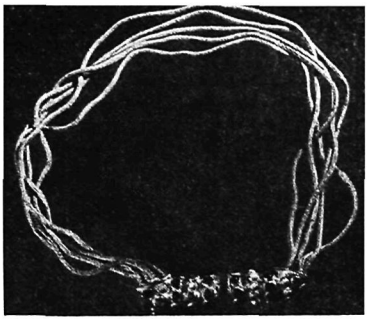
Таким образом, разрыва между раннекушанским и великокушанским этапами развития северотохаристанской культуры не было, был лишь подъем ее на новую ступень. Эллинистические элементы, подобно изюму в браге, создавали активное ее брожение. Но основу этого бурнокипящего напитка составляло то местное творческое начало, которое питалось собственными соками. В состав последних влился и еще один ингридиент — искусство кочевого мира, который издревле сосуществовал в азиатских оазисах рядом с оседлоземледельческой и урбанизованной цивилизацией, причем если он многое почерпнул из нее, то и сам был также дающей стороной.

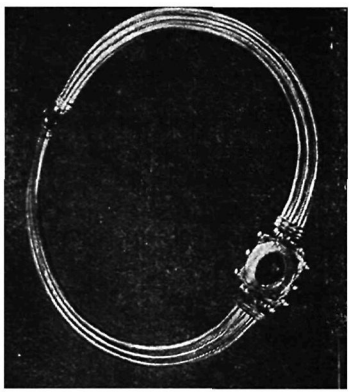
И еще одно следует подчеркнуть, говоря о бактрийско-тохаристанской культуре. Она была как бы передаточной по отношению к Согду, лежавшему севернее Байсунско-Гиссарских хребтов, определявших северные естественные и политические границы Бактрии. Это прослеживается в согдийской архитектуре, керамике и коропластике античной поры.

Терракоты Северной Бактрии-Тохаристана. Мужские образы:

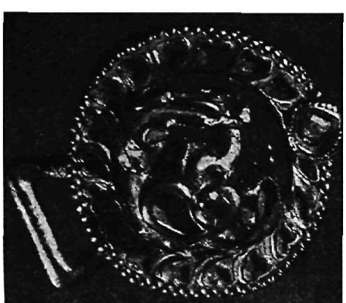
1 — бодисатва, Бараттепе; *2* — парфянский правитель, Кампыртепе; *3* — божество или правитель, Безымянное тепе у Дальверзина; *4* — царь, Кампыртепе; *5* — римский воин, Кампыртепе; *6* — герой-змееборец, Бараттепе; *7* — головка эллинистического типа, оттиск с матрицы, Кампыртепе.

1
2
3
4
5
6





Античные ювелирные изделия: ожерелье, пектораль, бляха, Дальверзинский клад; пряжка, Саксанохур.



Терракотовые статуэтки музыкантов:

1 — музыкант с продольной флейтой, Кампыртепе; *2* — музыкант, играющий на лютне, Дальверзинтепе; *3* — певец с крота-лами, Дальверзинтепе; *4* — музыкантша, играющая на арфе, Ялангтуштепе; *5—6* — музыканты, играющие на лютне, Кам-пыртепе, Дальверзинтепе.

Северный Тохаристан в раннефеодальное время

V—VIII вв.

Историческая география Северного Тохаристана. Наиболее раннее упоминание Тохаристана, датированное 383 г. н. э., содержится в китайском тексте буддийского сочинения Vibhāsa—šastra [166, с. 119]. Согласно китайским и раннеарабским письменным источникам, в состав Тохаристана входили территории по обоим берегам Амударьи, включая нынешнюю Сурхандарьинскую область Узбекистана, Южный Таджикистан и Северный Афганистан. По Сюань-Цзяню (около 630 г. н. э.), страна Tu-ho-lo (Тохаристан) простиралась с севера на юг на расстояние 1000 ли, а с запада на восток — на 3000 ли. На востоке ее границей являлись горы T'sungling (Памир), на западе Poli-sse (Персия), с юга Tu-ho-lo ограничивали Великие Снежные Горы (Гиндукуш), а на севере границей между Tu-ho-lo и страной Су-ли (Согд) служили Железные ворота [402, p. 36—37], горный проход в Гиссарском хребте, расположенный в 8 км к западу от кишлака Дарбанд в Байсунском районе Сурхандарьинской области [315, с. 34—35]. Амударья, протекавшая через всю страну, разделяла, следовательно, Tu-ho-lo на две части, которые в современной историко-археологической литературе получили название «Северный» или «Правобережный» Тохаристан (Южные Узбекистан и Таджикистан) и «Южный» или «Левобережный» Тохаристан (север Афганистана).

Арабо-персидские авторы различают также Верхний и Нижний Тохаристан. В Верхний Тохаристан входили рустак Баргар (Паргар), Шугнан, Бадахшан, Талекан, Хутталь, Вахш, Кобадиан, Хост, Андараба, Бамиан, Баглан, Варвалидж, Рустакбанк, Термез, Саганийан, Земм, крепость Табушкан. Нижний или Ближний Тохаристан составляли Хулм, Самандджан, Бамиян [32, с. 52].

Области. В первой четверти VII в. на территории Тохаристана, по данным Сюань-Цзяня, находилось 27 владений или историко-культурных областей, границы которых определялись естественными рубежами. Восемь из них были расположены в Северном Тохаристане. Это Ta-mi (Термез), Ch'i-ngon--yen-na (Чаганиан), Hwun-lo-mo (Хавараман), Su-man (Шуман), Kio-ho-yen-na (Кобадиан), Hu-sha (Вахш), Kho-to-lo (Хутталь), Ku-mi-to (Кумед) [402, p. 39—42; 68, с. 285—288].

Арабо-персидские источники — Табари, ал-Балазури, ибн-Хордадбех, сведения которых отражают период VII—VIII вв., дополняют этот реестр еще рядом названий областей или округов: Гуфтан или Куфтан, ал-Бинакан, ал-Мандаджин, Ахарун, ал-Каст, Нихам, Басара, ал-Ваштджирд [367; 32; 120].

Обратимся теперь к рассмотрению их географического местоположения. Сведения письменных источников в этом отношении далеко не равноценны. Если для некоторых областей помимо названия приведено их приблизительное местоположение, границы и даже размеры, хотя и относительные, то для других — только название.

Термез. Эта область, судя по размерам: 600 ли* (180—300 км) с запада на восток и 400 ли (130—200 км) с севера на юг, занимала помимо собственно Термеза, всю полосу правобережья Амударьи в пределах Сурхандарьинской области, включая Ангорский и Джаркурганский районы. Столичный город соответствовал Старому Термезу.

Чаганиан. Размеры его определены в 400 ли (130—200 км) с запада на восток и 500 ли (160—250 км) с севера на юг. Область занимала почти весь бассейн среднего и верхнего течения Сурхандарьи, включая прилегающие горные районы Бабатага и Гиссара. Столица локализована на месте городища Будрач.

Куфтан и Гуфтан. У Табари определен

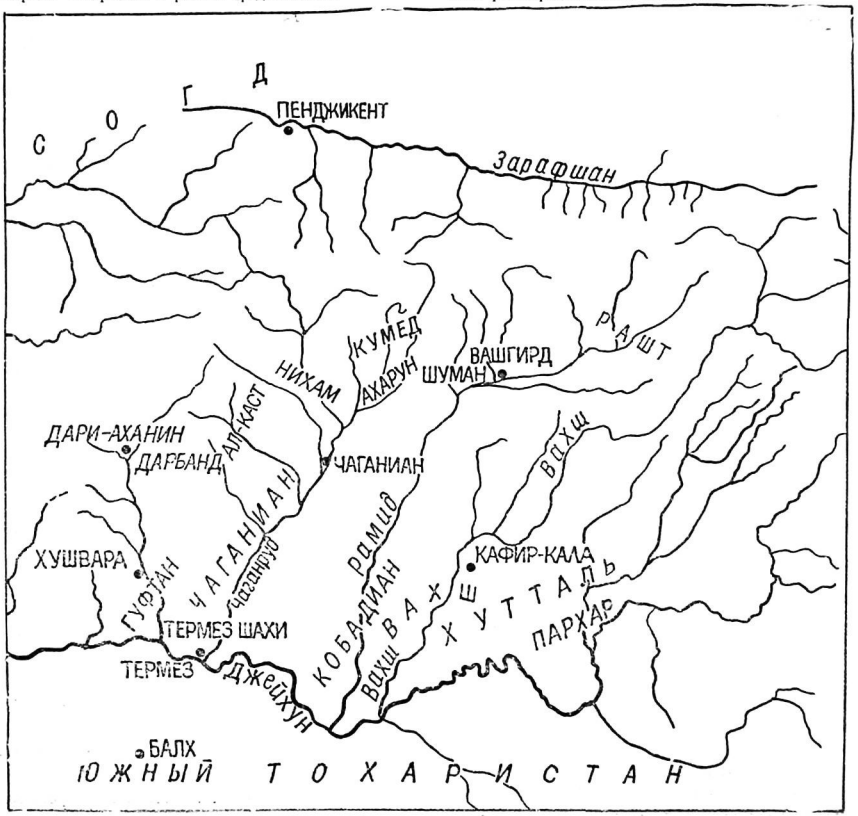
* Ли — китайская мера длины, в этот период была равна 350 или 500 м.

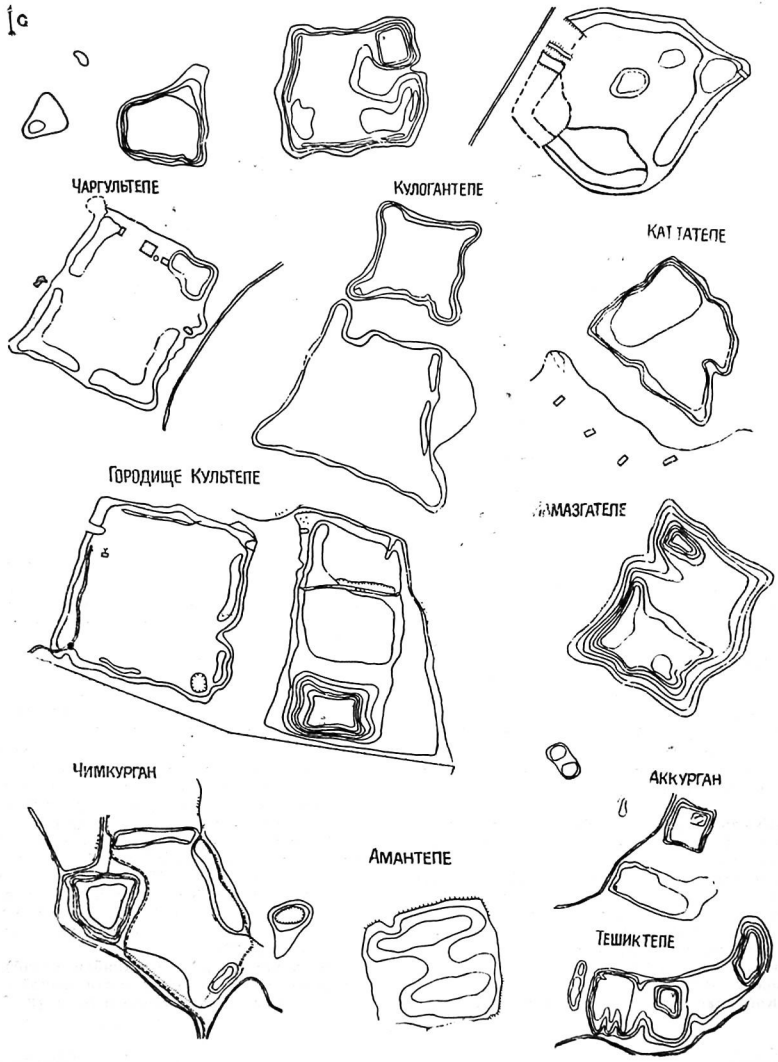
как «округ» (рустак). В. В. Бартольд локализовал его в низовьях Сурхандарьи или в долине Шерабаддарьи [33, с. 125]. Нами обосновано местоположение его в долине средней и нижней части Шерабаддарьи. Столица соответствует городищу Каттатепе [21, с. 21].

Ал-Бинакан (Бинкан). [120, с. 67, 193]. Местоположение его остается неясным, хотя В. В. Бартольд локализовал эту область в бассейне притоков Сурхандарьи [33, с. 22]. Об этом говорит и упоминание его после ат-Тирмиза-Термеза. Судя, однако, по второму компоненту этого слова — «кан», в котором, возможно, передано слово «рудник», она может быть локализована на северо-западе Кугитанга, где имеется ряд названий с подобным окончанием и рудников по добыче соли.

Ал-Мандаджан (ал-Мизджан). Согласно

Северный Тохаристан в раннем средневековье. Типы раннесредневековых поселений.




Чаргультепе
Кулогантепе
Кат татепе
Городище Культепе
Чимкурган
Амантепе
Аккурган
Тешиктепе

тексту ибн-Хордадбеха, упоминается после Вахана и перед Ахаруном [120, с. 68, 193]. *Бартольд помещал его в бассейне притоков* Сурхандарьи [33, с. 122].

Ал-Каст. Судя по размеру взимаемого налога — 1000 дирхемов, тогда как ал-Бинакан — 3500 дирхемов и ал-Мандаджан — 2000 дирхемов (ср. Саганийан — 48500 дирхемов) [120, с. 61—68] — это была весьма небольшая область или рустак. Упоминание ее перед Нихамом и рядом с Ахаруном позволяет считать, что она находилась в горных районах правых притоков Сурхандарьи — Сангардака или Туполанга.

Нихам — область Нихам упоминается ибн-Хордадбехом [120, с. 68], а река Нихамруд — рядом арабо-персидских источников. В. В. Бартольд, вслед за В. В. Томашеком, локализовал эту область в верховьях Сурхандарьи [33, с. 122]. *На дореволюционных картах* «Нихамруд» закреплено за Туполангдарьей, тут же обозначено и урочище Нихам [122]. Судя по размеру налога — 20000 дирхемов [120, с. 68],— это была довольно большая область.

Итак, все четыре области: ал-Бинакан, ал-Мандаджан, ал-Каст и Нихам — вероятно, были горными областями, находившимися в обширном районе Кугитанга—Байсунтау, т. е. в западной части Гиссарского хребта. Отсутствие упоминаний их в арабо-персидских источниках после VIII в. позволяет предположить, что они, видимо, вошли в состав Чаганиана.

Хавараман, ар. Ахарун [464, с. 226]. В. В. Бартольд помещал Ахарун на месте равнины, соединяющей долины Сурхандарьи и Кафирнигана [33, с. 124—125]. Согласно М. М. Дьяконову, Ахарун, вероятно, находился в долине Каратагдарьи (Камруда), а его главный город он считал возможным локализовать на месте городища Шахринау [93, с. 185].

Шуман — размеры области с востока на запад — 400 ли, с юга на север — 100 ли. Локализуется в восточной и центральной части Гиссарской долины. По мнению Б. Г. Гафурова, в VII в. *Шуман вероятно, занимал* большую территорию по Кафирнигану [68, с. 226]. На юге Шуман граничил с Цзяюй-хэ-янь-на (Кобадианом). М. М. Дьяконов считал, что главный город Шумана находился на месте Душанбе [193, с. 185].

Кобадиан — размеры области с востока на запад — 200 ли, с юга на север — 300 ли. На севере граничила с Шуманом, с востока *примыкала к области Хо-ша (Вахш), с* запада граничила с Чаганианом. Локализуется в области среднего и нижнего течения Кафирнигана [33, с. 120—121; 93, с. 149—150; 352].

Вашгирд или Висагирд [455, p. 353]. Эта область упоминается после Шумана, граничила с юга с Вахшем и Хутталем. Располагалась к востоку от Душанбе в долине. Главный город локализован на месте Файзабада [38, с. 135; 33, с. 121].

Ар-Раст (Ар-Рашт) расположен к северо-востоку от Вашгирда на месте позднейшего Каратегина [33, с. 121]. Ибн-Хордадбех характеризует его как самый отдаленный пункт Хорасана с восточной стороны [120, с. 67].

Вахш. Размеры этой области с востока на запад — 300 ли, с юга на север — 500 ли. Занимал всю Вахшскую долину и прилегающие к ней районы. Столица Вахша сопоставлена с городищем Кафыр-кала [165, с. 119—121].

Хутталь. Размеры этой области с востока на запад 1000 ли, с юга на север — 1000 ли. На востоке граничила с горами Цунл-ин (Памир). Судя по размерам, это самая крупная область Северного Тохаристана. Она локализуется в междуречье Вахша и Пянджа. В состав Хутталя входили также области Po-li-ho и O-li-ni [402, p. 42], сопоставленные А. М. *Беленицким соответственно с районом* Пархара на правобережье Пянджа и средневековым Арxеном, расположенным там же [38, с. 110; 68, с. 227].

Кумед. Размеры области с востока на запад 200 ли, с юга на север — 20 ли. Эта область локализована в горном районе верховьев Каратагдарьи [464, с. 47—48; 455, p. 120—363; 33, с. 120—121, 488].

Города и селения. Для данной эпохи в Северном Тохаристане упоминаются несколько названий населенных пунктов, некоторые из них уже локализованы, местоположение других рассматривается более подробно.

Термез — столица владения Та-ми (кит) или Термезшахов (араб.-перс.) локализовано на городище Старого Термеза, на правом берегу Амударьи в 5 км к западу от современного Термеза [198, с. 8]. По данным Сюань-Цзяня, достигала 20 ли (6—10 км) в окружности [402, p. 39].

Чаганиан (пер.), Саганийан (араб), Чи-го-ян-на (кит.)— столица одноименной области. В окружности составляла 10 ли (3—5 км).

Раннесредневековый город Чаганиан, так же как и город поры развитого средневековья, находился на месте городища Будрач, в 6 км к юго-востоку от г. Денау при впадении Кызылсу (Сангардака) в Сурхандарью [306, с. 173—188; 252, с. 22—26].

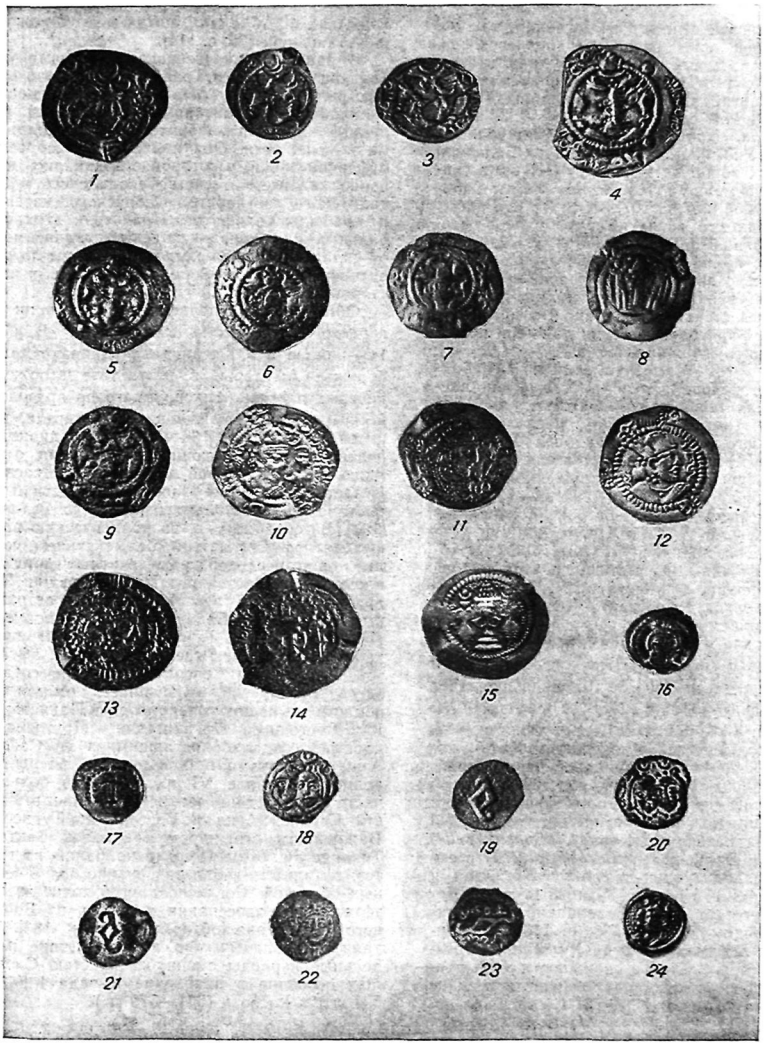
Хувара, другое чтение — Бхшура или Хашура. Упоминается Табари и ал-Балазури в событиях конца VII—начала VIII вв. в связи с войной между Мусой б. Хазимом и Сабитом б. Кутбой [367, с. 107; 33, с. 27]. С. Ганибов локализовал его между Термезом и Куфтаном без точной локализации [33, с. 77, прим. 201]. Судя по письменным источникам, это был довольно значительный город, в котором имелся внутренний город (мадина-дахиль), окруженный стенами, и рабад, что при сопоставлении с археологическими данными позволяет уточнить его локализацию.

К северу от Термеза в долине Шерабаддарьи, где находилась область Куфтан, наиболее значительным городищем является Каттатепе (или Хосияттепе), расположенное в 7 км к юго-западу от Шерабада. Городище (510×390 м) состоит из цитадели, внутреннего и внешнего города, окруженного стенами, и обширного рабада [21, с. 133—134]. При раскопках здесь найден острак с кораническими текстами VIII в. [14, с. 48—49], что указывает на наличие в этом городе арабского населения. Отсутствие в этом районе других городищ подобных размеров и структуры позволяет сопоставить Хувару с данным городищем.

В Хуттале и Вахше упоминаются несколько городов и селений. Название столицы — город У-ша, по мнению Э. Шаванна, передает слово «Вахш» [418, p. 276]. Город имел 16 или 17 ли (4,8—5,2 км) в окружности [402, p. 40]. Отождествлен с городищем Кафыр-кала, расположенным на западной окраине райцентра Колхозабад [166, с. 8, 120—121]. Во второй половине VII в. город У-ша являлся центром пятого губернаторства «Западный край», под названием Као-фу, объединяющего области Вахш и Хутталь [47, p. 276], в его состав входили еще два округа: У-лин и Хю-ми. Столицей округа У-лин был город Кол-кян, который А. М. Беленицкий отождествил с городом Хульбук [38, с. 110]. По данным Сюань-Цзяня, столица Хутталя достигала 20 ли [более 6 км] в окружности. В Хуттале упоминаются крепость Загарзак и селение Хидаги, на которые в 119/737 г. совершил поход Асад б. Абдаллах, но их местоположение не установлено [38, с. 114].

В раннем средневековье вышеупомянутые владения Северного Тохаристана играли важную роль в жизни Средней Азии, насыщенной внешними столкновениями, миграциями различных народов, и значительными социальными изменениями. Они являлись своеобразной буферной зоной, в которой сталкивались жизненно важные интересы Сасанидского и Эфталитского государств, Тюркского каганата и Арабских халифатов. Правители этих феодальных владений — хидевы, в зависимости от складывающейся конъюнктуры, умело ориентировались в своей политике в ту или иную сторону.

Общая канва политической истории Северного Тохаристана следующая. В конце IV—начале V в. Сасаниды утрачивают правобережье Амударьи в результате вторжения кочевых племен (фиксируемого по археологическим материалам), как предполагали, хионитов [362; 55, с. 136—138], что, однако, не подтверждается имеющимися данными, о чем ниже. К концу первой половины V в. сасанид Иездигерд II вновь завоевал области Тохаристана, но власть его здесь была недолгой [183]. В середине V в. на политическую арену выходят эфталиты или «белые гунны», которых одни исследователи считают пришлым племенем из Восточного Туркестана или Приаралья (С. П. Толстов), другие — автохтонным населением Бадахшана и Припамирья (К. Еноки, Л. Н. Гумилев) или Бактрии-Тохаристана (Э. В. Ртveладзе). Часть эфталитов, ушедшая в Северную Индию, создала здесь государство, включавшее, помимо этой области, нынешнюю территорию Пакистана и Юго-Восточного Афганистана. Другое государство, созданное оставшимися в Средней Азии эфталитами в пору своего расцвета в конце V—начале VI в., включало большую часть Афганистана, южные и восточные области Средней Азии и Восточный Туркестан. Важнейшим его ядром являлась Бактрия-Тохаристан, откуда, согласно одной из гипотез, эфталиты начали завоевание более северных областей. Согласно другой точке зрения, эфталитские завоевания начались из Восточного Туркестана [обзор мнений см. 183]. Эфталитское владычество в Тохаристане в отдельные периоды сменялось властью Сасанидов, особенно в правление Кавада I (488—531 гг.) и Хосрова (531—579 гг.).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

Разгром эфталитов под Бухарой между 563 и 567 гг. привел к падению их государства, которое было поделено между тюрками и сасанидами. С конца VI в. и до конца VIII в. Тохаристанские владения номинально находились под властью тюркских ябгу, но фактическая власть в большинстве из них принадлежала местным правителям, только в некоторых владениях укрепились тюркские династии. С начала второй половины VII в. и на протяжении VIII в. Северный Тохаристан неоднократно подвергался нашествию арабских племен; в конце VIII в. местные династии были упразднены и эта область окончательно вошла в состав Аббасидского халифата.

Краткие сведения письменных источников по истории Северного Тохаристана дополняют сейчас нумизматические данные [55, с. 129—155; 316, с. 103—119]. Для конца IV—первой половины V в. н. э. выделяются три группы монет: К первой относятся серебряные монеты, чеканенные по образцу драхм Варахрана IV (388—389 гг.) с тамгой и бактрийской легендой γοβοζιϗο — эм. 32а по Р. Гёблю [445, 53—54]. Одна такая монета найдена в районе Термеза [55, с. 130—131]. Известны также беспаспортизированные находки монет с легендой ραο/ραιο γοβοζιϗο — эм. 32 и γοβοζιϗο, но без тамги — эм. 32 в. [443, 1, с. 54—55; 55, с. 131—134], относимые Б. И. Вайнберг к хионитам. Она полагает, что хиониты, якобы завоевавшие в конце IV—начале V в. Тохаристан, разделяются затем на две группы: группа αλχον с тамгой завоевывает Кабул и Северную Индию, а группа γοβοζιϗο с тамгой создает самостоятельное княжество в Тохаристане [55, с. 137].

Монеты группы γοβοζιϗο обращались в Тохаристане, но следует ли их считать хионитскими и тем более относить их владения к северной части на основании одной монеты. Так, слово «хион» οιονο или γ/χιονο отсутствует на монетах групп γοβοζιϗο—αλχον, а последнее слово, вероятно, передает самоназвание эфталитов [311, с. 110—113]. Сведения письменных источников о наличии хионитских племен вблизи восточных границ сасанидских владений [183, с. 65; 68, с. 196—197] нет основания связывать с Северным Тохаристаном. К тому же титулы ραο/ραιο — бактрийские, а само имя γοβοζι/οϗο имеет общий второй компонент с именем бактрийского вельможи ϗαϗονζοϗο из Сурх-Котала. Не исключено, таким образом, что γοβοζι/οϗο был представитель местной знати, возвысившийся в этот период.

Вторая группа — анэпиграфные медные монеты: правитель в крылатом венце, тамга их ареал ограничен Термезом и его округой. Они датированы концом V—началом VII вв. [86, с. 73, прим. 16] или второй половиной IV—началом V в. [58, с. 64—66]. Эти монеты, по нашему мнению, чеканились в V—VII вв. н. э. в термезском владении. К нему же относятся медные анэпиграфные монеты: лицо в фас/занимающая все поле монеты схематизированная фигурка. По типу л. ст. они примыкают к серии согдийских монет IV—V вв. н. э., а по типу об. ст. — к подражаниям Хувишке и потому могут быть датированы в пределах данного времени. Тогда же, вероятно, возникает чеканка медных монет Чаганиана. Л. И. Альбаумом на Дальверзинтепе была найдена медная монета с изображением на л. ст. головы правителя в фас и тамгой, аналогичной тамге на монетах Гобозико.

Эти группы монет свидетельствуют о том, что в конце IV—V в. в Северном Тохаристане возникают небольшие, вероятно, феодальные владения, причем медный чекан этих владе-

Раннесредневековые монеты Северного Тохаристана:

1—3 — монеты Пероза (459—481) с надчеканами, Будрач; *4* — подражание монетам Пероза с бактрийской и согдийской легендами, Будрач; *5* — подражание монетам Пероза с бактрийской легендой, Дальверзинтепе; *6—9*—подражание монетам Пероза, Джумаляктепе, Кулугшахтепе, Актепе; *10* — подражание монетам Хосрова I Ануширвана с бактрийской легендой Сашро хидев; *11* — подражание монетам Хосрова I Ануширвана с бактрийской легендой Зарино хидев; *12* — подражание монетам Хосрова I Ануширвана с надчеканами-портретами и тамгой; *13—15* — подражания монетам Хосрова I Ануширвана с надчеканами-портретами; *16—17* — монеты термезшахов, Фаязтепе; *18—21* — анэпиграфные чаганианские монеты с парным изображением, Савриндзон-тепе (*18—19*), Будрач (*20—21*); *22—23* — чаганианские монеты с парным изображением и бактрийской легендой, Биттепе; *24* — золотой брактеат, Дальверзинтепе.

ний не несет на себе влияния иконографии монет сасанидских кушаншахов. Напротив, наличие тамг или династических знаков указывает на полную самостоятельность правителей в выборе символики и определенную политическую их независимость. Но отсутствие на медных монетах имени и титулов правителей говорит о том, что они не обладали еще достаточной властью и влиянием. Это были лишь первые шаги по пути формирования феодальных владений. Только в VI в. и особенно во второй его половине нарастает политическая мощь правителей указанных владений, что довольно хорошо отражают монеты. Экономически и политически сильные владения уже чеканили монеты с указанием на них имени и титулатуры правителей. Более слабые владения продолжали выпуск анэпиграфных монет, зачастую только медных. Источники также скудно освещают историю владений, входивших в состав Тохаристана в VI—VIII вв. Только для Хутталя до недавнего времени удалось частично восстановить историю правившей здесь в VIII в. династии [38, с. 112—113].

Для истории чаганианского владения большое значение имеют обнаруженные на городище Будрач серебряные монеты, впервые изданные Г. А. Пугаченковой [265, с. 256—262] и подробно описанные Э. В. Ртвеладзе, что избавляет в данном случае от детальной их характеристики [316, с. 103—119].

По типологическим признакам нами выделены следующие группы:

Серебро. 1. Драхмы Пероза (459—489) двух типов с бактрийским χδηο и согдийским xwβ надчеканами.

2. Подражания драхмам Пероза с надчеканами тамги и портрета.

3. Драхмы Хосрова I (531—579).

4. Подражания драхмам Хосрова I с надчеканами (бактрийские легенды, портреты, тамги).

5. Анэпиграфные чаганхудатские монеты по образцу драхм Хосрова I с надчеканом-портретом.

6. Чаганхудатские монеты по образцу драхм Хосрова I с бактрийской легендой на оборотной стороне.

Медь. Чаганхудатские монеты с парным изображением двух типов:

а) анэпиграфные;

б) с бактрийской легендой на об. ст.

В письменных источниках упоминаются титулы правителей некоторых областей Северного Тохаристана: малик Хутталя, шер хутталяи, дихкан Термеза, термезшах, в Чаганиане чаган—худат [32, 120; 367].

На многих монетах эфталитского времени, в том числе и из Чаганиана, передан титул χδηο, восходящий, по мнению В. Хеннинга и Х. Хумбаха к древнебактрийскому титулу χοαδηο — «государь» [459, с. 51, прим. 10; 456. с. 34].

По мнению В. А. Лившица, χδηο является закономерной позднебактрийской формой, появившейся, видимо, в V. Этот титул близок к среднеперсидскому xwadāy (н. пер. xudā/y), согдийскому xwt^{9}w (xutāw) и, подобно им, мог в первую очередь означать вассального правителя, но при Великих Кушанах он употребляется как синоним слову «царь».

Другой надчекан на монетах Пероза передает согдийский титул xwβ, широко распространенный в раннем средневековье в Согде, Бухаре и Чаче [356, с. 55—60]. По А. А. Фрейману, он происходит от древнеиранского *hwa — bawa — буквально — «самоставший, самостоятельный» [145, с. 166; 356, с. 57—60]. О. И. Смирнова, наряду со значением его как титула, отмечала, что он мог выступать и в качестве эпитета — «благотворящий», из авестийского hvapā [357, с. 22]. В. А. Лившиц дает перевод титула xwβ как «государь» [145, с. 169—170].

Этот титул впервые отмечен на монетах Бухары с легендой xwβ^{9}sβ^{9}r, датирующихся IV—V вв. [145, с. 169], на монетах V в. из той же области с изображением верблюда, а также в сочетании с титулом k^{9}w/k^{9}w^{9}/ — «царь», pwγ^{9}r xwβ k^{9}w^{9} на бухархудатских монетах [145, с. 170; 356, с. 56—57]. В Самаркандском Согде титул xwβ впервые отмечен на серии монет, датирующихся, вероятно, V—VI вв. н. э. [357, с. 20—21]. Данный титул употреблен в сочетании с личными именами на древнечачских монетах, относящихся к III—VI в. н. э.

На монетах Тохаристана этот титул прежде не был зафиксирован, здесь отмечены три бактрийских титула: ραο/ραιο, χδηο, βαγο.

Однако согдийский надчекан δščy βαγγ — «господин Дехчи» имеется на подражаниях драхмам Пероза [145, с. 173—174; 355, с. 39—40], которые обращались в другой области Северного Тохаристана — Вахше вплоть до середины VIII в. [86, с. 74]. Надчекан xwβ на монетах из Будрача, отражает, вероятно, наиболее ранний пример употребления согдий-

ского титула в Тохаристане в конце V—начале VI в.

По данным письменных источников, Чаганиан в данный период входил в состав Эфталитского государства [395, с. 453]. В более раннее время согдийских надчеканов на монетах Тохаристана не отмечено, поэтому их появление здесь связано с эфталитскими завоеваниями, объединившими Согд и Тохаристан и способствовавшими проникновению согдийской титулатуры в Чаганиан. В этой области, судя по надчеканам на монетах Пероза, в конце V—первой половине VI в. правила династия, условно названная нами династией «безымянных хидевов», правители которой носили равнозначные бактрийский и согдийский титулы, имея и особый династический знак в виде ромба на горизонтальной подставке —

В правление Хосрова I Северный Тохаристан снова был завоеван сасанидами. Согласно ад-Динавери, Хосров I «отправил войска в страну эфталитов и завоевал Тохаристан, Забулистан, Кабулистан и Чаганиан» [395, с. 453]. По Масуди, Хосров I перешел через Балх и вторгся в эфталитские владения правобережного Тохаристана, дойдя до Хутталяна, причем эфталитский царь Ахшунвар был умерщвлен, а его владения были присоединены к сасанидским [68, с. 213].

Хосров I выступал в союзе с тюрками, нанесшими сокрушительное поражение эфталитам под Бухарой. По версии Фирдоуси, остатки эфталитской армии бежали на юг, где вместо погибшего Гатифара избрали нового царя — правителя Чаганиана — Фаганиша, признавшего власть Хосрова I [79, с. 40—41, 47; 68, с. 217—218].

М. Е. Массон полагал, что в 554 г. Хосров I отнял у эфталитов Тохаристан, а несколько позднее с помощью тюрок положил конец их самостоятельному государству, причем некоторые области на правобережье Амударьи попали в вассальную зависимость от сасанидов [202, с. 233]. Другие исследователи считали, что активную наступательную политику на Востоке против эфталитов он начал после заключения мира с Византией в 562 г. [95, с. 314; 79, с. 36]. Война между тюрками и эфталитами датируется в пределах 560—567 гг. [418, p. 226; 176, с. 43; 79, с. 41; 68, с. 217].

Дележ эфталитского наследства вызвал ряд военных действий между тюрками и сасанидами, завершившихся установлением мирного договора в 571 г. [68, с. 47]. Исследователи полагают, что лишь некоторые области правобережного Тохаристана попали в зависимость от Хосрова I [202, с. 233; 68, с. 218]. По мнению А. М. Мандельштама, здесь сохранялось буферное Эфталитское государство, в состав которого входил и Чаганиан, добившийся независимости в конце 70-х—начале 80-х годов VI в. [176, с. 133]. Напротив, Г. А. Пугаченкова считает, что в Чаганиане правили местные, не эфталитские владетели, вступившие в союз с Хосровом I, а после его смерти приобретшие самостоятельность [265, с. 258].

Драхмы Хосрова I из Будрача, судя по годам чеканки — 541—579 гг., регулярно поступали в Чаганиан в течение этого периода. В первой половине своего правления Хосров I выплачивал дань эфталитам, которая была прекращена после ослабления Эфталитского государства в 60-х годах VI в. [95, с. 314]. Вероятно, драхмы Хосрова поступили в Чаганиан вначале как часть общей дани, но затем в результате включения Чаганиана в состав Сасанидского государства, возможно, в 60—70-х годах VI в., на правах полунезависимого владения. За исключением четырех, на всех остальных драхмах Хосрова I имеются разнотипные надчеканы, передающие имена и титулы правителей, портреты и тамги. Они нанесены и на драхмы Хормизда IV—583 г., и на ранние подражания драхмам Хосрова I, что в целом датирует эти надчеканы серединой — второй половиной VI в. Помимо экономических причин, обусловивших их появление, были и политические, как своего рода декларация независимости проставляющего надчекан правителя.

Надчеканы-легенды, как установлено В. А. Лившицем и нами, передают имена трех правителей Чаганиана в сочетании с титулом: σαρρο χδηο, ζαριvο χδηο, πoιvoιο χδηο.

Судя по последовательности их наложения, самым ранним по времени правителем являлся σαρροχδηο-saš̄rxidew, имя которого можно читать и как σαρρο, от sar — «голова, глава», учитывая, что графемы «ро» и «сан» в бактрийском курсиве передавались одинаково. Следующий по времени правитель с хорошо этимологизируемым именем zarīn xidēw от

др. иран. zaranya —«золото» [229, с. 71]. Имя третьего правителя содержится в надчеканах, нанесенных в отличие от предыдущих на об. ст. монет. Оно выполнено сложным бактрийским курсивом и поэтому возможно несколько вариантов его транслитерации: ло/αινοιο, ло/αγνοιο, ло/αινορο ло/αγνορ.

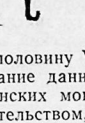
Обращают на себя внимание определенные соответствия последнего варианта этого имени с именем известного правителя Чаганиана Фаганиша. Если учесть к тому же, что в арабской графике звук «п» передается через «ф», то имя Фаганиш в бактрийской графике могло передаваться как παγανιρ, имеющее большое сходство с именем правителя на монетах.

О. И. Смирнова видела в فها نيش — Фаганиш имя божества, возводя его к согдийскому δšcy βγy с перестановкой слагаемых [355, с. 39—40], что представляется нам малообоснованным. Х. Равюрти считал имя Фаганиш названием династии — семейным — name of family, а не персональным именем [490, p. 423]. Хотя данное предположение не может считаться доказанным, но как условное название для второй чаганианской династии его можно принять.

Правление в Чаганиане династии «Фаганиша» завершилось, видимо, в конце VI—начале VII в. н. э.

На наиболее поздних по времени анэпиграфных подражаниях драхмам Хосрова I, а также на его монетах имеется надчекан-тамга в виде ромбовидного знака с противоположно загнутыми завитками, зачастую положенного на надчеканы-легенды, а сам знак иногда вырезан на более старом штемпеле с изображением лица в профиль. Эта тамга имеется также на об. ст. медных чаганианских монет с парным изображением [252, с. 259—260; 299, с. 51—58; 321], которые подразделяются на два типа: анэпиграфные и с бактрийской курсивной легендой на об. ст. По нашему мнению, в легенде переданы два имени, разделенных союзом οτι — и; αηοτι γοα/δο [321, с. 206—207]. В качестве аналогии укажем на византийские монеты с парным изображением, где в легенде переданы имена двух лиц с союзом «и». Обращение к византийским монетам в данном случае отнюдь не случайно. М. Е. Массон показал, что тюрко-согдийские монеты с парным изображением появляются впервые на монетах правившего в 565—573 гг. Юстина II [203, с. 97].

На связь византийских монет с тюрко-согдийскими указано нами и О. И. Смирновой [328, с. 232—234; 357, с. 19—20, 56]. Чаганианские монеты с парным изображением по типу тамг и монет отличаются от монет с подобным изображением, обращавшихся в Согде и Чаче.

По археолого-стратиграфическим и нумизматическим данным, период выпуска и обращения монет с парным изображением и тамгой  приходится на начало VI—вторую половину VIII вв. н. э. Устойчивое существование данной тамги на разнотипных чаганианских монетах является убедительным свидетельством, что это династический знак правителей Чаганиана данного времени.

Арабо-персидские источники называют правителей Чаганиана چغان خدا или صغان خدا [418, с. 226], что позволяет условно именовать чаганхудатской правившую здесь в VII—VIII вв. династию. Сейчас уже достоверно установлены имена трех правителей из этой династии.

В согдийской надписи на фресках Афрасиаба назван чаганианский правитель čγ^{9}nkwxwβw по имени Туранташ (Twr^{9}ntš), видимо, современник согдийского ихшида Вархумана — 650/55 — не позднее 696 г. [354, с. 63; 140, с. 67; 11, с. 55]. В китайских источниках, в событиях, относящихся к 719 г., упоминается чаганианский правитель Ti-chö [418, p. 157, 292, 305]. И Маркварт отождествил его с чаганхудатом — تيش — Тиш, по просьбе которого Кутейба б. Муслим напал на враждующих с Чаганианом правителей Ахаруна и Шумана [464, с. 226, с. 121; 68, с. 230]. По мнению В. А. Лившица, именно чаганхудат Тиш, как и тохарский царь, упоминается в одном из мугских документов начала VIII в. [140, с. 40, пр. 75]. С. Г. Кляшторный предполагает, что Тиш является тем самым «царем Чаганиана», который выступал в 737 г. на стороне арабского наместника в войне с тюрками и согдийцами [125, с. 147]. Если это так, то правление Тиша следует отнести к 704/705 гг. (возможно, и ранее) — 737 г., хотя

последняя дата сомнительна, и более достоверно, что Тиш правил в Чаганиане только в первой четверти VIII в. (известные крайние даты — 704/705—719), но являясь в 719 г. по данным китайских источников и ябгу всего Тохаристана [418, p. 152 и сл.; 125, с. 147]. Имя еще одного правителя Чаганиана — χναροχδηο — имеется на об. ст. наиболее поздних по времени (первая половина—середина VIII в.) чаганхудатских серебряных монет, битых по образцу драхм Хосрова I.

В свете этих данных последовательность правления чаганхудатов выглядит следующим образом:

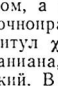
1. αηοτιγο/αδο — вторая половина VII или начало VIII в.

2. Twr^{9}ntš/twr^{9}ntγ — Туранташ — вторая половина VII в.

3. Ti-chö — Тиш (704/705—719 гг.).

4. Xnarxidēw — первая половина — середина VIII в.

Таким образом, в период с конца VIII в. в Чаганиане правили, по-видимому, три династии: первая династия «безымянных хиндевов» — конец V — середина VI в.; вторая — «Фаганиша» — середина—конец VI или начало VII в.; третья — чаганхудатов — начало VII — третья четверть VIII вв. Рассмотрим теперь данные, которые могли бы выявить общность этих династий.

В частности, легенды в надчеканах исполнены только бактрийским курсивным письмом, а имена чаганианских правителей восточноиранского происхождения [140, с. 67]. Титул χδηο, встречающийся на монетах Чаганиана, как мы показали выше, бактрийский. В какой-то степени идентичны и тамги первой — и третьей династий—  в основе которых, при различии завершающих частей, лежит одинаковая геометрическая фигура.

В этой связи можно предположить, что правившие на протяжении трехсот лет (конец V — вторая половина VIII вв.) в Чаганиане династии были в определенной степени связаны этнической и родственной общностью. К сожалению, конкретное этническое их происхождение на основе имеющихся данных не может быть точно установлено. Не исключено, что они происходили из местной этнической среды, родственной бактрийскому этносу, на что, в частности, намекают наличие бактрийских надписей с титулом и бактрийское же происхождение некоторых имен чаганианских правителей. Но не менее вероятна и их эфталитская принадлежность. Характерно, что в письменных источниках (ад-Динавери, Фирдоуси) Чаганиан с конца V в. и вплоть до последней четверти VI в. традиционно фигурирует как эфталитская область [395, с. 453; 183, с. 64; 470, pp. 303—316; VI: 88, 3—4]. Также знаменательно, что первые надчеканы с титулом и тамгой появляются в Чаганиане в конце V в., что совпадает по времени с данными ад-Динавери о передаче этой области в 498 г. сасанидским шахом Кобадом эфталитам за их помощь в борьбе с Джамаспом [395, с. 453; 183, с. 64].

Монетные данные свидетельствуют о постепенном и неуклонном возвышении чаганианских династий конца V—второй половины VI в. Если вначале в надчеканах фигурируют безымянные правители с титулом χδηο, то последующие проставляют не только свое имя, но и выпускают собственные серебряные и медные деньги.

В этот период Чаганиан становится одним из наиболее крупных и могущественных владений. В нем правила своя наследственная династия, один из представителей которой — Тиш — в 719 г. упоминается как ябгу — верховный правитель конфедерации областей Тохаристана. На его территории располагались многочисленные селения и крупные города (Чаганиан, Навандак). Правители этой области поддерживали дипломатические, религиозные и династические связи с рядом государств. Так, согласно согдийской надписи из афрасиабского дворца, ко двору самаркандского ихшида Вархумана прибыло посольство от государя Чаганиана с дарами и невестой, возглавляемое начальником канцелярии — дапирпатом (čγ^{9}nkw δp^{9}yrptw) Пукар-заде—Pwrk (или Pwkk)z^{9}tk «сын Б» [140, с. 67; 10, с. 55—56]. В 719 г. от Чаганхудата в Китай прибыло посольство, возглавляемое «великим Мо-джо» — крупным деятелем манихейской церкви, который в послании характеризуется как человек глубокой мудрости и больших познаний в астрономии [418, p. 152, 292]. Сведения об этом посольстве детально проанали-

зированы А. Н. Беленицким и Б. А. Литвинским, пришедшим к выводу о тесной связи манихеев с местными правителями [40, с. 44—45; 158, с. 121]. Вместе с тем в Чагананиане существовали и другие религиозные учения и, в частности, буддизм. Согласно Сюань-Цзяню в начале VII в. здесь существовало пять буддийских монастырей, что характеризует Чаганиан как крупный центр буддийского вероучения [402, p. 36—37]. Родственные узы связывали чаганианских правителей с верховными жрецами храма Наубехар в Балхе — последний Бармакид был женат на дочери князя Чаганиана.

В сравнении с Чаганианом другие области Северо-Западного Тохаристана в этот период играли менее значимую политическую и экономическую роль. Для их истории основное значение также имеют нумизматические данные, поскольку сведения письменных источников фактически отсутствуют.

Как установлено Б. И. Вайнберг. в Термез-Ширабадском районе с конца V по VII в. включительно обращались подражания Перозу четырех эмиссий: эм. 287 а, с бактрийской легендой ιοομο — по Геблю, или ομοα — начало VI в.; эм. 288, с той же легендой и тамгой — первая половина VI в.; эм. 289, с изображением местного правителя, двумя тамгами — конец VI в. и различными надчеканами [55, с. 68—71].

Различия в составе монетной массы, обращавшейся в Чагананиане, с одной стороны, и в Термезе и Гуфтане — с другой, — убедительное свидетельство политической обособленности фактически смежных владений уже в конце V — первой половине VI в., в пору эфталитского владычества в Тохаристане. Эти различия сохраняются и после разгрома эфталитов тюрками и сасанидами. Но если в Чагананиане ясно прослеживается сасанидская ориентация местных правителей, то иная обстановка, по-видимому, сложилась в долине Шерабаддарьи (Гуфтан). Здесь в конце VI в., а по нашему мнению, в начале VII в. чеканятся монеты, на которых, наряду с традиционной тамгой , появляется новая—

Б. И. Вайнберг считает ее династическим знаком правителей Чаганиана, полагая, что даже хорезмшах Чаган-Аскацвар якобы был выходцем из Чаганиана [55, с. 3—19; 56; с. 91—94]. Мы уже показали несостоятельность данной гипотезы [299, с. 51—58]. Здесь же *остановимся на наиболее существенных* вопросах.

Некоторое сходство имени хорезмшаха Чагана с титулом правителей Чаганиана — чаганхудатов (چغان خدا) было замечено еще А. Куртатом, однако он вовсе не считал возможной их полную идентификацию [459, с. 394]. Более того, написание имени Чаган и титула «чаган-худат» в арабской графике не дает оснований для их отождествления. У Баллами и Табари это имя передано как چغان — Джиган, у ал-Куфи — جنغان — Дженган. Тогда как в титуле «Чаган-худа» арабы из-за отсутствия в арабском языке «чима» передавали первую букву через «сад» — «саган-худа», а название области как Саганийан — صغانيان.

Б. И. Вайнберг приводит также данные о местах находок монет с тамгой , которые якобы найдены на территории Чаганиана. Однако находки аналогичных монет происходят только из долины Шерабаддарьи, которая, по данным арабо-персидских источников, в VII в. — первой половине VIII в. входила в состав княжества Гуфтан тогда как собственно Чаганиан занимал районы среднего и верхнего течения Сурхандарьи [33, с. 123]. Династические же знаки правителей Чаганиана в конце V — второй половине VIII в. были иные — и .

Тюрки в Северном Тохаристане. Обратимся теперь к общеполитической ситуации и

значению тохаристанского владения в конфедерации областей Тохаристана, находившихся с начала VII в. под верховной властью тюркских правителей. Проникновение тюрок в Тохаристан относится к 589 г. [79, с. 126]. Впоследствии тюрки неоднократно вторгались в Тохаристан, используя чаще всего кратчайшую дорогу из Согда через Железные ворота. Тюрко-сасанидские военные конфликты в конце VI — начале VII в. завершились при западнотюркском кагане Тун-шеху (618—630 гг.) окончательной победой тюрок и закреплением за ними Тохаристана, управление которым было поручено его сыну Тардушаду. Проникновение тюрок в Тохаристан и особенно, вероятно, в северо-восточную часть было весьма значительным. Согласно Сюань-Цзяню (около 630 г.) в Шумане и Ахаруне уже укрепились тюркские династии [402, p. 40]. В VIII в. династии тюркского происхождения правили в Кумеде, Хуттале и Вахане [174, с. 63; 68, с. 229—230]. Однако в Чаганиане тюркское влияние пока не прослеживается. Между отдельными областями Северного Тохаристана фиксируется различие не только в составе монетной массы, но также в керамике. К примеру в Чаганиане в VI—VIII вв. преобладает станковая керамика, имеющая параллели в керамике кушанского времени при весьма незначительном проценте лепной. На городищах и поселениях, расположенных в долине Шерабаддарьи, наряду со станковой керамикой широко распространена лепная с примитивной росписью, находящая близкие аналогии в керамике Согда и Чача. Возможно, это свидетельство притока в долину Шерабаддарьи тюркского этноса, внесшего изменения в традиционные типы ряда форм материальной культуры.

Известно, что походы тюрок в Тохаристан, начавшиеся в конце VI в. н. э., осуществлялись зачастую через Железные ворота, неоднократно упоминавшиеся в рунических надписях как южный предел расселения тюркских *народов со времен Бумын-кагана и Истеми-кагана*. Еще в VIII в. достижение Железных ворот для авторов рунических надписей означало «предел высшего политического могущества и наибольшего благосостояния тюркской империи» [125, с. 147]. Поскольку дорога через Железные ворота выводила непосредственно в долину Шерабаддарьи, то очевидно, что расположенные здесь владения могли находиться под контролем тюрок. Этим, по-видимому, можно объяснить отсутствие здесь явных сасанидских влияний и, наоборот, общность династического знака-тамги ряда правителей Согда, Чача, Гуфтана.

Другой путь проникновения тюрков в Тохаристан проходил по Вахшской долине [175., с. 158—159]. Высказано мнение, что это были тюрки-карлуки [37 а, с. 547; 166, с. 145—146]. Помимо сведений письменных источников сейчас имеются археологические свидетельства оседания тюрков в областях Северо-Восточного Тохаристана. Это находки тюркских изваяний-балбалов в Файзнабаде и в северной части долины Вахша, детали тюркского поясного набора, наконечники стрел и некоторые виды украшений из Кара-калы [102, с. 120—121; 166, с. 146].

Словом, конец VI—VII вв. являются периодом активного и в какой-то мере массового проникновения тюркских племен в Тохаристан.

Вместе с тем, нумизматические материалы позволяют рассмотреть вопрос о степени зависимости владений Северного Тохаристана от общетохаристанских тюркских ябгу, которым, судя по письменным источникам, подчинялись все 27 владений Тохаристана [38, с. 112—113; 418, I, р. 37—38; 402, p. 196]. Однако монеты, выпускавшиеся в Гуфтане, Термезе и Чаганиане, такого рода зависимости не показывают, на них нет ни титулатуры, ни имен тюркских ябгу Тохаристана. Аналогичная картина наблюдается и во владении Вахш, где в конце VII — начале VIII в. выпускались анэпиграфные монеты, но с согдийской легендой wzwkMLKʾwzšk, по В. А. Лившицу, а также монеты с квадратным оттеретием и бактрийской легендой. На всех этих монетах отсутствуют тюркские имена и титулатура.

Таким образом, судя по нумизматическим материалам, области Северного Тохаристана, вероятно, лишь номинально подчинялись тюркским ябгу.

Арабы в Северном Тохаристане. Уже в *середине VII в. завершив завоевание Хорасана*, арабы предприняли ряд походов из Мерва в Тохаристан с целью грабежа и захвата добычи. В первом крупном арабо-тохаристанском сражении, происшедшем в 651 г. между «Мургабом и горами», наряду с отрядами из других областей Тохаристана: Джузджана, Таликана и Фаряба — деятельное участие приняли чаганианские воины, причем центральным эпизодом битвы явилось единоборст-

во между арабским полководцем ал-Ахнафом и царем Чаганиана, вероятно, возглавлявшим антиарабскую коалицию народов Тохаристана [401, p. 163—166; 206, с. 68; 55, с. 145]. Балазури привел следующий рассказ некоего ал-Джу'фи: «Я слышал, как Абдаллах ибн ал-Мубарак говорил одному человеку из Саганиана, который вместе с ним собирал хадисы: «Знаешь ли ты, кто завоевал твою страну?» Тот сказал: «Нет». Он сказал: «Ее завоевал ал-Хакам ибн Амр ал-Гифари» [401, p. 171; 206, с. 69].

Согласно Гиббу, ал-Гифари в 47/667 г. в ходе военной кампании в Тохаристане перешел Окс и вторгся в Чаганиан [442, p. 16]. Но это был лишь временный захват, так как после смерти ал-Гифари в 670 г. покоренные им области освободились от арабского владычества. Новый арабский правитель Раби б. Зийад, вынужденный вновь завоевывать Балх, отправил специальный военный отряд через Амударью в Чаганиан, имея в виду тесные связи этой области с верхним Тохаристаном [442, p. 17]. В 676 г. наместник Хорасана Саид б. Осман захватил и ограбил Термез [68, с. 308]. Однако это были лишь кратковременные успехи, полного подчинения Северного Тохаристана арабам тогда еще не произошло. Более упешными, но также временными были действия сына мятежного главы арабского племени кайситов Абдаллаха б. Хазима Муса б. Абдаллаха, который в 689 г. с небольшим отрядом воинов захватил Термез, изгнав оттуда местного правителя-термезшаха [401, p. 183—185]. Мусе удалось надолго закрепиться в Термезе, отразив неоднократные попытки термезшаха с помощью тюрков вернуть свои владения, а благодаря поддержке перешедшего на его сторону Сабита б. Кутбы ал-Хуза'и, чрезвычайно популярного среди местных жителей, он сумел вытеснить из Мавераннахра всех сборщиков налогов для халифа Йазида. Эти налоги поступали к Мусе в Термез, который стал на некоторое время главным арабским центром Мавераннахра.

Только в 704 г. полководцу Османа б. Масуду, по имени которого нынешний Арал-Пайгамбар долгое время назывался Джезират Осман (остров Османа), в союзе с правителем Согда и царем области Хутталь удалось подавить мятеж Мусы и овладеть Термезом [33, с. 242], который с этого времени стал опорной базой арабов в Северном Тохаристане. Зависимость же других областей Северного Тохаристана от арабов на протяжении почти всего VIII в. была больше номинальной, чем фактической. Здесь еще долгое время сохранялись местные династии, проводившие самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, хотя правители одних областей (к примеру, Хутталя, Шумана и Ахаруна) были враждебно настроены по отношению к арабам, а правители других (Чаганиан) являлись сторонниками арабских халифов, принимая участие в их военных походах против народов Мавераннахра.

К планомерному завоеванию Мавераннахра арабы приступили при халифе Абд-ал-Малике (685—705 гг.), когда внутри халифата прекратились ожесточенные междоусобные войны. В 705 г. наместник Хорасана Кутайба б. Муслим начал завоевательные походы против народов Средней Азии, успешному исходу которых способствовали раздробленность страны и постоянные междоусобицы местных правителей и феодалов. Характерны в этом отношении действия чаганхудата Тишша, в 86/704 г. он прибыл в Таликан в ставку Кутайбы б. Муслима и преподнес ему подарки и золотой ключ, попросив военной помощи против правителей соседних с Чаганианом областей Шумана и Ахаруна, которые постоянно совершали набеги на Чаганиан [401, p. 186]. Кутайба б. Муслим вторгся в долину Сурхана, с этого времени Чаганиан был вовлечен в сферу влияния новой культуры и религии. Нельзя, однако, сказать, что арабы уже в ту пору прочно закрепились в Чаганиане и ислам стал господствующей религией. Напротив, фактическая власть в области продолжала оставаться в руках чаган-худатов, правивших здесь, по крайней мере, еще около ста лет. Известную роль сыграло в этом одно обстоятельство: чаганхудаты в войнах арабов с правителями других областей Средней Азии оказывали первым военную помощь. В 87/706 г. и 90/709 г. чаганхудат принял участие в походе Кутайбы б. Муслима на Бухару и Пайкенд, куда они двинулись после совместной военной акции против области Шуман, пройдя через Железные ворота на Кеш и Нахшеб [442, p. 31].

В 119/737 г. чаганхудат оказал военную поддержку Асаду б. Абдаллаху в его походе на Хутталь и тюркского кагана [38, с. 114]. Чаганхудаты предоставили свою территорию арабским войскам, откуда они совершали

набеги на другие области Северного Тохаристана. Так, в 731—732 гг. наместник Хорасана Джунейд б. Абдрахман в Чаганиане встретил двадцатитысячное войско во главе с Амром б. Муслимом и Абдрахманом б. Нуаймом, посланное ему на помощь халифом Хишамом [367, с. 155]. Не остался Чаганиан в стороне и в период междоусобной борьбы в Арабском халифате между сторонниками Аббасидов и Омейядов. В 731—732 гг. группа да'и — пропагандистов аббасидской партии из Кеша и Несефа проникла в Чаганиан [ад-Динавери, 1888, с. 338]. Население этой области активно участвовало в восстании Абу-Муслима против Омейядов [422, с. 360].

Таким образом, на протяжении всего VIII в., несмотря на известную политическую самостоятельность областей Северо-Западного Тохаристана, происходило активное внедрение арабов во многие сферы жизни. Археолого-нумизматические данные, при всей своей пока немногочисленности, достаточно выразительны. Это, в частности, омейядские и аббасидские дирхемы чекана различных городов халифата и фельсы в основном балхской чеканки, занявшей, наряду с местной монетой, основное место в денежном обращении Северного Тохаристана в VIII в. В середине VIII в. в Чаганиане происходит чеканка фельсов с арабскими легендами. В то же время или несколько раньше, фельсы чеканятся, вероятно, также и в Термезе, к выпускам которого мы относим неопубликованные еще небольшие медные монеты с единственной легендой: بسم الله и фельсы амира Хасана б. Хумдана [313; 322].

Существенны и эпиграфические материалы. В Северном Тохаристане в нескольких пунктах обнаружены глиняные черепки с арабскими надписями VIII в. — это остраки из Каттатепе с фрагментами коранических надписей [14, с. 57] и остраки, обнаруженные Ш. Пидаевым на цитадели Старого Термеза. На фрагменте стенки хума из Кулялтепе—Будрач (см. с. 184) сохранились куфические надписи черной «тушью», вероятно, хозяйственного содержания, в которой удалось пока разобрать басмаллу, имя некоего Абд-ар-Рахмана и обозначение суммы в «тысяча»..... и «триста»..... ... в каких-то денежных единицах. Остракс куфической надписью «амир Халаверда» происходит из Кафыр-калы [166, с. 144].

Активные наступательные действия Аббасидского халифата привели к тому, что, вероятно, в последней четверти VIII в., местные правящие династии Северного Тохаристана были упразднены.

Как показывают археологические исследования, в раннее средневековье в Северном Тохаристане осуществлялось широкое и повсеместное освоение многих природных зон: речных долин, степей, предгорий и среднегорья. Но этот процесс протекал далеко не равномерно. Так, по всей вероятности, только с конца V — начала VI в. здесь восстанавливается в прежних границах ряд кушанских поселений, а затем увеличивается их площадь (Будрач). В последующем происходит новое частичное обживание этих поселений (Дальверзинтепе), формируются новые селения и города, возникают замки (Балалыктепе, Кулялтепе, Джумаляктепе, Кафыр-кала, Навандактепе и другие). Соответственно, в прежних размерах обживается территория ряда кушанских оазисов, хотя далеко не всех, восстанавливается древняя ирригационная сеть, проводятся новые каналы к арыкам.

Отсутствие сводки о раннесредневековых археологических памятниках для Северо-Восточного Тохаристана не позволяет сейчас охарактеризовать процесс антропогенного освоения всей области в целом. По этой причине остановимся на характеристике данного процесса в северо-западной ее части, тем более, что сходство географических условий и социально-экономических отношений допускает предположение об аналогичной модели процесса антропогенного освоения в Северном Тохаристане при известной его локальности.

Археологическими исследованиями северо-западного региона выявлено более 150 городищ и поселений, относящихся к раннему средневековью [21, с. 116—142; 16, с. 16]. Зоны расселения этого периода, совпадая с таковыми же кушанского времени, вместе с тем в какой-то мере отличаются от них. Они занимают, главным образом, речные долины и степи, тогда как подгорные возвышенные равнины и зоны низкогорья и среднегорья обживаются в меньших масштабах, нежели в кушанское время. Так, из одиннадцати горных микрооазисов и оазисов, обживавшихся в кушанское время, в раннее средневековье функционируют, вероятно, шесть из них: Дабильский, Дарбандский, Карабагский, Зарабагский, Байсунский и Кофрунский. В пред-

горной зоне в двух крупных оазисах древности — Ургульском (Бандыханском) и Халкаджарском (Миршадинском) функционирует по одному небольшому поселению.

В пределах долин концентрация раннесредневековых памятников не была одинаковой. Как и в кушанское время, наиболее обжитой являлась Верхнесурханская котловина, где выявлено 102 археологических памятника, обживавшихся в раннее средневековье, т. е. больше половины всех поселений этого времени, зафиксированных в Северо-Западном Тохаристане. Достаточно высокая плотность поселений отмечена в Шерабадском (20 памятников) и Зангском (19 памятников) ирригационных районах [56; 21, с. 132—134; 16, с. 4]. Менее интенсивно обживался Среднесурханский район, где выявлено 10 поселений, а также Сурхан-Амударьинский район, в котором зафиксировано 14 поселений, в основном сконцентрированных в Термезском оазисе и на левобережье Сурхандарьи.

Вместе с тем, раннесредневековые поселения и городища группируются, фактически, по тем же микрооазисам, оазисам и ирригационным районам в зависимости от источников водоснабжения. Но внутри этих систем изменяются единицы расселения: уменьшается количество городов, увеличивается число сельских усадеб, широко распространяются дихканские замки.

Для раннесредневекового Северного Тохаристана характерно типологическое разнообразие населенных пунктов [литература вопроса см. 16; 21; 5; 166]. Среди них с учетом внешних признаков и архитектурно-планировочных особенностей выделяются:

1. Прямоугольное в плане городище с цитаделью в углу или вдоль одной из сторон, с обширным пригородом. Площадь 20—60 га.

2. Сложноструктурные городища, планировка которых пока неясна.

3. Прямоугольные или квадратные в плане городища, в центре которых цитадель, окруженная рвом, имеется пригород. Площадь 10—20 га.

4. Той же планировки и структуры городища, но значительно меньшие по размеру. Площадь 5—10 га.

5. Прямоугольные вытянутые городища с отдельно стоящей цитаделью или замком. Площадь 3—4 га.

6. Двухчастное городище, состоящее из мощной цитадели и примыкающего к нему неукрепленного поселения из нескольких структурных единиц. Площадь около или более 20 га.

7. Квадратное или прямоугольное тепе, укрепленное стенами с башнями; в одном из углов обведенный рвом или без него кешк или донжон. Вокруг или с одной стороны массив жилой застройки. Площадь основного тепе около или немногим более одного гектара.

8. Отдельно стоящие квадратные или прямоугольные в плане замки на высокой глинобитной платформе, часто двухэтажные. Внутреняя их структура характеризуется разбивкой на множество различных по плану помещений жилого и хозяйственного назначения с обязательным выделением парадного зала для приемов, стены которого покрыты росписью. Площадь 0,1—0,2 га.

9. Поселения, состоящие из жилых массивов, разделенных узкими улочками. В этих массивах — ряд жилых секций, включающих по несколько комнат каждая. Характерна нечеткость планировки, отсутствие центрального парадного зала.

10. Отдельно стоящий дом-усадьба, на высокой платформе, обведенный широкой внешней стеной. Внутри он делится коридором на две части, включающие помещения различного плана и назначения.

11. Прямоугольные и квадратные в плане тепе с прилегающим к ним с одной стороны бугром высотой 3—4 м. Площадь 0,3—0,6 га.

12. Пригородные замки и усадьбы.

13. Культовые здания.

14. Поселения неясной планировки и функций, обнесенные стенами, внутри которых два-три изолированных друг от друга холма. Площадь 1,5—2 га.

Поселения первого и второго типов, судя по размерам, структуре: цитадели, собственно города и пригорода, следам ремесленного производства — видимо, представляли собой города различного типа. Среди них можно выделить: города — центры историко-культурных областей; города — центры ирригационных районов; мелкие городки — центры небольших территорий, прилегающих к определенному участку реки или канала.

По своему происхождению поселения Северного Тохаристана можно разделить на две большие группы: возникшие на новых местах и основанные на кушанских поселениях. Для них характерно разнообразие генетических моделей:

1. Формирование поселения на месте цитаделей кушанских городов, но с иной планировочной структурой. Стены и территория города используются под некрополь, рядом возникают усадьбы и замки.

2. Формирование поселения или города с иной планировочной структурой на всей площади древних городов. Использование древней фортификации.

3. Формирование отдельных зданий в пригороде древнего пункта при необживаемости основной его территории.

4. Формирование различного типа сооружений на месте сельских поселений кушанского времени, используемых в качестве платформ.

5. Приспособление кушанских зданий для жилья без особой их перепланировки.

6. Формирование городов и городков на новом месте по четкому плану.

7. Сооружение замков и усадеб без древней основы, по четкому плану. Этот генотип наиболее многочислен.

На основе имеющихся сейчас археолого-стратиграфических данных можно отметить две линии в генезисе городов Северного Тохаристана, одни из которых возрождаются на месте кушанских городов, другие основываются на новом месте. К последним относится Кафыр-кала, возникшее по единому плану, с одновременным строительством цитадели и города [166, с. 8—48] и, вероятно, Навандактепе у поселка Узун. Городов подобного генотипа в Северном Тохаристане было сравнительно мало, чаще встречаются города первого генотипа. Здесь пока не выявлены города, формирование которых происходило бы вокруг замков феодалов, зафиксированное в других областях Средней Азии.

Города, возрожденные на месте былых кушанских поселений, наследовали частично фортификацию, а иногда планировку и структуру.

Генезис и формирование такого типа городов прослежены нами на городище Будрач — столицы раннесредневекового Чаганиана.

Первоначальное небольшое поселение на его месте, возникшее в I в. до н. э., в кушанское время достигает площади около 20 га. Цитадель (180х ? м.), обнесенная мощной стеной, была возведена на холме Ак Мазартепе высотой 10 м, находящемся на левом берегу реки Кызылсу. В 100 м от цитадели располагалось укрепленное стенами Дуниатепе (площадью около 2 га), а к северо-западу от него — неукрепленное поселение [309, с. 173—188].

В позднекушанское время городище приходит в упадок, но во второй половине V в. н. э. на его территории формируется поселение, которое уже в VI в. значительно превышает по площади кушанский городок. Новый город, достигший наивысшего расцвета в VI—VII вв. и состоявший из кухендиза, шахристана и пригорода, унаследовал ряд предшествующих структурных частей. Фактически не изменяются функции Ак Мазартепе и Дуниатепе как цитадели и укрепленной части города, причем окружающие их стены продолжают использоваться и в средневековье. Радикально изменилось неукрепленное поселение, на месте которого возник обнесенный стенами шахристан площадью более 50 га. За его пределами возникает обширный «пригород», состоящий из отдельных культовых зданий, усадеб и замков: Чордингак, Кулалтепе [309, с. 34].

Центр области Гуфтан — Каттатепе, отождествленный нами с Хушварой (см. выше) представлял собой крупный город площадью около 20 га (500×340 м), состоящий из цитадели, шахристана и рабада. Каждая из частей города была обведена стенами. Прямоугольная в плане (75×45 м) цитадель находится в середине северо-восточной стены городища, непосредственно примыкая к ней, а в северо-западном и юго-западном ее углах расположены квадратные в плане башни; со стороны шахристана цитадель окружена рвом. Раскопками выявлены в верхних ее слоях ряд помещений второй половины VII — первой половины VIII в. н. э., тогда как нижний слой датируется кушанским временем.

Стены шахристана (315×205 м) толщиной около 3 м возведены из пахсовых блоков и защищены квадратными в плане башнями. На расстоянии 90 м к северо-западу и юго-востоку от шахристана прежде имелись остатки стены, окружавшей пригород. Археологические данные подтверждаются сведениями Табари, согласно которым город Хушвара имел внутренний город (мадина-дахиль), обнесенный стенами, и рабад [367, с. 107].

Иной структуры городище Шуроб-Курган, расположенное у слияния Шерабаддарьи с Амударьей и обжившееся от позднекушанского времени до позднего средневековья.

В раннем средневековье оно состояло из обведенных стенами и рвами цитадели (2,9 га), отдельной части и монументального жилого здания, возведенного между цитаделью и этой частью, а также некрополя, из сырцовых наземных наусов, расположенных на западной окраине городища.

Одним из крупных городов Северного Тохаристана был Термез — столичный центр владения термезшахов. По Сюань-Цзяню в первой четверти VII в. окружность Термеза составляла 20 ли, т. е. 6 км (при ли, равном 0,3 км) или 10 км (при ли, равном 0,5 км).

Некоторые данные о его структуре в конце VII — начале VIII в. приводят ат-Табари и Балазури. Упоминаются, в частности, крепость Термеза, вероятно, соответствующая цитадели города, известной позднее как «Кала», большие дворцовые здания внутри калы, парадный зал которой был размерами 50×25 м, а также пригород (рабад) — [32, с. 166—184; 367 с. 101—103].

По данным В. А. Шишкина, собственно город Термез до VIII в. н. э. соответствовал кала, а его пригород-предместье занимал участки «А», «Б» и I. [391, с. 150—151]. О. В. Большаков, останавливаясь на этих данных, полагал, что Термез ко времени арабского завоевания состоял из прямоугольной мадины площадью около 10 га (территория калы) и большого пригорода, окруженного стеной [42, с. 177]. Сомнительно, однако, что Термез в это время имел только мадину и рабад без цитадели, так как по археологическим данным у всех городов Тохаристана были цитадели.

По нашему мнению, цитадель Термеза располагалась в пределах калы, тогда как участок I, «А» и «Б», которые В. А. Шишкин считал предместьем, являлись собственно «городом»-мадина Термеза, а территория к северу и северо-востоку от них, где находится «Курган» и другие сооружения, представляла собой, вероятно, пригород раннесредневекового Термеза.

Города Северного Тохаристана в раннее средневековье по своей площади не только уступали, но и превосходили города других областей Средней Азии. Так, по данным письменных источников, столицы областей Чаганиан, Кобадиан, Хамараван, Шуман достигали 10 ли, а Термеза и Хутталя — 20 ли в окружности. В то же время окружность таких городов, как Маймург, Кеш, Иштыхан, Касан, Тараз, была в пределах 2—8 ли [402, р. 36—40]. Согласно археологическим данным, выявленная площадь некоторых северо-тохаристанских городов следующая: Чаганиан — около 50 га, Термез — 20 га, Навандак-тепе более 20 га, Каттатепе — около 20 га, Кафыр-кала — 16 га, Шуроб-Курган более 15 га, тогда как Бухары — 35 га, Пайкенда — 20 га, Варахши — 19 га, Кафыр-калы около Самарканда — 16 га, Пенджикента — 13—14 га [42, с. 6].

Эти данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития городов в Северном Тохаристане в раннее средневековье.

Арабское завоевание Средней Азии, положившее начало новому историческому периоду, первоначально отрицательно сказалось на судьбах населенных пунктов Северного Тохаристана.

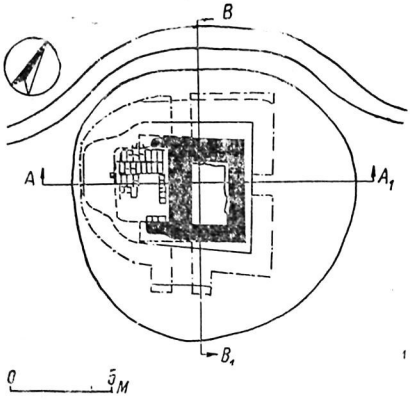
По археологическим данным, многие раннесредневековые поселения, в особенности отдельные замки и усадьбы, приходят в окончательное запустение во второй половине VIII в. н. э.; следы некоторого обживания на них фиксируются в X — первой половине XI в. [6]. Так, из 70 раннесредневековых поселений Чаганиана около половины не имеют следов обживания в развитом средневековье. Не исключено, что помимо арабских завоеваний известную роль в этом сыграли и внутриполитические события, в частности восстания и междоусобные войны. Известно, к примеру, что в 775/76 гг. полководец Мукканы Сарихама в отместку за пособничество чаганхудата арабам, совершил опустошительный поход в Чаганиан и в течение месяца грабил его селения [121, с. 123]. Возрождение и создание многих населенных пунктов приходятся уже на последующие столетия.

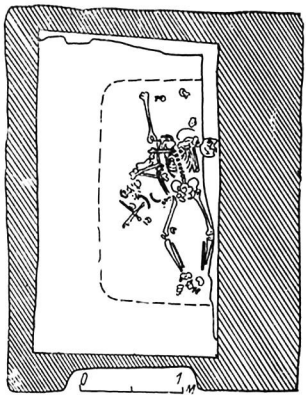
Культура раннего средневековья

Культовую идеологию Северного Тохаристана V—VIII вв. характеризует соперничество разных вероисповеданий, которое не принесло преимущества ни одному из них и тем самым облегчило в дальнейшем идейную победу ислама.

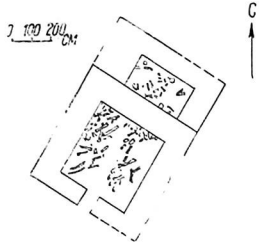
Раннесредневековые погребальные памятники:

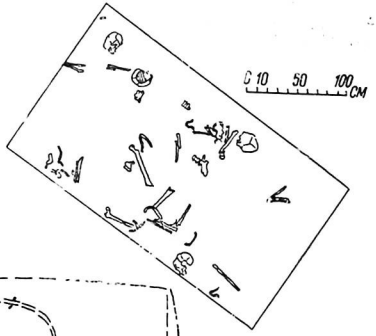
1—2 — наусы, Шуроб-Курган; *3* — керамический саркофаг, Каратепе у Шурчи.



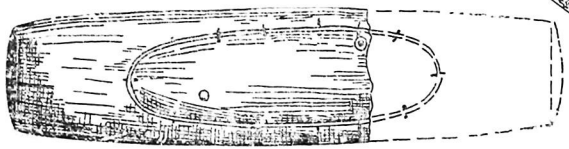


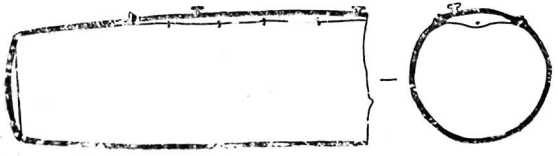
1





2





Согласно отрывочным сведениям письменных источников, данным археологии и нумизматики, население Тохаристана исповедовало буддизм, зороастризм, манихейство, христианство. По сообщению Сюань-Цзяна, в начале VII в. в Термезе было около десяти буддийских монастырей (сангарама) и тысяча монахов, ступа и почитаемые изображения Будды. В Чаганиане, соответственно, было пять монастырей с небольшим числом монахов, в Шумане и Хавамаране — два монастыря, в Кобадиане — три [402, с. 39—41]. Китайский путешественник VIII в. Хой Чао описывает, что в Тохаристане «царь и знать и народ» исповедовали буддизм. Археологические данные подтверждают эти сведения: в Северо-Восточном Тохаристане открыты монастырь Аджинатепе, святилища Калан Кафирниган и Кафыр-кала [155; 159; 165], где пышное оформление скульптурой и живописью было призвано привлечь местных адептов и дальних паломников. Следы буддийских сооружений отмечены и в других местах: так, в Чаганиане обнаружены остатки монументальной ступы Чор-Дингак [21, с. 126—127], при раскопках замка Зангтепе и на Кафыр-кале выявлены фрагменты буддийских текстов, в том числе «Винайя» — правила поведения для *монахов и мирян-буддистов* [165, с. 88—89]. По-прежнему исповедовался зороастризм в его местном варианте, поскольку даже в эпоху ислама при Саманидах здесь отмечались антимусульманские движения, ориентированные на древнюю веру. По зороастрийскому обряду сохранения костных останков осуществлялись погребения в наусах Шуроб-Кургана, исследуемых УзИСКЭ, и хумные захоронения в Кафыр-кале [358, с. 157]. О приверженности к зороастризму свидетельствуют и данные нумизматики: на многих монетах северотохаристанского чекана V—VIII вв. изображен алтарь со стоящими по обе стороны охранителями-фравашами или жрецами, причем это не простая имитация сасанидского чекана, но подтверждение приверженности местных правителей зороастризму. Очевидно, значительное место здесь принадлежало и манихейству. Известно, что главой посольства правителя Чаганиана в Китай в 719 г. был манихей, носивший титул «великий учитель» [40. с. 14].

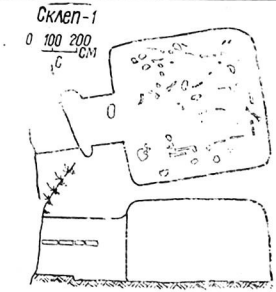
Имели место и локальные народные культы. Так, по данным китайских источников, в Тохаристане почитался культ божественного коня [47, с. 321].

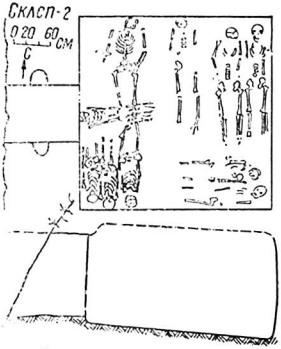
Многообразие религиозных верований в Северном Тохаристане нашло отражение в погребальных сооружениях и обрядах. Здесь отмечены единичные склепы, выбитые в песчанике, в лессе (Биттепе, Джулысай) или на крепостных стенах (Дальверзинтепе), прямоугольные одиночные (Шуроб-Курган) или многокамерные наусы (Курган), оссуарии (Иттифак), захоронения в хумах (Кафыркала) и керамических саркофагах (Каратепе), грунтовые могильники (Харкуш), курганные захоронения (Байтудашт, Ляхш I—II) [314; 358]. Некоторые из них (наусы, хумные захоронения) продолжают погребальные традиции, свойственные Северной Бактрии кушанского времени, другие отличаются ранее не свойственными этой области погребальными сооружениями и обрядами. Таковы в частности керамические саркофаги, зафиксированные в могильнике Каратепе. Не исключено, что они представляли собой позднюю трансформацию керамических гробов парфянского типа, отмеченных в кушанское время в ряде могильников Северной Бактрии [163, с. 138—150].

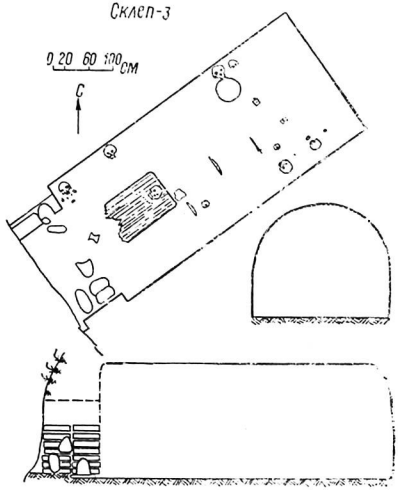
Возможна, однако, и иная генетическая линия связей. В некрополе Старого Мерва имеются керамические цилиндры, в которых *лежали костяки без всякого инвентаря* [227, с. 174]. По своей форме погребальные цилиндры, отличаясь рядом деталей, определенно близки «саркофагам» из Каратепе, возможно, представляющим собой более совершенную форму подобного типа погребальных памятников. Отмечено, что погребения из Мерва весьма похожи на христианские захоронения в цилиндрических сосудах в некрополе Сфакса и Северной Африке [227, с. 107].

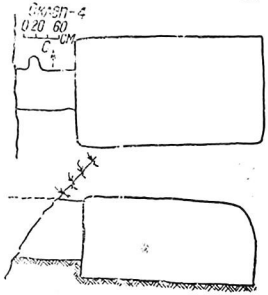
Вопрос о культовой принадлежности некрополя в Каратепе остается открытым. Распространение христианства в раннесредневековом *Тохаристане подтверждается* сведениями письменных источников [227, с. 123—124]. Вместе с тем, устойчивость погребальных традиций в Северном Тохаристане подтверждается отсутствием, как и прежде, оссуариев (за исключением оссуария с согдийской надписью из могильника Иттифак), широко распространенных почти по всей Средней Азии в раннее средневековье.

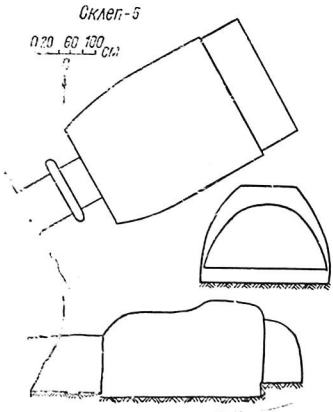
Раннесредневековые погребальные памятники. Склепы Биттепе.

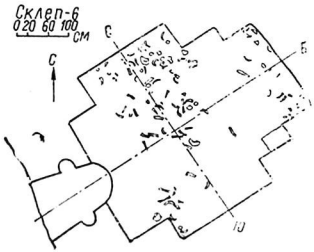

Склеп-1
0 100 200 см
С


Склеп-2
0 20 60 см
С


Склеп-3
0 20 60 100 см
С


Склеп-4
0 20 60 см
С


Склеп-5
0 20 60 100 см
С


Склеп-6
0 20 60 100 см
С
С
Б
Б

Однако по сравнению с кушанским временем заметно уменьшается количество памятников, связанных с вторичными захоронениями. Во многих могильниках господствует единый способ трупоположения на спине. Эти изменения были вызваны не только внешними факторами — вторжением новых этнических элементов, но и какими-то внутренними трансформациями культа.

Можно отметить и определенную общность в погребальной практике Северного Тохаристана и других областей Средней Азии. Так, согдийские наусы по своей архитектурно-планировочной композиции идентичны однокамерным наусам Северной Бактрии кушанского времени. Отсутствие более ранних аналогий в Согде позволяет считать, что истоки согдийских наусов следует искать в бактрийских наземных погребальных сооружениях. По-видимому, через Согд архитектурный тип однокамерной и многокамерной наземной постройки (в истоках своих бактрийского генезиса) проникает в Чач [53, с. 11—80], Южный Казахстан [172, с. 98—114] и Семиречье [69, с. 36—37], а также, возможно, и в Хорезм [286, с. 98—114], где мог наблюдаться и самостоятельный генезис этого типа сооружений, и его непосредственное проникновение по Амударье, издревле связывающей Хорезм и Бактрию.

Можно наметить и еще одну линию генетических связей в погребальной архитектуре юга Средней Азии и ее более северных областей. В Северном Тохаристане (Биттепе) и Уструшане (Курукат) раскопаны некрополи, камеры которых выбиты в скальной породе на значительной высоте [218, с. 570—571; 219, с. 579—580; 314, с. 194—210]. Общее их сходство очевидно, но, вместе с тем, имеются и определенные различия. Для склепов Биттепе характерно разнообразие планировочных композиций: прямоугольные, квадратные, крестовидные, прямоугольные с нишей в задней торцовой стене, тогда как в Курукате преобладает, в основном, последний тип склепов и отсутствуют арочные входы-дромосы, характерные для Биттепе. Различен способ захоронения: в Курукате — массовые захоронения предварительно очищенных костей, погребений в хумах и оссуариях; в Биттепе — только трупоположение на спине. Определенные различия имеются и в составе погребального инвентаря — более разнообразного в Курукатском могильнике, где, однако, монетные находки малочисленны, в то время как в Биттепе они встречаются в каждом склепе. В Биттепе, за исключением одного склепа, нет керамики, широко представленной в Курукатском могильнике.

В погребальном обряде могильников Северного Тохаристана в сравнении с предшествующим временем примечательно полное или почти полное отсутствие керамических сосудов. Можно было бы предположить, что здесь их заменили деревянные сосуды, но таковых также нет, что, кстати сказать, не может быть объяснено плохой сохранностью дерева — в могильнике Биттепе прекрасно сохранилась маленькая коробочка-пиксида. Таким образом, отсутствие в могилах сосудов с пищей и напитками связано, скорее всего, с какими-то изменениями в погребальном культе. Душа по пути в загробный мир больше не нуждается в пище — так можно сформулировать изменения в представлениях жителей Северного Тохаристана, где, начиная с эпохи бронзы, был обычай установки в могиле многочисленных сосудов с жертвенной мясной пищей. Вместе с тем в некоторых могилах (Дальверзин, Биттепе) положены зерна различных злаков, следовательно, происходит отказ не вообще от пищи, а в первую очередь от мясной. В этой связи следует обратить внимание на то, что запрет мясной пищи являлся одним из главных предписаний манихейской религии, все служители и приверженцы которой должны были питаться только растительной едой [40, с. 75; 95, с. 301—302].

Погребальные обряды манихеев мало исследованы. Не исключено, что одним из способов захоронения у них было трупоположение. Это вытекает из анализа отрывка парфянского текста о смерти Мани: «Апостол света снял нательные боевые доспехи и восел на корабль света и воспринял божественное одеяние, диадему света, прекрасный венец, и с великой радостью, вместе с божествами света, которые сопровождали (его) справа и слева, при (звуках) чанга и радостной песни полетел с божественной мощью, словно молния быстрая и видение блестящее, спеша к Столпу восхода света в Лунносфере, к месту божественного сборища и остался у отца Ормузда-бога» [48а, с. 216].

Представляется, что у манихеев не существовало какого-то канонически утвержденного погребального обряда. Во всяком случае в

тех областях Средней Азии и Восточного Туркестана, где укрепилась манихейская религия, ее адепты приспосабливались к уже существующей в данных областях погребальной практике, несколько изменяя ее в соответствии с требованиями этой религии, а вновь обращенные неофиты привносили в погребальную обрядность черты местных, издавна существовавших здесь обычаев и верований.

В погребальном обряде раннесредневекового Тохаристана, наряду с определенными нововведениями, проступают черты более древних погребальных обычаев. Это касается, в частности, обычая класть в могилу, в рот или руку погребенного или рядом с ним монету. Кстати сказать, во всех могильниках этого времени (Биттепе, Дальверзинтепе, Иттифак, Курган, Харгуш, Фаязтепе) найдено немало монет.

Генетические корни обряда «плата Харона», его разнообразные аспекты и ареал распространения в Средней Азии и сопредельных странах подробно исследованы Б. А. Литвинским [164, с. 156—157, 160—161]. Он вскрыл конкретное содержание обычая помещения монеты в могилу, отметив несколько важнейших мифологем: монета-оберег, наделенная особой ритуальной силой против порчи трупа; монета — средство приобретения пищи для загробного странствия; монета — дар, предназначенный владыке подземного мира с целью облегчения участи души покойного, и, наконец, монета — плата за перевоз через мистическую реку, отделявшую мир живых от загробного мира. Б. А. Литвинский полагает, что вкладывание монеты в рот или руку покойника в Бактрии соотносилось в какой-то мере с местными представлениями о передвижении души от места смерти до загробного мира, о преодолении ею водного потока.

Разделяя в целом эти выводы, следует отметить, что нахождение монеты во рту или руке покойного в общем-то редкое явление для кушанской Бактрии, но более распространенное в раннесредневековом Тохаристане [308; 314]. Гораздо чаще встречается помещение монет в могилу вне тела покойного [308]. В этом случае монеты, как и другой погребальный инвентарь, можно рассматривать в качестве обычной вещи, необходимой покойному для существования в загробном мире, ибо душа в нем живет совершенно такой же жизнью, как и на земле [388, с. 145]. Не исключено и толкование обычая помещения в могилу своего рода платы, которой живущие откупаются от мертвого, дабы душа его не беспокоила их. Различные формы проявления этого представления широко распространены у многих народов мира. В некоторых погребениях Биттепе монеты найдены на месте сердца — явный параллелизм бытующему у некоторых народов обычаю класть на сердце камень, чтобы воспрепятствовать выходу покойника из могилы [388, с. 131].

Таким образом, смысловое значение обряда помещения монеты в погребение у жителей раннесредневекового Тохаристана могло быть самым разнообразным. Важно, что этот обычай указывает на преемственность погребальной обрядности античной Бактрии и раннесредневекового Тохаристана. Об этом же свидетельствует и сохранившийся обычай помещения в могилу вещей, иногда в большом количестве. Набор предметов, за исключением керамики, фактически тот же, что и прежде: серьги, бусы, браслеты, перстни, кольца, ножи, иглы, наконечники стрел, пряжки, монеты. Реже встречается обычай помещения в могилу нарочито сломанных зеркал (Биттепе, Шуроб-Курган), отсутствует оружие. Все это в совокупности составляет комплекс преемственности не только культурной, но и, вероятно, этнической.

С конца VI — начала VII в. на территорию Северного Тохаристана начинают проникать тюркские племена, чьи погребения, однако, пока почти не выявлены. К таковым, вероятно, относится некрополь VI—VII вв. около к. Ляйляган, состоящий из каменных оградок, в которых совершалось трупосожжение [92, с. 76]. Не исключено также, что со временем тюрки воспринимают местный погребальный обряд, привнося в него свои отдельные элементы. Первое предположение кажется нам более вероятным, поскольку специфических тюркских элементов в погребальной обрядности оседлого населения Северного Тохаристана пока не выявлено. Любопытна находка в одном из склепов Биттепе глиняной головки идола со схематически намеченными чертами лица. Для кушанской Бактрии находки изображений идолов редки (Дальверзин, Шахри-Бану, Тепан-шах и Бараттепе). Их появление связывают с проникновением в Бактрию юечжийских племен и элементов северных степных культур [277, с. 67; 163, с. 52—63]. Имеется также и другая группа идольчиков — примитивно выполненных статуэток всадников, в которых запечатлены отражение

культа обожествленного предка, образ героизированного всадника [250, с. 248—252]. Иконографические особенности биттепинской находки — пока единственной в могильниках раннесредневекового Тохаристана — тяготеют к раннесредневековым глиняным идолам из Кайрагача (Фергана) [49, с. 100, рис. 1]. Еще бóльшие черты сходства с последними имеет найденная вблизи Джаркургана на городище Актепе и хранящаяся в Сурхандарьинском областном краеведческом музее довольно крупная глиняная голова идола с хорошо проработанными черной и красной красками чертами шаровидного лица и налепной косицей. Очевидно, таким образом, внедрение в культовую идеологию Северного Тохаристана верований, связанных с идолопоклонством.

Домусульманские погребальные обряды продолжали бытовать вплоть до начала IX в., судя по наиболее позднему хронологическому рубежу существования Биттепинского могильника.

Проникновение в эту область арабских племен, военные походы арабов, принятие местным населением ислама с переходом его к мусульманскому погребальному обряду — акты далеко не однозначные, хронологически не совпадающие. Северный Тохаристан стал подвергаться нашествию арабских войск уже во второй половине VII в., они продолжались и в течение первой половины VIII в. Но ислам не завоевал сразу твердых позиций. Вплоть до последней четверти VIII в. здесь сохранялись местные религии, противоборствующие исламу, а в широкой народной среде продолжали бытовать старые погребальные обряды.

Раннесредневековая духовная культура Северного Тохаристана предстает в памятниках местной письменности. Согласно Сюань-Цзяню, посетившему Тохаристан в 30-е годы VII в., его жители имели письменность на основе 25 букв, писали поперек страницы и читали слева направо [402, с. 37—38]. Очевидно, он имел в виду бактрийскую письменность греческого происхождения [363, с. 316].

Немногочисленные сведения исторических источников дополняют нумизматические и эпиграфические данные, свидетельствующие о бытовании здесь различных систем письменности. Среди них бактрийская по-прежнему занимала ведущее место в ряде областей Северного Тохаристана и в особенности в Чагании, что подтверждается, в частности, монетными легендами с именами и титулатурой правителей, переданными развитым бактрийским курсивом. Показательно также, что рядом с согдийской надписью из 16 строк на стенных росписях дворца в Афрасиабе, повествующей о чаганианском посольстве в Самарканд, расположены две строки курсивным бактрийским письмом, которое В. А. Лившиц считает образцом официальной письменности Чагании [140, с. 52—54]. Судя по монетным данным, она бытовала там до конца VIII в. Нумизматические данные свидетельствуют, что бактрийская письменность применялась в Гуфтане, Вахше и округе Термеза, где на Зангтепе найден остракон с шестистрочной курсивной надписью тем же письмом [140, с. 73—74]. Бактрийская курсивная надпись буддийского содержания, нанесенная черной краской на штукатурку, обнаружена при раскопках дворца на Кафыр-кале [166, с. 144].

Определенное распространение в Северном Тохаристане получает согдийское письмо. Наиболее ранние его образцы — краткие легенды-надчеканы, передающие согдийский титул xwβ, отмечены на чаганианских подражаниях монетам Пероза конца V—начала VI в. [316, с. 121—130]. Его распространение здесь связано, вероятно, с включением Согда в это время в состав государства эфталитов. В последующее время, однако, в Северо-Западном Тохаристане монеты с согдийской легендой уже не выпускаются. Видимо, более широкое распространение получает согдийская письменность в Северо-Восточном Тохаристане, в частности, в области Вахш в VII — первой половине VIII в. выпускались бронзовые монеты с согдийской легендой [86, с 47].

В буддийской среде в Северном Тохаристане применялся индийский брахми. В Зангтепе найдены остатки 12 санскритских рукописей V—VIII вв., одна из которых содержит отрывок из «Винайи». Фрагменты рукописей VII—VIII вв. на брахми обнаружены также на Кафыр-кале. Однако, по заключению М. И. Воробьевой-Десятовской, индийским письменностям, найденным в Средней Азии, не следует придавать широкого значения, поскольку они использовались только в буддийских монастырях [64, с. 89].

В последнее столетие эпохи раннего средневековья в Северном Тохаристане распространяется арабское письмо. Глиняные черепки с ранними куфическими надписями найдены на Каттатепе [14, с. 48—49], Кулялтепе [306,

с. 465], цитадели Старого Термеза, в Кафыркале [166, с. 144]. Содержание надписей различно: коранические тексты, хозяйственные записи, письмо или деловое распоряжение. В это же время в Северном Тохаристане (Саганиан, Термез) на медных монетах появляются арабские легенды.

Определенное распространение имела здесь и пехлевийская письменность, судя по сасанидским монетам V—VII вв. и более ранним ее памятникам, каковы остраки из Дальверзинтепе и граффити из Каратепе III—IV вв.

В упомянутой согдийской надписи из Афраснаба чаганианский посол Пукар-заде носит титул «начальник канцелярии писцов» — дапирпат [10, с. 67]. Следовательно, в Чаганиане существовала писцовая школа, так же, как, видимо, и в других областях Северного Тохаристана.

Литературных произведений здесь пока не найдено, но существование их не подлежит сомнению. Согласно Сюань-Цзяню, литература тохаристанцев «постепенно увеличивается и по объему превосходит то, что есть в Согде» [402, p. 36].

Косвенные данные позволяют судить, что в Тохаристане по-прежнему процветало музыкальное искусство. При раскопках Балалыктепе найдены фрагменты лютни. На «Строгановской чаше» Эрмитажа представлены обезьяны-музыканты, одна из них с двусторонним барабанчиком, другая — с горизонтальной флейтой. В Китае времени династии Тан пребывали «западные» музыканты — преимущественно флейтисты из согдийских и тюркских областей, а также из припамирской области Кумед [390, с. 93]. Из Согда и Кумеда поступали в качестве даров ко дворам императоров искусные танцовщицы, «девы с запада, крутящиеся в вихре» [390, с. 85], чьи танцы, несомненно, исполнялись под привычный для них музыкальный аккомпанемент.

Значительно полнее для времени раннего средневековья представлены зодчество, изобразительные и прикладные искусства Северного Тохаристана. Археологические исследования сыграли в этом неоценимую роль.

Закат античности и начальная фаза средневековья ознаменованы в Тохаристане, как и во всей Средней Азии, нарастающими изменениями в области художественной культуры. Искусство нередко раньше четко определившихся социальных перемен выражает новые общественные идеи, которым, однако, было суждено прочно закрепиться лишь позднее. Развиваясь по своим законам, оно чутко реагирует на то, что пока лишь вызревает в социальной и политической сферах. Таким переходным периодом между античностью и ранним средневековьем стали для Тохаристана IV—V вв. Военные действия и захват этой области вначале иранскими сасанидами, а затем пришедшими с северо-востока эфталитами определили спад многих сторон общественного бытия — захирение городов, нарушение ирригации и земледелия, упадок общественного бытия. Эти большие общественные потрясения наложили отпечаток на культуру, в которой вызревали новые черты.

Монументальная архитектура по отношению к античному периоду отмечена определенным прогрессом строительной техники [225, гл. IV]. Она во многом связана как с разработкой новых типов сооружений, так и со стремлением к экономичности конструкций. В кладках стен преобладает пахса (пластами и блоками), но применяется и сырцовый кирпич. При этом повсеместно наблюдается переход к сырцу прямоугольного формата, который лучше квадратного обеспечивал перевязку швов. Широкое распространение получают сводчатые перекрытия. В прямоугольных помещениях это своды отрезками, которые предстают в ряде вариантов и выводятся без кружал. Это давало большую экономию строительного леса. Своды обычно повышенно-коробового очертания, с трех или четырехцентровым построением кривой путем натяжения закрепленной веревки — свидетельство владения строителями приемами практической геометрии. Образцы таких сводов дают постройки Тешиктепе, Джумаляктепе, Кафыр-калы, Аджинатепе. Дверные проемы, как правило, перекрыты арками. Разнообразны приемы их выведения: сырцовый кирпич, поставленный радиально-тычком, радиально-ложком, радиально в один или два ряда плашмя, с уточнением овальной формы толстым слоем глиняного раствора.

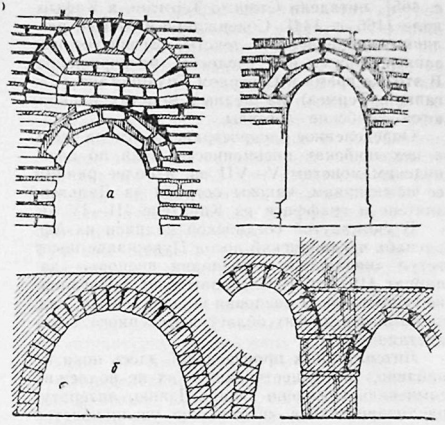
Существенным достижением строительной техники является выведение в квадратных помещениях сырцовых куполов. Конструкция угловых тромпов полуконической или перспективно-ступенчатой кладки осуществляла переход от квадратного плана к восьмиграннику, в который органически вписывалось кольцевое основание купола. Тромпы помога-

ли также решать задачу пересечения коробовых сводов, например, во встречных коридорах. Купола выводились кольцевыми рядами, без кружал.

Тохаристанские сводчатые и купольные конструкции данного времени аналогичны, но далеко не всегда идентичны тем, что были разработаны и применялись в средневосточном регионе повсеместно — от Ирана до Шаша и Хорезма.

Вместе с тем, здесь сохраняют свое значение и деревянные конструкции, но не столько в монументальной, сколько в массовой архитектуре, где дерево применялось для колонн, балочных перекрытий, в глино-каркасных конструкциях стен. Оно играло роль и в архитектурном декоре — искусной резьбе на балках, колоннах и облицовочных досках.

В жилищной архитектуре Северного Тохаристана выявлены дома горожан и сельского



Сводчатые конструкции:

а — арки Занггепе; *б* — своды Джумаляктепе; *в* — своды Аджинатепе.

населения, вскрыт один дворец, но преобладали в эту пору в монументальном строительстве усадьбы и замки-кешки феодальных владетелей.

На цитадели Кафыр-кала был раскопан комплекс дворцовых строений, располагавшихся в ее северо-восточной части [165, с. 16, сл.]. Он образует квадрат (42×42 м), его юго-западную четверть занимал двор со входом с угла. Остальное пространство заполняет компактная застройка помещениями разного рода. Вдоль двух крепостных стен здесь тянулись коридоры. На протяжении VI—VIII вв. установлены два основных периода строительства и последующих ремонтов с повышением полов, пристройкой стен, некоторыми изменениями плана, в частности, преобразованием обводных коридоров в анфилады небольших или длинных комнат.

Разбивка плана выполнена очень профессионально, со строгим соблюдением параллельности стен, но какого-либо единого планировочного замысла здесь нет: назначение помещений диктовало их размеры и взаимоотношения в плане. В нем выделяются три обширных зала, обведенных суфами. Учитывая пролеты (до 11 м), можно предполагать, что в них имелись деревянные колонны, со временем истлевшие или унесенные. Смежны с этими залами несколько квадратных или прямоугольных комнат. Они также с суфами, указывающими на их повседневное практическое использование. Выделяется помещение, круглое в плане и перекрытое куполом, а снаружи — в квадратном охвате стен. В юго-восточном углу комплекса располагалась небольшая буддийская часовня с квадратным святилищем в обводе коридора, вход в который вел со стороны двора.

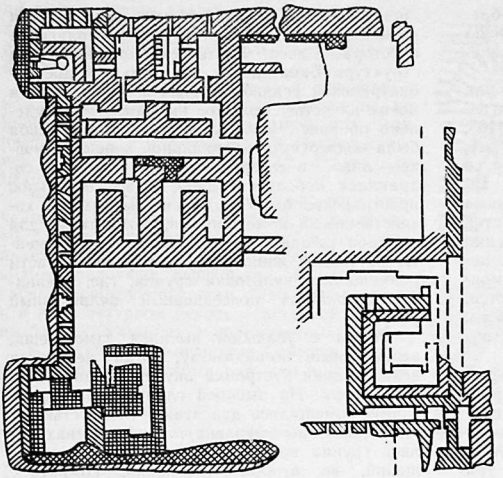
Расположение комплекса в цитадели, но главное — сама архитектура — свидетельствуют, что это был дворец административно-официального характера. В нем нет пышно убранных пиршественных залов, нет большого числа жилых помещений, но устроена буддийская кумирня для служилого люда. Что касается дворцовой резиденции правителя области, то ее, очевидно, еще следует искать на городище.

Образцом крупной усадьбы за стенами античного городища является Бабатепе в Шерабадском районе. Квадратное пространство (55×55 м) было охвачено пахсовой стеной двухметровой толщины, вдоль нее тянулись коридоры с квадратными помещениями по центру и на углах, а внутри располагался просторный двор. Фактически планировочная структура Бабатепе та же, что и у древнебактрийской усадьбы Кызылча-6, но уже в новом качестве. Большое внимание здесь уделено обороне. Через какое-то время усадьба была подвергнута радикальной перепланировке — лишь в северо-восточной четверти сохранился небольшой двор, а все остальное пространство было застроено жилыми и хозяйственными помещениями, комнатами для приемов (в одной из них оказались фрагменты настенной живописи), а в угловой части размещалась культовая группа, где, очевидно, свершался повседневный религиозный ритуал.

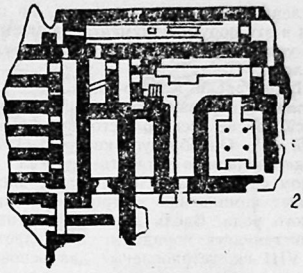
Рядом с усадьбой высился замок-кешк, возведенный, по-видимому, тогда же, когда велась новая застройка внутри первоначального двора. На высокой глинобитной платформе помещались два этажа (полностью их планировка не выявлена): в первом находилась группа продолговатых сводчатых помещений, во втором — возможно, комната с плоской кровлей, использовавшаяся в теплое время года в бытовых целях, а также в качестве дозорного пункта.

Кешков в этот период в Тохаристане было немало — некоторые из них, вскрытые археологами, дают представление о планировке и объемно-пространственной композиции. Они основывались на высоких 4—5-метровых платформах, для которых иногда использовались пришедшие в упадок античные строения, выравненные вверху и обложенные пахсовыми блоками по периметру, но чаще платформы создавались заново путем выведения мощного глиняного массива в пахсовом футляре. Эти высокие платформы, так же, как и глухие стены возведенного на них сооружения, обеспечивали безопасность обитателей в случае нападения или осады.

Обычно кешкам присущ прямоугольный план, правильная разбивка стен, но какого-либо единства планировочной идеи нет — в каждом свое сочетание помещений, несущих определенные практические функции. Они образуют группы, объединенные обводными или сквозными коридорами. Так, замок Джумаляктепе в Ангорском районе УзССР [225, с. 190, сл.] подразделен узким коридором на свиту жилых и подсобно-бытовых комнат и комплекс более парадных помещений, где

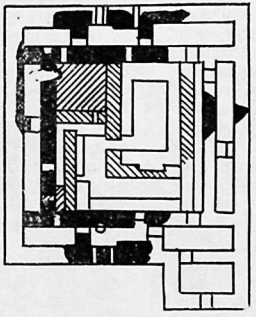


1

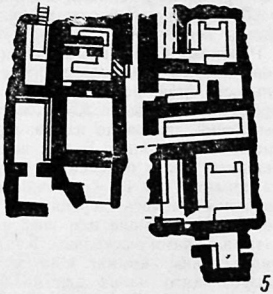


2

3



4



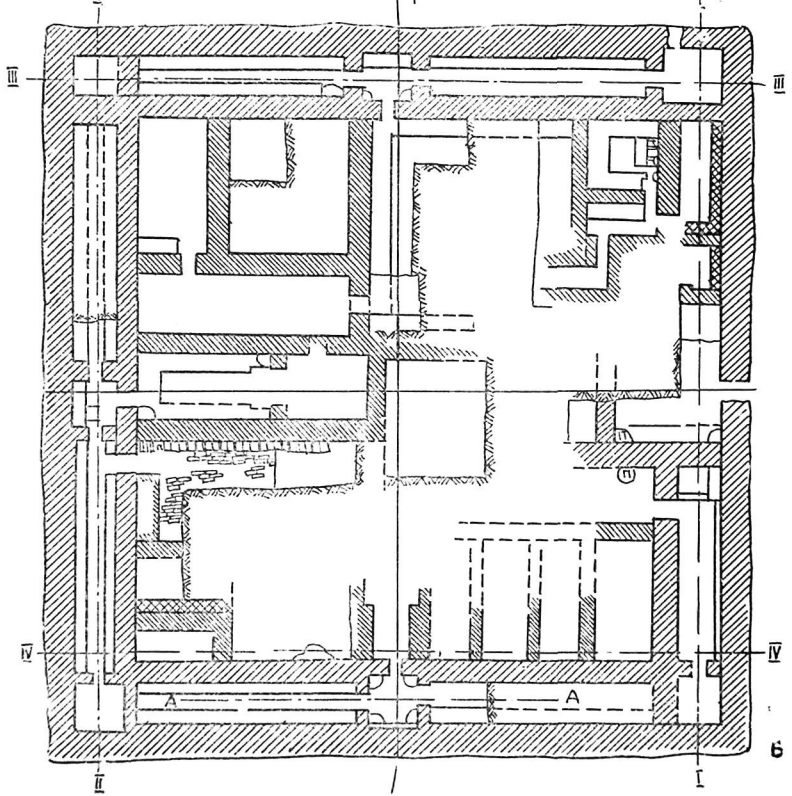
5

выделяется обширный четырехколонный зал, обведенный суфами, очевидно, служивший гостиной-михмонханой. Построение замка восходит к V в., но в какой-то смутный период он подвергся пожару, был разрушен и много позднее восстановлен со значительным повышением уровня полов и уже по новому плану.

Детально изучен расположенный неподалеку замок Балалыктепе [6, с. 61, сл.; 225, с. 154, сл.]. В литературе он фигурирует как «усадьба», но, по существу, это изолированный, приподнятый на очень высокой платформе кешк. Здание насчитывает три строительных периода, из которых первоначальный восходит еще к IV—V вв., когда оно выпол-

няло функции прежде всего оборонительные*. На высокой платформе были возведены кре-

* Л. И. Альбаум вначале относил датировку первого строительного периода Балалыктепе к V в., обосновывая это материалами заложенного им стратиграфического шурфа на Хайрабадтепе и аналогичным материалом оттуда, относившимся им к этому времени [6, с. 80]. Дальнейшее исследование Хайрабадтепе показало, что это крупный город, процветавший в кушанское время, верхний и кроющий слои которого — не позднее IV — начала V в., после чего при эфталитах он был окончательно заброшен [101, с. 34]. Соответственно, изначальная дата Балалыктепе может быть отнесена к позднеантичному (кушано-сасанидскому) времени,



Жилая архитектура раннего средневековья:

1 — Зангтепе; *2* — Хайрабадтепе; *3* — Чаянтепе; *4* — Балалыктепе; *5* — Яхшибайтепе; *6* — Бабатепе.

постные стены с бойницами, вдоль них — продолговатые помещения, охватывающие внутренний двор. Фактически это та же система, что и в первоначальном плане Бабатепе. Вход здесь располагался с угла, откуда к противоположному возвышению (ныне представляющему глиняный оплыв) перебрасывался подъемный мост.

В VI—VII вв. здание претерпело два периода строительных преобразований, восходящих ко времени раннего средневековья. Вначале на территории былого двора было возведено множество различных помещений. Одно из них, с алтарем посередине, играло роль домашней молельни, другое — квадратное в плане и обведенное суфами — служило гостиной-михмонханой, все четыре стены которой украшало живописное изображение пиршества. Однако с каким-то смутным периодом связано запустение кешка. Лишь по прошествии некоторого времени его обживают вновь. При этом, наряду с текущими ремонтами отдельных участков, зал с росписями забутовывают и он превращается в монолитный массив.

Аналогичный процесс претерпел замок Зангтепе, расположенный в том же районе [7, с. 73, сл.; 8, с. 97, сл.; 225, с. 163, сл.]. Его основание датируется V в., а может быть, и несколько более ранним временем, поскольку в кладках использован и квадратный, и прямоугольный кирпич.

План характеризует четкость архитектурной композиции. Массив квадратной платформы (60×60 м) со скошенными гранями высотою 5 м возник на основе более древнего сооружения. На платформе было возведено квадратное строение (40×40 м) с гладкими стенами, фланкированными выступающими квадратными башнями. Стены эти пронизаны бойницами, с севера и запада тянется коридор, дававший доступ к двум башням. В двух углах внутреннего двора располагалось по одному обширному помещению. Первоначальная функция Зангтепе, возникшего в неспокойную эпоху военных действий, была в основном оборонная. Но к VI в. осуществляется перестройка. В северо-западном углу возводится архитектурный массив, включавший две группы комнат, разделенных коридором, а в юго-восточном углу появляется обкладка стен основного помещения и обводящий его коридор, причем и то, и другое с суфами, указывающими на их повседневное использование обитателями. Здание функционировало вплоть до арабского завоевания, затем было покинуто и лишь частично использовано в XI—XII вв.

Что касается типа жилых домов, то они были отличны в городах и в сельской зоне.

На городище Кафыр-кала был частично вскрыт один из домов состоятельного домовладельца [166, с. 12, сл.]. В нем выявлено семь помещений, в числе которых вестибюль, парадный зал-михмонхана и отделенные от него коридором прямоугольные комнаты хозяйственного назначения. Михмонхана — продолговатая в плане (17×7 м), с трех сторон обведена суфами, причем на противоположной от входа торцевой стене устроена глубокая прямоугольная ниша, фланкированная на углах трехчетвертными колоннами. Последние явно имитируют формы деревянных колонн: кубовидная база, на ней шар-кузаги и утончающийся кверху ствол. Капитель не сохранилась, но по аналогии с такого же рода декоративной колонкой одного из помещений цитадели можно полагать, что она, очевидно, раструбообразно расширялась и была отделена от ствола валиком-перехватом. Напротив арочного входа в зал выявлены остатки квадратного основания базы и четырехлопастного глиняного ствола — это, несомненно, не несущая колонна, но устой, вероятно, алтаря для свершения перед ним молитвы или выражения знаков почитания. При раскопках были обнаружены фрагменты орнаментальной настенной росписи. Дом подвергался ремонту, в результате чего был несколько повышен пол, устроены суфы и нанесена упомянутая роспись.

Сельские дома VI—VII вв. не знают такой высокоорганизованной архитектуры, как городские. Так, два разделенных проулком дома на поселении Яхшибайтепе (на среднем течении Сурхандарьи) лишены какой-либо четко организованной планировочной системы, разбивка помещений бытового назначения, обведенных суфами, небрежна [225, с. 173, сл.]. То же можно сказать и о расположенном неподалеку Чаянтепе [225, с. 175, сл.]. Это многокомнатный дом на высокой платформе подпрямоугольного плана с продолговатыми помещениями жилого, складского, хозяйственно-бытового назначения по обе стороны узкого коридора, стены которых не всегда параллельны, углы не всегда прямые. По-видимому, в нем проживала небогатая, но

многолюдная патриархальная семья или семейная община.

Сложение жилых домов такого рода выполнялось местными малоквалифицированными строителями, которые умели выводить пахсовые или сырцовые стены, но слабо владели приемами строго геометрической разбивки плана. Дома эти лишены какого-либо декоративного оформления. Иное дело — упомянутые замки-кешки и крупные усадьбы типа Бабатепе. К возведению их привлекались знающие мастера, которые в зависимости от положения заказчика-феодала строили здания бо́льших или меньших масштабов, с четкой организацией плана и правильной его разбивкой на подготовленной платформе, иногда с применением пластического и живописного декора.

Новые тенденции отражены в культовой архитектуре Северного Тохаристана. Как было показано выше, судя по монетным изображениям, здесь преобладал зороастризм в его местном варианте. Отсутствие пока выявленных памятников этого культа может быть объяснено тем, что, как и в античное время, храмы огня были немногочисленны, вероятно, невелики по масштабам и располагались изолированно от густонаселенных пунктов. В противовес этому буддизм издавна учитывал высокое эмоциональное воздействие на души адептов искусства с его различными формами парадной архитектуры, скульптуры, живописи. И хотя крупные буддийские монастыри и храмы кушанского времени на Дальверзинтепе, Айртаме, Хатын-Рабаде, Термезе были в IV—V вв. покинуты (по свидетельству Сюань-Цзяня, в VII в. число буддийских общин в этом регионе было невелико), здесь возникает несколько новых буддийских комплексов, отмеченных мастерством композиций, парадностью форм, богатством пластического и живописного декора.

В числе этих памятников — храм Калаи-Кафирниган [155, с. 18, сл.; лит.], монастырь Аджинатепе [158; лит.] и уже упомянутое святилище в Кафыр-кале (все они в Вахшской долине), ступа близ Хазарбага в Денауском районе [21, с. 33].

Наиболее значительно по масштабам и общекомпозиционному решению здание Аджинатепе. Функционально и планировочно оно четко членится на две половины — храмовую и монастырскую. Общим в них является четырехайванная композиция внутреннего двора, вокруг которого распределены помещения, но уже иного состава, отвечающие назначению каждой половины. В храмовой группе все соподчинено обрядам и ритуалу их выполнения. В центре двора высится монументальная ступа на крестовидном постаменте. По периметру двор охватывает коридор, попасть в который можно было из айванов, в нем устроены ниши для культовых статуй или смежно следуют квадратные комнаты-святилища с помещенными в них небольшими ступами или статуями. Таким образом, здесь все было соподчинено тем торжественным процессиям, свершение которых, несомненно, вызывало у их участников высокий эмоциональный настрой.

В монастырской группе — также обводной коридор, но попасть в него можно было не только из айванов, но и из многочисленных проходов со двора. Коридор этот давал доступ к небольшим квадратным кельям, к крупному четырехколонному залу монастырских собраний, к небольшим внутримонастырским молельням, оформленным скульптурой, к каким-то длинным помещениям, скорее всего хозяйственного назначения.

Обращают на себя внимание продуманность планировки каждого отдела и точность разбивки этого значительного по масштабам сооружения. В его коридорах и в помещениях небольшого пролета широко использовались своды, входные проемы, как правило, арочные. Однако в помещениях более значительных применялись деревянные перекрытия, о чем свидетельствуют следы мощного пожара, после которого здание было подвергнуто капитальному ремонту. Каковыми были айваны — сводчатыми или также деревянными — окончательно не выяснено. Во всяком случае, в композиции Аджинатепе налицо преемственное развитие бактрийского архитектурного типа «двор в обводе коридора и помещений», новыми же являются айваны на осях двора. Им нет аналогов в планировке буддийских монастырей Гандхары или Хадды. Есть все основания усматривать здесь использование архитектурной идеи, пришедшей из западно-иранского мира — напомним парфянский дворец в Ашуре (II в.), сасанидский дворец в Фирузабаде (III в.).

Буддийский храм в Калаи-Кафирнигане располагался в комплексе с группой монастырских помещений, но именно он представляет наибольший интерес и своей архитекту-

рой, и остатками украшавшего его пластического и живописного декора. История его сооружения насчитывает три этапа. Первоначально была возведена подквадратная постройка центрического плана с четырьмя *проемами на осях и постаментом в центре*. Несколько позднее за ней возвели небольшую квадратную капеллу, перекрытую куполом, причем сдвиг осей свидетельствует, что между ними не предполагалось какой-то планировочной взаимосвязи. На третьем этапе формируется целостный комплекс: первоначальная постройка становится святилищем, при этом в ней закладывают два боковых проема, преобразуя один из них в ниши со статуями сидящего Будды. С трех сторон появляется обводной коридор. Вокруг капеллы, в свою очередь, возникает три связанных проемами помещения, и все это охватывает единая периметральная стена. Главный вход в храм был обращен на восток пятипролетным колонным портиком, через который можно было попасть и в святилище, и в коридоры. В центре располагался постамент, который на последнем этапе дополнили приступкой для размещения статуй. Датировка первых двух этапов восходит к V — началу VII вв., датировка третьего — к началу VII—VIII вв., именно в эту пору здесь появляются живопись и скульптура, заполнившие святилище, капеллу, коридоры. Сомнений в буддийском предназначении здания нет. А между тем, архитектурная композиция — не индобуддийского, но местного характера. В отношении первоначальной постройки центрического типа уже высказывалось предположение, что она, возможно, и не имела связи с буддийским культом. Система храма в обводе коридора была популярна в кушано-бактрийском и восточнопарфянском зодчестве, таковы храмы Сурх-Котала, Мансур-депе, дворцовый зал Нисы [257, с. 123, сл.]. Таким образом, налицо приспособление тохаристанской архитектурной типологии к функциям буддийского культа.

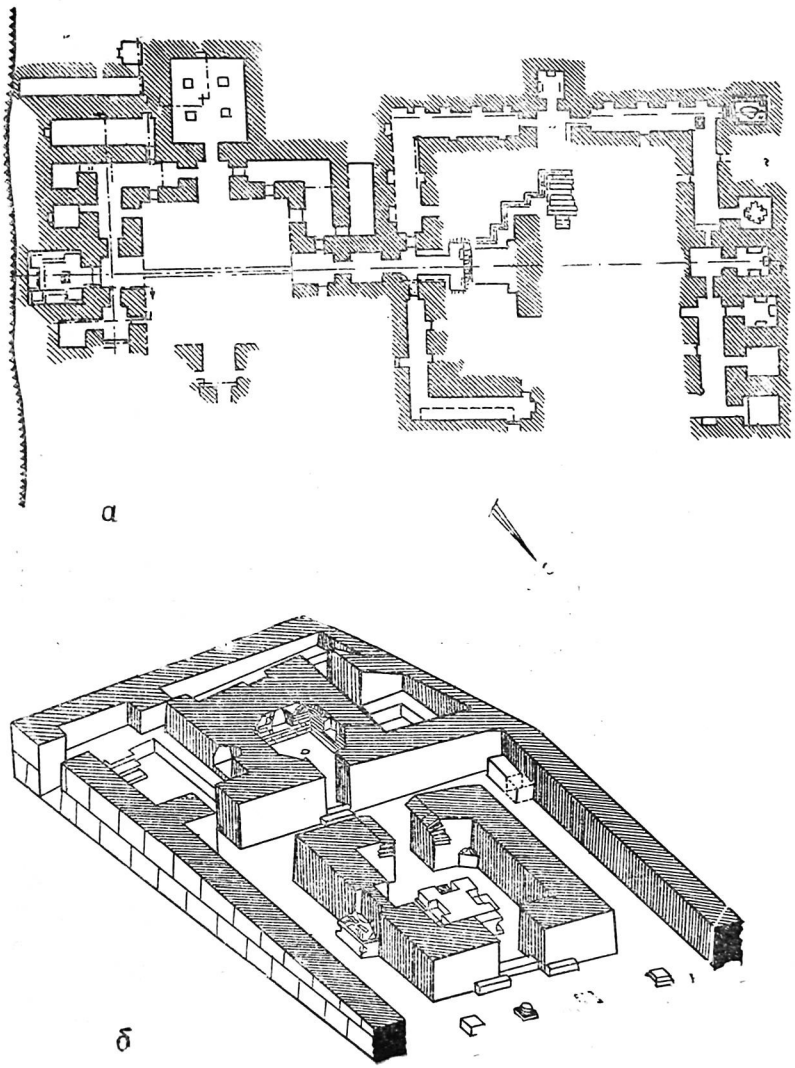
От ступы в Хазарбаге сохранились бесформенные руины. Проведенные здесь зачистки выявили остатки прямоугольного (но, может быть, и крестовидного) постамента, на котором возвышался сплошной массив. *Материал постройки — крупный прямоугольный сырец.*

Отмеченный на перечисленных памятниках некоторый подъем буддийского строительства в Северном Тохаристане в период, предшествующий арабскому завоеванию, вероятно, можно соотнести с ролью буддизма в главном центре всего Тохаристана, каковым был Балх. Известно, что в эту пору его правители из *рода Бармекидов осуществили здесь грандиозное* строительство Нау-Бехара (термин переводится по-ирански, как «Новая весна», но скорее это искажение названия «Новая вихара»), когда, по сведениям Ибн ал-Факиха, в Балхе сооружаются мощные ступы, богато убранные святилища и когда буддизм становится религией, поддерживавшейся могущественными Бармекидами [206, с. 151, сл.].

Пластическое оформление в зданиях светской архитектуры раннесредневекового Тохаристана — будь то дворец, замок, богатый жилой дом—было весьма ограничено. Так, на Балалыктепе в одном из боковых помещений первоначального периода строительства оказалось несколько фрагментов глиняных лепных украшений [6. с. 110, сл.]: многолепестковые цветы, медальоны, а также небольшая маска-гротеск, не то львоподобная морда, не то человеческая личина. Образ этот известен среди налепов на керамических сосудах, а в искусстве Центральной Азии встречается и в крупных рельефах.

В архитектурном декоре замка Джумаляктепе оказались остатки оформленных резьбой и обугленных при пожаре деревянных деталей — потолочных балок и накладных досок, венчавших стены [225, с. 302, сл.]. На балках тянулся пышнорастительный побег с круто загнутым то вверх, то вниз стеблем с отходящими от него листами. На досках фриза были вырезаны большие орнаментальные круги, обрамленные и заполненные гибкими растительными стеблями с листвой. Но особый интерес представляет композиция, где чередуются вертикальные полосы с растительным заполнением (явная переработка античных акантов) и овальные арки с архивольтом, заполненным розетками, под которыми размещены человеческие фигуры. Мотив этот был широко распространен в резьбе по дереву в раннесредневековой архитектуре Средней Азии — в Пенджикенте, Согде [403, рис. 66—89], Калаи-Кахкаха в Уструшане [65, с. 56, сл.], Койрук-тобе в Семиречье [30, рис. 10, 112—113]. Отличия незначительны в деталях

Буддийская архитектура раннего средневековья: *а* — Аджинатепе; *б* — Калаи-Кафирниган.


а
б

орнаментики, но существенны в образах людей, очевидно, отражая нормы и облик локальной среды.

Богатство пластического и живописного декора в раннесредневековом Тохаристане предстает в памятниках буддийского культа — в оформлении монастырских святилищ, двориков, ступ. Материал скульптуры, как правило, глина, иногда с верхним гипсовым слоем, обычно с окраской. Преобладают круглообъемные или трехчетвертные статуи, по отношении к которым настенные рельефы и живопись играют соподчиненную роль. Отмечается общий для всего буддийского искусства V—VIII вв. процесс монументализации образа Будды. Так, в Аджинатепе в сюжете Паринирваны — успения Будды его возлежащая фигура достигала 12 м и была размещена в специальном продолговатом помещении, через которое почтительно-боязливо проходили участники церемонии. Подобная тенденция утверждения величия через гипертрофированные масштабы фигур характерна в эту пору для всего ареала распространения буддизма — такие колоссальные статуи известны в Бамиане [493, fig. B-2, B-115], они выявлены раскопками в округе Газни [427, fig. 12], в Кубе (Фергана) [52, рис. 19], на Краснореченском городище (Семиречье) [70, с. 722, сл.].

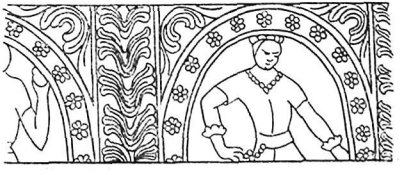
Скульптуры на Аджинатепе многочисленны и разнообразны. Но все они дошли до нас разбитыми, поэтому места их расположения определены далеко не для всех, а взаимоотношение отдельных фигур в целостных композициях не установлено. Разнообразие их подтверждают более или менее сохраненные головы и торсы. Состав традиционен, он в общем тот же, что и в кушанское время — будды, бодисатвы, гении, монахи, адоранты — мужчины и женщины. Но стиль их исполнения совершенно иной. Здесь в бо́льшей мере царит канон, притом уже отличный от античного: в ряде случаев отмечается явная диспропорция крупных голов на малом торсе, иной тип лиц, изготовленных при помощи матриц с некоторой затем подправкой их стекой. Как обычно, наиболее привлекательны лица тех, кого скульптор мог изображать, избегая канона — таковы головы монаха и женщин-почитательниц. Вообще же при сопоставлении с современной им скульптурой Фундукистана за Гиндукушем или монастырей Восточного Туркестана скульптура Аджинатепе выглядит несколько провинциальной.

Иное — в живописи, которая в раннесредневековое искусство Северного Тохаристана внесла свежую струю, хотя, следует признать, достижения ее здесь уступают тем поразительным творческим свершениям, которыми ознаменована в эту пору живопись Согда и Уструшаны.

Росписи Аджинатепе и калаикафирниганского храма могут быть подразделены на две группы. Одна — традиционно-буддийского репертуара, таковы в Аджинатепе фигуры сидящих будд в несколько отличных позах—фронтальной, в легком повороте вправо или влево. Они размещаются во многих рядах, один будда возле другого или один над другим. В многофигурной композиции из Қалаи-Кафирнигана чудом сохранился кусок росписи. На ней в верхнем ярусе — часть крупной фигуры сидящего Будды на фоне мандалы — его скрещенные босые ноги, пышнодрапирующаяся мантия и овальное сиденье, охваченные венцом из крупнолиственных ветвей. В нижнем же ярусе развертывается многофигурная композиция другой категории росписей буддийских храмов и монастырей, которую можно определить как мирскую. В ней предстают миряне — почитатели буддийской веры, участвующие в обряде и выражающие свою приверженность буддизму подношением даров и участием в ритуалах. Здесь ритуалом руководит монах с цветком на длинном стебле, слева за ним стоят две знатные дамы с лотосами и палочками для воскурения благовоний в руках, у ног монаха слева и справа небольшие фигурки. Одна из них, сохранившаяся полностью, в мужском одеянии, но это не мужчина (как сказано в публикации фрагмента [153, с. 123]), а мальчик, и две другие, лишь частично сохранившиеся фигурки — дети. Далее — остатки крупной мужской фигуры, как будто со светильником (видны языки пламени), возможно, что персонаж этот был не один.

Вполне справедливо предположение, что здесь изображены правитель и его семья—патроны (основатели?) храма в Қалаи-Кафирнигане, участники ритуала пранидхи [153, с. 135]. Данный сюжет был широко распространен в ту пору в живописи Восточного Туркестана. Но в калаикафирниганской сцене — масса чисто внешних отличий, характерных для местной среды: в типе лиц — у женщин утяжеленный овал лица, толстые брови над черными глазами прямого разреза, особый тип начельной повязки, волосы убраны назад,

Скульптура раннего средневековья: бодисатва; монах, донатрисса — Аджинатепе; настенный фриз — Джумаляктепе (реконструкция).



но вдоль уха с тяжелой серьгой спускается прядь; поверх платья у них плотная накидка из ткани, орнаментированной крупными кругами перлов. Одеяние мальчика традиционно для Тохаристана и сходно с балалыктепинским: облегающий кафтан с широким правосторонним отворотом, перепояска с подвешенным к ней кинжалом или ножом в футляре. Все стоящие фигуры даны в трехчетвертном повороте, но с развернутой ступней. Краски сочны, в них царит теплая гамма красных, розовых, коричневых, желтых тонов. В верхней композиции голубой фон, в нижней — густо-красный. Рисунок выполнялся кистями разной толщины тонкой коричневой линией, уточнялся красной, потом наносился фон и затем окончательный контур выполнялся сочной черной линией.

Живопись раннего средневековья: пиршественная сцена — Балалыктепе; донаторы — Аджинатепе.

В росписях Аджинатепе также есть изображение дароносцев — сохранились две фигуры в коленопреклоненной позе: мужчина с кубком и юноша с широким блюдом — в этих сосудах пучки мелких цветов или бутонов. Один из персонажей передан в профиль, другой — в три четверти. Оба в облегающих белых кафтанах, глухо застегнутых у шеи, перепоясанных поясом, к которому прикреплен узкий кинжал в ножнах с золотыми бляхами, у одного виден черный сапожок. У мужчины энергичный профиль, крутая бровь, миндалевидный глаз, густые черные волосы облегают череп, вдоль уха небольшая прядь. Юноша с полноватым лицом, он еще безусый, но черты лица и прическа сходны.

Раннесредневековая живопись Северного

Тохаристана отражает процесс становления нового стиля, в котором вырабатываются иные, чем в античности, художественные эталоны. Особенно ярко это иллюстрирует светская живопись. Остатки ее в виде крошева фрагментов выявлены при раскопках в нескольких зданиях жилого назначения (Кафыр-кала, Джумаляктепе). Но лишь благодаря древней забутовке в Балалыктепе пиршественного зала до нас дошли почти целиком оформлявшие его живописные композиции. Здесь со стены на стену тянулась единая сцена пира, где восседают на суфе по-азиатски, с раскинутыми коленями, кавалеры и дамы с чашами или кубками в руках, а женщины также с зеркалами на золотых рукоятках. За спиною господ стоят слуги с опахалами и за ними вдоль стены свисают гибкие ленты и колокольца. Лица участников прорисованы обобщенно: у всех единый этнический тип — круглый овал лица, дуговидные брови, узкие глаза, мелкий рот, черные волосы обрамляют лоб и щеки, плотно охватывая череп и опускаясь длинными прядями перед ушами. Облик их отличен от персонажей тохаристанской скульптуры и живописи кушанского времени, отличны и одеяния. Перед художником явно стояла задача отобразить тот новый этнический пласт, который наслоился на местный в период продвижения эфталитов через Северный Тохаристан.

Но дело не только в отличии этнического типа. Если искусство античного времени дает удивительное разнообразие лиц, то здесь они стандартно-однообразны. Зато особое внимание уделено передаче костюмов. И хотя покрой их одинаков — у мужчин длинный и облегающий перепоясанный кафтан с правосторонним отворотом, а у женщин поверх платья просторная накидка с оторочкой по запáху, внизу и у обшлагов, подхваченная впереди струящимися лентами, у всех отличны расцветка тканей и оторочек, а главное — различна орнаментация тканей. У служителей, одетых в плотный кафтан с правосторонним отворотом, одежда одноцветная.

Сюжетам росписей Балалыктепе давались разные объяснения: это культовое пиршество, связанное с определенным обрядом; портретная галерея владельцев замка на пиру; просто сцена пира; сватовство сыновей Феридуна к дочерям йеменского правителя Серва («Шахнаме»).

Ничего говорящего о культовой основе сцены, по существу, в росписях нет. Но это и не «семейный портрет в интерьере», а обобщенный образ представителей той группы тохаристанского рыцарства, которая владела землями по среднему правобережью Амударьи. Причем они переданы не в жанрово-бытовом показе пиршества, а скорее всего через эпический сказ—и в этом отношении вполне правомерно привлечение эпизода, позднее изложенного в «Шах-наме». Напомним, что именно в Северном Тохаристане поэт Дакики на основе собранных им устных рассказов задумал и начал составление «Книги царей», подхваченное и гениально осуществленное вслед за ним Абулкасымом Фирдоуси.

Стиль раннесредневековых росписей Тохаристана уже совсем иной, нежели в античную пору. И дело не только в ином облике персонажей, но и в их передаче. Хотя они показаны не в фас, а большей частью в небольшом повороте, в росписях этих царит плоскостность. Все они передают иной, чем в античном искусстве Бактрии, идеал красоты — идеал формирующегося рыцарского сословия, каким он мыслился в ту эпоху, запечатленный в нормах поведения, образе жизни, манерах. Так, в росписях Балалыктепе мужчины галантно склоняются к дамам, лица которых обращенные к ним полуопущены, взоры каждой из пар устремлены друг к другу. Благородная осанка фигур, горделивая посадка головы, элегантный костюм, изящные жесты рук с тонкими пальцами, придерживающих пиршественные сосуды и зеркала,—во всем царит этикет, и главной задачей художника было подчеркнуть это, не выделяя индивидуальность ни одного из участников. Наоборот,— это «равные среди своих», воплощающие некие общественные понятия, предписанные сословными условиями и условностями. Это горделивые дихканы — обладатели самостоятельных владений, восседающие с привычным достоинством поз и бесстрастием лиц. Приметами их сословных привилегий служат богатые одеяния, драгоценные пояса с подвешенными на них кинжалами, золотые гривны и перстни. Женщины также все однолики, позы их отвечают нормам восточной скромности, их тяжелые накидки, кольца, серьги и ожерелья также являются привилегией знатного происхождения. Небольшие фигурки стоящих позади служителей оттеняют приемом «количественной масштабности» их второстепенный ранг на социальных ступенях.

Художник мастерски владеет линией —

при однотонной закраске плоскостей она является главным средством построения фигур и показа столь важных в искусстве этого времени орнаментальных деталей. Плоскостность манеры—не только в ровной закраске лиц, волос, одежд и т. д., но и в отсутствии драпировок на тканях, которые словно натянуты на картон, а не на объемную фигуру, в ритмическом распределении на них узора, как на геометрически правильном чертеже. Здесь многое уже предвозвещает орнаментальную систему искусства мусульманского времени.

Сцены с дароносцами в обоих буддийских храмах Вахшской долины и пиршества в Балык-тепе роднит одно: прямой интерес художника к достоверной передаче своего окружения, соплеменников. Поэтому в каждой из указанных росписей — свой этнический тип местного населения. Та же тенденция характеризует изображение восседающих пар в росписях одного из помещений храмового комплекса на городище Дильберджин в Южном Тохаристане, исполненных не позднее времени эфталитских нашествий [136, с. 120, сл; 268, с. 91, сл.]. Здесь также фигурирует какой-то локальный круг представителей того клана, который владел землями округи Дильберджина, и тщательно выделены характерные для них внешние приметы облика, одеяний, головных уборов.

Вместе с тем, все названные росписи роднит единство стилевых приемов — линейная основа изображений, плоскостность, достигаемая ровной закраской, отсутствием не только перспективы (восточное искусство ее не знало и не применяло), но и условных приемов передачи разных планов путем взаиморасположений фигур по вертикали или друг за другом.

Новые явления налицо и в сфере прикладных искусств. В чем-то наблюдаются потери. Так, резко сокращаются изделия коропластики с образами людей или божеств, очевидно, утратившей былое общественно-культовое значение. При больших масштабах археологических работ в Северном Тохаристане находки изделий этого рода единичны. Причем это, как правило, не объемные статуэтки, но барельефные оттиски. Таковы две находки из Кафыр-калы. Одна из них — керамическая плитка, на которой представлена сцена охоты [91, с. 162]: всадник в облегающем кафтане скачет на коне, переданном в столь излюбленной на Востоке позе «летящего галопа», натягивая лук на мчащегося архара, позади деревья с листвой. Плоскостность, как черта стиля, не только в применении невысокого рельефа, но и в почти силуэтной профильной передаче охотника и архара, вместе с тем рога последнего переданы анфас.

Терракотовые плитки. Кафыркала.

На фрагменте какого-то крупного керамического изделия представлена сцена нападения льва на всадника [91, с. 162]. Изображение, вписанное в круг перлов, выполненных фестонами, очень экспрессивно. Лев набросился на спину коня, который пал передними ногами на колени. Всадник сдвинут почти к холке и изображен, казалось бы, в неестественной позе: голова в трехчетвертном обороте, а верхняя по-

ловина торса обращена назад, но именно этим достигнута большая динамичность. Одет всадник в характерный кафтан с правосторонним отворотом, ногу плотно облегает штанина с точечным вертикальным рядом украшений, у пояса косо подвешен длинный меч в ножнах.

Раскопки городищ, кешков, жилых домов, буддийских храмов дали обильный сбор массовой бытовой керамики. Она заметно грубее античной, что свидетельствует об упадке городского ремесленного гончарства и выполнялась *преимущественно в селениях, располагавшихся* на землях отдельных феодальных владений.

Но в быту самих феодалов использовались сосуды из драгоценных металлов. Так, в росписи из Аджинатепе юноша держит глубокий золотой таз с цветами. В живописи Балалыктепе в руках у пирующих золотые (золоченые?) бокалы на стройной ножке, чаши и кубки, стенки которых оформлены выпуклыми гофрами и нередко имеют орнаментированный край.

Из подлинных предметов такого рода до нас дошла так называемая «Строгановская чаша» из собрания Эрмитажа [495, с. 289, сл.; 273, с. 145, сл.]. Она серебряная с позолотой, массивная, выполненная из двух спаянных половин. Снаружи чаша являет рельефный изобразительный цикл. Тохаристанское ее происхождение подтверждают одежды двух главных персонажей — мужчины и женщины, восседающих на круглом коврике, одежды их совершенно идентичны костюмам пирующих в росписи Балалыктепе. Полагают, что это свадебный обряд: мужчина с кубком в руках, у женщины ритуальный жест руки с двумя вытянутыми пальцами, над головами их реет хищная птица, очевидно, символ охраны семейного благополучия, справа слуга, который протягивает женщине кубок, в другой руке его два кувшина с грушевидным туловом на стройной ножке, сильно оттянутым у горловины носиком и тонкой ручкой. Эта форма хорошо знакома по ряду кувшинов так называемого «сасанидского металла», каковой термин включает металлические сосуды III—VII вв. всего средневосточного региона. Слева от восседающей пары огромный бурдюк и две обезьянки (индийское влияние сохраняется здесь и в эту пору), одна из которых играет на двойном барабанчике, другая — на горизонтальной флейте. В круге донца чаши — устрашающая львоподобная морда с ощеренными зубами — несомненно оберег. Но совсем неожиданно изображение на другой половине стенки. Здесь восседает нагой Геракл с палицей и с пиршественной чашей в воздетой руке, напротив него — маленький полунагой бородач, а по другую сторону — снова Геракл, рядом убитый кабан и тот же человечек, на которого герой замахнулся дубинкой. Эти образы и мотивы, которые соотносятся с сюжетом драмы Еврипида «Геракл и Силей», в свое время побудили видного исследователя отнести чашу *к произведениям греко-бактрийской торевтики* [369, с. 81, сл.]. Между тем они лишь свидетельствуют, что раннесредневековый мастер обладал какими-то матрицами эллинистического происхождения и, уже не зная содержания драмы, счел возможным присоединить эту сцену к пиршеству своих современников, поскольку Геракл здесь тоже находится на пиру. Включение античных мотивов в раннесредневековое искусство Средней Азии отмечено в ряде случаев — сошлемся, например, на изображение капитолийской волчицы в живописи Қалаи-Қахкаха (область Уструшана) [220, с. 21, сл.], на золотом брактеате из Пенджикента (Согд) [41, с. 135], на медальоне из Ахангерана (область Шаш) [203, с. 29, сл.].

Ценных ювелирных изделий этого времени на территории Северного Тохаристана пока не обнаружено, но некоторое представление о них также дают памятники изобразительного искусства. В росписях Балалыктепе и на «Строгановской чаше» у мужчин шею охватывает гривна — просто округлая, или витая, или «в косичку». У запястий — золотые или серебряные браслеты, на поясах — фигурные золотые бляхи, на ножнах кинжалов — золотые дужки и фигурные оправы по краю. Шею женщин охватывает пектораль с крупным медальоном посередине, иногда двойное золотое ожерелье, в ушах у них шаровидные серьги с тремя свисающими перлами, на мизинце нередко золотое кольцо с камнем в рельефной оправе. Мелкие серьги той же формы или с шариком у уха и браслеты на руках — у служанок. В руках у дам — зеркала на золотой рукоятке, орнаментированные с оборота.

Живопись Балалыктепе дает ценный материал для представления о художественных тканях Тохаристана. На всех одеждах господ они орнаментированы, притом неповторяющимся орнаментом. Характерный мотив — крупные круги с растительным заполнением

резервов между ними, отороченные бордюром перлов, внутри которых изображения: то это головы кабанов, то фантастических животных, а в одном случае — бородатые мужские профили, иногда это ромбическая сетка со вписанными в нее пальметтами, бубенцами, просто штрихами, иногда двукрылый знак на стержне с двухступенчатой подставкой, вверху которого орнаментальная фигура с рогами архара. Все эти мотивы исполнены глубокой символики, многие из них распространены в так называемом «сасанидском» искусстве, хотя в действительности ареал их был значительно шире, он охватывал также области Тохаристана и Согда. Особую группу орнаментальных мотивов на этих тканях составляют пики, трефы, червы. Какими неисповедимыми путями пришли эти фигуры, связанные с символикой дихкан, из среднеазиатской орнаментики в европейскую карточную игру?..

Ткани с крупными кругами перлов представлены также в росписях Калаи-Кафирнигана. И еще один замечательный документ эпохи — изображение чаганианских послов, прибывших ко двору самаркандского правителя Вархумана, в росписях дворца на Афрасиабе [10, табл. VI, XV—XVIII]. Одежды их украшены, подобно балалыкским, кругами с заполнением их крупными фигурами крылатого льва, птицы, головой кабана. Очевидно, производство таких тканей составляло одно из замечательных достижений северотохаристанского ткачества.

Подытоживая, подчеркнем, что, как и во всем средневосточном регионе, искусство Северного Тохаристана предстает как новое, по сравнению с античностью, направление художественного творчества. В нем есть черты преемственности, в нем явственно проступают взаимосвязи и взаимодействия с соседними областями, особенно с Южным Тохаристаном, на севере — с Согдом, на западе — с сасанидским Ираном. Вместе с тем в нем вырабатываются и свои эстетические критерии, наблюдаются введение инноваций и сложение собственных стереотипов. И бесспорно, этот *период знаменует новую фазу духовной и художественной культуры* Тохаристана, дальнейшее развитие которой было резко прервано арабским завоеванием, приостановившим почти на столетие ее дальнейший поступательный ход.

Северный Тохаристан в эпоху развитого средневековья

IX—XII вв.

Историческая география. Историко-культурные области. В эпоху развитого средневековья области правобережья Джейхуна в некоторых арабо-персидских источниках считаются принадлежащими Хорасану [428, с. 243], в других — Хорасану или Мавераннахру. Так, в «Худуд ал-Алам» по поводу рек Хорасана говорится, что «...другая река Чаган, из рек Чаганийана», а в перечне городов Мавераннахра упоминается город Саганийан [387, с. 23а]. В другом месте этого сочинения о границах Мавераннахра сказано, что «его запад — границы Чаганийана» [387, с. 25а]. Истахри, Якут и другие авторы отнесли Саганийан к Мавераннахру, а Димишки считал Саганийан, так же, как и Кобадиан, частью земли Туркестана.

Тем не менее, в XI в. Саганийан и Термез уже отличаются от собственно Тохаристана [206, с. 235; 43, с. 158], под которым понимается небольшая область восточнее Балха с главным городом Талеканом [34, с. 515].

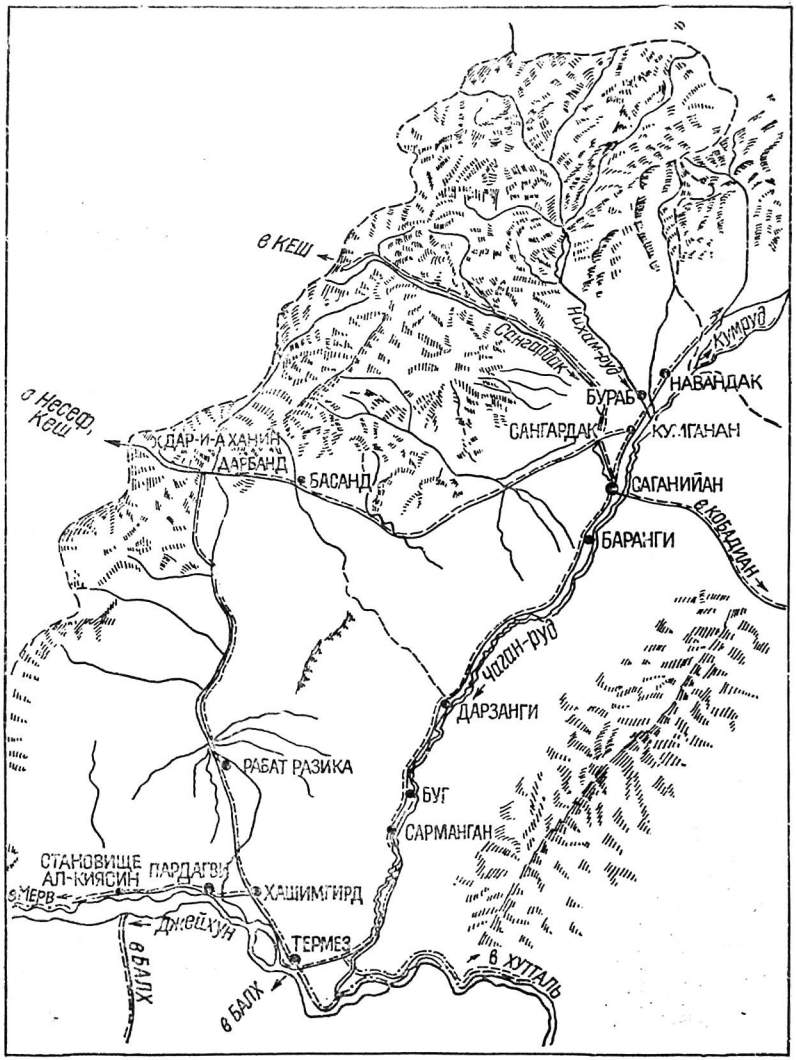
Согласно Истахри, Хутталь относился к Мавераннахру [428; 38, с. 120]. Макдиси, так же, как Истахри, включает Хутталь в состав Мавераннахра, считая ошибочным мнение тех географов, которые относят эту область к Балху [471, с. 290—291]. В отличие от них, анонимный автор «Худуд ал-Алам» не включает Хутталь в список областей собственно Мавераннахра [455]. По мнению В. В. Бартольда, в «Худуд ал-Алам» в основу географического распределения областей Средней Азии по отношению к Мавераннахру и Хорасану положен также признак их политической зависимости от Саманидов, в связи с чем вассальные их владения выделены в особый раздел. Этого же мнения придерживается и А. М. Беленицкий [33, с. 21; 38, с. 121].

Название «Северный Тохаристан» по отношению к территории правобережья верховьев Амударьи в IX—XII вв. не отмечено. Оно принято современными исследователями для удобства обозначения обширного региона по аналогии с более ранними периодами (античность, раннее средневековье), для которых название «Северная Бактрия-Тохаристан» более оправданно.

По данным письменных источников, в IX—XII вв. здесь находилось несколько историко-культурных областей и множество населенных пунктов, описание которых дается нами с запада на восток.

Наиболее крупной областью на западе этого региона являлся Чаганиан или Саганийан, занимавший не только долину Сурхандарьи, но почти всю современную Сурхандарьинскую область. Южной его границей считался город Сарманган или Чарманган, локализуемый на месте Джар-Кургана [33, с. 123—125; 21, с. 34—43], на севере он граничил с Уструшаной [431, с. 325]. В северо-западном направлении его границы простирались до Баб ал-Хадид — Железных ворот, находившихся, по данным Беруни, в пределах Саганийана [47а, с. 467]. Восточная граница Саганийана проходила по горному хребту Бабатага, отделявшего его от Кобадиана. Для IX в. в особую область выделялся Термез, граничивший на севере с Саганийаном, а на юге ограниченный Амударьей. В X—XII вв. Термез характеризуется только как город. Называемая Табари и ал-Балазури в VII—VIII вв. область — рустак Гуфтан или Куфтан [367, с. 205], локализуемый в долине Шерабаддарьи [33, с. 125; 21, с. 21], в IX—XII вв. не упоминается.

Кроме них, в Северо-Западном Тохаристане находились еще четыре небольшие области: ал-Бинакан (Бинкан), ал-Мандаджан (ал-Миздджан), ал-Касб и Нихам [120, с. 67—68]. В. Томашек и В. В. Бартольд локализовали их в верховьях Сурхандарьи [33, с. 122]. По нашим данным, три из этих областей


в КЕШ
Сангардак
Нахан-руд
Кумруд
НАВАНДАК
БУРАБ
САНГАРДАК
КУЛГАНАН
в Несеф, Кеш
ДАР-И-АХАНИН
ДАРБАНД
БАСАНД
САГАНИЙАН
в КОБАДИАН
БАРАНГИ
Чаган-руд
ДАРЗАНГИ
РАБАТ РАЗИКА
БУГ
САРМАНГАН
СТАНОВИЩЕ АЛ-КИЯСИН
ПАРДАГВИ
ХАШИМГИРД
в МЕРВ
Джейхун
ТЕРМЕЗ
в БАЛХ
в БАЛХ
в ХУТТАЛЬ

(ал-Мандаджан, ал-Касб и Нихам) находились в горных районах правых притоков Сурхандарьи — Сангардака и Туполанга, а область ал-Бинкан — на северо-западе Кугитанга, занимая в целом горные долины Западного Гиссара.

На северо-востоке Чаганиан граничил с областями Ахарун и Шуман. Область Ахарун — раннесредневековый Хавараман, по данным В. В. Бартольда, занимала равнину, соединяющую долины Сурхандарьи (Чаганруда) и Кафирнигана (Рамида) [33, с. 124—125]. М. М. Дьяконов локализовал Ахарун в долине Каратагдарьи — Камруда [93, с. 185]. Более вероятно, что эта область захватывала всю территорию верховьев Сурхандарьи, между Ширкентом и Каратагдарьей. Далее к востоку от нее, в центральной и восточной части Гиссарской долины, вдоль верховьев Кафирнигана находилась область Шуман [93, с. 185].

На юге Шуман граничил с областью Кобадиан, занимавшей территорию среднего и нижнего течения Кафирнигана. С запада Кобадиан граничил с Чаганианом, а с востока — Хуттале, южной его границей являлась Амударья [33, с. 121]. К востоку от Шумана, между реками Кафирниган (Рамид) и Вахш, простиралась область Вашгирд-Висагирд. К северо-западу от нее, в долине Вахшаба располагалась область Рашт (Каратегин) с множеством рустаков.

Территорию между Вахшем и Пянджем занимала крупная область Хутталь, простирающаяся на юге вплоть до Амударьи. Западная привахшская часть Хутталя арабо-персидскими географами иногда выделялась в отдельную область — Вахш.

На северо-востоке Тохаристана в горных районах имелось несколько областей — Вахан, Шикинан, Рушан, Карран, Памир [33, с. 119—121].

Населенные пункты. В средневековых арабо-персидских дорожниках на территории Северного Тохаристана упоминается значительное число городов и селений, отсчет расстояния до которых ведется в основном по дорогам, идущим от Термеза — крупнейшего средневекового города в верховьях Амударьи.

Термез находился к западу от впадения Чаганруда-Сурхандарьи в Джейхун-Амударью, на правом берегу, вблизи большой переправы. Местоположение его соответствует городищу «Старый Термез» [33, с. 125—126; 198, с. 5—34]. В окрестностях Термеза размещались небольшие селения: Бусандж, Рухшабуд или Рухшайуд, Шайшан и крепость Батикару [33, с. 123, прим. 4].

Из Термеза на запад, северо-запад и северо-восток вели три основные дороги, вдоль которых располагались города, селения и небольшие станции. Вдоль западной дороги, шедшей из Термеза по долине Джейхуна к Келифу и далее в Хорасан и Мавераннахр, Мукаддаси упоминает три переправы через Амударью и становище ал-Киясин, расположенное в одном дне пути от Келифа и от Термеза [206, с. 206]. Эти переправы, вероятнее всего, соответствуют переправам Шуроб, Чушка-Гузар и Кара-Камар. На месте переправы Шуроб локализуется нами переправа لرداعوی упомянутая Хафиз-и Абру [35, с. 504], в основе названия которой лежит греческое слово πανδαχειον [69].

Становище ал-Киясин располагалось, вероятно, у переправы Чушка-Гузар, вблизи ж/с Болдыр, где зафиксированы остатки средневекового поселения.

Северная дорога шла из Термеза по долине Шерабаддарьи через знаменитые Железные ворота (Дар-и Аханин, Баб ал-Хадид, Темир-Капыг) в Кеш и далее в Самарканд. В пределах Северного Тохаристана вдоль нее упоминается ряд населенных пунктов. Ближайшим к Термезу был городок Хашимгирд, расположенный на расстоянии одного дня пути или 6 фарсахов (30 км) от него. Вероятнее всего, он находился на месте современного кишлака Каптархана, хотя М. Е. Массон локализовал его на месте Наушахара [198, с. 98], а О. Г. Большаков — в районе Шерабада [42, с. 179]. Большой город Хушвара, упомянутый Табари [367, с. 107], сопоставлен нами с городищем Каттатепе к *юго-западу от Шерабада*.

Далее к северу в районе Шерабада располагался рабад Разика, а селение Карна, вероятно, на месте современного кишлака Сайроб. Перед Железными воротами Якуби упоминает городок Дар-и Аханин, соотнесенный нами с большим средневековым поселением в кишлаке Дербент.

Железные ворота — горный проход протяженностью более 2 км и шириной от 5 до

Северо-Западный Тохаристан периода развитого средневековья.

15 м, через который вела кратчайшая дорога в Согд, соответствует ущелью Бузгалахана, расположенному в 8 км к западу от Дербента, в хребте Сарымас [315, с. 34—39].

Основной путь из Термеза в северо-восточном направлении вел по долине Сурхандарьи в Саганийан, Шуман, Ахарун и выходил в северо-восточные области Тохаристана. В долине Сурхандарьи-Чаганруда, по данным арабо-персидских письменных источников, находилось множество населенных пунктов, большинство из которых сейчас уже локализованы.

Городок Сарманган или Чарманган соответствует городищу Кумтепе, вблизи которого находится Джаркурганский минарет. Селение Буг сопоставлено с безымянным поселением в 7 км к северу от Джар-Кургана. Селение Дарзенги локализовано на месте крупного средневекового поселения у кишлака Джелаир, у впадения Бандыханса в Сурхандарью. Обнаружено селение Баранги, соответствующее Гормалитепе, расположенному в 10 км к северу от Шурчи, на правом берегу Сурхандарьи [324, с. 86—87].

Столичный город одноименной области — Саганийан (Чаганийан), локализованный одними исследователями на месте кишлака Сары-Ассия, а другими — в Денау [494, р. 235—236; 488, р. 440; 33, с. 123; 42, с. 178—180], Г. А. Пугаченкова справедливо сопоставила с городищем Будрач, расположенным в 6 км к юго-востоку от Денау, при впадении Кызылсу в Сурхандарью [249, с. 58—63; 252, с. 14—26]. Эта локализация подтверждается нашими исследованиями, установившими, что Будрач — крупнейшее средневековое городище Северного Тохаристана — общая площадь которого вместе с рабадом — более 4 кв. км [309, с. 173—187]. Показательно, что, согласно арабо-персидским письменным источникам, город Саганийан в X в. был по площади больше Термеза и соответственно других городов Северного Тохаристана [33, с. 123; 428, с. 298].

Определено местоположение селения Басанд, находившегося на месте кишлака Байсун, на средневековой караванной дороге из Бухары и Несефа в Саганийан. Другое селение — Сангардак — располагалось в районе кишлака Юрчи, на левом берегу р. Сангардак (Кызылсу). Селение Кумганан, вероятно, соответствует поселению Джартактепе в 4 км к северо-востоку от Денау, а Бураб, охарактеризованный в «Худуд ал-Алам» как небольшой городок с крепостью (455, р. 114) — сильно укрепленному поселению Чим-Кургантепе, находящемуся в 20 км к северу от Денау. Селение Рикдашт или Рикдешт, вероятно, соответствует Гуразтепе [21, с. 42]. Навандак, упомянутый в арабо-персидских дорожниках как самая крупная станция после Саганийана по дороге в Хамаваран, отождествлен с большим городищем Навандактепе или Кафыр-кала, площадью более 20 га, расположенным в 3 км к северу от поселка Узун [298, с. 114—118].

Городок Зинвар локализован нами на месте одноименного кишлака, расположенного в долине Оби-Заранга.

Кроме того, в области Саганийан упомянуты селения Банийаб и Хунбан, находящиеся в одном дневном переходе от столицы области, но в разных направлениях.

Банийаб может быть локализован в районе Миршаде-Карлюка, а Хунбан, упомяну-

Средневековые города и селения Чаганиана.

тый после Зинвара, возможно, соответствует большому средневековому поселению Хумдантепе у поселка Узун, ныне почти разрушенному [21, с. 129].

В области Ахаруи упоминается одноименный крупный город на месте Шахринауского городища или поселения Узбеконтепе [93, с. 180, 185]. Из Ахаруна дорога вела в области Шуман с одноименным городом, возможно, находившемся в районе Душанбе [217, с. 57], и Вашгирд. Вдоль этой дороги располагались селения Абан Қасван и Андиан, сопоставляемый с селением Андиган в районе Орджоникидзеабада [42, с. 180; 217, с. 57].

Одноименный главный город области Вашгирд сопоставлен с городищем Қалаи Сангин или Таш Возджур в долине реки Илак, вблизи Файзаабада [38, с. 135—138]. По дороге из Вашгирда в область Рашт находились города Гархан, Дарбанд и Илак.

В области Кувадийан (Кобадийан), занимавшей южную часть долины Кафирнигана, упоминается несколько городов и селений: одноименная столица, Наудава, Нир, Сакра, Бурам [428, p. 298; 471, p. 289—290], которые пока не локализованы.

В месте впадения Кафирнигана в Амударью находилась важная переправа Аузадж или Узадж (Айвадж) и одноименный городок [471, p. 290], сопоставленный с крупным городищем на правом берегу Кафирнигана [23, с. 270—271].

На территории Хутталя арабо-персидские письменные источники указывают на наличие нескольких городов — Мунк, Паргар, Хульбук и множество селений — Анджараг, Барсарыч, Қарабандж(г), Нугара, Рустак Сикандара, Тамлийат и другие (428, p. 295—297; 471, III, p. 290—291).

Крупнейшим городом этой области был Мунк, локализованный на месте городища Шахри-Минг в районе современного селения Ховалинг [38, с. 128—135]. Столичный одноименный город Хутталя сопоставлен с городищем Хиттепе около кишлака Курбан-Шаид, площадью не менее 70 га, раскопки которого в течение многих лет ведутся археологическим отрядом под руководством Э. Гулямовой [157, с. 40—52; 76; 77; 78].

В области Вахш находились два больших города — Левакенд, Халаверд — и ряд селений [428, p. 297; 455]. По величине главный город области Халаверд уступал только Мунку и был больше Хульбука. Он располагался на месте городища Лагмон в 12 км к северу от Кафыр-калы, на восточном берегу реки Вахш у села Узун [166, с. 121—148]. Площадь сохранившейся части городища — 42,5; 50 или 60 га, а вместе с большим рабадом 80—100 га [166, с. 149—158].

В одном дне пути, также на берегу р. Вахш, находился другой крупный город этой области — Левакенд или Вахш, предполагаемое местоположение которого — городище Каунтепе в 10 км западнее г. Кургантепе [38, с. 142—144].

В пределах этой же области на реке Пяндж-Джерьяб находились важная переправа Архен и при ней одноименный пункт. Локализация ее насчитывает длительную историю. Согласно Б. А. Литвинскому и В. С. Соловьеву, детально проанализировавших сведения письменных источников и мнения своих предшественников, Архенская переправа находилась в районе Сарая у современного райцентра Пяндж, а пункт Архен — на месте кишлака Имам-Сахиб в Афганистане [38, с. 156—157].

Динамика антропогенного освоения. Археологическая география Северного Тохаристана поры развитого средневековья изучена крайне неравномерно. Если для северо-западной части этой области опубликован фактически полный реестр имеющихся здесь средневековых археологических памятников [21, с. 116—141], то для северо-восточной — изданы лишь отдельные памятники, что затрудняет составление общей картины динамики антропогенного освоения во всей указанной области. По этой причине основной упор в этом разделе сделан на Северо-Западный Тохаристан ввиду аналогичности историко-культурных причин и физико-географических условий, что предполагает наличие сходных моделей процесса антропогенного освоения Северного Тохаристана в эпоху развитого средневековья.

Наличие данных арабо-персидских источников позволяет говорить о том, что основной территорией расселения в IX—XII вв. становится рустак — رستق) Согласно В. В. Бартольду, рустак — это волость или округа, группа селений. Но также отмечается неясность признака, положенного в основу определения рустака: объединение ли селений, принадлежащих одному лицу, или объединение селений, орошаемых одной ве-

твью канала [34, с. 119]. Вокруг одного большого города было несколько рустаков, причем, площадь, занимаемая ими, была различной. Так, протяженность рустака Шавдар в X в. была до 10 фарсахов — 50—60 км. Длина другого рустака — Абгар — равнялась двум переходам, также примерно 50—60 км, а длина рустака Даргам — среднему дневному переходу. Всего же к югу от Самарканда на площади примерно 120—140 кв. км насчитывалось шесть рустаков [34, с. 187]. В Хорезме в пределах протяженности одного канала также имелось несколько рустаков [34, с. 187].

Согласно Якуби, сведения которого относятся к IX в., в Саганийане имелось много рустаков, в том числе: Хардан, Бахаран, Касан. В области Кашкадарьи в X в., по Ибн-Хаукалю, насчитывалось 16 рустаков (45а, с. 20), а в Уструшане, согласно ал-Мукаддаси — 17 рустаков (471, p. 34). Эти области по площади почти равны Саганийану или несколько больше его, поэтому можно предположить, что и здесь было примерно такое же количество рустаков.

Сопоставление всех этих данных позволяет предположить, что с рустаком наиболее сопоставима такая археолого-географическая территория расселения, как крупный оазис и ирригационный район, тогда как понятие «билад» (область), зафиксированное в источниках в отношении Саганийана, вполне приложимо к ирригационной области.

В развитом средневековье происходит максимальное освоение почти всех физико-географических зон. Однако степень обживания и плотность поселений в них далеко не равнозначны. Как показывают археологические исследования, в СЗ Тохаристане зафиксировано около трехсот археологических памятников IX—XII вв. Подавляющее их большинство сконцентрировано в долинах Сурхандарьи и Шерабаддарьи, а также в треугольнике между Амударьей, Сурхандарьей и песками Каттакумов.

Внутри речных долин масштабы обживания территорий были далеко не одинаковыми. В долине Сурхандарьи наиболее обживаемой являлась Верхнесурханская котловина, где на площади 1800 кв. км зафиксировано 104 поселения, относящихся к эпохе развитого средневековья. Эти данные в определенной мере подтверждаются свидетельством Мукаддаси о якобы существовавших в Саганийане 16 тыс. селений [471,,p. 283], что, конечно, отражает реальную картину густой сети поселений, а не абстрактное, явно преувеличенное, их количество. Об этом же свидетельствуют и сведения других письменных источников, в которых Саганийан фигурирует как многонаселенная область со множеством рустаков [455, p. 114].

В гораздо меньшей степени была заселена долина среднего и нижнего течения между Кумкурганом и Джаркурганом, где отмечено более 20 средневековых поселений. Это связано, в первую очередь, с физико-географическими особенностями данной местности. Сурхандарья образует здесь сравнительно узкую долину, ограниченную с обеих сторон возвышенными безводными террасами. Д. Д. Букинич считал, что долина Сурхандарьи не могла быть густо заселена по причине недостаточной мощности реки, разрозненности поливных массивов, их вытянутости узкой полосой [51, с. 156—157]. Это вполне справедливо и подтверждается археологическими данными для территории среднего течения и низовьев Сурхандарьи, но находится в противоречии с этими же данными относительно верхнесурханской котловины.

По сравнению с кушанским временем, менее обжитой являлась долина Амударьи, где наиболее густонаселенным был район «Термезского треугольника», в котором помимо Термеза отмечено еще семь средневековых селений [198, с. 34—102; 52, с. 154—159; 16, с. 176—178]. На территории долины к востоку от Термеза в рассматриваемый период функционировало лишь крупное селение к северу от Айртама, а в Хатын-Рабате новое частичное его обживание приходится на конец XII—начало XIII в. К западу от Термеза селения имелись лишь в районе Шуроб-Кургана и Чушка-Гузара [295, с. 183—186].

Два древних ирригационных района — Ангорский и Шерабадский,— орошавшихся системой каналов, выведенных из Шерабаддарьи, и, по-видимому, каналом Занг [122, с. 64—88; 3, с. 3—19; 4, с. 3—21), в эпоху развитого средневековья обживаются недостаточно плотно. Фактически не функционирует микрооазис по каналу Истара, где в I—VIII вв. находились крупное городище Бабатепе и прилегающие к нему селения. В полном запустении пребывал Талашский оазис, который вновь частично обживается лишь с XIV в. Если в долине Сурхандарьи арабо-

персидские дорожники отмечают множество населенных пунктов, то на всем пространстве от Термеза до гор, т. е. в равнинно-степной зоне, они называют всего лишь два пункта— городок Хашимгирд и рабат Разика [33, с. 123].

Селения в этой зоне располагались в основном вдоль большой дороги, ведущей из Термеза к Железным воротам и далее в Согд, и вблизи русла Шерабаддарьи. Максимальное удаление их на западном берегу — до 20 км, на восточном — до 25 км.

Общее количество учтенных здесь поселений — 34: в Ангорском районе — 16 и в Шерабадском — 18. Размеры этих поселений из-за плохой сохранности неясны, но примечательно, что подавляющее их большинство относится к типу небольших селений, тогда как крупные поселения очень редки — Кутлугшахтепе, Каттатепе у Чукуркуля, Каптар-хана.

Характерна очень слабая обживаемость древних оазисов в предгорно-равнинной зоне. Так, фактически не функционирует Уланбулакский оазис, где нами отмечено одно небольшое средневековое селение. Полностью прекращает обживаться Бандыханский оазис, а в Миршадинском также имеется только одно селение.

Подобная обстановка в этой зоне, по-видимому, была вызвана нарушением экологии и изменением режима горных речек, дебит которых стал явно недостаточным для обеспечения жизнедеятельности оазисов. Вероятно, подгорно- равнинная территория в основном стала использоваться как скотоводческая зона с редкими островками орошаемого земледелия. В подобном состоянии данная зона находилась вплоть до недавнего времени, редкие попытки обживания ее имели место в XVI в., когда, к примеру, на Кофрунсае были сооружены плотина и водохранилище Сар- и Банд [323].

Вместе с тем, выявлено значительное обживание в X—XII вв. зоны среднегорья и низкогорья, где в общей сложности сейчас уже зафиксировано более тридцати поселений, а также рудники и шлаковые поля.

Таким образом, в развитое средневековье в исследованной области происходит окончательное сложение специализированных хозяйственных зон: сельскохозяйственно-ремесленной, скотоводческой и горнопромышленной, группирующихся в различных физико-географических условиях.

1. *Равнинно-долинная, сельскохозяйственно-ремесленная.* Характеризуется интенсивным и максимальным освоением территории и возникновением густой сети поселений. Интенсивности обживания территории содействовали высокий уровень ирригации, строительство новых и поддержание сети старых арыков. Особенно разветвленная ирригационная система существовала в Саганийане и в районе Шерабада, где выведенные из Шерабаддарьи каналы Талашкан, Сохта, Раватак, Ходжа-Кия протяженностью до нескольких десятков км, орошали большие массивы земель. Хорошо налаженная ирригация и плодородные земли, особенно в Саганийане [455, p. 36—37] способствовали интенсивному развитию сельского хозяйства. Основной отраслью его было зерноводство, но, наряду с этим в Саганийане возделывалась и редкая техническая культура — шафран [455, p. 114]. Было распространено и хлопководство. Значительные площади вокруг городов и селений занимали сады, огороды, виноградники и бахчи. Высокое развитие получило скотоводство и коневодство. Мукаддаси отмечает, что в городе Саганийане хлеб дешев, а мясо продается в большом количестве [471, p. 282]. Согласно «Чакар-и макала» амир Саганийана имел «восемнадцать тысяч кобылиц и у каждой за хвостом жеребенок» [223, с. 67]. Среди подарков, преподнесенных амиром Саганийана газневидскому султану Масуду, упоминаются дорогие лошади [43, с. 605].

Вместе с тем, эта зона характеризуется наличием разнообразных видов ремесел в городах и даже селениях. Причем, в зависимости от источников сырья, имеет место специализация ремесел в различных поселениях. Так, центром текстильного производства в Саганийане являлось селение Дерзенги, расположенное при впадении Бандыхансая в Сурхандарью. Большинство его жителей было суконщиками, изготовляющими теплые накидки, шерстяные ковры и паласы [471, p. 283]. В Термезе было распространено мыловарение, продукция которого служила предметом экспорта [198, с. 100].

Основные виды ремесел концентрировались в двух наиболее крупных городах — Термезе и Саганийане: гончарное, кирпичеобжигательное, стекольное, металлическое, ювелирное. Причем, специализированные кварталы ремесленников различных профессий занимали в этих городах особые участки площадью

несколько гектаров на территории шахристанов и рабадов [198, с. 96—100; 126, с. 163—176; 21, с. 37]. Высокий уровень развития ремесел в этой зоне свидетельствует о наличии их не только в городах, но также и в селениях [324, с. 87; 21, с. 37].

II. Предгорно-степная, скотоводческая зона. Занимала обширные участки степей и предгорий Кугитанга, Байсунтау и Бабатага. Для нее характерно небольшое количество селений и фактически отсутствие городов. Небольшой городок Хашимгирд, расположенный на стыке двух зон — равнинно-долинной и предгорно-степной,— по данным письменных источников, определяется как специализированный центр скотоводства, располагавший многочисленными стадами овец и рогатого скота [455, p. 114].

Почти полное отсутствие здесь оседлоземледельческих поселений позволяет считать, что предгорно-степная зона в развитое средневековье использовалась в основном для ведения полукочевого хозяйства. Примечательно, что этот тип хозяйства преобладал на данной территории вплоть до недавнего времени.

III. Горнопромышленная зона среднегорья. Занимала межгорные котловины и долины горных речек в Бабатаге, Байсунтау и Кугитанге. В X—XII вв. здесь функционировали три горнопромышленных района, в которых осуществлялась добыча и переработка полезных ископаемых, в основном, железа, меди и полиметаллов. В каждом из них можно выделить несколько металлургических районов:

I — Бабатагский горнопромышленный район: Гавирган — добыча и переработка железа; Канакан — железо (?); II — Байсунтауский горнопромышленный район — долина Вахшувара — крупные разработки железорудных месторождений [289а, с. 175]; район Аулата-Паданга — железорудные месторождения (289а, с. 170—171); долина Тургандарьи — Гамбуз, к северу от Дербента — добыча и переработка железа; район Хандиза — полиметаллы; район Шаргуни-Такчаяна — железо; III — Кугитангский горнопромышленный район — горнопромышленный комплекс Чуянкан — железо, полиметаллы, медь [245, с. 28—34]; район Ханкан — соль; район Пашкурда — газ, соль, железо.

Имеются также данные о наличии металлургического производства в X—XII вв. в гроте Обангор и других местах Байсунтау, а также Кугитанга. Характерно, что в каждом из районов было по одному-два поселения металлургов, по соседству с которыми осуществлялась плавка руды, о чем свидетельствуют находки остатков плавильных горнов, сопел, шлаков и криц. В некоторых районах шлаковые поля достигают весьма внушительных размеров, что убеждает в большом масштабе металлургического производства. Одно из шлаковых полей вблизи Вахшувара протянулось двухкилометровой полосой, другое — имеет размеры 150—300 м при толщине слоя 0,5—3 м [298а, с. 175; 245, с. 31]. Площадь двух шлаковых полей в Кугитанге: Чуянбулак I и II — 100×100 м и 105×40 м соответственно.

Аналогичная картина хозяйственно-культурного распределения в различных физико-географических зонах наблюдается и в других областях Северного Тохаристана.

Города, округа, сельские поселения. Для периода развитого средневековья арабо-персидские источники упоминают ряд крупных городов, самым большим среди которых был Саганийан, затем Термез, Вашгирд, равный Термезу по площади, Мунк, Хелаверд, Хульбук, Кобадийан, Левакенд [428, p. 279—297, 340—342; 471, p. 283—291; 33, с. 118—131; 42, с. 179—181]. Упоминается также более десяти небольших городков и множество селений. Согласно Мукаддаси, только в Саганийане имелось, якобы, до 16 тыс. селений [471, p. 282], что, конечно, преувеличено, но при этом можно получить определенное представление о соотношении городских и сельских поселений в Северном Тохаристане в IX—XII вв.

Преобладание сельских поселений — явление, свойственное данной территории на всех этапах ее истории. По нашим подсчетам, в кушанское время на одно городское поселение приходилось шесть-семь сельских поселений [297, с. 115—116; 21, с. 34]. Примерно то же соотношение установлено и для развитого средневековья. Характерным для этого времени было также то, что наряду с запустением некоторых раннесредневековых городов и городков происходит дальнейший рост уже существующих городов.

Арабо-персидские письменные источники дают весьма мало сведений о внешней и внутренней структуре городов Северного Тохарис-

тана, их составных частях и отдельных элементах. Подробнее всего описывается Термез. Не в лучшем состоянии и данные археологических источников о средневековых городах Северного Тохаристана. Систематические раскопки ведутся лишь в нескольких из них: Будрач (Саганийан), Термез, Хульбук, Сайёд, отчасти Манзара. Наиболее изучен Термез, который исследовался во второй половине 30-х годов Термезской археологической экспедицией, возглавляемой М. Е. Массоном [198], а в 70—80-х годах — экспедицией Института археологии АН УзССР, материалы ее нашли лишь частичное отражение в научной печати [234; 236, с. 93—97].

С конца 70-х годов Узбекистанской искусствоведческой экспедицией Института искусствознания им. Хамзы ведутся раскопки средневековой столицы области Саганийан — городище Будрач [309, с. 163—177; 116а].

В 1957 г. возобновлены раскопки на городище Хульбук, продолжающиеся до настоящего времени. Раскапывался другой крупный городской центр Хутталя — городище Сайёд. Однако из опубликованных материалов весьма трудно получить какое-либо представление о внутренней структуре и особенностях их развития.

По этой причине остановимся на описании двух наиболее крупных городов Северного Тохаристана — Саганийана и Термеза. Оба они сформировались на месте древних городов, последовательно сменявших друг друга. Первый, вероятно, с I в. до н. э., второй, по крайней мере, с IV—III вв. до н. э. Поэтому некоторые их структурные части, в особенности цитадели, оставались на одном и том же месте, однако, внешняя планировка, так же как и внутренняя структура, значительно изменилась.

Саганийан. Кудама б. Джафар характеризует Саганийан как большой, многонаселенный город. Якуби считает его крупнейшим городом среди городов, расположенных по правую руку и восточнее Балха. Согласно Истахри, Саганийан — более крупный город, чем Термез, но последний имеет больше населения и доходов [428, p. 340—341]. Ибн-Хаукаль, наряду с аналогичными сведениями, указывает, что Саганийан имеет цитадель-кухендиз [425, p. 477]. Мукаддаси свидетельствует о наличии в городе крытых красивых базаров, посередине одного из них находилась соборная мечеть без купола на колоннах из жженого кирпича. В каждый дом была проведена проточная вода [471, p. 283; 33, с. 123]. В «Худуд ал-Алам» говорится о том, что Саганийан — большой город, расположенный на склоне горы [455, p. 114].

Согласно этим данным, можно сделать вывод, что уже в конце IX — начала X в. Саганийан был крупнейшим по площади городом Северо-Западного Тохаристана, имел цитадель, внутри города существовало несколько красивых крытых базаров. Однако в приведенных источниках нет сведений о планировке. По Мукаддаси, Саганийан похож на Рамлу [471, p. 283], но больше ни о структурных частях, ни о размерах города сведений нет.

Археолого-стратиграфические исследования на городище Будрач-Саганийан значительно дополняют эти сведения [309, с. 173—188]. В X — первой половине XI в., в пору наивысшего расцвета, город располагался по обе стороны реки Сангардак, но основная его часть занимала левый возвышенный берег реки, остатки которой сохранились до сих пор. Общая площадь города, включая обширный пригород, — около 6 кв. км. Протяженность с юго-востока на северо-запад от Кызылсу до естественной возвышенности Захартепе — 1,6—1,9 км, с юго-запада на северо-восток — более 3 км. Городище состоит из трех основных частей: цитадели, шахристана, рабада.

Цитадель—Ак-Мазартепе. Располагалась в юго-восточном углу шахристана. Стены кушанского времени настолько хорошо сохранились, что в раннее средневековье и в X—XI вв. их только надстроили в высоту. Размеры цитадели — 180×100×40 м (часть ее смыта). В центре ее отмечены два круглых в плане колодца, выложенных из жженого кирпича, вероятно, вырытых для обеспечения водой защитников цитадели во время осады. Во второй половине XI в. цитадель полностью забрасывается. В XV—XVI вв. ее поверхность используют под кладбище, состоящее из отдельных сагана.

Шахристан. Трапециевидный в плане. Размеры по северо-восточному фасу — 550 м, по юго-западному — 900 м, северо-западному и северо-восточному — 700 м. Общая площадь — 51 га (юго-восточная сторона частично смыта). Со всех сторон был обнесен пахсовой стеной и обведен рвом шириной до 10 м. С юго-восточной стороны стена шла по краю

обрыва реки и подходила к цитадели. На юго-восточной стороне шахристана находится Дуньятепе — 200×120 м, обращенное южным краем к реке. В X—первой половине XI в. на его месте располагался административно-дворцовый комплекс, окруженный широким рвом и защищенный стенами. В северо-западной части его вскрыты несколько помещений, пол которых выложен фигурной кладкой из жженого кирпича, основание стен — из того же кирпича, а выше — из сырцового. Поверхность заглажена белой штукатуркой с многоцветной орнаментальной росписью и орнаментальными панно из резного ганча. Дуньятепе прекращает обживаться во второй половине XI в.

На территории шахристана постройки почти не сохранились, так как верхние культурные слои его уничтожены распашкой. В юго-западной части концентрировались ремесленные производства, так как здесь отмечено большое количество металлических и керамических шлаков, керамические печи и печной припас, остатки стеклодувного производства. В центре шахристана на площади около 400 кв. м прослежены местами сохранившиеся массивные кладки из жженого кирпича. Возможно, здесь находилась соборная мечеть города.

Рабад. Охватывал шахристан со всех сторон, но особенно интенсивно он развивался в X — первой половине XI в. в северо-западном и северо-восточном направлениях. Слои этого времени мощностью 0,4—0,5 м зафиксированы в шурфах, заложенных в разных частях рабада.

Археолого-стратиграфические наблюдения позволяют предположить наличие здесь ремесленного производства, в частности, керамического, отдельные печи и скопления шлаков отмечены в юго-восточной и северо-западной его частях. На северо-западе, в местности Мазар находилось крупное средневековое кладбище. Во многих частях рабада фиксируются остатки кладок из жженого кирпича.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие на городище Будрач культурных слоев второй половины XI — первой половины XII вв. Их нет ни на цитадели, ни в административно-дворцовом комплексе, незначительны они в шахристане и в рабаде. Следовательно, возможно говорить о значительном упадке города Саганийана в этот период. Не исключено, что определенную роль в этом сыграл опустошительный поход султана Алп-Арслана в 456/1063 гг. в Саганийан для подавления восстания местного правителя Мусы [206, с. 374]. Определенное оживление городской жизни наступает здесь только во 2-й половине XII—начале XIII в.

Таким образом, сравнивая Саганийан эпохи раннего и развитого средневековья, можно заключить, что внешняя планировка, основные структурные части и фортификационная система города генетически восходят к эпохе раннего средневековья и даже к более раннему времени. Качественно изменилось внутреннее содержание шахристана и рабада. Существенно, что Саганийан поры развитого средневековья имел ту же трехчастную топографическую структуру, что и город раннего средневековья и занимал почти такую же площадь. Однако если в пригороде VI—VIII вв. располагались замки, усадьбы, культовые сооружения, находившиеся на довольно значительном расстоянии друг от друга, то застройка рабада X — первой половины XI в., так же как и шахристана, имела более плотный характер.

Для города Саганийана эпохи развитого средневековья характерна неравномерность экономического развития и территориального роста. В IX в. город по площади был еще меньше, чем в VII—VIII вв., и занимал, в основном, территорию шахристана. Вероятно, в конце IX — начале X в. с возвышением династии Мухтаджидов укрепляется его экономическое и политическое значение как административного центра обширного владения, занимающего весь Северо-Западный Тохаристан и прилегающие районы, происходит бурный рост территории города, который продолжается вплоть до конца первой половины XI в. Это время — период наибольшего расцвета Саганийана.

Во второй половине XI — первой половине XII в. город переживает сильный упадок, выразившийся в забросе ряда отдельных частей и элементов города — цитадели, дворцово-административного комплекса. Значительно сокращается площадь Саганийана, прекращается чеканка собственной монеты, слабо функционирует ремесленное производство. Во второй половине XII — начале XIII в. город вновь возрождается, но занимает уже значительно меньшую площадь, чем прежде.

Для определения основных явлений в развитии городов Северо-Западного Тохаристана

в IX — начале XIII вв. рассмотрим другие городища этой области.

Термез XI—начала XIII вв. сформировался на месте более древнего города и унаследовал отдельные структурные его части. В частности, цитадель Термеза в это время находилась на том же месте, где в греко-бактрийский и кушанский периоды существовала крепость.

Шахристан и рабад средневекового Термеза поглотили всю площадь, на которой находились здания древнего города и его округа. По данным письменных источников, в X в. он состоял из трех основных частей: кухендиза-цитадели, шахристана-медины, рабада и особой площади — сурадиката [198. с. 92].

Топографически в структуре городища Старого Термеза выделяются четыре основные части: кала, участки I, II, III, а также участки А, Б и В, соответствующие определенным частям древнего и средневекового города [391, с. 121—152]. По мнению М. Е. Массона, кала соответствует кухендизу, участок I — шахристану, II — рабаду, III — сурадикату. Здесь на 10 га располагался комплекс дворцовых зданий, обнесенных стеной. В XI—XII вв. Термез достигает наивысшего расцвета, в этот период особенно развивается рабад, где концентрируются ремесленное производство и торговля [158, с. 91—99]. Несколько иную схему развития средневекового Термеза предлагал В. А. Шишкин, согласно которому в X в. собственно город-шахристан занимал только территорию калы, а рабад размещался в границах участка I. Расцвет города в XI—XII вв. привел к заселению новых районов в северо-восточном направлении, окружаемых городскими стенами, при одновременном запустении участков А и Б, которые он также считал пригородами [198, с. 148—151]. О. Г. Большаков, обобщая данные предшественников, предлагает ту же схему развития города, что и М. Е. Массон [42, с. 179].

Отсутствие стратиграфических данных не позволяет точно датировать последовательность возведения стен, хотя установлено, что одна из стен участка II рабада построена в X в.

Сравнительный анализ Термеза и Саганийана показывает, что наряду с общностью признаков в уровне развития городов, планировке и внутреннем содержании отдельных частей наблюдаются известные различия. Так, для шахристана Саганийана характерна четкость внешнего абриса, тогда как контуры шахристана Термеза отличаются изломанностью линии стен. В Термезе и Саганийане имелся комплекс дворцовых зданий, обнесенных стенами, но в Термезе он занимал отдельный участок рабада, а в Саганийане располагался в пределах шахристана. Ремесленное производство и торговля в Термезе концентрировались, преимущественно, в рабаде, в то время как в Саганийане главный базар города и основные виды ремесленного производства находились внутри шахристана. Увеличение общей площади города в Термезе осуществлялось благодаря росту рабада, который развивался только в северо-восточном направлении, вверх по орошавшим его каналам и арыкам [391, с. 151]. В Саганийане мы наблюдаем ту же картину, но в отличие от Термеза, в этом городе рабад разрастался во всех направлениях. Для Термеза характерно непрерывное и равномерное развитие в IX — начале XIII вв., тогда как в Саганийане периоды роста чередуются с периодами упадка и почти полного прекращения обживания городской территории.

Саганийан после падения династии Мухтаджидов в конце X — начале XI в. утрачивает роль административного центра всего Северо-Западного Тохаристана, а разрушение города в середине XI в. Алп-Арсланом прерывает его дальнейшее развитие. В то же время Термез в силу стратегического местоположения при главной переправе через Амударью, связывающей Мавераннахр с Тохаристаном, продолжает не только сохранять свое назначение, но и интенсивно развивается.

Сравнительный анализ этих двух городов показывает, наряду с общими признаками, своеобразие развития каждого из них. Представляется, что при внимательном анализе можно будет выявить аналогичную картину в развитии средневековых городов и в Северо-Восточном Тохаристане, но, к сожалению, данных о них пока опубликовано недостаточно.

Крупнейший город Хутталя — Хульбук, площадь только центральной части которого около 70 га, в XI—XII вв. интенсивно развивался, поглотив городские свалки и пустующие территории [157, с. 39; 84а, с. 74].

Расцвет Халаверда (площадь 42,5 га, по А. А. Беленицкому; 900×640 м = 57,6 га, по Э. Гулямовой), столицы области Вахш, приходится на X—XII вв. [388 а, с. 63]. В то же вре-

мя один из самых больших городов Хутталя— Сайёд (площадь 1,5×0,8 км = 120 га) — приходит в конце первой половины XI в. в полный упадок [78 а, с. 157]. По мнению Э. Гулямовой, не только в Сайёде, но и в Хульбуке и Манзаре последний период обживания датируется началом XI в. [79 б, с. 30—31].

Подобные сопоставления позволяют с сомнением отнестись к утвердившемуся в науке тезису о том, что период XI—XII вв. был временем всеобщего подъема и интенсивного развития городов Средней Азии. На самом деле наблюдается сложная и достаточно пестрая картина: одни города, действительно, достигают в это время наивысшего расцвета — Мерв, Самарканд, Термез, темпы роста других городов замедляются — Бухара, у ряда городов значительно сокращается площадь обживаемой территории — Саганийан, Бинкет, Харашкет, для некоторых городов первая половина XI в. — последний этап существования — Сайёд.

В ходе поступательного развития городов в Северо-Западной Бактрии-Тохаристане наивысший их подъем приходится на первые века н. э. и на IX—XII вв. Хотя город со многими его признаками формируется в этой области уже в середине I тысячелетия до н. э., подлинный расцвет урбанизации происходит здесь уже в кушанскую эпоху, когда появляется множество разноразмерных, типологически разнообразных и полифункциональных городов. По разнообразию и количеству городов кушанская эпоха превосходила средневековье. Что же касается крупных городов, то в период средневековья они превосходили кушанские как по размеру и по количеству населения, так и по сложности архитектурно-планировочного решения, социально-экономическому и культурному содержанию структурных элементов, типу внутренней застройки. Словом, средневековый город — это качественно новое явление по сравнению с древним городом.

Политическая история. Для истории Северного Тохаристана в IX—XII вв. характерна общность многих военно-политических событий и процессов при известной их локальности. Общеисторическая канва их такова.

В 806—810 гг. население этой области принимало активное участие в антиаббасидском движении Рафи б. Лейса, охватившем большую часть Мавераннахра [35, с. 119; 68, с. 332]. С 821 г. Северный Тохаристан — составная часть владений Тахиридов.

Ориентируясь на сумму налога, выплачиваемого при Абдаллахе б. Тахире в 211 г. х. /826—27 гг. областями Северного Тохаристана, можно заключить, что в это время среди них выделялись своим экономическим благополучием Саганийан и Термез, вносившие 48500 и 47100 дирхемов соответственно, а также Хутталь, выплачивавший вместе с Балхом и Саад Хурра 193 300 дирхемов. Общая же сумма налога с Северного Тохаристана без Хутталя составляла 193 300 дирхемов [120, с. 67—68].

Падение власти династии Тахиридов в 873 г., свергнутой Саффаридами, и последующее возвышение Саманидов в значительной степени сказалось на политической жизни Северного Тохаристана, вошедшего в конце IX в. в состав Саманидского государства.

По одной из версий, династия Саманидов якобы происходила из Северного Тохаристана, из селения Саман, расположенного вблизи Термеза [353, с. 4], что, однако, не подтверждается другими письменными источниками. Наряду с главенствующей ролью могучих государств, в ряде областей Северного Тохаристана значительное место занимали местные династии.

В IX—X вв. две наиболее крупные его области — Саганийан и Хутталь, находившиеся в определенной степени вассальной зависимости от Саманидов, во внутренней жизни пользовались значительной автономией. В Хуттале на протяжении всего этого времени наследственная власть принадлежала Баниджуридам, различные ветви династии которых в конце IX в. правили почти всем Тохаристаном, включая Андераб, Балх, Бамиан, Джузджан, Термез, Шуман, Хутталь и другие области [429, с. 57—88; 38, с. 124—126]. Так, около 279/842—843 гг. Термез вошел в состав владений Абу Давуда Мухаммеда б. Ахмада из хуттальской ветви Баниджуридов [429, с. 53]. Представитель другой ветви этой династии — Хашим б. Баниджур — владел областью Шуман [38, с. 126—127]. Еще в 293/905—906 гг. и 300 г. х./912—13 гг. Термез принадлежал Абу-Давудидам, о чем свидетельствуют монеты сына Абу Давуда Ахмада б. Мухаммада [429, с. 57, 88]. Имеется также фельс амира Мухаммада, чеканенный в Термезе в 303/915—16 гг., однако, принадлежность его Абу-Давудидам пока не выяснена. Вероятно, с утратой Абу-Давудидами своих позиций Термез непосредственно переходит к Саманидам, а при

Насре б. Ахмаде (914—943 гг.) он стал частью владений Мухтаджидов.

В конце IX в. в Саганийане возвышается династия Мухтаджидов, получившая название по имени ее основателя ал-Мухтаджа. Представители этой династии на протяжении почти всего X в. владели не только Саганийаном, но и почти всем Северным Тохаристаном. Наряду с правителями Хорезма и Исфиджаба, они считались наиболее могущественными вассалами Саманидов [33, с. 293]. Амиры Абу Бакр Мухаммад б. Музаффар — ум. в 940 г. и Абу Али Ахмад б. Мухаммад (Абу Али Чагани) — ум. в 955 г., занимали в Саманидском государстве важнейшие административные и военные должности [33, с. 293; с. 177—181; 414, p. 6—7].

Амир Саганийана Фахр ад-Даула Ахмад б. Мухаммад прославился на Востоке как покровитель-мамдух выдающихся поэтов Дакики, Фаррухи и Манджуки Термези.

Сведения письменных источников, описывающих жизнь и подвиги Абу Бакра Мухаммада и Абу Али Чагани, не имеют отношения к истории собственно Саганийана, поэтому остановимся только на некоторых из них.

В 930 г. Абу Бакр Мухаммад был назначен *наместником Хорасана, а после его смерти* в 939 г. этот пост занял его сын Абу Али Чагани, ставший фактически правителем почти всех южных областей Саманидского государства. Но Нух б. Наср сместил его с этого поста, опасаясь могущества Абу Али. В ответ на это Абу Али в январе 947 г. захватил Бухару и передал саманидский престол дяде Нуха Ибрахиму б. Ахмаду, но после двух месяцев правления Абу Али был вынужден оставить Бухару и уйти в Саганийан. В битве при Хардженге войско Абу Али потерпело поражение.

Нух б. Наср еще в 948 г. захватил и разграбил столицу Мухтаджидов — город Саганийан. Тем не менее, армия Нуха б. Насра оказалась в трудном положении, поскольку Абу Али сумел собрать огромное войско, объединив союзных ему амиров Рашта, Хутталя, Гузгана, Балха и кумеджиев — тюркской народности, обитавшей в верховьях Чаганруда, и перекрыл все дороги на Бухару.

В конце 948 г. между обеими сторонами был заключен мир, вероятно, на достаточно почетных для Мухтаджидов условиях: сыну Абу Али по приезде в Бухару в качестве заложника была тем не менее устроена торжественная встреча. В 955 г. Абу Али Чагани вновь наместник Хорасана, где спустя некоторое время поднимает новый мятеж против Саманидов, повелевая читать в мечетях только хутбу на свое и халифа ал-Мути имя. Скончался Абу Али в конце 344/ноябрь 955 г. Его тело было перевезено в Саганийан и погребено в родовой усыпальнице [33, 1963; 414, p. 10].

Контуры дальнейшей истории династии Мухтаджидов выявлены в настоящее время благодаря новым фельсам Саганийана 365, 369 и 377 г. х. [подробное их описание см.: 300, с. 231, 237; 313, с. 38—44]. Согласно этим данным, в 952—975/6 гг. в Саганийане правил сын Абу Али Наср б. Ахмад, которому принадлежала фактическая власть в данной области, и именно он являлся владельцем монетной регалии. Однако Наср б. Ахмад не был сепаратистом и признавал Мансура б. Нуха как почетного и верховного главу, своего сюзерена (имя его помещено на монетах Саганийана), власть которого здесь была, очевидно, номинальной.

Наср б. Ахмада на престоле Саганийана сменил амир Абу-л Касим ал-Хасан б. Ахмад, не упомянутый в составленных ал-Казвини и К. Э. *Босвортом генеалогических таблицах* Мухтаджидов [416, p. 140; 414, p. 16]. Однако его имя проставлено на фельсах Саганийана, битых в 369 г. х. и 377 г. х., следовательно, время правления Хасана б. Ахмада в этой области устанавливается пока в промежутке между 369—377/979—987/88 гг. [313, с. 41].

Таким образом, мнение М. Казвини о том, что Насру б. Ахмаду наследовал его двоюродный брат Абу Али ал-Музаффар Тахир б. Фазл скончавшийся якобы в 377/987—88 г., не подтверждается нумизматическими данными, а также письменными источниками.

Согласно Утби, саманидский военачальник Фаик, поднявший мятеж против Нуха б. Мансура, был разбит под Бухарой в июне 990 г. Бежав на юг, он овладел Балхом и двинулся на Термез. По приказу Нуха б. Мансура против него выступил гузганский амир Абу-л-Харис Мухаммад б. Ахмад б. Феригун. Потерпев поражение, Абу-л-Харис объединился с Фаиком против общего врага — саганийанского правителя Тахира б. Фазла. По словам Утби, перед этим событием, т. н. до 900 г. Саганийан входил в состав владений Абу-л-Хариса Мухаммада б. Ахмада [33, с. 14], что, по мнению В. Ф. Минорского, однако, ошибочно [455].

Новые нумизматические данные в совокупности с письменными источниками позволяют установить более точную хронологию саганийанских правителей во второй половине X в.:

1. Абу Мансур Наср б. Ахмад (341/952—53—365/975—76 гг.)
2. Абу-л-Касим ал-Хасан б. Ахмад (369/979—377/987—88 гг.).
3. Абу-л-Харис Мухаммад б. Ахмад — правитель Гузгана и Саганийана до 380/990 г.
4. Абу Али ал-Музаффар Тахир б. Фазл (380/990—381/991 гг.).

Содержание легенд и местонахождение имен главы Саманидов Нуха б. Мансура и саганийанского владетеля Абу-л-Касима ал-Хасана б. Ахмада аналогично (кроме имен) первому и второму типу фельсов предыдущего правителя Саганийана Абу Мансура Насра б. Ахмада. Следовательно, политическое положение правителей Саганийана и взаимоотношения с центральной саманидской властью не изменились, но их самостоятельность еще более укрепилась в связи с ослаблением Саманидов при Нухе б. Мансуре в результате постоянных мятежей сепаратистов и вторжений внешних врагов. Примечательно, что саганийанский владетель Тахир б. Фазл стоял во главе саманидских войск, посланных на подавление мятежа Фаика.

Тахир б. Фазл погиб при осаде Балха в 381 г. х./991 г. [33, с. 314—315] и в конце X в. правителем Саганийана стал Фахр ад-Даула Абу-л-Музаффар Ахмад б. Мухаммад [414, p. 11; 416, p. 140; 44, с. 336].

Владения Мухтаджидов во второй половине X в. были ограничены собственно Саганийаном, тогда как Термез они потеряли, вероятно, уже после смерти Абу Али Чагани в 955 г. Об этом свидетельствуют фельсы Термеза 346/957—958 гг., чеканенные от имени амира Кут-Тегина при саманиде Абд ал-Малике.

Помимо вышеуказанных областей, известной самостоятельностью пользовались также амиры Рашта, горной области, расположенной в Каратегине, чеканившие в середине X в. свою монету, народности кумеджиев и кунджина.

Согласно «Худуд ал-Алам», кумеджии обитали в пределах Хутталя и Чаганиана, были весьма смелыми и воинственными. Амиры Хутталя и Чаганиана неоднократно обращались к ним за помощью. То же сказано о тюрках-кунджина, проживавших между Хутталем и Чаганианом [387, лист 25-а, 25-б].

Значительной автономией при Саманидах пользовался Хутталь, правители которого не вносили харадж центральной власти, а отправляли лишь установленные (или соответственные) дары [471, с. 337—338, с. 124]. Власть в этой области на протяжении всего X в. принадлежала Баниджуридам, генеалогия и история которых подробно охарактеризованы А. Р. Фасмером и А. М. Беленицким [428, с. 49 сл.; 38, с. 124—126].

Таким образом, в IX—X вв. Хутталь и Саганийан по своему экономическому и политическому потенциалу далеко превосходили все остальные области Северного Тохаристана.

В начале XI в. после падения государства Саманидов изменяется и политическая ситуация в Северном Тохаристане. За обладание им борются два новых могущественных государства: Газневидов и Караханидов. Вместе с тем значительную роль, особенно в Саганийане, продолжают играть местные династии.

Южные приамударьинские области Северного Тохаристана, в частности Термез и Хутталь, вошли в состав государства Газневидов. Известен монетный чекан Хутталя при Султане Масуде [84, с. 134—142]. Границей между ними была определена Амударья. Тем не менее, Караханиды неоднократно нарушали договор. Так, в 1006 г. отряд караханидских войск под началом Сюбаш-Тегина (по другим данным — Джафар-Тегина) разгромил Термез и Балх [33, с. 334—335]. В первой половине XI в. и вплоть до захвата Сельджуками Термез — важный стратегический пункт с крепостью и постоянным военным гарнизоном, охранявший северные рубежи Газневидского государства от посягательств Караханидов [43, с. 541—570]. Иная политическая обстановка сложилась в Саганийане в первой четверти XI в. Судя по нумизматическим данным, подробно разобранным нами и Е. А. Давидович в специальных статьях, эта область представляла собой с 395/1004—05 гг. и вплоть до 417/1026—27 гг. достаточно независимое владение, находившееся, особенно в первой половине этого периода, в определенной вассальной зависимости от Караханидов. Однако непосредственный владетель Саганийана указанного времени амир ал-Джалил Фахр ад-Даула Ахмад б. Мухаммад, происходил, вероятнее всего, из династии Мухтаджидов, правившей здесь в конце IX—X вв., что говорит о наследственном характере власти в этой об-

ласти. Имя этого амира проставлено на фельсах Саганийана 401/1010—11 гг.—406/1015—1016 гг. Кроме того, на дирхемах 395/1004—1005 гг.—398/1007—1008 гг. и на вышеупомянутых фельсах проставлено еще одно имя — Музаффар, иногда в сочетании со словом «Кийа». Следует отметить, что Музаффар упоминается в поле л. ст. и об. ст. дирхемов, на которых нет имени Ахмада б. Мухаммада, сопровождаемое достаточно высоким титулом, тогда как Музаффар — без какой-либо титулатуры. Поэтому логичнее предположить, что Ахмад б. Мухаммад занимал в Саганийане более высокое иерархическое положение, чем Музаффар. Не лишним представляется привлечение сведений «Чахар Макала» об амире Саганийана, покровителе поэта Фаррухи [223, с. 67—70]. Согласно М. Казвини, полное имя его было Фахр ад-Даула Абу-л Музаффар Ахмад б. Мухаммад [416, p. 140]. Э. Сафа относил расцвет деятельности Фаррухи при дворе амира Абу-л Музаффара к последнему десятилетию X в. [Сафа, 350, с. 451]. Е. Э. Бертельс считал, что Фаррухи попал к нему после 1003 г. [44, с. 336]. Мы связывали имя амира Абу-л Музаффара с Музаффаром Кийа, полагая, что последний был предшественником Ахмада б. Мухаммада на саганийанском престоле [307, с. 177—182]. Новые нумизматические данные показывают, что по крайней мере с 401/1010—11 по 406/1015—16 гг. время их правления совпадает. Идентичность лакаба и имени саганийанского амира в «Чахар Макала» и саганийанского амира на монетах позволяет предполагать, что это одно и то же лицо. Однако в круговой легенде об. ст., где проставлен лакаб Фахр ад-Даула и имя Ахмад б. Мухаммад, отсутствует кунья Абу-л Музаффар, каковая имелась у амира Саганийана в «Чахар Макала». Если считать эту кунью патронимической, то можно допустить, что у амира Ахмада б. Мухаммада был сын по имени Музаффар, и предположить, что на монетах проставлено имя именно этого сына амира Абу-л Музаффара Ахмада б. Мухаммада.

В 395—398 гг. х., сюзереном правителей Саганийана были караханиды Наср б. Али (Муаййад ал-Адл Илек) и его брат Ахмад б. Али (Насир ал-Хакк-хан).

В 402 и 403 гг. х., судя по монетам, среди сюзеренов Саганийана появляются новые лица. На фельсе 402 г. х. в поле об. ст. вместо имени Насра б. Али упомянуто другое, которое возможно под большим знаком вопроса читать как «Мукаммад». Если такая реконструкция правильна, то на фельсе 402 г. х. имя Мухаммада б. Насра — одного из сыновей Насра б. Али, хотя наиболее ранние его монеты, известные до сих пор, это — фельсы Узгенда 411/1020—21 гг.

На дирхемах 402—403 г. х. проставлен лакаб Рукн ад-Даула («Опора державы»), принадлежность которого к какому-либо караханидскому правителю установить пока невозможно.

В 406/1015—16 гг. на фельсах Саганийана имеются другие титулы и лакабы: Хан Шамс ад-Даула/Илек. По мнению ряда исследователей, титул «илек» принадлежал Мухаммаду б. Али, а лакаб «Шамс ад-Даула» — Мансуру б. Али. В любом случае данные фельсы свидетельствуют, что семья Насра б. Али в это время теряет свои права на Саганийан и непосредственным сюзереном области становится, по-видимому, Мухаммад б. Али.

О политическом положении Саганийана с 407 по 413 гг. х. пока ничего не известно из-за отсутствия монет и свидетельств рукописных источников. Более ясна ситуация в последние годы первой четверти XI в., благодаря неизданным дирхемам 414—415 гг. х., имеющимся в составах Кокташского и Салаватского кладов.

На дирхемах 414 г. х. упомянут только халиф Кадир-биллах с титулом «Амир ал-муминин». На дирхеме 414 г. х. появляется лакаб и титул «Насир ал-Хакк-хан». Согласно О. Прицаку, этот лакаб после смерти Ахмада б. Али принял Йусуф б. Хасан (Кадир-хан), считавшийся главой Караханидов. Как установили Е. А. Давидович и М. Н. Федоров, данный лакаб присутствует и на дирхемах Саганийана 416 и 417 гг. х.

Если в 417/1026—27 гг. Саганийан еще зависим от Караханидов, об этом свидетельствуют чеканенные здесь дирхемы от имени караханида Насир ал-Хакк-хана, то в период 418—430/1027—39 гг., эта область фактически — суверенное владение. Как установила Е. А. Давидович, на монетах 418, 419 и 422—424 гг. х., кроме имени халифа, вообще отсутствуют имена каких-либо правителей, но на монетах 420—421/1029—1030 гг. проставлено имя Наср и титул «царь справедливый», который был правителем Саганийана в данные годы. Позднее, в 424—430/1032—39 гг. в Саганийане чеканятся монеты от

имени царя справедливого Абу-л Касима без упоминания караханидского или газневидского сюзерена. Согласно Бейхаки, Абу-л Касим — зять газневидского султана Масуда — являлся наместником Хорасана [43]. Е. А. Давидович, основываясь на монетных данных, считает, что в этот период Саганийан представляет собой суверенное государство, независимое ни от Караханидов, ни от Газневидов [82, с. 96]. Причем отношения саганийанского амира с газневидским султаном строились на основе союзничества, а не подчинения.

Легенды на саганийанских дирхемах из Шерабадского клада позволили Е. А. Давидович уточнить дату конца правления амира Абу-л Касима между сафаром и раджабом 430 г. х. После этого Саганийан теряет свою политическую независимость. Во второй половине 430/1038—1039 гг. караханид Бури-Тегин с помощью кумеджиев захватывает Саганийан. В 430/1038—39 — 434/1042—43 гг. Саганийан — владение Караханидов. В эти годы здесь выпускаются дирхемы от имени Ибрахима б. Насра (Бури-Тегина). На дирхемах 430—433 гг. х., помимо титулов и лакаба Ибрахима б. Насра в поле л. ст. монет проставлено имя Али, в котором Е. А. Давидович предлагает видеть местного вассального правителя или наместника Караханидов в Саганийане.

В правление султана Масуда Караханиды в союзе с хорезмшахом Алтунташем и его сыном Харуном предпринимали неоднократные попытки захвата Термеза. В 426/1035 гг. сыновья Али-Тегина, разграбив Саганийан, через Дарзенги прорвались к Термезу и подвергли его осаде, но не смогли овладеть им и были вынуждены через Железные ворота вернуться в Самарканд [43, с. 570]. Несмотря на то, что Караханидам при Бури-Тегине удалось захватить Саганийан, а поход против них, совершенный султаном Масудом, окончился неудачей, на положении Термеза эти события никак не отразились. Термез по-прежнему оставался в руках Масуда, а затем его сына Маудуда.

Первые вторжения сельджуков в Северный Тохаристан начались в конце 20-х — начале 30-х гг. XI в. В 435/1034 г. отряд туркмен проник в пределы Термеза и Кобадийана [43, с. 326]. В 430//1038—1039 гг. Чагры-бек Дауд захватил Балх, Бадгиз, Джузджан и Хутталан [346, с. 42]. Затем сельджукские войска осадили и взяли Термез [143, с. 43], после чего Чагры-бек назначил своего сына Алп-Арслана правителем Термеза, Тохаристана, Балха, Кобадийана, Вахша и Валвалиджа. Сразу же после этого в «Ахбар ад-Даулат» приводятся сведения о захвате Хорезма сельджуками в 435/1043—44 гг. [346, с. 43; 188], поэтому можно полагать, что Алп-Арслан стал правителем областей верховьев Амударьи, по-видимому, около 434/1042 г. [128, с. 61]. Саганийан как владение Алп-Арслана в указанном произведении не упоминается, однако новые нумизматические данные позволяют считать, что уже в конце 40-х годов XI в. Саганийан подчинялся его власти.

На городище Будрач найдены посеребренные дирхемы с двумя типами легенд:

1. Алп-Арслан-бек Мухаммад б. Чагры-бек, Саганийан, 44?/1048—58 гг.;

2. Абу-Шуджа Алп-Арслан-бек. Саганийан, год?

Различия в этих легендах в основном касаются куньи и имени Алп-Арслана. В первой из них передано его тюркское и мусульманское имя с титулом, а также имя и титул отца: Алп-Арслан-бек Мухаммад б. Чагры-бек; во втором — только кунья и тюркское имя без имени отца: Абу-Шуджа Алп-Арслан-бек. Выпускные сведения на первом типе монет сохранились фрагментарно — 44? /1048—58/59 гг., а на втором отсутствуют полностью. Однако их датировку уточняет титулатура Алп-Арслана. На всех монетах Алп-Арслана со времени восшествия его на престол в Зу-л-хиджже 455 г. х./25. XI—24. XII. 1063 г. проставлена титулатура «царь царей», «великий султан», «царь ислама», «царь Запада и Востока» [384, с. 110—111]. Следовательно, и второй тип монет был выпущен Алп-Арсланом в Саганийане до 1063 г.

Примечательно, что последние по времени караханидские дирхемы, выпущенные в Саганийане от имени Бури-Тегина, датируются 434/1042—43 гг. [82, с. 96]. В то же время в Шерабадском кладе выявлены дирхемы 434 г. х. со стертыми местами чеканки, выпущенные от имени газневидского султана Шихаб ад-Даула Маудуда (432/1041—440/1048 гг.), [82, с. 81]. М. Н. Федоров, предположив чеканку данных дирхемов в Саганийане, считал, что в 434 г. х. эта область снова попала в сферу влияния Газневидов [377, с. 199]. Это предположение не подтверждается сведениями письменных источников. Так,

в августе 1043 г. султан Маудуд пытался отвоевать у Алп-Арслана Балх и Термез, но потерпел поражение [346, с. 43, 187, 188]. Неудачей оканчивались все последующие попытки Маудуда захватить эти области.

Более успешными были военные действия газневида Фаррухзада (105/1053-1059 гг.), в двух сражениях разграбившего сельджукские армии [346, с. 43; 44[. Однако затем Алп-Арслан победил Газневидов, после чего между ними было установлено соглашение, по которому каждый будет самостоятелен в своих владениях и оставит попытки овладеть чужими [346, с. 44]. Окончательно Балх подчинился Сельджукидам в 1059 г. по договору между Чагры-беком Даудом и султаном Ибрахимом [33, с. 366—367].

Иной была обстановка к северу от Амударьи. На эту территорию помимо Сельджукидов и Газневидов продолжали претендовать Караханиды. Между 441/1049—1050 и 444/1952—53 гг. «хакан тюрок», по предположению Б. Д. Кочнева — Табгач-хан Ибрахим б. Наср, захватил Термез и разрушил его, но позднее Алп-Арслан вновь вернул город во владение Сельджукидов [128, с. 61]. Саганийан в это время также продолжал оставаться сельджукидским владением.

Примечательно отсутствие на указанных монетах Алп-Арслана имени верховного правителя Сельджукидов Тогрул-бека, что говорит об определенном суверенитете власти Алп-Арслана в Саганийане. После смерти Тогрул-бека в 1063 г. Саганийан так же, как и другие области верховьев Амударьи, вышел из подчинения Сельджукидам. Алп-Арслан, став султаном, совершил большой военный поход в Саганийан, где подавил восстание местного амира Мусы [206, с. 374], который при приближении сельджукидских войск к городу с большим числом войск ушел в крепость на вершине горы, сопоставляемую с Кыз-Курганом у кишлака Сина [21, с. 28, 123]. После взятия крепости и казни Мусы Алп-Арслан *захватил всю область и вернулся в* Мерв. В 458/1065 гг. по распоряжению Алп-Арслана области Саганийан и Тохаристан были переданы в удел его брату Ильясу б. Дауду [206, с. 375].

Последующая история Саганийана и Термеза характеризуется укреплением здесь власти сельджукидских султанов, хотя караханиды отказались от своих притязаний на эти области. В письме хакана тюрок султану Маликшаху утверждается, что округа Термеза и его крепость принадлежат странам Мавераннахра и там должен распоряжаться вали (назначенный) хаканом [346, с. 65]. Зимой 465/1072—73 гг., воспользовавшись смертью Алп-Арслана, караханид Шамс ал-Мулк (Наср б. Ибрахим) захватил Термез и два года владел им, назначив наместником города своего брата Буга-Тегина [206; с. 118—119; 346, с. 196]. В мухарраме 466 г. х. или позднее месяца сафар 466 г. х. (6.X—5.XI. 1073 г.) [424, с. 118—119; 346, с. 197] Маликшах вместе с Низам ал-Мулком во главе сельджукидских войск пошел на Термез, после завоевания которого амиру Сау-Тегину было приказано восстановить крепость Термеза и укрепления [346, 1980, с. 69]. Стены цитадели с башнями были облицованы жженым кирпичом, расчищен ров и усилены стены города [260, с. 60].

Нестабильность политической обстановки в государстве Сельджукидов, мятежи сепаратистски настроенных представителей феодальной знати пагубно отражались на судьбах многих городов и областей. Не избежал этого и Термез, подчинявшийся то сельджукидским султанам или их вассалам, то караханидским ханам. Согласно Садр-ад Дину Хусайни, в 467/1074—75 гг. Шамс ал-Мулк вновь захватывает Термез, где казнит правителя области испахбада Кабуд Джама, но вскоре Маликшах разбивает войска хакана и овладевает Термезом [346, с. 70]. В 473/1080—81 гг. брат Малик-шаха Текеш б. Алп-Арслан поднимает мятеж и захватывает Термез, в том же году Малик-шах вынужден был снова штурмовать город, после чего Текеш сдался и покинул Термез [206, с. 377].

В 488/1095 г. в правление султана Беркиярука мятежный полководец Арслан-Аргу захватывает в плен сельджукида Бурибарса б. Алп-Арслана и заключает в тюрьму Термеза, где после годичного заключения он был удавлен [906, с. 382—383]. Только в джумади 490 г. х. (апрель 1097 г.) Беркиярук возвращает Термез в свое владение [206, с. 383]. Анализ штуковых надписей из мавзолея Хаким-и Термези, где упомянут султан Востока Абу-л Музаффар Ахмад Тоган-Тегин, привел М. Е. Массона к выводу, что Термез в конце XI в. подчинялся караханидскому хану Ахмаду б. Хызру [200, с. 63]. Напротив, Б. Д. Кочнев считает, что эта надпись не может принадлежать Ахмаду б. Хызру, поскольку пос-

ледний был ханом и не мог носить княжеский титул «Тоган-тегин» [129, с. 61].

В 495/1102 г. восточнокараханидский правитель Кадыр-хан Джабраил захватил Термез, но после разгрома караханидской армии в сражении с сельджукидскими войсками 22 июля того же года город вновь переходит во владение Сельджукидов [33, с. 381].

О Саганийане исследуемого времени столь подробных сведений в письменных источниках нет, но надо полагать, что эта область со времени правления Алп-Арслана также принадлежала Сельджукам, что подтверждают многочисленные находки монет и надпись 1110 г. на минарете в Джар-Кургане с упоминанием имени Санджара [393, с. 58—70; 204, с. 66—67].

Согласно мнению М. Е. Массона, в 20—30-е годы XII в. Термез был передан султаном Санджаром сыну своей сестры газневиду Бахрам-шаху [200, с. 69], однако Б. Д. Кочнев считает, что распространение власти Газневидов на Термез в это время практически исключено [129, с. 62]. Не подтверждается новыми данными и предположение, что после Бахрам-шаха Термез был передан вассалу Сельджукидов караханиду Хасану б. Али [129, с. 69].

Термез вплоть до конца правления султана Санджара являлся важным стратегическим пунктом в восточных областях обширной империи Сельджукидов. После поражения от гузов Санджар бежал в Термез, откуда начал восстановление своей власти в Хорасане [33, с 393]. В 551/1156 г., бежав из гузского плена, он снова укрывается в Термезе, начальником крепости которого был Ахмад б. Абу-Бакр б. Кумач, предположительно отождествленный с упомянутым в надписи мавзолея Хаким-и Термези Ахмад Тоган-Тегином [129, с. 62]. Саганийан также являлся сельджукидским владением. В 551/1156 г. султан Санджар направляет амиров Ай Аба ал-Му'азади и Кай Аба ал-Кумачи для подавления каких-то беспорядков в этой области [346, с. 113].

Политическая обстановка, сложившаяся на правобережье Амударьи после падения власти Сельджукидов в 551/1157 г., характеризуется ожесточенной борьбой между гуридами, караханидами, карлуками, карахитаями и местной феодальной знатью.

В правление султана Санджара 40 000 гузских семей перекочевали в Саганийан и Хутталь [493, р. 423—426]. Миграция гузов на юг особенно усиливается после поражения сельджукских войск в Катванской степи, и уже в начале 60-х годов XII в. гузы владели Мервом, Серахсом и Балхом [33, с. 399]. Вслед за ними на Тохаристан двинулись карахитан, которые в 560/1165 г. разграбили Балх и Анхуд. По мнению, В. В. Бартольда, карахитаи спровоцировали закончившийся неудачей поход в 1158 г. хуттальского владетеля Абу-Шуджа Фаррух-шаха на Термез, который находился в это время в руках карлуков [33, с. 398]. Более успешными были военные действия, предпринятые в середине 60-х годов караханидским правителем Самарканда Масудом б. Хасаном, закончившиеся победой над карлуками и присоединением Термеза и Саганийана [33, с. 399—400].

В 1178 г. Саганийан и Вахш были захвачены Шамс-ад-Дином Мухаммадом из бамианской ветви Гуридов [493, р. 423, 421]. В конце XII—начале XIII в. Саганийан попадает в орбиту караханидского влияния, что отражают, в частности, выявленные здесь монеты Рукн ад-Дунийа уа-д-Дина [313, с. 42—43].

Термез какое-то время принадлежал Махмуду б. Ил-Арслану [1181—1193 гг.] из династии Ануштегинидов [182, с. 294, 74], владевшему также Мервом, Серахсом и Тусом [33, с. 593]. В конце XII — начале XIII в. здесь правили Карлуки или Караханиды [33, с. 400], а в 601/1205 г. Термез был захвачен наместником Балха гуридом Имад ад-Дином, после чего правителем стал Бахрам-шах [33, с. 84]. Владычество Гуридов в Термезе продолжалось всего один год. В 602/1206 г. в союзе с карахитаями и караханидом Усманом б. Ибрахимом хорезмшах Мухаммад взял Термез. С этого же года и вплоть до 1220 г. области правобережья Амударьи входят в состав Ануштегинского государства.

Культура развитого средневековья

В IX—X вв. ислам уже прочно закрепился в Средней Азии — позади оставалось широкое народное восстание Муканны, идеологическую основу которого определяла зороаст-

рийская вера в её локальных вариантах. Но еще при Саманидах в Чаганиане вспыхнуло и было подавлено какое-то религиозное движение, связанное с древними культами, а в X в. придворный поэт мухтаджидов Фахр ад-Дауля — Дакики писал о том, что в мире бытия он избрал четыре предмета — алые губы красавицы, стон чанга, вино и веру Заратуштры [44, с. 163]. И хотя Е. Э. Бертельс ставил под сомнение, что поэт действительно был зороастрийцем, рассматривая эти строки лишь как отражение его увлечения стариной, (тем более, что в ту пору Дакики начинал свою работу над созданием «Шах-наме» с событий распространения зороастризма среди иранского населения), отнюдь не исключено, что он был сторонником упомянутого антиисламского движения в Чаганиане и лишь безвременная смерть спасла поэта от участи его сторонников.

Тем не менее, хотя к концу X в. ислам, как и во всем Северном Тохаристане, окончательно утвердил свои позиции в Чаганиане, по свидетельству современников, среди его жителей «улемов (ученых) было мало, а факихов (богословов) не было совсем» [33, с. 122].

Большую роль играло мусульманское духовенство в Термезе. Город этот поддерживал тесные связи с лежавшим в 80 км к югу от Амударьи Балхом, который уже с VIII в. был центром суфизма. С балхскими суфиями поддерживал контакты во второй половине IX в. видный термезский богослов-мухаддиз ханифитского толка Абу-Абдаллах Мухаммед б. Али б. Хусейн ал-Хаким ат-Термези (ум. 285—898 г.) [200, с. 44]. Будучи суннитом, он тем не менее был основателем суфийского ордена хакими и имел заслуженную славу как автор до трех десятков сочинений мистико-теологического характера. По-видимому, в жизни его было немало черных дней, о чем косвенно гласит собственное изречение: «...когда для меня наступало бедственное и положенное (судьбой) время, я находил утешение в своих сочинениях». Уже к XI в. его могила стала местом поклонения и над ней был возведен богато убранный мавзолей.

В Термезе пребывал также влиятельный род термезских сейидов (потомков пророка Мухаммеда), с которым считались правители сменявшихся династий Саманидов, Сельджукидов, Караханидов, в чьих руках оказывался город. Фамильный мемориальный комплекс Сейидов — Султан-Саодат также стал местом мусульманского культа [353].

В Чаганиане местные правители не отличались особой богобоязнью, но предпочитали светские формы духовных радостей — охоту, игру в чавган, пирушки, в которых участвовали певцы, музыканты, поэты панегирического и лирического жанров. Среди последних были и такие, что вошли в бессмертный фонд ираноязычной поэзии — упомянутый Дакики и Фаррухи.

По сравнению с Балхом времени Саманидов и Газневидов или Бухарой Саманидов и Караханидов средневековая культура Северного Тохаристана была более провинциальной. Но и здесь крупные города — Термез, Чаганиан, Хульбук были создателями культурных ценностей и средоточием культурно-созидательных кадров. Это запечатлено в архитектуре, в художественном ремесле. Поддерживались зрелищные развлечения, причем для проведения их по распоряжению правителей разбивались пышные «палаточные городки». Так в 1025 г. во время одного из походов Махмуда Газневи на Мавераннахр, после перехода его войска через Амударью в Термезе были сооружены огромный дворцовый павильон, еще один шатер весь покрытый парчей, а также особый «зал веселья», украшенный златошвейными тканями, хрусталем, драгоценными каменьями, зеркалами и всякого рода «редкими вещами», где и проходило пиршество [198, с. 43 сл.]. В 1042 г. в честь приезда газневида Масуда в Термез ему была уготована торжественная встреча. Когда корабль султана пересек Амударью, в термезской крепости стали трубить в карнаи и бить в барабаны, комендант же ее (кутвал) и знать, облобызав перед правителем землю, преподнесли ему дары. После того на корабле началось пиршество с музыкой и пением и в это время, по словам Бейхаки, на термезском берегу «за дело взялись термезские мутрибы (певцы и музыканты), танцовщицы и барабанщики, свыше трехсот человек, и стали танцевать и играть, так что то, что я видел в Термезе, я мало где видывал. Дело пошло так, что подобного раньше никто не знавал». [43, с. 233]. Любое пиршество — и не только при дворах правителей сопровождалось пением и музыкой и в этом участвовали профессиональные исполнители. Выдающийся поэт Фаррухи славился не только своими касыдами, но и мастерством игры на чан-

ге, каковой он услаждал слух чаганианского правителя.

Столица Чаганиана при Мухтаджидах была в X—XI вв. одним из центров придворной культуры. Здесь покровительствовали поэзии, особенно на местном языке дари, один из эмиров этой династии Абул Музаффар Тахир сам писал стихи и оказывал покровительство поэту Манджику из Термеза. Расцвет придворной поэзии связан со временем правления следующего эмира, Фахр ад-Давля. При нем творил поэт Дакики, стихи которого, дошедшие в небольшом количестве, свидетельствуют о его редкостном лирическом таланте. Вместе с тем, как уже упомянуто, Дакики задумал и начал монументальное эпическое творение «Шах-наме». Завершить его он не успел — это осуществил уже вслед за ним великий Фирдоуси, включив в свою поэму тысячу восемь бейтов своего предшественника, что было оговорено во введении. Это произведение отражает легендарные события, связанные с появлением Зороастра, обращением в его веру иранских царей Гуштаспа, Лухраспа и их придворного окружения и далее — с коварными замыслами царя Турана Арджаспа, который собирал против иранцев войско. Таким образом, Дакики был не только тонким лириком, но и стихотворцем эпического плана.

Более полным дошло до наших дней поэтическое наследие другого крупного поэта — Фаррухи, прибывшего в Чаганиан из Сеистана. Он предстал перед вельможей эмира Асадом в рубище, вызвав недоверие, в силу чего ему было поручено написать касыду на заданную тему, связанную с клеймлением коней в весенних степях Чаганиана. Касыда оказалась столь совершенной, что Фаррухи был представлен эмиру и стал ведущим поэтом его двора. Жил он безбедно, но зависть клеветников вынудила его через некоторое время покинуть Чаганиан и перебраться ко двору Махмуда Газневидского [223, с. 67 сл.].

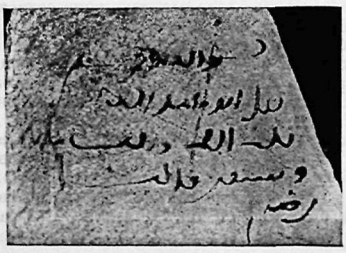
Куфическая надпись на бронзовой ступке. Будрач.

Приведем отрывок чаганианской касыды Фаррухи, полной упоения жизнью, радости бытия:

То же место, где свершится торжество сегодня это,
Удивительнее сказки, многцветнее рассвета.
Небо синее над нами, луг зеленый перед нами.
Как серебряные замки на лугу шатры рядами.
А в шатрах идет веселье, каждый пьет за счастье друга,
Чтобы не было несчастий, огорчений и недуга.
На лужайке звуки чангов — музыканты так искусны,
Виночерпии усердны и нигде не видно грустных.
У влюбленных — поцелуи, ласки, нежности, упреки.
У веселых — смех и песни, а у пьяных — сон глубокий...
[223, с. 69].

Анализируя творчество Фаррухи, Е. Э. Бертельс отмечает: «Это был поэт широко образованный, знакомый с литературой своего времени и обладавший выдающимися способностями... Нельзя не признать, что в поэзии Фаррухи в полной мере сказался его музыкальный талант. Стихи его удивительно полнозвучны и если до умышленной инструментовки стиха он не дошел, то бессознательно он, несомненно, стремился максимально использовать мелодическое богатство языка» [44, с. 350—351].

Средневековое арабское письмо. Кулялтепе, стенка хума с куфической надписью, VIII в.



Видное место в творческой деятельности на территории Северного Тохаристана принадлежит архитектуре. Здесь в городах, а также в пунктах средоточия мусульманских святынь осуществлялось возведение монументальных зданий. Отражая общее направление среднеазиатского зодчества X—XII вв., они, вместе с тем, несут особые черты, выделяющие тохаристанскую школу.

Строительным материалом в крупномасштабном строительстве повсеместно становится жженый кирпич на глиняных, но чаще на ганчевых растворах. Применение его дает импульс к развитию сводчато-купольных конструкций, а это в свою очередь порождает появление новых объемно-пространственных систем. Кирпич служит не только строительным, но и декорообразующим материалом в системе узорных выкладок, в применении фигурно отесанных кирпичиков. Но и традиционные системы декора — резьба по ганчу, резное дерево сохраняют свое значение. Орнаментальный репертуар их по сравнению с доарабским меняется, отражая тенденции, общие в эту пору для всего мусульманского мира. Замысловатая узорность орнамента сочетает геометрические построения, стилизованно-растительные мотивы, а также арабскую эпиграфику в разновидностях геометризованного письма куфи и плавнотекущего несхи. Особо следует подчеркнуть при этом высокое мастерство владения геометрическим узором — расшифровка метода построения головоломных гирихов в декоре дворца термезских правителей потребовала от ученых-исследователей наших дней немало усилий.

Объектами монументального зодчества становятся культовые здания ислама — мечети, ханака, мавзолеи, а в области светской архитектуры — дворцы правителей и резиденции богатых социальных слоев.

Основную застройку городов и селений представляли жилые дома. Их характеризовала определенная типология в чем-то единая, а в чем-то отличная от городского жилища, скованного пределами участка в зоне плотной городской застройки, и более свободного сельского домовладения. Строительная техника сохраняет приверженность к сырцу и пахсе как основным материалам стен, к балочным перекрытиям в массовом строительстве, но в монументальном зодчестве применяются и сводчато-купольные системы.

Жилые дома состоятельных горожан конца IX—X вв. раскапывались на городищах средневекового Хутталя—Курбаншанд (столичный Хульбук) и Сайёд. Они имеют прямоугольный или квадратный план, варьируя в размерах. Основной прием планировки — двор в периметральном обводе прямоугольных помещений. Характерен полностью вскрытый дом в Сайёде [78, с. 107 сл.]. По обе стороны от входа во двор — небольшие привратные комнатки. Двор вымощен жженым кирпичом, образующим узорные кладки. Дворовые фасады покрыты резным штуком и потому для сохранения от воздействия осадков перед ними, вероятно, располагались галереи на деревянных колоннах. Последние, правда, раскопками не обнаружены, поскольку дерево за тысячу лет не сохранилось, а деревянные базы их не оставляли следов на кирпичной выстилке.

Наиболее парадная группа помещений располагалась на противоположной от входа во двор стороне. Она включала восемь помещений, главное из которых, очевидно, служило гостиной-михманханой. Последняя значительней остальных по размерам и потому вдоль двух ее стен располагалось по четыре деревянные колонны, о чем позволяют судить неглубокие гнезда в смазанном ганчем полу. Стены покрыты резным ганчем. Соседнюю комнату характеризует обширная суфа по периметру стен с очажком-сандалом на ней. Еще одно помещение играло роль домашней мечети — на западной стене сохранился михраб. Другие комнаты — бытового назначения, они с суфами, в одной из них осуществлялись омовения, другая служила для приготовления, или, скорее, подогрева пищи. Стены всех комнат этой группы оформлены резным ганчем, а в помещении с михрабом найдены также упавшие с потолка облицовочные детали в виде куполков («хаузак») полуметрового диаметра, покрытых лиственным орнаментом. Сходный принцип планировки имеют и боковые отделы вдоль двора, в которых размещены главное помещение и несколько других с суфами, сандалом, комнатой для омовения. Вероятно, это группа гарема, в то время как центральный комплекс был предназначен для приема мужского состава гостей.

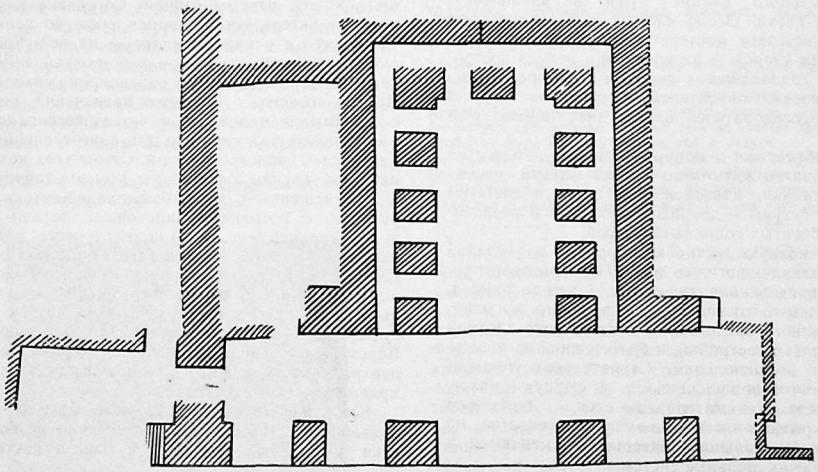
Как уже отмечено, дворовые фасады и большинство интерьеров оформлял резной ганч. Собранный тысячами кусков и посте-

пенно восстанавливаемый в лабораторных условиях, он воссоздает богатый репертуар орнаментальных мотивов. Основная композиция в большинстве имеет архитектонический характер. Плоскостной резьбой передана аркада. Ее трех- и пятилопастные арки основаны на колоннах, или скорее пилястрах, увенчанных фигурными капителями с растительным орнаментом, в которые иногда включен и зооморфный мотив, например, стилизованные головы львов. Стволы пилястр украшает ромбический или меандровый узор или кольцевидные плетенки. А иногда стены заполняют обширные панно с растительным орнаментом, включенным в крупные линейные фигуры сплетающихся розеток. В михрабной комнате обнаружены также остатки надписи почерка куфи с небольшими растительными дополнениями. Узоропостроения резного ганча дополняла окраска — его белоснежная основа сочеталась с голубой (может быть, это выцветший синий цвет?) или густо-красной подцветкой, выделявшей орнаментальные мотивы.

Следует отметить, что многие из этих мотивов находят свои прототипы еще в орнаментальном репертуаре домусульманских времен. Вместе с тем сравнение, например, с резным ганчем того же времени из Самарканда (дворец Саманидов, жилой дом на Афрасиабе) выявляет ряд отличий — показатель принадлежности их к разным школам декоративного мастерства.

Архитектура дворцовых зданий в общем развивала ту же схему, что и крупные жилые дома, отличаясь лишь масштабами и еще большим богатством декора. Правительственный дворец, располагавшийся в цитадели Хульбука и возведенный в X в., имел перимётрально-дворовую организацию с четырьмя айванами на осях двора и с центральным крупным водоемом [77, с. 186 сл.]. Строительные материалы дворца те же, что и в жилых домах — пахса, сырец, кирпичная отмостка полов. Основная дворцовая группа была организована вокруг светового дворика, а в главный двор эта группа была обращена портиком на деревянных колоннах. При пожаре, охватившем большую часть цитадели, дворец сгорел, остатки его были снивелированы и на их возвышении в XI в. выстроен новый, иного плана: квадрат, расчлененный крестообразно двумя коридорами и сосредоточенными в каждой четверти группами помещений — парадных и бытовых. Здание это за время своего

Дворец правителя в Термезе.



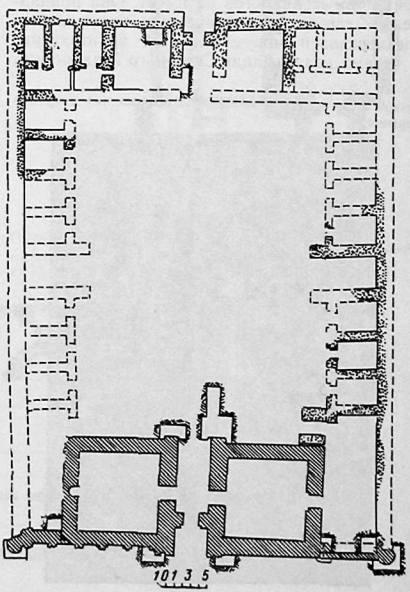
существования претерпело ряд ремонтов, причем каждый раз с пополнением или нанесением нового декора. Преобладает резьба по ганчу — от линейно-графической до объемной в двух и трех планах, в большинстве с окраской, выделявшей как выпуклый узор, так и углубления фона. В декоре использовались также росписи и, что примечательно, не только орнаментального, но и изобразительного характера.

В пригородной зоне Термеза сохранились руины дворца местных правителей. Его возведение восходит к XI в. (вряд ли ранее 1030 г.), а обновление с нанесением нового декора — уже к XII в. [88, с. 46 сл.; 198, с. 40 сл.; 99, с. 151 сл.; 100, с. 168 сл.; 291, с. 207 сл.], когда роль этого города была столь значительна в приамударьинском бассейне. Планировка и общая композиция при этом существенных изменений не претерпели. Строительным материалом был сырцовый кирпич, в облицовке которого первоначально использовались фигурные выкладки из жженого кирпича со вставками фигурно отесанных кирпичиков. В XII в. по ним был нанесен сверху донизу резной ганч.

Главный фасад центрировал портальный вход, откуда посетитель попадал в прямоугольный курдоннер, обстроенный по периметру разного рода помещениями. В центре его располагался восьмигранный бассейн, а на противоположной от входа стороне высилась парадная дворцовая группа. Ее выделял пятипролетный портик, где на мощные квадратные столбы опирались стрельчатые арки — центральная вдвое шире остальных. Отсюда вход вел в аудиенц-зал, расчлененный на три нефа — обширный средний и боковые, обрамлявшие его с трех сторон. Здесь на десяти квадратных столбах покоились арки, а над ними своды. Все устои и стены покрывал резной ганч, исключительно разнообразный по составу орнаментальных мотивов. В числе их упомянутые сложные гирихи с растительным заполнением образованных ими геометрических фигур. Особую роль играли также фигурки фантастических животных — вздыбленные парные львы в геральдической позе со сросшейся единой головой, шествующие львоподобные звери, причем, на тела их нанесены символические знаки солярного и астрального характера. О символике этих изображений можно лишь гадать — по-видимому, она воплощает могущество власти, с одной стороны, и знаки ее оберега — с другой. Кроме резного ганча в декор интерьера входила также настенная роспись: она обнаружена во фрагментах на полу, куда, очевидно, упала с софитов сводов. В ней преобладают растительные мотивы — замысловатые сплетения стеблей и листвы, а также надписи почерком куфи на фоне побега-ислими, в основном благопожелательного характера. Примечательны также фрагменты оконных решеток-панджара, отлитых из ганча и заполненных осколками цветного стекла.

Периметрально-дворовая композиция характерна для многих зданий монументальной архитектуры средневекового Востока и не только для дворцов. Но на почве Бактрии-Тохаристана она имела и собственный генезис. Комплексная же разработка ее в хульбукском и термезском дворцах среди известных ныне

Медресе с двумя мавзолеями в Сайёде.



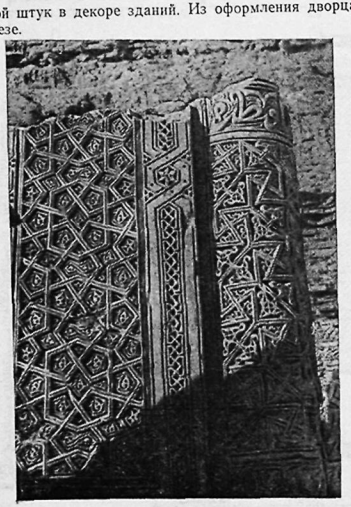
дворцовых сооружений и резиденций Среднего Востока (например в Газни, Лишкари-Базаре, на сеистанских городищах, на Афрасиабе) прямых аналогов не имеет. Она принадлежит северо-тохаристанскому направлению средневековой монументальной архитектуры.

Время исламизации Северного Тохаристана было ознаменовано все возрастающим строительством зданий мусульманского культа. Уже в пору арабских походов завоеватели основывали в главных городах покоренных областей первые мечети, которые со временем разрастались, перестраивались и наряду с которыми со времени Саманидов возводились новые. И хотя еще в середине X в. в Чаганиане имело место и было подавлено движение антимусульманского характера [33, с.309], позиции ислама уже стали непоколебимыми. Вместе с тем, по свидетельству Истахри и Макдиси, если жители Чаганиана отличались правоверием, то, как уже было отмечено, «улемов среди них было мало, а факихов не было совсем».

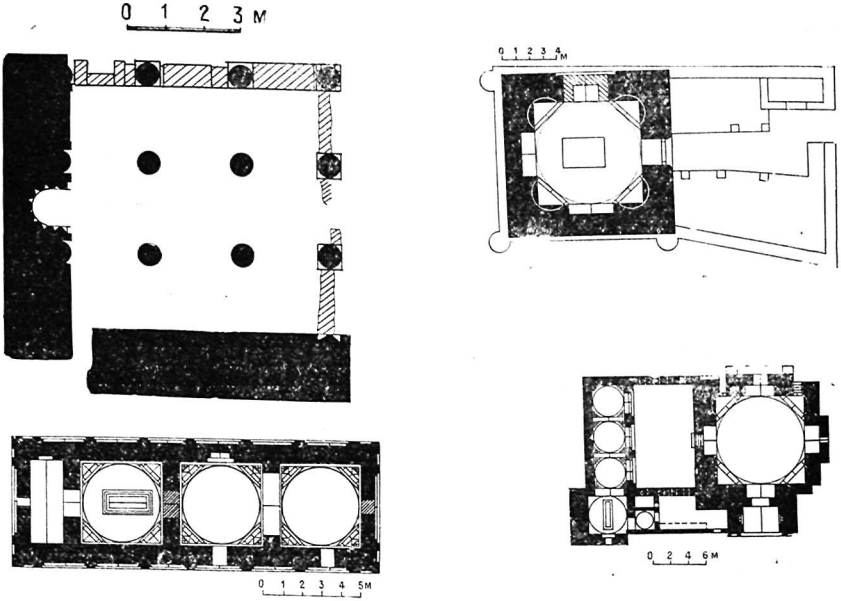
Те же арабские географы, описывая главный город Чаганиана, отмечают богатство и красоту его крытых базаров, в гуще которых высилась прекрасная мечеть с колоннами из жженого кирпича, «но без сводов», то есть с балочными перекрытиями. О красоте этой мечети писал в XII в. и Самани [33, с. 122]. В X в. соборные мечети были не только в больших городах этой области. Так, в источниках упоминается мечеть среди базаров в Дарганзи — крупном селении, жители которого были ткачами.

Где-то на городище Старого Термеза несомненно существовала мечеть джами этого главного на правобережье Амударьи города, но руины ее пока не обнаружены. Однако на ок-

Резной штук в декоре зданий. Из оформления дворца в Термезе.

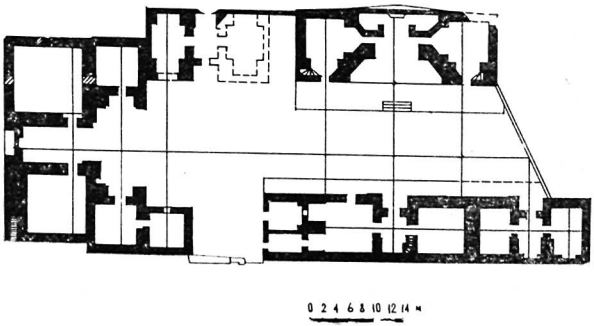


Из оформления дворца в Хульбуке.

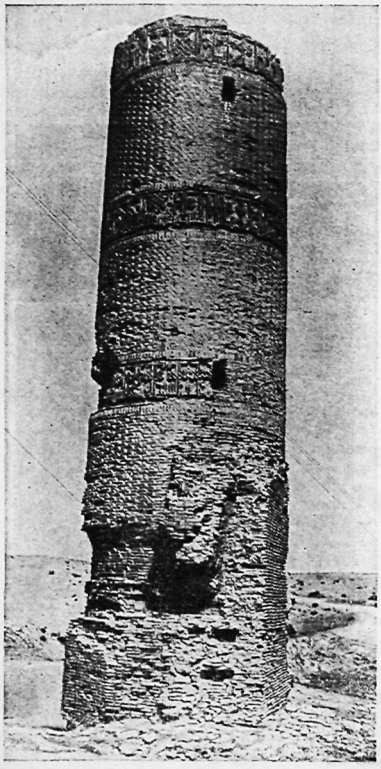


Планы мечетей и мавзолеев:

а — Чар-Сутун; *б* — Ходжа-Иса; *в* — Ак-Астанабаба; *г* — Хакими ат-Термези; *д* — Султан-Саодат.



раине средневекового Термеза исследованы остатки небольшой мечети Чар-Сутун [392, с. 99 сл.; 262, с. 21 сл.]. Еще в начале XX в. возле нее высился минарет, который со временем разобрали на кирпич, но на сохранившейся старинной фотографии была прочитана опоясывающая его ствол надпись с датой возведения в 1032 г. Сама же мечеть, по археологическим данным, предшествует сооружению минарета. Очевидно, первоначально он был сырцовым и восходит по крайней мере к X в., а в XI в. его заменили более прочным кирпичным.



Мечеть квадратного плана, с двух сторон ее толстые стены, с двух других она открыта, очевидно, в былой двор. Девять мощных кирпичных колонн несли когда-то арки и девять основанных на них куполков. В центре западной стены — полукруглый михраб, оформленный полукруглыми гофрами. Первоначально стены были сырцовыми, а пол глинобитный, но во время реставрации — по-видимому, современной строительству кирпичного минарета, и стены и пол облицевали жженым кирпичом. Столпно-арочная конструкция характерна для дошедших до нас ранних мечетей среднеазиатского региона (в широком его понимании). Таковы мечеть Ну-Гумбез («Девятикупольная») в загородной зоне Балха, мечеть Диггарон в Бухарском оазисе. Местонахождение и несколько необычный характер здания Чар-Сутун, открытого с двух сторон, позволяет считать, что это была намазга (мусалля) — загородная мечеть, куда стекался народ из города и округи в дни двух главных мусульманских праздников — Курбан и Рамазан. Толпа молящихся находилась во дворе, в мечети же возле михраба высился отовсюду видимый минбар, на котором стоял имам, возглашавший молитву.

В небольшом здании Чар-Сутун все монументально и строго. Стоящий рядом минарет XI в. во многом ему гармоничен и своими некрупными размерами и такой же простотой. На восьмигранном постаменте покоится цилиндрический ствол, кирпичную кладку которого через равные интервалы оживляют полосы куфических надписей, буквы которых также вытесаны из кирпича. Очевидно, вверху ствол был увенчан фонарем с оконцами для муэдзинов, или просто выносной площадкой с барьером.

Около 80 лет отделяют минарет, сохранившийся в Джар-Кургане (по-видимому, средневековый город Сарманган) к северо-востоку от Термеза [204]. Мечеть, которая, несомненно, располагалась близ него, давно исчезла.

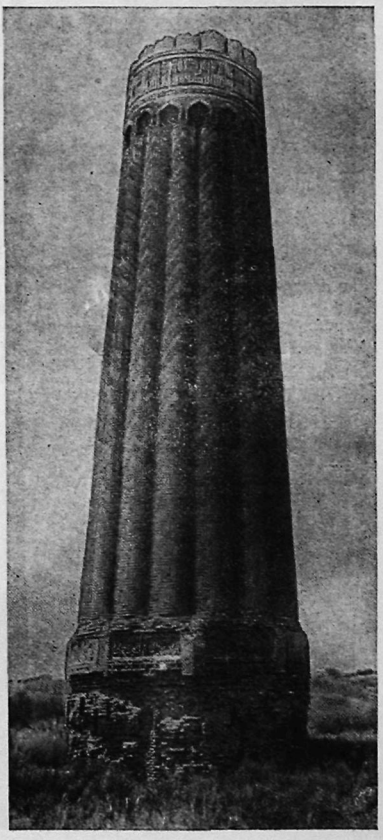
Джаркурганский минарет радикально отличен от термезского, композиция его значительно сложнее, декор богат. Высокий восьмигранный постамент с арочкой на каждой грани и с эпиграфическими панно несет утончающийся кверху ствол, расчлененный на два звена (возможно, и на три — верх не сохранился). Его оформляют полукруглые гофры, выложенные кирпичом «в елку». Гофры первого звена завершены аркатурой, над нею

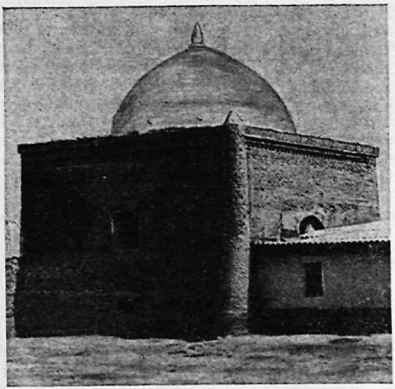
надписи буквами строгого куфи и декоративные полоски. Второе звено также в гофрах — вероятно, его завершала открытая, либо оформленная аркадой площадка муэдзинов, над которой высилось декоративное третье звено. В одной из надписей указано, что строителем был зодчий Али бини Мухаммад ас-Серахси и приведена дата возведения — 1110 г. Нисба мастера указывает на его восточно-хорасанское происхождение (город Серахс находится на южной границе Туркменистана). Оформление гофрами, где царит вертикаль, радикально отличает джаркурганский минарет от минаретов XI—XII вв. в Мавераннахре (в Узгене, Бухаре, Вабкенте), да и в южной зоне Тохаристана (минарет в Давлетабаде), которые расчленены горизонтальными полосами кирпичной орнаментации и нейтральных кирпичных кладок. Отлично оно и от минаретов Ирана (например, минарет Али в Исфахане) со сплошной кирпичной орнаментацией гладкого ствола. Некоторые аналоги дает сравнение с башнями меморативного характера, служившими либо усыпальницами (башня Кабуса в Гургене, Тогрула в Рее, Алаеддина в Верамине), либо монументами славы (башни Масуда и Бахрама в Газни). Их цилиндрическое тело оформляют гофры, но в основном треугольные, а не округлые. Серахский зодчий Али бини Мухаммад проявил творческое новаторство, введя традиционный в домусульманском зодчестве Средней Азии прием полукруглых гофр в оформление уникального в своем роде джаркурганского минарета. Уже не раз отмечалось, что его композиция являет предвозвестие великолепного Кутуб-Минара в Дели, возведенного около 1200 г.

Среди дошедших до нас памятников монументальной архитектуры Северного Тохаристана X—XII вв. наиболее значительно число мавзолеев. В большинстве это усыпальницы чтимых духовных лиц, почитание которых лишь возрастало с годами и которые со временем становились бережно сохраняемыми «святыми местами». Наиболее импозантные усыпальницы возводились из жженого кирпича, насыщались декором, в сельских местностях это более скромные сырцовые постройки, однако композиция их и конструктивные системы были аналогичны кирпичным.

Мавзолеи Северного Тохаристана рассматриваемого периода дают ряд композиционных вариантов. Простейший тип — одиночный мавзолей центрально-купольного типа: квадратная гурхана, прямоугольный объем которой увенчан стрельчатым куполом. Таков мавзолей X — начала XI в. Ак-Астанабаба на левом берегу Сурхандарьи (Сарыассийский район УзССР) [21, с. 77 сл., лит.]. Все фаса-

Минареты. Старый Термез и Джар-Курган.

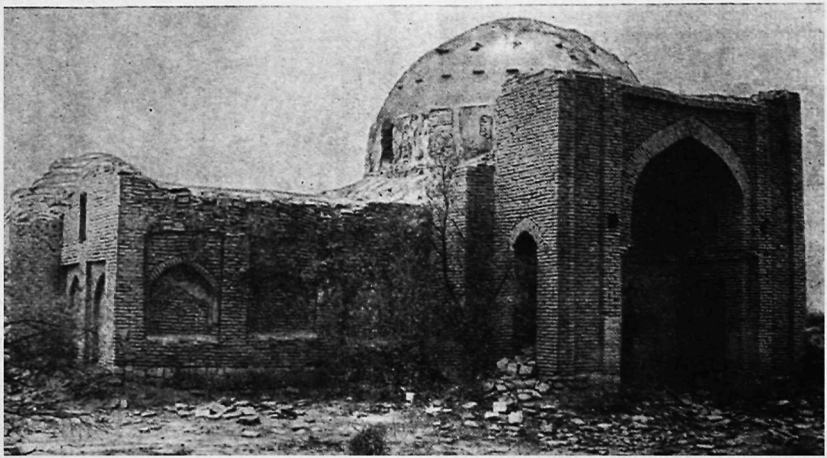




ды его равнозначны, декора нет, но кладка парами кирпичей с широким разделительным швом придает выразительность кирпичной фактуре. Симметричен и интерьер, на осях которого стрельчатые ниши, далее восьмигранный ярус арочных парусов и между ними в простенках по паре уступчато-треугольных настенных арочек.

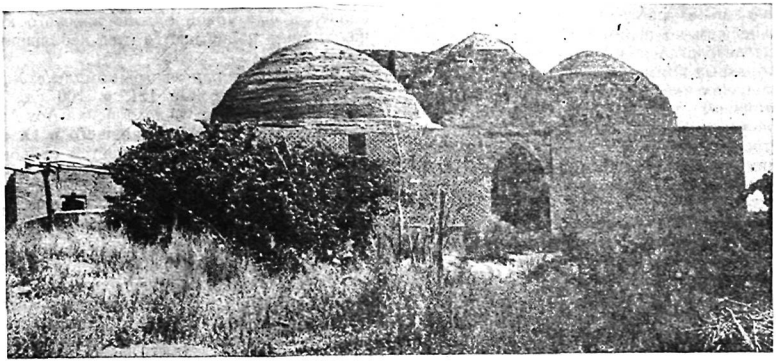
Портально-купольный тип мавзолея представлен несколькими памятниками XI—XII вв. — Ходжа Дурбад близ Шаартуза и Ходжа Нахшарон близ Регара [146; 266, с. 411—412]. Особенность первого составляет включенная в квадратный периметр стен восьмигранная гурхана. В подкупольной конструкции применены кладки «в елку», а на стенах сохранились остатки орнаментальной росписи. Ходжа Нахшарон представляет два смежных и, очевидно, близких по времени возведения мавзолея. У каждого квадратной гурхане предшествует сильно выдвинутый вперед портал со стрельчатым сводом. И снаружи, и в интерьерах применены фигурные кирпичные кладки на стенах парами кирпичей, чередующихся с вертикально поставленными полукирпичиками, в парусах же — кладкой «в елку». Подкупольная конструкция была подвергнута реставрации в XV в., когда традиционную систему перехода арочных парусов сменили ряды щитовидных парусов.

Руины сырцового мавзолея той же даты — Ходжа Рушнаи в Ангорском районе УзССР [225, с. 102, сл.; 21, с. 108, сл.; лит.] — передают аналогичную схему: сильно выдвину-

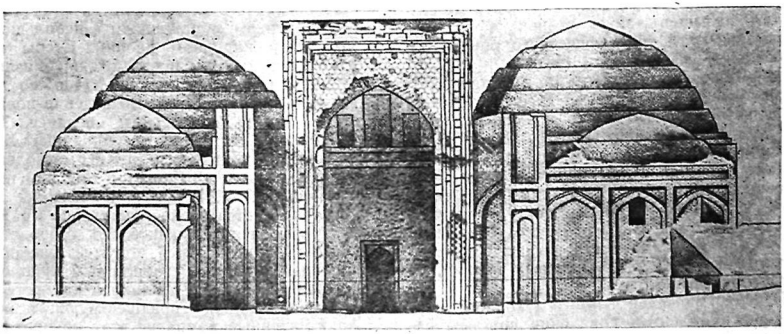


тый портальный вход и квадратная гурхана с проемами в трех ее стенах и нишей (вероятно, игравшей роль михраба) на западной стене. Здесь примечательна система конструктивных сталактитов, образованных диагональным расположением выступающих рядами сырцовых кирпичей, которые смягчают переход от квадрата к восьмиграннику арочных парусов, а выше — к чаше купола. Сырцовый мавзолей Туртаузгумбез в Термезском районе, также с выдвинутым глубоким сводчатым айваном, оригинален планом своей гурханы — полуквадратным, полувосьмигранным [225, с. 107 сл.; 21, с. 99 сл.].

Отмеченные выше смежные мавзолеи Ходжа Нахшарон как бы предвозвещают новую композицию: два центрических мавзолея соединены промежуточным высоким сводом, который выделен по фасаду возвышенным порталом. Такова эта схема в ансамбле Султан-Саодат в Термезе [21, с. 91 сл., лит.; 266, с. 402 сл.]. Ансамбль слагался как место погребения и поминовения членов могущественного рода термезских сейидов на протяжении



Мавзолеи Северного Тохаристана: Ак-Астанабаба; Зуль-Кифль; Сайёд; западные мавзолеи Султан-Саодат.



XII—XVII вв., но основу его составила именно спаренно-айванная система двух изначальных усыпальниц. Объединяющий свод давал доступ к обеим и в то же время служил поминальной мечетью — в его торцовой стене располагался михраб. Главным все же являлся северный мавзолей, где был погребен сейид Хасан ал-Эмир, представитель пятого поколения имама Хусейна — внука пророка Мухаммеда. Со временем вокруг могилы Хасан ал-Эмира появилось плотное заполнение другими погребениями. Большое число их сосредоточено и в противолежащем мавзолее. В дальнейшем по периметру длинного двора постепенно слагался упомянутый ансамбль разнообразных коммеморативных сооружений. В первоначальной же группе, при ее общем симметричном решении подчеркнута роль главной усыпальницы, стены которой расчленены тремя нишами с угловыми колонками, и на них опираются арки. Господствует здесь кирпичный декор (парные кирпичи, резные кирпичики, кладки «в елку»), в то время как в противолежащем мавзолее стены без ниш, поверхности покрыты гладкой штукатуркой.

Спаренно-айванная композиция присуща мавзолеям Ходжа Машад в Сайёде, датировка которых восходит к XI—XII вв. [39, с. 221, 266]. По-видимому, они возводились не одновременно. Более ранний — центрально-купольного типа с единообразной разработкой всех фасадов, у другого выделен передний фасад. Затем их объединили сводом с возвышенным порталом. Всю эту группу отличает разнообразие кирпичных кладок (кирпич, выложенный парами, «в елку», сеткой и др.), а портал насыщен также резной терракотой растительного и эпиграфического орнамента. К основной мавзолейной группе примыкает дворик, обведенный худжрами, в который вел с противоположной стороны самостоятельный портальный вход. По поводу назначения строения велась дискуссия: что это — караван-сарай или медресе? По всем данным, именно медресе: сочетание последних с мавзолеем духовного или царственного лица было достаточно традиционным в архитектуре мусульманского Востока. Возведение его по времени близко к мавзолеям, но строительный материал попроще, если там — жженый кирпич, то здесь — пахса и сырец.

Нередко мавзолей чтимого духовного лица становился объектом появления при нем поминальной мечети, подсобных помещений для паломников, иногда ханаки для встреч членов того суфийского ордена, к которому он принадлежал. Простейший вариант такого комплексного здания связан с неким Ходжа Иса в Шерабадском районе УзССР. [21, с. 112 сл... лит.]. Оно продолговато в плане, включает анфиладно следующие друг за другом небольшой вестибюль, квадратную гурхану, мечеть и еще один смежный с нею отдел (может быть, предназначенный для последующих погребений?). Главный фасад, расчлененный настенными арками, выполнен в фактурной кладке жженого кирпича, за ним поднимаются три небольших купола.

Культово-мемориальный комплекс Хакими ат-Термези в Термезе [21, с. 100 сл., лит.] сложился у могилы ученого шейха Абу Абдаллах Мухамеда Термези, жившего в IX в. перенесшего немало превратностей судьбы, но еще при жизни пользовавшегося почитанием за богословские познания и труды и достойный праведника образ жизни. Со временем он был признан «пиром» — духовным покровителем Термеза (Термез-ата). Между 1091—1095 г. по распоряжению правителя Мавераннахра караханида Ахмеда бини Хызра над могилой возвели мавзолей, интерьер которого от основания до зенита купола был покрыт богатейшим резным штуком. В его узоропостроениях органически сочетаются мотивы геометрические, стилизованно-растительные и эпиграфические, надписи цветущим куфи на сложнорастительном фоне. Спустя некоторое время, с севера к мавзолею была пристроена поминальная мечеть с михрабом и с трехпролетным портиком, обращенным в небольшой, вымощенный кирпичом дворик. Стены мечети покрывает резной штук, очень близкий по стилю к ганчевому декору XII в. во дворце термезских правителей. Возведение новых построек осуществлялось и позднее. Так, в 1389/90 г. восточнее усыпальницы Хакими ат-Термези появляется новый мавзолей (остается неясным для кого) и при нем подземная чилля-хана. В XV в. в мавзолее шейха устанавливается роскошное резное мраморное надгробие, восхваляющее его добродетели и ученость, и возводится монументальная двухпортальная ханака с обширным куполом. Не исключено, что она появилась на месте более скромной ханаки предшествующих времен. Архитектурный комплекс этот на протяжении веков привлекал паломников, нередко при-

бывавших даже из левобережной зоны Амударьи.

Архитектурный комплекс на о. Арал-Пайгамбар на Амударье близ Термеза [21, с. 78, сл.] связывают с пророком Зу-л Кифлом, который в мусульманском богословии объединял трех библейских пророков — Илью, Осия и Захарию. Реальное погребение здесь было связано с арабским полководцем Исхаком ибн Кундаджем (ум. в 279 г. х.-992/3 г.), но сложение комплекса началось не ранее XI в. Первоначально рядом с надгробием была возведена мечеть — крупное портально-купольное здание, а надгробие-сагану включили в прямоугольное помещение гурханы. Фасады были расчленены на два ряда рамами с вписанными в них настенными арками. С запада к гурхане пристроили два подсобных купольных помещения. Системы перекрытий традиционны: в мечети это подкупольный восьмигранник с арочными парусами, в гурхане — свод, в примыкающих к ней помещениях — перспективно-уступчатые паруса. Традиционны и приемы фактурной кирпичной кладки парами кирпичей, чередующихся с вертикальными полукирпичиками, а кое-где — выкладки «в елку».

Как видим, ни одно из сохранившихся мемориальных зданий Северного Тохаристана XI—XII вв. не повторяет другого — варьируют их композиции, конструкции, детали декора. Очевидно, зодчие, даже придерживаясь определенной типологии — центрально-купольного и портально-купольного типа, старались в каждый новый объект ввести нечто свое, не повторяя стандартной схемы, а в ряде случаев осуществляя комбинацию нескольких объемов.

Как и на всем мусульманском Востоке, период IX—XII вв. отмечен в Северном Тохаристане расцветом городского ремесла, в частности художественных ремесел. Он запечатлен существованием специализированных ремесленных кварталов в крупных городах или производственных печей в отдельных селениях, изделия которых дают характерные формы предметов и приемы их украшения.

Художественная обработка металла в северотохаристанском регионе недавно оставалась малоизвестной, но ныне уже можно твердо говорить о существовании — по крайней мере в крупных городах — своих ремесленных мастерских, где изготовлялись из медных сплавов — бронзы и латуни — разнообразные сосуды. Свидетельством тому служит комплекс предметов, сосредоточенных в единой яме из мастерской ремесленника на городище Будрач — столице средневекового Чаганиана [116а, с. 27 сл]. Он датируется, благодаря монетной находке, первой половиной XI в. и содержит наряду с целыми предметами дефектные экземпляры, находившиеся в починке, а также лом сосудов, предназначенных для переплавки. Помимо этого комплекса Будрач дал ряд отдельных находок.

Комплекс медных сосудов и их фрагментов был собран (но не в едином месте) на городище Лагман в Вахшской долине [91, с. 292 сл.; 165 с. 164 сл.]. Он датируется от XI до начала XIII в., но о местном его происхождении пока можно лишь предполагать. Дело в том, что художественная обработка медных изделий была широко распространена на всем Среднем и Ближнем Востоке. И хотя в центрах их производства вырабатываются определенные локальные особенности, выделение их по регионам весьма затруднительно, ибо сосуды высокопрофессиональных мастеров нередко вывозились на продажу далеко от места их изготовления, поступали в качестве даров ко дворам правителей и знати. Техника же их обработки и мотивы орнаментации были почти идентичны в разных регионах. Таковы геометрические и стилизованные растительные мотивы, таковы эпиграфические формулы на арабском языке, выполненные обычно письмом куфи при некоторых вариантах начертания букв. Они обычно содержат благопожелания владельцу сосуда, иногда краткую формулу прославления Аллаха, но часто это «псевдонадписи», когда неграмотный медных дел мастер неумело копировал текст, вернее обрывок его в виде нескольких повторяющихся букв на растительном или точечном фоне.

Техника изготовления тохаристанских сосудов и их оформления — литье, ковка, чеканка, гравирование. Состав основных форм общий в средневековье для утвари народов Среднего Востока — котлы, тазы, блюда, чаши, кувшины, светильники, ручные зеркала.

Будрачский клад отличает многообразие разновидностей сосудов — от больших котлов до малых крышечек. В числе их более десятка массивных ступок, цилиндрическое тело которых оформляют выпуклые каплевидные рельефы, вверху выгравирован в легком рельефе зубчатый карниз, иногда имеется оттянутый орнаментированный борт. Здесь же при-

сутствуют и длинные к этим ступкам песты. Кувшины средне- и малоразмерные, имеют двояковыпуклое тулово, перегиб которого иногда подчеркнут орнаментальной полосой, высокое горло, широко раскинутое у края, также отороченное орнаментом. Отлого-сферические основания от высоких подставок для светильников с отходящим из центра началом профилированной стойки на расширенном диске, другие на трех фигурно изогнутых ножках (триподы). Чашки и чашечки разных размеров, резервуар которых оформляет узорная плетенка со сквозными прорезями. Они, вероятно, служили для воскурения трав, пепел которых частью опадал через отверстия. Светильники-чираги двух типов: одни со сплющенно-сфероидным резервуаром, который оформлен ячеистыми вмятинами, или орнаментальной полосой, у них вытянутый полузакрытый носик, напротив которого была ручка для упора пальца, а с боков декоративные выступы-пластинки с несложным орнаментом; другие крупные, на трех ножках и с тремя носиками, с ажурными прорезями вокруг верхнего отверстия, куда наливалось масло. Среди малых изделий — небольшие крышечки разных форм, бубенчики, косметический сосудик — сурмадон, в котором женщины растирали краску для бровей и ресниц.

Орнаментальные мотивы на этих сосудах

почти не повторяют друг друга, но общий состав их ограничен и в основном они располагаются в полосах. Это растительный побег-ислими, меандр, плетенка, свита пальметт или сердцевидных медальонов с растительным заполнением. Иногда наносятся отдельно выполненные округлые медальоны. На одном фрагменте — полоса куфической надписи (или псевдонадписи? до расчистки она не расшифрована). Оригинален в оформлении ступок мотив зубчатого парапета, привнесенный из орнаментики доисламских времен.

В составе сосудов из Лагмана — полусферическая круглодонная чаша тонкого литья, на дне которой розетка, заполненная треугольниками, на стенке — полоса псевдонадписи, а внутри чаши — арабская надпись письмом куфи — «благословение и благо, и здравье, и счастье, и радость владельцу сего и помощь». Кувшины трехвариантного профиля с округлым туловом на кольцевом поддоне, с расширяющейся к устью горловиной и дугообразной или S-образной ручкой. На одном экземпляре сохранилась часть благопожелательной надписи — «благополучие и благоволение», на другой выгравированы пожелания здоровья, а также два медальона с изображением преследуемой людьми газели. Имеются несколько подставок-триподов, стержни светильников и их верхние блюдца. В совмещенном виде светильник предстает с выпуклым фигурным основанием на трех изогнутых ножках, высоким стволом, оформленным сфероидными катушками на концах, и закрепленным на нем стержнем с широким блюдечком наверху. Сами светильники-чираги — со сплющенно-сфероидным туловом на расширяющемся поддоне, с сильно оттянутым носиком и петлевидной ручкой. В этом комплексе оказалась также небольшая бронзовая чернильница-сияхдон цилиндрической формы с отверстием наверху, вокруг которого растительный побег, а на тулове — два круглых медальона; от кольца их отходят, сплетаясь, полосы обрамления, охватывающего подпрямоугольный картуш, в отсеках которого растительный узор, а внутри медальона — сидящий человек (писец? мыслитель?). Особый интерес представляет отдельная небольшая ручка, располагавшаяся по краю какого-то широкогорлого сосуда. Она воспроизводит фигурку сидящей женщины в облегающем кафтане, с согнутыми и разведенными руками и раскинутыми ногами. У нее вкось идущие брови и разрез миндалевидных глаз, головной убор о трех выступах и длинная коса, сбегающая на спину.

Среди интересных в художественном отношении находок XI—XII вв. из Северного Тохаристана отметим два бронзовых зеркала из Термеза. На одном из них переданы в высоком рельефе две вздыбленные фигуры сфинксов, зеркально повторяющие друг друга [247]. У них женские головки в уборе с тремя выступами, крылья срастаются концами, перехо-

Художественный металл: бронзовая ступка, пестик, кувшинчик, навершие курильницы, Будрач; кувшинчик с древом жизни, Биттепе; бронзовое зеркало и стеклянный медальон, Старый Термез.

дя в тонкий стержень, от которого отходит веерообразная пальметка с трилистниками на концах; в свободном поле между ног также растительные завитки. На другом зеркале стремительно шествующий сфинкс того же типа на фоне растительных сплетений и в обрамлении надписи почерком несхи [198, лит. 22; 274, с. 248]. Подобный образ сфинкса находит параллели на ряде бронзовых зеркал и блюд от Ирана [489, vol. VI, pl. 1302] до Центрального Казахстана [31], показатель их распространения в широком ареале, в котором Термез занимал промежуточное положение. Варианты данного образа сфинкса широко известны в глазурованной и штампованной керамике Ирана и Средней Азии XI — начала XIII в.

Выразителен фрагмент курильницы из *Будрача-Чаганиана в виде головы тигра*, исполненный ажурной техникой, с орнаментальной обработкой шеи животного и обобщенной пластикой морды с условным очертанием пасти, бровей, как бы перерастающих в заострения ушей. Зооморфные со стилизованной передачей образы предстают на отдельных деталях сосудов, таковы, например, птицы на ручках кувшинов — в виде петушка, или орла с распахнутыми крыльями.

При сопоставлении с великолепными изделиями медных дел мастеров Хорасана, особенно Герата [468, рис. на с. 115], северотохаристанские сосуды более провинциальны — не так изысканны их формы, скромнее орнаментация. Но при всем том это подлинно художественные сосуды.

Не вызывает сомнений существование в городах Северного Тохаристана ювелирных мастерских, но сами изделия из драгоценных металлов до нас не дошли. Однако на городище Будрач (средневековый Чаганиан) обнаружены матрицы из жароустойчивого камня, на которых вырезаны в контррельефе будущие детали, выполнявшиеся из золота или серебра [327, рис. на с. 116]. Здесь можно видеть полушарики, круглые глазки, розетки. Судя по ведущим к ним желобкам, вначале осуществлялось литье, а затем молоточками и пунсонами уточнялась форма. Выполненные заготовки либо соединялись попарно, либо монтировались в какую-то оправу. Очень интересна на одной из матриц прямоугольная форма для отливки, плотно насыщенная строками арабских надписей. По-видимому, с нее выполнялась рельефная плакетка для амулета-тумара, по́лого внутри, куда укладывалась молитва или священная травка.

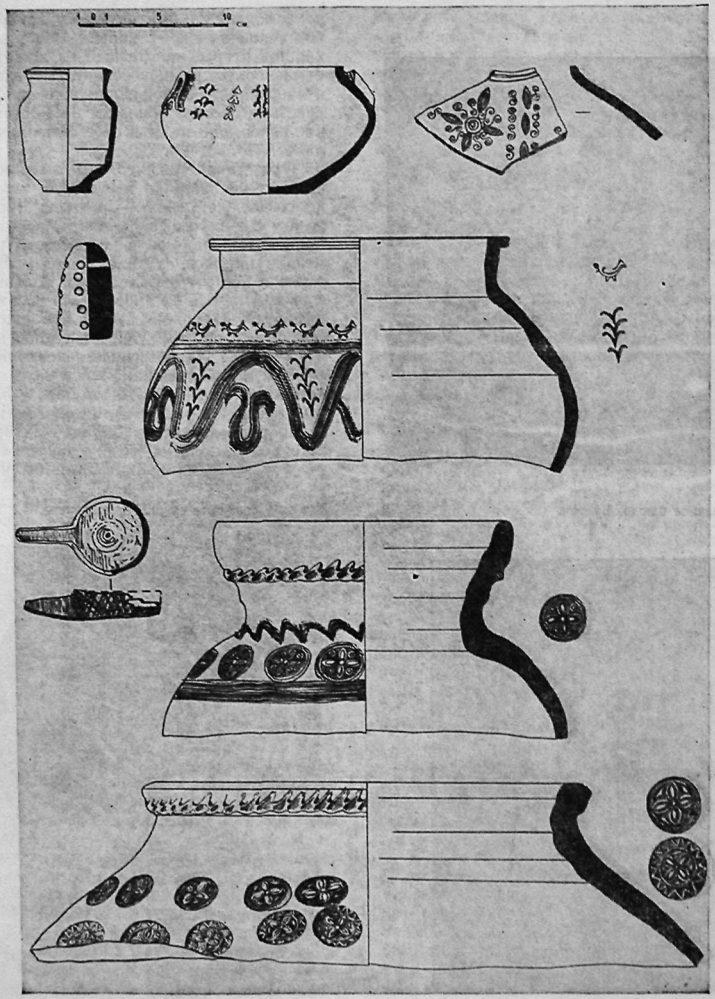
В числе массовых ювелирных изделий — бусы и подвески, которые использовались для серег, ожерелий, вставок в кольца. Они выполнялись из твердых камней — сердолика, халцедона, агата, кварца, а также из фаянса, часто покрытого голубой глазурью, имитирующей бирюзу. Нередки бусы из стекла.

Стеклоделие, судя не только по находкам изделий, но и по скоплению стеклянных шлаков, получило широкое развитие в средневековом Термезе, Чаганиане, Хульбуке [76]. Средневековые сосуды имели в ту пору чисто практическое назначение, особенно в фармакопее, но из стекла изготовлялись и пиршественные чаши. Красоту изделий определяла их форма, а также подцветка: зеленая, голубая, желтая, розовая, вишнево-красная разных оттенков. Иногда фактура сосуда подчеркивалась сотовидными вмятинами, иногда на поверхность его напаивались нитяные накладки.

Особый интерес представляют полупрозрачные стеклянные медальоны из дворца термезских правителей XII в., на которых оттиснуты рельефные изображения [100, с. 151 сл.]. В числе их знатный всадник с ловчей птицей, на коне с богатой упряжью на фоне замысловатого растительного орнамента; беркут, терзающий четвероногое (иногда мотив этот дополнен ветвью растения с листвой, цветком и бутоном); женщина-охотница, стоящая перед конем с небольшой ловчей птицей в руке. Есть и медальон с простой восьмилепестковой розеткой. Предполагается, что медальоны эти инкрустировали деревянную основу трона. Фрагменты еще одного типа медальонов раскрывают связанную с ним тематику. Здесь имеется изображение бегущего джейрана, а вокруг по квадрату нанесена арабская надпись: «для величайшего султана Абул-Музаффара Бахрам-шаха». Имя это, по историческим данным, отождествляется с газневидом Бахрам-Шахом (1118—1157 г.).

Круг изобразительных сюжетов характерен для эпохи: его основная тема — излюбленное развлечение феодальной знати — охота. Но вряд ли на медальонах она предстает в бытовом плане. По всем данным, эти сюжеты связаны с эпосом и преданиями о славном герое и его деяниях. На это намекает и ко-

Керамика X—XII вв. Безглазурная керамика, Гормаллитепе.

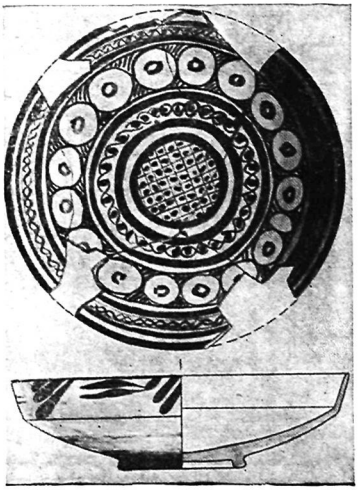


рона всадника, имитирующая двукрылые короны доисламской поры. Изображение же хищной птицы, налетевшей на животное, имеет еще более древнюю основу, передавая «сцену терзания». Заложенная уже скифским искусством и сохранявшаяся на Востоке в течение веков, она несет в себе символическое начало.

Представляется, что тематика медальонов связана с широко известным, вошедшим в классическую поэзию Среднего Востока сюжетом о Бахрамгуре и Азаде, через которую проводится параллель с именем упоминаемого в надписи султана Бахрам-Шаха. Сказание гласит, что Бахрамгур, большой любитель охоты, взял с собой свою возлюбленную арфистку Азаде, но за то, что она посмела посмеяться над ним, бросил ее под ноги коня и растоптал. Царственный всадник, охота, участие в ней женщины возле коня — все это логически увязано в цикле медальонов, которые, очевидно, раскрывали данный сюжет, линейно располагаясь в облицовках трона. Такого рода аналогии между эпическими царями и реальными правителями были нередки

Глазурованное блюдо, Будрач.

Две глазурованные чаши. Гормаллитепе.



в восточной средневековой панегирической поэзии, а в данном случае, как видим, и в изобразительном искусстве.

Художественное оформление бытовой керамики рассматриваемого периода в своем массовом составе занимает по технологическим приемам и характеру декорировки как бы промежуточное положение между керамикой Хорасана и Мавераннахра. В украшении безглазурных сосудов — на кувшинах, кувшинчиках, разных форм флягах-мустахара применялся гравированный рисунок. Целый комплекс их был собран при раскопках квартала керамистов XII — начала XIII в. в Термезе. Орнамент наносился вручную иглой, очевидно, по предварительно наложенному припороху. Он включает различные круглые медальоны с вписанными в них розетками или иными мотивами, а также опоясывающие надписи мягко скользящего почерка несхи, обычно благожелательного характера. Фон между буквами и резервы крупных орнаментальных фигур заполнены точечными наколами. Цвет этих сосудов желтоохристый. ясный, на нем хорошо читается орнамент. По-видимому, эта техника была заимствована от гравировки на бронзовых сосудах, которые в какой-то мере имитирует и цвет глины. Близкий прием известен в керамике Нисы в Южном Туркменистане, но формы сосудов там отличны, а глина обычно серого цвета.

В этом же квартале выделывалась посуда со штампованным орнаментом. Для выполнения его использовались полусферические матрицы-калыбы с нанесенными в контррельефе на внутренней поверхности концентрическими полосами узора, а также небольшие отдельные штампики в форме медальонов и иных фигур. Орнамент оттискивался на сырой глине сосуда, выпуклые половины которого затем соединялись и он ставился в гончарную печь. Штампованные сосуды из Термеза, как и гравированные, дают варианты форм, но следует отметить, что орнаментация матриц-калыбов здесь однообразна — это кружки, горошины, растительные завитки, заключенные в медальоне или обегающие сосуд. В сравнении с поразительным богатством орнаментики штампованной керамики сельджукидского Мерва, или Нишапура они совсем бедны.

Несложный штампованный орнамент наносился и на сосуды хозяйственного назначения — крупные горшки, хумы, хумча. Обширный комплекс фрагментов был собран в отвале у гончарной печи на поселении Гормалы близ Дальверзинтепе [119, рис. 158]. Плечевая часть этих сосудов орнаментирована волнистыми полосами, нанесенными гребенчатым инструментом в процессе вращения на гончарном круге, а также оттиски штампов в виде розеток, причем в отвале были найдены и сами матрицы.

Глазурованная керамика Северного Тохаристана IX—XII вв. еще ждет своей детальной классификации. Обычно это столовые сосуды — чаши, блюда-ляганы, светильники-чираги. Глина черепка плотная, хорошей отмучки, он покрыт белым ангобом, по которому наносилась кистевая роспись коричневато-черной, фисташково-зеленой, оранжево-красной краской, иногда зеленой (дающей обычно растеки), нередка также пятнистая («мраморовидная») роспись с растеками зеленой, желтой, коричневой красок. Глазурь при одноцветной окраске сосуда иногда глухая оловянная, но чаще прозрачная свинцовая, особенно на сосудах расписных. Типологически глазурованная керамика близка к мавераннахрской, и если в массе своей представлена, так сказать, среднекачественным уровнем, то встречаются здесь и первоклассные экземпляры, причем, не повторяющие дословно известных изделий с Афрасиаба (Самарканд) или Бинкета (Ташкент). Таков, например, роскошный ляган X в. из Будрача. На нем в вертикальной композиции крупная, на весь диаметр пальметта, напоминающая античный антефикс, между спиралевидно изогнутыми листами которой — бутоны на длинных стеблях, а в свободных боковых полях прорисованы картуши, заполненные точками. Роспись фисташково-зеленого цвета, но у основания пальметты и в начале ее стержня — два красных мазка, как бы подчеркивающих «соки земли», из которой растение произрастает и которые дают ему жизнь. Вероятно, этот мотив — один из вариантов древа жизни, столь популярного в изобразительной символике восточного искусства.

В сравнении с продукцией из крупных городов много скромнее керамика из районных мастерских, удовлетворявших массовый местный спрос [119, рис. 156—157]. Так, у упомянутой печи в Гормалы собран одновременный комплекс столовых поливных сосудов. В числе их чаши-касы и блюда-ляганы — белофонные, с росписью коричневой краской под прозрачной глазурью. Преобладающий мотив —

надписи и псевдонадписи почерком куфи, расположенные на внутренней поверхности и по диаметру чаши или лягана, реже опоясывающие их по краю, а иногда содержащие в концентрических поясах несложный орнамент (кружки, штриховки, завитки).

На городище Лягман в составе глазурованной керамики характерны чаши, оконтуренные у закраины толстым слоем зеленой краски, которая радиальными потеками спускается ко дну. Иногда вдоль закраины нанесен несложный орнамент из завитков или ромбической сетки. Нередки глазурованные чираги (глазурь голубая или зеленая), причем листовидные щитки их (для упора пальца) обычно украшены штампованным орнаментом, а в одном случае — изображением всадника с двумя пехотинцами.

Комплекс керамических фрагментов из траншеи, пересекшей Старый Термез, который датируется XII — началом XIII в., дает иное [392, с. 421 сл.]. На внутренней поверхности чаш вдоль края нанесена полоса надписи «эпиграфическим курсивом», а на самой закраине — полоска зеленой с растеками поливы. Появляется также покрытие сосуда голубой поливой нередко с процарапанным подглазурным узором, а иногда и несложной китевой росписью черной краской.

В Термезе найдены и образцы высокохудожественных глазурованных сосудов [236, с. 15 сл.]. В числе их несколько фрагментов с зооморфными сюжетами. Интересна чаша *с отлогими стенками, где в широком кольце* ленточного орнамента изображено фантастическое существо с львоподобным торсом, птичьей головой и отходящим вверх крылом с загнутым концом. Это львогрифон, но в очень наивной трактовке, радикально отличной по стилю от классически ясных изображений львогрифонов на металле. В нем все орнаментизировано — шею, грудь, круп покрывают пятнышки, точки, ромбики, на крыле не оперенье, но дуговидная штриховка. Он очень *забавный, этот львогрифон, уже не* мифологический, а сказочный или басенный. В числе других зооморфных сюжетов — бегущий конь, фазан, голубь.

Как видим, тохаристанский художественный металл, керамика, стекло помимо вполне отвлеченных мотивов содержат изображения птиц, коня, львогрифона, сфинкса, то есть те, по выражению советского искусствоведа, «вековые образы», которые имели распространение на всем Среднем Востоке [290]. Вместе с тем в керамике, например, в их передаче налицо явные отличия при сравнении с керамикой Афрасиаба, Мерва, Нишапура: это плод народного местного творчества, по-своему интерпретировавшего общие для Среднего Востока декоративные мотивы.

Окидывая общим взглядом художественную культуру Тохаристана времени развитого средневековья, отметим, что промежуточное положение этой историко-культурной области (в ее северном и южном ареале) между Мавераннахром и Хорасаном во многом определило здесь промежуточный характер творческих воплощений. В сфере архитектуры тохаристанские памятники находят ряд аналогов в композициях, конструктивных приемах, кирпичном и ганчевом декоре преимущественно в восточнохорасанских постройках (в частности, это прослеживается на мавзолеях) [267, с. 14 сл.]. И не случайно, если хорасанский мастер Али из Серахса строил минарет в Джар-Кургане, то почти в те же годы в Сарыпуле был возведен мавзолей Яхьи ибн Зейда, где в одной из вплетенных в растительный орнамент мелких надписей указано: «Возвел это Абу Наср Мухаммед б. Ахмад, термезский зодчий» [413, с 40]. Так в смежных историко-культурных областях шло перекрестное оплодотворение строительными приемами и архитектурными идеями. Тохаристанские изделия и в своих технологических приемах, и в основном репертуаре форм и декоративных мотивов входят в общий комплекс средневосточного художественного ремесла.

Анализу изобразительных мотивов в художественном металле Мавераннахра и Хорасана X—XII вв. посвящено немало публикаций, один обзор которых потребовал бы особого экскурса. Но почти все исследователи сходятся на том, что в силу большой транспортабельности художественных изделий торевтики, проникавших на рынки, порою весьма удаленные от места их изготовления, им *присущи общие стилевые черты и образы.* В последних же налицо общность фольклорных мотивов, в большинстве уходящих в домусульманские времена, но претерпевших в данный период смысловую и эстетическую переработку. Они сохраняются даже вопреки ригоризму ортодоксального ислама, но из сферы культово-мифологической переходят в мир народной сказки. При этом былые ма-

гико-символические функции их обретают новое декоративно-образное воплощение.

Фольклорный же элемент царит в керамике — особенно тисненой и глазурованной, причем здесь локальные черты выступают более отчетливо, внося свои отличия в изделия разных историко-культурных областей и отдельных районов. Эти отличия позволяют выделить керамические школы Мерва и Нишапура, Кашкадарьинского оазиса, Самарканда, Шаша и Ферганы. По-видимому, речь может идти и о тохаристанской керамической школе, поскольку некоторые образцы ее отличают вполне индивидуальные черты.

Изучение художественной культуры северотохаристанского региона в ее разнообразных проявлениях пополняет и обогащает общий фонд творческого наследия ирано- и тюркоязычного населения средневекового Востока.

Заключение

Нам остается подытожить основные аспекты роли Северной Бактрии-Тохаристана в истории Средней Азии, специфики и общих закономерностей историко-культурных процессов этого региона в древности и средневековье.

Анализ всей совокупности историко-археологических материалов позволяет считать, что эта обширная область принадлежала к той группе стран, которые были вовлечены в широкие общие процессы истории древнего и средневекового мира. Уже во II тыс. до н. э. она входила в зону первичного очага формирования и становления протогородской и древней городской цивилизации, во многом определившей ход ее дальнейшего развития в центральных и северных районах Средней Азии.

На протяжении древнего и средневекового периода Северная Бактрия-Тохаристан являлась важнейшим звеном в цепи историко-культурных связей и направлений: Индия—Бактрия—Согд—Чач—Восточный Туркестан, с одной стороны, и Ближний Восток—Иран—Бактрия—Восточный Туркестан — с другой, что во многом определялось ее географическим местоположением на стыке трех историко-культурных зон: согдийской, бактрийской и маргианской, тяготеющих к главной водной артерии Средней Азии — Оксу-Амударье. Закономерно поэтому, что по территории этой области через древнюю Тармиту, Железные ворота, по долинам Амударьи, Сурхандарьи, Шерабаддарьи проходили важнейшие древние и средневековые магистральные дороги — ответвления знаменитого Шелкового пути.

Благодаря своему промежуточному положению между южными городскими цивилизациями и северными земледельческо-кочевническими, Северная Бактрия-Тохаристан являлась своеобразной историко-культурной зоной ретрансляции, в которой, как, пожалуй, ни в одной иной области Средней Азии, происходили столкновение и взаимодействие различных политических сил и народов и оседание элементов разноликих культур на автохтонной основе.

Уже во второй половине II тыс. до н. э. осуществлялись проникновение и последующая адаптация здесь урбанизированной культуры южнотуркменистанско-маргианского круга и культуры северных скотоводов. В античный период вначале сюда проникла эллинистическая культура, на основе взаимодействия которой с бактрийским субстратом вырабатывается своеобразный эллинистическо-бактрийский культурный симбиоз, что запечатлено в различных сферах материальной и художественной культуры.

В кушанское время усиливается роль индийской, главным образом, буддийской идеологии в городах и селениях Северной Бактрии-Тохаристана и, соответственно, взаимодействие буддийской культуры с культурой местного населения, в результате чего возникает своеобразная синкретическая бактрийско-индоэллинистическая культура. Можно уверенно говорить о том, что по количеству и разнообразию буддийских памятников кушанского времени Северная Бактрия не имеет себе равных в Средней Азии.

В то же время, как показали раскопки на Кампыртепе и Тиллятепе, юго-западные районы Бактрии оказались в зоне активных контактов с культурой парфяно-маргианского круга (гончарные печи маргианского типа, парфянские монеты, некоторые виды керамики, мелкая пластика).

В. В. Бартольд неоднократно подчеркивал, что горы, отделяющие долины северных притоков Амударьи от равнинной части тогдашнего Бухарского ханства, всегда составляли более действенную преграду, чем река Амударья, и, пока существовал Балх, и Чаганиан, и соседние области тяготели к этому городу, а не к Самарканду и Бухаре [34, с. 558, 36, с. 360].

Еще одно отличие он видел в том, что, начиная с греко-бактрийского времени, эти об-

ласти были более тесно связаны с Индией, чем с Ираном [34, с. 158].

В этих выводах выдающегося русского востоковеда, сделанных только на основе скудных сведений письменных источников, дано точное, хотя и несколько одностороннее определение историко-культурных особенностей областей Тохаристана, расположенных к северу от Амударьи. Как показано выше, археологические данные выявляют значительно более обширный комплекс таких особенностей, исключительную сложность и, что особенно важно, разносторонность различного рода направлений и связей, определивших в совокупности самобытный характер историко-культурного развития этих областей в различные временные периоды. Ибо ни горы, ни, тем более, реки не являлись действительной преградой для инфильтрации культур.

Как показывают археологические данные, в предахеменидский, ахеменидский и греко-бактрийский периоды Южный Согд (Кашкадарьинский оазис) и Северная Бактрия (Сурхандарьинский оазис), разделенные Гиссарским хребтом, в то же время были объединены культурно-хозяйственной общностью. Археологические исследования в восточной зоне Кашкадарьинской области выявляют поразительное сходство в типах городищ и поселений, их географическом размещении, в архитектуре и материальной культуре с синхронными памятниками Сурхандарьинского оазиса.

Столь же очевидна общность вышеуказанных областей с культурой Маргианы. Вероятно, для всего этого периода, охватывающего время от начала I тыс. до н. э. до второй половины II в. до н. э., можно говорить о едином культурно-хозяйственном бактрийско-маргианско-согдийском субрегионе.

Культурная их обособленность явилась результатом политической — вначале обособилась Маргиана в результате включения ее в состав Парфянского государства, затем Согд, вошедший в состав Кангюя, и Бактрия, в судьбе которой большую роль сыграло вторжение во II—I вв. до н. э. больших масс кочевых народов: саков, юечжей, тохаров, ассиев, пассиан и сакаравлов, разрушивших бытовавшую здесь традиционную систему политических, культурных и хозяйственных связей.

В первых веках н. э., когда, как установлено, Гиссарский хребет становится границей, разделяющей два государства — Кангюй и Кушанскую империю, черты культурного различия проявляются еще более ярко, происходит формирование двух различных по своей сути культурных комплексов — кушанского [189, с. 14—16] и согдийско-кангюйского, для каждого из которых, наряду с определенным сходством, характерен специфический облик артефактов.

В раннее средневековье (V—VIII вв.) Северный Тохаристан оказался зоной, где в силу определенных политических причин происходили активные и интенсивные контакты между северным (тюрко-согдийским), южным (индийским, эфталитским) и юго-западным (сасанидским, а в конце периода — арабским) направлениями. Соответственно в различных областях материальной и художественной культуры этой области отложились разнообразные ингредиенты — сасанидские и согдийские влияния в монетном деле, согдийско-уструшанско-чаганианские параллели в типах погребальных сооружений и обряде, в орудиях труда и быта, буддийские здания, скульптура и живопись, индийская письменность.

И в IX—XII вв. Северный Тохаристан продолжал оставаться областью традиционных культурных контактов севера и юга. Вхождение его в состав Саманидского государства обусловило более сильное влияние северных связей, тогда как более чем столетнее (конец первой половины XI—середина XII в.) господство сельджукидов определило значительное воздействие Хорасана, в частности, в области архитектуры и архитектурного декора.

В древности и, особенно, в средневековье Северный Тохаристан зачастую играл роль буферной зоны между различными государственными объединениями (сасаниды и тюрки, газневиды и караханиды). Будучи же определенным накопителем разнообразных элементов городских культур Среднего Востока, Северный Тохаристан в то же время являлся своего рода ретранслятором, через посредство которого осуществлялась их передача в центральные и северные области Средней Азии.

Таким образом, исторические судьбы и историко-культурные процессы на территории Северной Бактрии-Тохаристана не имели чисто локального значения, а являлись неотъемлемой частью аналогичных процессов, охвативших в древности и в средневековье бо́льшую часть Средней Азии и Среднего Востока.

Наложение на мощный локальный субстрат элементов различных культур Востока, превалирующая роль каждой из которых была

хронологически дифференцированной, способствовало образованию своеобразных культурных комплексов, доминантой которых при всех обстоятельствах оставалась культура местного бактрийско-тохаристанского населения.

Культура Бактрии-Тохаристана предстает как зрелый плод на средневосточном древе, вобравший и исконные корневые соки, и те, что проникали в него в процессе широких историко-культурных связей. В культовой сфере это была одна из областей сложения религии Авесты, со временем оформившейся в зороастрийское вероучение, имевшее здесь известные отклонения от его ортодоксальных форм. Сюда ненадолго проникло почитание олимпийских богов, оставившее свой след через искусство. Здесь закрепилась на несколько веков одна из мировых религий — буддизм, здесь же пребывали манихейские общины. Вместе с притоком кочевых и полукочевых народов в местную среду проникали и присущие им верования и обряды. И, наконец, надолго утвердился ислам, сыгравший важную идеологически объединяющую роль на всем Среднем Востоке.

Как и во всем древнем и средневековом мире, культовая идеология накладывала печать на любые виды творчества — литературное, научное, художественное, но она не была основополагающей в этих сферах, развивавшихся по собственным внутренним законам.

Тысячелетний строительный опыт и меняющиеся с ходом веков общественные запросы определили направление архитектуры, в которой вырабатываются сменяющиеся во времени собственные архитектурные школы. Изобразительные искусства — скульптура, живопись, эволюционируя в веках, предстают как выражение общественных представлений о духовных ценностях и об идеалах прекрасного. С приходом ислама они прекратили свое существование, но в пору его господства продолжали развиваться прикладные искусства, которые в наибольшей мере отражали запросы и творческие свершения проживавших здесь народов.

Культурно-хозяйственное обособление отдельных частей Северной Бактрии достаточно четко проявляется уже в эпоху бронзы, когда в Северной Бактрии доминирующую роль играют земледельческая форма хозяйства и урбанизированная по существу культура ее насельников, тогда как на северо-востоке была весьма значительна роль кочевого населения (пришлого — по А. М. Мандельштаму, местного — по Б. А. Литвинскому). Отметим также, что аналогичное обособление продолжает сохраняться и в кушанское время — Бишкентская долина Южного Таджикистана заполнена сотнями кочевнических курганов, в то время как в Сурхандарьинском оазисе кочевнические погребения этого типа отражены, возможно, только в Айртамском могильнике.

Соответственно Северо-Западная Бактрия представляла собой в то время преимущественно оседлую зону, тогда как Северо-Восточная — смешанную, оседло-кочевническую. При всей общности этнических, политических и культурно-хозяйственных явлений и даже стандартизации элементов культуры и быта нельзя считать, что Северная Бактрия кушанского времени была однородной. Многие виды материальной и художественной культуры в различных ее частях имеют достаточно четкие различия. Так, керамика приамударьинских городищ, при наличии общих признаков, отличается от керамики кушанского Чагании технологическими, орнаментальными и типологическими признаками. Особенно показательна коропластика: фактически в каждом районе Северо-Западной Бактрии был близкий по составу, но иконографически отличный комплекс терракот. Отдельные различия наблюдаются в типах гончарных печей, архитектуре и погребальных сооружений. Существенны отличия в материальной культуре и хозяйственном укладе населения равнинной, исключительно земледельческой зоны и горной, вероятно, скотоводческо-земледельческой и отчасти горнодобывающей.

Таким образом, уже в кушанское время намечаются локальные варианты культурно-хозяйственного обособления отдельных частей внутри крупных историко-географических областей тохаристанского региона. Этот процесс получает свое дальнейшее развитие в посткушанское время и, особенно, в раннее средневековье.

Распад единого Кушанского государства несомненно способствовал ускорению уже назревавшего процесса культурно-хозяйственного и политического обособления различных частей Северной Бактрии-Тохаристана, несмотря на то, что она была вновь объединена к IV в. под эгидой сасанидских кушаншахов. Нам представляется, что именно в это время

начинается формирование здесь в известной мере самостоятельных владений, управляемых местными правителями (Чаганиан, Термез, Кобадиан, Хутталь, Вахш и другие), находившихся в какой-то форме зависимости от кушаншахов, хотя в письменных источниках эти владения фигурируют как таковые только с конца V в. н. э.

Темпы значительного ускорения этого процесса особенно наглядно прослеживаются в раннее средневековье, чему способствовало разнообразие факторов социально-экономических (феодализация общества), политических (вхождение Северного Тохаристана в состав различных государственных объединений — эфталитского, сасанидского, тюркского), этногенетических (переселение в эту область этнически различных групп, в частности тюрков), культурных (в отличие от предшествующего времени, нарастание культурных контактов с Согдом). В результате воздействия этих факторов происходит политическое и культурно-хозяйственное обособление отдельных владений. Монетная система, материальная и художественная культура, письменности, типы погребальных сооружений и обрядов в различных областях Северного Тохаристана в это время уже несколько отличаются.

Во второй половине VII в. в Северный Тохаристан проникают арабские племена. Первые памятники арабской письменности — надписи на черепках хозяйственного и кораического содержания в Северо-Западном Тохаристане (Кулялтепе, Хосилоттепе) датируются первой половиной — серединой VIII в. н. э.

Объединение областей Северного Тохаристана и других частей Средней Азии под эгидой единого арабского халифата в значительной мере способствовало нивелированию межобластных различий, хотя присущие каждой области самобытность культуры и хозяйственных укладов продолжали сохраняться на протяжении всего средневековья, независимо от вхождения в состав различных государств— саманидов, газневидов, караханидов, сельджукидов, хорезмшахов.

В средневековье, наряду с заменой старых социально-экономических отношений, материальной, художественной и духовной культуры, идеологии, хозяйственных укладов происходят значительные этнические изменения. Если с древнейших времен здесь преобладали иранские диалекты (а к IX в. уже упоминается как один из местных народов — таджики), то наиболее сильные изменения в этническую карту Северо-Западного Тохаристана внесли тюркские племена. В тюркизации этой области можно выделить три основных периода: конец VI—VIII вв., начало XI — середина XII в., вторая половина XII — начало XIII в. Наибольшее количественное увеличение тюркского этноса в Северном Тохаристане происходит в XI в. и, особенно, в XII в. В год восшествия султана Санджара на престол (1118 г.) только в Чаганиан и Хутталь переселяется 40 тыс. гузских семей.

В результате столь мощных передвижений различных тюркских племен (гузов, карлуков, кара-хитаев и др.) в Северном Тохаристане былые преимущественные позиции автохтонного ираноязычного населения во многих сферах жизни постепенно утрачиваются. Происходят и соответствующие изменения в типе хозяйства, когда возрастает роль кочевого и полукочевого хозяйства, в культуре насельников области, уменьшается количество городов, усиливается военно-политическая гегемония тюркской аристократии.

Таким образом, северные области Бактрии-Тохаристана во все периоды своей истории находились в фокусе важнейших социально-экономических, политических и этнических процессов, являясь своего рода узловым центром, где теснейшим образом переплетались и взаимообогащались различные культуры Средней Азии и сопредельных стран.

В наши дни, когда перед советской исторической наукой со всей остротой встали задачи освобождения от окостенелых стереотипов, распространявшихся на ход истории всех стран и народов, чрезвычайно важен отход от догматических схем. История многолика, ее пути — это не прямые магистрали, но извилистые тропы, и все они требуют особого поиска для нанесения на карту мировых исторических процессов. И в этом аспекте исследование региональной истории Северной Бактрии-Тохаристана свидетельствует, сколь важно, наряду с изучением прошлого Средней Азии в целом, познание роли отдельных ее историко-культурных областей. Тогда, наряду с общеисторическими закономерностями, перед нами предстанут во всем многообразии и конкретности исторические судьбы отдельных зон и населявших их народов, образующие живую ткань мировой истории.

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. Ташкент, 1956.
2. Абдуллаев А. Работы Яванского отряда//АО 1976 года. М.: Наука, 1977.
3. Абдуллаев А. Памятники раннего железного века в Пянджском районе//Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
4. Алекшин А. А. Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ//Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
5. Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1955.
6. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: АН УзССР, 1960.
7. Альбаум Л. И. Раскопки замка Занг-тепе// ИМКУ. Ташкент, 1963. Вып. 4.
8. *Альбаум Л. И. Занг-тепе (раскопки 1962 г.)*// ИМКУ. Ташкент, 1965. Вып. 6.
9. Альбаум Л. И. Городище Дальверзин-тепе// ИМКУ. Ташкент, 1966. Вып. 7.
10. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
11. Альбаум Л. И. О толковании каратепинских комплексов (В свете раскопок Фаяз-тепе)//Кара-тепе-У. М.: Наука, 1982.
12. Альбаум Л. И. К вопросу об исторической топографии городищ Старого Тезмеза//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
13. Амударьинский клад. Каталог выставки/Автор вступит. ст. к каталогу Е. В. Зеймаль. Л.: Гос. Эрмитаж, 1979.
14. Аннаев Т. Дж. Ранняя арабская надпись с юга Узбекистана//ОНУ. 1979.
15. Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куевурган в Северном Тохаристане// САУ. 1984. № 2.
16. Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана//Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1984.
17. Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела. Пер. С. П. Кондратьева//ВДИ. 1946. № 4.
18. Арриан. Поход Александра Македонского// М.—Л.: Изд. АН СССР. 1962.
19. Аршавская З. И. К эволюции типологической схемы «двор с обводом из коридорообразных помещений» в Северном Тохаристане и Согде// АСУ. 1987. № 4.
20. Аршавская З. И. Заметки об архитектуре Бактрии эпохи бронзы—раннего железа (К характеристике типологических схем)//Сагдуллаев А. С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.
21. Аршавская З. И., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.
22. Аскаров А. А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
23. Аскаров А. А. Расписная керамика Джар-Кутана//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
24. Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
25. Аскаров А. А. Раскопки Пшактепе на юге Узбекистана//ИМКУ. Ташкент. 1982. Вып. 17.
26. Аскаров А. А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987.
27. Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепе. Ташкент: Фан, 1979.
28. Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джар-Кутан. Ташкент, 1983.
29. Аскаров А. А., Ширинов Г. Раскопки монументального храма на Джар-Кутане — памятнике эпохи бронзы юга Узбекистана//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
30. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: Элм, 1986.
31. Байпаков К. М. Талгарское блюдо//Изв. АН КазССР. Сер. общественная. Алма-Ата. 1986, № 6.
32. Балазури. Завоевания Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-Булдан»). Душанбе: Дониш, 1987.
33. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М.: Изд. восточной литературы, 1963.
34. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. М.: Наука, 1965.
34а. Бартольд В. В. Чаганиан//Соч. Т. III. М.: Наука, 1965.
35. Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения//Соч. Т. VII. М.: Наука, 1973.
36. Бартольд В. В. Дер-и Ахенин//Соч. Т. III. М.: Наука, 1965.
37. Бартольд В. В. Термез//Соч. Т. III. М.: Наука, 1965.
38. Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя//МИА. 1950. № 15.
39. Беленицкий А. М. Мавзолеи у селения Саят// МИА. 1950. № 15.
40. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда//Живопись древнего Пенджикента. М.: АН СССР. 1954.
41. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. Труды Таджикской археологической экспедиции//МИА. 1958. № 66.
42. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
43. Бейхаки Абу-л Фазл. История Масуда (1030—1041)//Перевод А. К. Арендса. М.: Наука, 1968.
44. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М.: Изд-во восточной литературы. 1960.
45. Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Госиздат, 1973.
45а. Бетгер Е. К. Извлечения из книги. «Пути и страны» Абу-л Касима ибн Хаукаля//Труды

САГУ. Археология Средней Азии. IV. Ташкент. 1957.
46. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985.
47. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в древнейшие времена. Т. II. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1950.
47а. Бируни. Избр. произведения. Т. 5. Ч. 1. Ташкент: Фан, 1973.
48. Болелов С. Б. Раннесредневековый могильник на городской стене Дальверзин-тепе//Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана. Душанбе: Дониш, 1984.
48а. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М.: Изд. АН СССР, 1956.
49. Брыкина Г. А. Культурные связи Ферганы в I тыс. н. э.//Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
50. Букинич Д. Д. Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации Старого Термеза и его района//Труды УзФАН СССР. Серия 1. Вып. II. Ташкент: УзФАН, 1940.
51. Букинич Д. Д. Каналы древнего Термеза// ТАКЭ. Т. II. Ташкент: АН УзССР, 1945.
52. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент: Фан, 1972.
53. Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы//СА. 1. 1979.
54. Быков А. Очерк переправ через Аму-Дарью. Ташкент, 1879.
55. Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв.//Кара-тепе III. М.: Наука, 1972.
56. Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
57. Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина//Древняя Бактрия. Вып. 3. М.: Наука, 1976.
58. Вайнберг Б. И., Раевская Г. А. Нумизматические заметки//Кара-тепе V. М.: Наука, 1982.
59. Вертоградова В. В. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе//Кара-тепе V. М.: Наука, 1982.
60. Вертоградова В. В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе// Кара-тепе V. М.: Наука, 1982.
61. Виноградова Н. М. Поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана//АО 1980 года. М.: Наука, 1981.
62. Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Г., Самойлик. П. Г., Мельникова Л. А. Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана. М.: Наука, 1979.
63. Воробьева-Десятовская М. И. Надписи письмом кхароштхи на золотых предметах из Дальверзин-тепе//ВДИ. 1976. № 1.
64. Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштхи и брахми из советской Средней Азии//История и культура Центральной Азии. М.: Наука, 1983.
65. Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны//Наука и человечество. 1975. М.: Знание, 1974.
66. Всеобщая история архитектуры. Т. 2. М.: 1973.
67. Вызго Т. С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе//Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
68. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1917 г. М.: Наука, 1952.
69. Горячева В. Д. Красная речка — памятник раннесредневековой городской культуры Семиречья//МАИКЦА. 1985. № 8.
70. Горячева В. Д. Город золотого верблюда. Фрунзе: Илим, 1988.
71. Грант-Аллен. Эволюция идеи божества. Исследование о происхождении религии. Спб.: Издво «Вестник Знания» (В. В. Битнера), 1906.
72. Грантовский Э. А. Бактрия и Ассирия// Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983.
73. Грек Т. В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе//Кара-тепе-II. М.: Наука, 1964.
74. Грек Т. В. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе//Кара-тепе-IV. М.: Наука. 1975.
75. Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан//ЖМНП. 1881. Ч. 217. Отд. 11.
76. Гулямова Э. Стекло с городища Хульбук// Изв. ООН АН ТаджССР. 1961. № 1. (24).
77. Гулямова Э. Резной штук Хульбука//Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. Душанбе, 1978.
78. Гулямова Э. Хуттальские дома X—XI вв.//Абу Али ибн Сино и его эпоха. Душанбе: Дониш, 1980.
79. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.
80. Давидович Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах//Труды АН ТаджССР. Т. 27. 1954.
81. Давидович Е. А. Владетели Насрабада// КСИИМК. 1956. № 61.
82. Давидович А. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник//Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1968. М.: Наука, 1970.
83. Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая»//ВДИ. 1976. № 4.
84. Давидович Е. А. Новые данные по истории Саманидов//Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977.
84а. Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.
85. Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1983.
86. Давидович Е. А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма)//Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980.
87. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: 1980.
88. Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939.
89. Долгоруков В. С. Укрепления раннегреческого города//Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.

90. Долгоруков В. С. Оборонительные сооружения Дильберджина//Древняя Бактрия. Вып. 3. М.: Наука, 1984.
91. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985.
92. Дуке Х. Новый памятник тюркского времени в Южном Узбекистане//УСА. 1975. Вып. 3.
93. Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда//МИА. 1950. № 15.
94. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии//СА. 1954. № 3.
95. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд. восточной литературы. 1961.
96. Дьяконов И. М. Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э.//Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э. Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1969.
97. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса)//История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971.
98. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии//ВДИ. 1982. № 2.
99. Жуков В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза// Труды ТАКЭ. I. Ташкент, 1940.
100. Жуков В. Д. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей//Труды ТАКЭ, II. Ташкент, 1945.
101. Жуков В. Д. Археологические разведки на шахристане Хайрабадтепе//ИМКУ. Ташкент, 1961. Вып. 2.
102. Жуков В. А. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане//МКТ. 1978. Вып. 3.
103. Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе//СА. 1979. № 3.
104. Завьялов В. А. Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепе//КСИИМК. 1981. Вып. 167.
105. Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкантепе-I//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
106. Зеймаль Е. В. Северный Тохаристан в кушанскую эпоху//Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983.
107. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология. М.: Наука, 1968.
108. Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным// Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
109. Зеймаль Е. В. «Варварские подражания» как исторический источник//СГЭ. Вып. II. Л., 1975.
110. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.
111. Зеймаль Е. В. Подражания оболам Евкратида/Приложение к книге: Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984.
112. Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе//МКТ. 1971. Вып. 2.
113. Зеймаль Т. И. Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана)//Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
114. Зеймаль Е. В., Луконин В. Г. Монеты из раскопок Кара-тепе. 1961—1971 гг.//Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1972.
115. Зограф А. Н. Монеты Герая. Ташкент: Изд. Комитета Наук УзССР, 1937.
116. Ибн ал-Факих. Извлечения из «Китаб ахбар ал-булдан»//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939.
116а. Ильясов Дж., Русанов Д. В. Клад средневековых бронзовых изделий с городища Будрач//ОНУ, 1988. № 1.
117. История таджикского народа. Т. 1. М.: Изд. восточной литературы, 1963.
118. История Таджикистана/Библиографический указатель. Т. 2. Душанбе: Дониш, 1986.
119. Исхаков М. Х., Маликов О. С. Археологические памятники в округе Дальверзин-тепе// Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
120. Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран//Перевод Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986.
121. Кадырова Т. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII — начале IX в. Ташкент: Наука УзССР, 1965.
122. Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долин//Вестник ирригации. 1930. № 3.
123. Кара-тепе I—V. М.: Наука, 1965—1982.
124. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги/Под ред. В. С. Соколова. М.: Изд. МГУ, 1963.
125. Кляшторный С. Г. Древнетюркские руниче ские памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.
126. Князев П. И. Разведочно-археологические работы в квартале металлистов Древнего Термеза//Труды ТАКЭ, 1. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1945.
127. Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов//История и археология Средней Азии. Ашхабад: Илим, 1978.
128. Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. II. (Караханиды)// ИМКУ. Ташкент, 1979. Вып. 15.
129. Кочнев Б. Д. Термез и Караханиды//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
130. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
131. Кошеленко Г. А. Рецензия на книгу «Бард-и Нишанде»//ВДИ. 1984. № 1.
132. Кошеленко Г. А., Сердитых З. В. Царский культ в Греко-Бактрии//Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986.
133. Красная речка и Бурана/Под ред. В. А. Лившица, В. М. Плоских, В. Д. Горячевой. Фрунзе: Илим, 1988.
134. Кругликова И. Т., Сарианиди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
135. Кругликова И. Т. Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане//Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.
136. Кругликова И. Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплек-

са Дильберджина//Древняя Бактрия. Вып. 2. М.: Наука, 1979.
137. Кузьмина Е. Е. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху бронзы и раннего железа//Искусство и археология Ирана. М.: Наука, 1971.
138. Лелеков Л. А. Вопросы истории Бактрии в свете данных Михряшта//Бюллетень МЛИКЦА. 1982. Вып. 3.
139. Лившиц В. А. Общество Авесты//История таджикского народа. Т. 1. М.: Изд. восточной литературы, 1963.
140. Лившиц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1969.
141. Лившиц В. А. Кушаны: письменность и язык//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. Наука, 1974.
142. Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
143. Лившиц В. А. Документы//Топрак-кала. Дворец. М.: Наука, 1984.
144. Лившиц В. А. Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирана//ЭВ. 1984. XXII.
145. Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах//ВДИ. 1964. № 3.
146. Литвинский Б. А. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшрон//Труды АН ТаджССР. Т. 17. Душанбе, 1953.
147. Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе//КСИИМК. 1956. Вып. 64.
148. Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье//КСИИМК. 1956. Вып. 16.
149. Литвинский Б. А. Древнейшие государственные образования//История таджикского народа. Т. 1. М.: Изд. восточной литературы, 1963.
149а. Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город//Города и торговля Древнего Востока. III—I тыс. до н. э. Ереван, 1969.
150. Литвинский Б. А. Кушанский город Средней Азии и Индии—параллели//Народы Азии и Африки. 1979. № 3.
151. Литвинский Б. А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1975 г.)//АРТ. Душанбе. 1980. Вып. 15.
152. Литвинский Б. А. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
153. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы)//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
154. Литвинский Б. А. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели//Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
155. Литвинский Б. А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1976)//АРТ. Душанбе. 1982. Вып. 16.
156. Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Р., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии//ВДИ. 1985. № 4.
157. Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работе хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. //Доклады АН ТаджССР. 1954. Вып. 11.
158. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. М.: Искусство, 1971.
159. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г.//АРТ. 1973. Вып. 13.
160. Литвинский Б. А., Мухитдинов . Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан)//СА. 1969. № 2.
161. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Археологические открытия на юге Таджикистана// Вестник АН СССР. 1980. № 7.
162. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Ножны акинака из Бактрии//ВДИ. 1981. № 3.
163. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983.
164. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984.
165. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянки степной бронзы в Южном Таджикистане//Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л.: Наука, 1972.
166. Литвинский Б. А., Соловьев В. В. Средневековая культура Тохаристана. М.: Наука, 1985.
167. Литература Древнего Востока. Тексты. М.: Изд. МГУ. 1984.
168. Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. Спб., 1913.
169. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.
170. Луконин В. Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе//Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1969.
171. Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства//Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. Спб., 1979.
172. Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чача (Шаша)//В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974.
173. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л.: Наука, 1951.
174. Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье//СА. 1954. Т. XX.
175. Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и прилегающих областей//Труды ИИАЭ АН ТаджССР, 1957.
176. Мандельштам А. М. Средняя Азия в VI—VII вв. Очерки по истории СССР. III—IX вв. М., 1958.
177. Мандельштам А. М. К предкушанскому чекану Бактрии//ЭВ. 1966. № 14.
178. Мандельштам А. М. Кочевники на путях в Индию//МИА. 1966. № 135.
179. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане//МИА. 1968. № 145.
180. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975.
181. Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Раскопки Кафириганского отряда в 1952—1953 гг.//МИА СССР. 1958. № 66.
182. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. Спб., 1896.
183. Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.//Страны и народы Востока. Вып. 10. М.: Наука, 1971.

184. Масальский. Туркестанский край. Спб., 1913.
184а. Масимов Э. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе//Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
185. Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла//ЭВ. 1956. Вып. XI.
186. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. 1959. № 73.
187. Массон В. М. Еще раз о геродотовой реке Акес//Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М.: Наука, 1967.
188. Массон В. М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии// Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974.
189. Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
190. Массон В. М. Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии. История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
191. Массон В. М. Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии//История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
191а. Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана//ОНУ. 1981. № 6.
192. Массон В. М. Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика//Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 1984.
193. Массон В. М. Северная Бактрия. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985.
194. Массон В. М. Древняя культура Афганистана //Археология зарубежной Азии. М.: Высшая школа, 1986.
195. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 1. М.: Наука, 1964.
196. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг.// Научная мысль. 1930. № 1.
197. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах //Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.
198. Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение/Труды УзФАН. Серия 1. Вып. 2. Ташкент, 1941.
199. Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей»—«великого спасителя»//Тр. САГУ. Новая серия. Вып. XI. 1951.
200. Массон М. Е. Надписи на штуке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Термези //Тр. ТашГУ. Археология Средней Азии. Вып. V. 1960.
201. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр//Тр. ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад: Туркменистан, 1966.
202. Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории Средней Азии//История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1979.
203. Массон М. Е. Еще раз к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии. Золотой медальон византийского облика из Ахангерана //ОНУ. 1972. № 7.
204. Массон М. Е. Минарет и мечеть, построенные к северу от Амударьи по утвержденному сельджукидом Санджаром проекту//Изв. АН ТССР. Серия общественных наук. 1975. № 2.
205. Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, Гослитиздат, 1976.
206. Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. 1. М.—Л.: Наука, 1939.
207. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных/Перевод Б. А. Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977.
208. Мирбабаев А. К. Новые скальные склепы Куруката//АО 1978 года. М.: Наука, 1979.
209. Мирбабаев А. К. О работе Курукатского отряда//АО 1979 года. М.: Наука, 1980.
210. Медведская И. Н. Раскопки в Шаартузе в 1975 г.//АРТ. Вып. XV. Душанбе, 1980.
211. Мейтарчиян М. Амулет эпохи бронзы с поселения Джар-Кутан//ИМКУ. Ташкент, 1984. Вып. 19.
212. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982.
213. Мережин Л. Н. Керамика XII—XIII вв. из старого Термеза//Тр. ТашГУ. Новая серия. Вып. 172.
214. Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе// Кара-тепе II. М., 1969.
215. Монгайт В. А. Археология Западной Европы. М.: Наука, 1973.
216. Насави. Шихаб-ад-дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал-ад-Дина Манкбурны. Баку: Элм, 1973.
217. Негматов Н. Н. Государство Саманидов. Душанбе: Дониш, 1977.
218. Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А. О работах Уструшанского отряда//АО 1976 года. М.: Наука, 1977.
219. Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К. Раскопки Курукатских склепов//КСИА. 1978. Вып. 15.
220. Негматов Н. Н. Эмблема Рима в живописи Уструшаны//Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. № 2 (52).
221. Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана//СА. 1969. № 3.
222. Неразик Е. Е. Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала//Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.). Наука, 1981.
223. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. М.: Изд-во восточной литературы. 1963.
224. Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье)//Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.: Наука, 1984.
225. Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент: Наука УзССР, 1966.
226. Обельченко О. В. Сакские курганы в долине Зеравшана//Проблемы археологии Средней Азии. Л.: Наука, 1968.
227. Обельченко О. В. Некрополь Древнего Мерва//Тр. ЮТАКЭ. Т. 14. Ашхабад. 1969.
228. Обельченко О. В. Агалыкские курганы// ИМКУ. Ташкент, 1979. Вып. 9.
229. Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979.
230. Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии//Древняя Бакт-

рия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
231. Пидаев Ш. Р. Мирзакул-тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии// Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.
232. Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.
233. Пидаев Ш. Р. Новые материалы к исторической топографии Старого Термеза//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
234. Пидаев Ш. Р. Костяная статуэтка с городища Старого Термеза//ОНУ. 1986. № 9.
235. Пидаев Ш. Р. Два клада монет посткушанского времени из Северной Бактрии/Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент: Фан, 1986.
236. Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент: Фан, 1987.
237. Пидаев Ш. Р., Ртвеладзе Э. В. Исследование Талашкан-тепе I//АО 1977 года. М.: Наука, 1978.
238. Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
239. Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1986.
240. Пилипко В. Н. К вопросу о чеканке Митридатокерта//ВДИ. 1987. № 1.
241. Пичикян И. Р. Произведения ахеменидского времени в храме Окса//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, археологии и архитектуры. Ташкент, 1985.
242. Пичикян И. Р. Эллинское в храме Окса (Северная Бактрия)//Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э.— VIII в. н. э. Ташкент: Фан, 1986.
243. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах/ Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. Т. I—III. М., 1890—1899.
244. Полавская О. И. В горах Южного Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1967.
245. Пругер Е. Б. Древние горнопромышленные объекты юга Узбекистана//Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов ТашГУ. Вып. 630. 1986.
246. Пугаченкова Г. А. Пути развития Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд. АН СССР, 1958.
247. Пугаченкова Г. А. Бронзовое зеркало из Термеза//Советская этнография. 1961. № 1.
248. Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана// СА. 1963.
249. Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чагианиана//Труды ТашГУ. Вып. 200. 1963.
250. Пугаченкова Г. А. Об одной группе терракотовых статуэток Тохаристана//Новое в Советской археологии. М., 1965.
251. Пугаченкова Г. А. К дискуссии о Сотере Мегасе//Тр. ТашГУ. Вып. 295. 1966.
252. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
253. Пугаченкова Г. А. К стратиграфии новых монетных находок в Северной Бактрии//ВДИ. 1967. № 3.
254. Пугаченкова Г. А. Две ступы на юге Узбекистана//СА. 1967. № 3.
255. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971.
256. Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзин-тепе//СА. 1971. № 4.
257. Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии// ВДИ. 1973. № 1.
258. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Гослитиздат, 1973.
259. Пугаченкова Г. А. К открытию надписей кхароштхи на золотых предметах Дальверзинского клада//ВДИ. 1976. № 1.
260. Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
261. Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии)//История и культура Средней Азии. М.: Наука, 1976.
262. Пугаченкова Г. А. Термез, Шахрисябз, Хива. М.: Искусство, 1976.
263. Пугаченкова Г. А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.)//Древняя Бактрия. Вып. 2. М.: Наука, 1979.
264. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.: Искусство, 1979.
265. Пугаченкова Г. А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в.//Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
266. Пугаченкова Г. А. Памятники искусства Советского Союза. Средняя Азия. Лейпциг: Искусство, Эдцион, 1983.
267. Пугаченкова Г. А. Хорасанские мавзолеи// Художественная культура Средней Азии IX—XIII веков. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1983.
268. Пугаченкова Г. А. Поздноантичная живопись Бактрии-Тохаристана. Тенденции и стиль// Из истории живописи Средней Азии, традиции и новаторство. Ташкент: Изд. лит. и искусства, 1984.
269. Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии //Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1986.
270. Пугаченкова Г. А. Еще о халчаянской скульптуре//Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987.
271. Пугаченкова Г. А. К неутихающим дискуссиям: варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент: Фан, 1987.
272. Пугаченкова Г. А. Шор-тепе//ИМКУ. Ташкент, 1987. Вып. 21.
273. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1960.
274. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М.: Искусство, 1982.
275. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. О золоте «безымянных царей» из Тилля-тепе (к проблеме стиля и связей)//Из истории культур-

ных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент: Фан, 1986.
276. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии//ВДИ. 1971. № 4.
277. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
278. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии//ОНУ. 1983. № 5.
279. Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов// Древний Восток. Город и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1973.
280. Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе: Дониш, 1975.
281. Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе: Дониш, 1982.
282. Пьянков И. В. «Шелковый путь» от Гиерополя в Серику//Памироведение. Вып. 11. Душанбе: Дониш, 1985.
283. Пьянкова Л. Г. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка//СА. 1974. № 3.
284. Пьянкова Л. Г. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам эпохи бронзы низовий Вахша и Кызылсу): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Душанбе, 1982.
285. Ранов В. А., Коробкова Т. Ф. Тут-каул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане//СА. 1972. № 2.
286. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971.
287. Рахманов У. Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4// ИМКУ. Ташкент, 1981. Вып. 16.
288. Рахманов У. Об орнаментации керамики с поселения Джар-Кутан//ИМКУ. Ташкент, 1982. Вып. 17.
289. Рахманов У., Шайдуллаев Ш. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапаллинской культуры//ОНУ. 1985. № 11.
289а. Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорной зоны юга Узбекистана//Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 4. Ташкент: Фан, 1969.
290. Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Г. Гуляма. 1987.
291. Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построений. Ташкент, Гос. изд. худож. лит. УзССР, 1961.
292. Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана//Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974.
293. Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени//СА. 1975. № 2.
294. Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
295. Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе//ВДИ. 1977. № 4.
296. Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус//Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
297. Ртвеладзе Э. В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии//ВДИ. 1978. № 4.
298. Ртвеладзе Э. В. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Сагаиан//ИМКУ. Ташкент, 1978. Вып. 14.
299. Ртвеладзе Э. В. По поводу династических связей Хорезма и Чаганиана в раннее средневековье//Вестник ККФАН УзССР. 1980. № 1 (79).
300. Ртвеладзе Э. В. Саганианские медные фельсы Мухтаджидов X в.//Средневековый Восток. М.: Наука, 1980.
301. Ртвеладзе Э. В. Бронзовый кинжал из Вахшувара//СА. 1981. № 1.
302. Ртвеладзе Э. В. Ксениппа—Паретака//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
303. Ртвеладзе Э. В. О местоположении бактрийского города Аорна//ВДИ. 1982. № 1.
304. Ртвеладзе Э. В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане (по данным нумизматики)//ОНУ. 1982. № 1.
305. Ртвеладзе Э. В. Нумизматические данные к истории Чача//ОНУ. 1982. № 8.
306. Ртвеладзе Э. В. Исследования на городище Будрач и в его окрестностях//АО 1981 года. М.: Наука, 1983.
307. Ртвеладзе Э. В. К биографии Фаррухи//Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1983.
308. Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангтуштепе//СА. 1983. № 1.
309. Ртвеладзе Э. В. Новые археологические данные к истории городища Будрач//ИМКУ. Ташкент, 1983. Вып. 18.
310. Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыр-тепе/ВДИ. 1984. № 2.
311. Ртвеладзе Э. В. К истории эфталитов-алхонов//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
312. Ртвеладзе Э. В. Рец. на кн. Литвинский Б. А., Седов А. Д. Тепа-и шах. Культура и связи Кушанской Бактрии//ВДИ. 1985. № 4.
313. Ртвеладзе Э. В. К истории денежного обращения в Саганийане VIII — начала XIII вв.// ЭВ. 1985. Вып. XXIII.
314. Ртвеладзе Э. В. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане//СА. 1986. № 4.
315. Ртвеладзе Э. В. Стена Дарбанда Бактрийского//ОНУ. 1986. № 12.
316. Ртвеладзе Э. В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннее средневековье//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент: Фан, 1987.
317. Ртвеладзе Э. В. Скотоводы и земледельцы в Бактрии. Историко-политический аспект проблемы//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987.
318. Ртвеладзе Э. В. Монетные комплексы из Кампыр-тепе//Вторая нумизматическая конференция. М., 1987.
319. Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1987.

320. Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//ИМКУ. Ташкент. 1987. Вып. 21.
321. Ртвеладзе Э. В. Раннесредневековые монеты Чаганиана с парным изображением//Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
322. Ртвеладзе Э. В. Первый арабский фельс Термеза амира ал-Хасана б. Хумдана//Я. Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1988.
323. Ртвеладзе Э. В., Исхаков М. Х. Плотина Сар-и Банд//САУ. 1977. № 1.
324. Ртвеладзе Э, В., Исхаков М. Х. Два средневековых чаганианских селения//ИМКУ. Ташкент. 1979. № 15.
325. Ртвеладзе Э. В., Лившиц В. А. Памятники древней письменности. Ташкент: Узбекистан, 1985.
326. Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1981.
327. Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С. Памятники минувших веков. Ташкент: Узбекистан, 1986.
328. Ртвеладзе Э. В., Ташходжаев Ш. С. Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами//Византийский временник . 1973. № 35.
329. Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1973.
330. Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Археологические исследования в Бандыхане//Всесоюзная археологическая конференция. Тезисы докладов. Киев, 1975.
331. Ртвеладзе Э. В., Аршавская З. А., Шейко К. А. Пещерный комплекс Кара-Камар//Архитектура и строительство Узбекистана. 1988. № 8.
332. Сабиров К. С. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
333. Сабиров К. С. Новые данные о крепостных стенах кушанского городища Зартепа//ИМКУ. Ташкент. 1979. Вып. 15.
334. Сабиров К. С. Новые материалы к изучению укрепления кушанского времени. Городище Хайрабад-тепе//ИМКУ. Ташкент. 1981. № 16.
335. Сагдуллаев А. С. К эволюции древних поселений Южного Узбекистана//САУ. 1976. № 9.
336. Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1978.
337. Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау//История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
338. Сагдуллаев А. С. Архитектура древнебактрийских усадеб//САУ. 1981. № 6.
339. Сагдуллаев А. С. Древние пути на юге Узбекистана//ОНУ. 1981. № 17.
340. Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии//СА. 1985. № 4.
341. Сагдуллаев А. С. Бактрия и Согд (эволюция древнейших границ оседлого населения)//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985.
342. Сагдуллаев А. С. Культура юга Средней Азии VII—IV вв. до н. э. Ташкент: Изд. ТашГУ, 1987.
343. Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческие усадьбы Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1987.
344. Сагдуллаев А. С. Древняя Бактрия и кочевники//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987.
345. Сагдуллаев А. С., Хакимов З. А. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (по итогам работ 1973—1974 гг.)//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
346. Садр-ад-Дин Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Сельджукийа/Издание текста, перевод, введение, примечания и приложение З. М. Буниятова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1980.
347. Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
348. Сарианиди В. И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
349. Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан)//Древняя Индия. М.: Наука, 1982.
350. Сафа Тарих-и адабийат дар Иран (на персид. языке). Г. 1. Тегеран, 1957.
351. Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи//СА. 1984. № 3.
352. Седов А. В. Кобадиан на пороге средневековья. М.: Наука, 1988.
353. Семенов А. А. Происхождение термезских сейидов и их древняя усыпальница. «Султан-Саодат»//ПТКЛА. Ташкент. 1914. Вып. XIX.
354. Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М.: Изд. восточной литературы, 1963.
355. Смирнова О. И. Нумизматические заметки//ЭВ. 1977. XVIII.
356. Смирнов О. И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.
357. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М.: Наука, 1983.
358. Соловьев В. Н. Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана//Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
359. Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период)//Индия в древности. М.: Наука, 1964.
360. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Изд. Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1977.
361. Ставиский Б. Я. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг.//Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1982.
362. Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И. Сасаниды в Правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв.//ВДИ. 1972. № 3.
363. Стеблин-Каменский И. М. Бактрийский язык//Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981.

364. Страбон. География в 17 книгах/Перевод Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964.
365. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968.
366. Сухарева С. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
367. Табари. История ат-Табари. Ташкент: Фан, 1987.
368. Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд. МГУ, 1948.
369. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Эрмитажа. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1940.
370. Тревер К. В. Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса//Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961.
371. Тургунов Б. А. К изучению Айртама//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1973.
372. Тургунов Б. А. Новый буддийский памятник на территории Узбекистана//ОНУ. 1984. № 8.
373. Тургунов Б. А. Раскопки на Дальверзин-тепе//АО 1983 года. М.: Наука, 1985.
374. Тургунов Б. А. Новые находки из Айртама// Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент: Фан, 1987.
375. Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме//ОНУ. 1981. № 6.
376. Усманова З. И. Эрк-Кала. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы//Труды ЮТАКЭ, 1969.
377. Федоров М. Н. Нумизматические данные к истории Саганийана//ИМКУ. Ташкент, 1969. Вып. 8.
378. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в X — начале XI в.//Нумизматика и эпиграфика. 1972. Т. X.
379. Хакимов З. А., Шваб Ю. З. Султан-Саодат// Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 4. Ташкент, 1969.
380. Хакимов З. А. Памятники архитектуры в Южном Узбекистане//Художественная культура Средней Азии IX—XIII веков. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1982.
381. Хакимов З. А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства// Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1983.
382. Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад //По следам древних культур Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 1978.
383. Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980.
384. Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков. Ашхабад: Ылым, 1977.
385. Хрестоматия Древнего Востока. Ч. вторая. М.: Высшая школа, 1980.
386. Хумбах Х. К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе//Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука. 1975.
387. Худуд ал-Алам. Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. С введением и указ. В. В. Бартольда. Л., 1930.
388. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров//Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Изд. АН СССР, 1959.
389. Шеркова Т. А. Египет и Кушанское царство: торговые и культурные контакты: Автореф. дис. ...ист. наук. М., 1988.
390. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981.
391. Шишкин В. А. К исторической топографии Термеза//ТАКЭ. 1940. Т. I.
392. Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза//ТАКЭ. 1945. Т. II.
393. Шишкин В. А. Минарет в Джаркургане//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. II. 1950.
394. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М.: Искусство, 1985.
395. Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана//УзИВАН. Т. 16. М.—Л., 1958.
396. Щетенко А. Я. Раскопки монументального комплекса Зар-тепе//Древняя Бактрия. Л., 1974.
397. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога/Перевод А. А. Деконского и М. И. Рижского// ВДИ. 1955. № 1.
398. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога//Перевод А. А. Деконского и М. И. Рижского// ВДИ. 1955. № 4.
399. Юсупов Л. Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана//СА. 1975. № 2.
400. *Auget Ch., Curiel R., Le Rider G.* Terrasses sacrées de Bard-é Nechandeh et Masjid-i Soleyman. Les trouvailles monetaires//MDAFA, t. XLIV, Paris, 1979.
401. Baladhuri. The Origins of Islamic State. Transl. by Ph. Kh. Hitte. New York, 1916.
402. Beal S. Si—Yu—Ki. Buddhist Records on the Western World, vol. 1. London, 1906.
403. Belenizki A. M. Mittelasien Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.
404. Bernard P. Ai Khanoum on the Oxus. Hellenistic City in Central Asia//The Proceedings of the British Academy, vol. 53, 1967.
405. Bernard P. Troisième campagne de fouilles à Ai-Khanoum in Bactriane. CRAIBL, 1968.
406. Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Ai-Khanoum en Afghanistan. CRAIBL, 1970.
407. Bernard P. Campagne de fouilles à Ai-Khanoum (Afghanistan). CRAIBL, 1973.
408. Bernard P. Campagne de fouilles 1974 à Ai-Khanoum (Afghanistan). CRAIBL, 1975.
409. Bernard P. Diodor XVII, 83, 1: Alexandrie du Caucase ou Alexandrie de l'Oxus? Journal des Savants, 1982.
410. Bernard P. Alexandre et Ai-Khanoum. Journal des Savants, 1983.
411. Bernard P., Francfort H. Etudes de géographie historique sur la plaine d'Ai-Khanoum. Ed. CNRS, 1978.
412. Bivar A. D. N. The Kushano-Sasanian Coin Series//Journal of the Numismatic Society of India, vol. XVIII, pt. 1, 1965.
413. Bivar A. D. N. Seljuquid Ziyarats of Sar-i Pul

(Afghanistan)//Afghanistan, vol. 27, № 3, 1974.
414. Bosworth C. E. The Rulers of Chaghaniyan in Early Islamic Times//Journal of Persian Studies, 1981.
415. Brown P. A. Literary History of Persia, vol. 1, Cambridge, 1929.
416. Chahar Maqala. Ed. Mirza Muhammad ibn Abdu'l Wahhab Qazwini//GMS, vol. 11, Leiden—London, 1910.
417. Chattopadhya B. The Age of the Kushans. A Numismatic Study. Calcutta, 1967.
418. Chavannes E. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux. SPb, 1903.
419. Cristensen. Les Kayanides. Kobenhavn, 1931.
420. Cunningham A. Coins of the Kushans of Great Yue-ti. Numismatic Cronicle, 1892.
421. Dalton O. M. The Treasure of the Oxus. 3rd. ed., London, 1964.
422. Dinavery Abu Hanifa. Kitab al-Ahbar at-Tiwal. Publ. by V. Guirgiss. Leiden, 1938.
423. Esin E. Tarkhan Nizak or Tarkhan Tibek?//American Oriental Society, vol. 97, 1977.
424. Ibn el-Athiri. Cronocon quod perfestissimum inscripitur. Ed. G. I. Tornberg//BGA. X, Lugduni Batavorum, 1864.
425. Ibn Haukal. Viae et regni//BGA, II, Lugduni Batavorum, 1873.
426. Ibn Khordadbeh. Kitab-al Masalik wa'l Mamalik//BGA, VI, Lugduni, Batavotum, 1889.
427. ISMEO activities. East and West. vol, 22, № 3—4, 1972.
428. Istakhri. Viae regnorum//BGA, I, Lugduni Batavorum, 1870.
429. Fasmer R. Beitrage zur Muhammedanischen Münzkunde//Numismatische Zeitschrift, 58. Berlin, 1985.
430. Francfort H. P. Le plan des maisons gréco-bactriennes et le problème des structures de type «megaron» en Asie Centrale et en Iran//Le plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Paris, 1977.
431. Francfort H. P. Des fortifications en Asie Centrale. Paris, ed. CNRS, 1982.
432. Francfort H. P. Fouilles d'Ai-Khanoum. Le sanctuaire du temple à niches indentiés//MDAFA, LXXVII, Paris, 1984.
433. Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans//BEFEO, LXI, 1974.
434. Fussman G. Nouvelles inscriptions saka: ère d'Eucratide, ère d'Azes, ère de Kaniska//BEFEO, LXVII, 1980.
435. Gardin J. C. Ceramiques de Bactres//MDAFA, t. XV, Paris, 1957.
436. Gardin J. C., et Gantelle P. L'exploration du sol en Bactriane antique//BEFEO, LXVI, Paris, 1979.
437. Gardner P. The Coins of the Greek and Scythis Kings of Bactria and India (in British Museum). London, 1886.
438. Gerschevitch J. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
439. Gerschevitch J. Bactrian Inscriptions and Manuscripts. Indogermanische Forschungen, t. 72, Ed. 1/3. 1967.
440. Ghirschman R. Bard-é Nechandeh—centre religieux iranien//AAH, t. 19, 1967.
441. Ghirschman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Koushans//MDAFA, vol. XII. Le Caire, 1946.
442. Gibb H. A. R. The Arab Conquest in Central Asia. London, 1923.
443. Göbl R. Die Münzprugung der Kushan von Vima Kadphises bis Bahram IV//Altheim E. und Stiebe R. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt o/Mein, 1957.
444. Göbl R. Catalogue of Coins from Butkara I (Swat, Pakistan). ISMEO, Rome, 1976.
445. Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Bactrien und Indien. Bd. I—IV. Wiesbaden, 1967.
446. Göbl R. Roman Patterns for Kushana Coins// JNSI, vol. XXII, 1960.
447. Göbl R. Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971.
448. Grenet F. L'onomastique iranien à Ai-Khanoum//BCH, CVII, Paris, 1983.
449. Gribb J. Gandharan Hords of Kushano-Sasanian and late Kushan Coppers//Coin Hoards, vol. VI, 1981.
450. Harmatta J. Minor Bactrian Inscriptions//Acta Antiqua Hungarica, t. XIII, 1956.
451. Harmatta J. The Bactrian Wall—inscriptions from Kara-Tepe//Kara-Tene-II, M., 1964.
452. Henning B. W. The Bactrian Inscription// BSOAS, vol. XXIII, pt. I, 1960.
453. Henning B. W. Zoroaster—Politician or Witch—doctor? London, 1951.
454. Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins. Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta, 1930.
455. Hudud al-Alam. The Regions of the World. Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937.
456. Humbah H. Bactrische Sprachdenkmäler. T. I. Wiesbaden, 1966.
457. Jackson W. A. Zoroaster the Prophet of Ancient Iran. New York, 1899.
458. Karomatov F., Meškeris V. A., Vyzgo T. S. Mittelasien Müzikgeschichte in Bilden, Bd. II, Lief. 9, Leipzig, 1987.
459. Kurat A. H. Kuteybe b. Muslim' in Hvarism ve Semerkandesi Zabiti. Dergisi, VI/5, 1948.
460. Litvinskij B. A., et Pichikian I. R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane Septentrionale. Revue Archéologique, 1981, № 2.
461. Litvinskij B. A., Pichikyan I. R. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria)//HAASM, t. XXVIII, fasc. 7—4, 1983.
462. Maricq A. La grande inscription de Kaniška et l'Etéo-Toharien, l'ancienne langue de la Bactriane //JA, 1958, t. CCXLVI.
463. Markoff A. Les monnaies des rois Parthes. Sec. fasc. Paris, 1877.
464. Marqvart J. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901.
465. Markuart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlischen Landeskunde von Ostiran, Leiden, 1983.
466. Marshall J. Taxila, vol. I—III, Cambridge, 1951.
467. Melikiyn-Chirvani A. S. Le bronze iranien. Paris, 1973.
468. Melikian-Chirvani A. S. Les bronzes de Khorassan. I—IV. Studia Iranica. T. 4—5, 8. Leiden, 1974—1979.

469. Minorsky V. F. A Greek Crossing on the Oxus //BSOAS, v. XXX, pt. I, 1967.
470. Mohl J. Le livre des rois, t. 3, Paris, 1861.
471. *Mokaddasi. Descripto imperii mosemici*//BGA, III, Lugduni Batavorum, 1877.
472. Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, 1962.
473. Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucus to Antioches III. New York, 1941.
474. Pougatchenkova G. A. Caracthère de l'architecture défencive antique en Asie Centrale//La fortification dans l'histoire du monde Grec. Paris, 1986.
475. Pougatchenkova G. A. La culture de la Bactriane du Nord à la lumière des découvertes archéologiques dans la vallée du Sourkhan-Darya //Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Ed. CNRS, Paris, 1977.
476. Pougatchenkova G. A. Les trésors de Dalverzin-tépé. Leningrad, 1978.
477. Pritzak O. Die Karakhaniden//Der Islam, Bd. 30/1, 1953.
478. Pulleyblank — Chinese. Evidence for the Date of Kanishka//BCI, X—XI, Banares, 1966—1968.
479. *Ronca I. Ptolemaios Geographie, 6, 9—21. Ostiran und Centralasien.* T. i., Rom, 1971.
480. Rosenfield J. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkley—Los Angeles, 1967.
481. Rtveladze E. V. La circulation monétaire au Nord de l'Oxus à l'époque Gréco—Bactrienne// Révue numismatique, t. XXVI, 1984.
482. Rtveladze E. V. Les édiffices funéraires de la Bactriane Septentrionale et leur rapport au zoroastrisme//Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris, 1987.
483. Rtveladze E. V., Sagdullaev A. S. Les particularites du Surkhandar'ja à l'âge du bronze et au début de l'âge du fer//L'archéologie de la Bactriane ancienne. Ed. CNRS, Paris, 1985.
484. Samani. The Kitab al Ansab. With an introd. by *D. S. Margoliouth. Leiden—London*, 1912.
485. Simonetta A. M. A New Essay in the Indo—Greeks. The Saka and the Pahlavan//East and West, vol. IX, 1958.
486. Spuler B. Caghaniyan. Encyclopèdie de l'Islam, t. II, Leiden—Paris, 1965.
487. Staviskij B. Ya. Le probléme des liaisons entre le bouddhism bactrien, le zoroastrisme et les cultes mazdéens locaux à la lumière des fouilles de Kara-tépé//Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamiques. Paris, 1987.
488. Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930.
489. A Servey of Persian Art., vol. I—VI. Ed. A.-U. Pope, London—New York, 1938—1939.
490. Tabakati Nasiri, vol. I. By H. G. Raverty. London, 1881.
491. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.
492. Tarn W. W. Two Seleucid Studies. Tarmita//JNS, I, 1940.
493. Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des grottes de Bamiyan. Paris, 1977.
494. Tomaschek. Zentralasiatische Studien, I. Sogdiana, Wien, 1877.
495. Weitzmann K. Three «Bactrian» Silver Vessels with illustrations from Euripides//The Art Bulletin, vol. XXV, № 4, 1943.
496. Wroth W. Catalogue of the Coins of Parthia. London, 1903.
497. Zambaur E. Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden, 1968.
498. Zürcher E. The Yüeh-chi and Kanishka in the Chinese Sources//Papers on the date of Kanishka. London, 1960.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане.
АСУ — Архитектура и строительство Узбекистана.
ВДИ — Вестник древней истории.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКТ — Материальная культура Таджикистана.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане.
СА — Советская археология.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
САУ — Строительство и архитектура Узбекистана.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
УЗКОМСТАРИС — Узбекский комитет сохранения памятников старины и искусства.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии.
ЭВ — Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BCI — Bulletin of the Collège of Indology. Benares.
BEFEO — Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient. Paris.
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugduni Batavorum.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
CNRS — Centre Nationale des Recherches Scientifiques. Paris.
CRAIBL—Comptes-rendu de l'Académie des Insçriptions et Belles-lettres, Paris.
GMS — E. G. W. Gibb. Memorial Series. London.
JNSI — Journal of the Numismatic Society India.
IsMEO — Istituto Italiano per el Medio ed Estremo Oriente. Roma.
MDAFA — Mémoires de la Délegation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.

ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ПУГАЧЕНКОВА,
ЭДВАРД ВАСИЛЬЕВИЧ РТВЕЛАДЗЕ

**Северная Бактрия-Тохаристан.
Очерки истории и культуры
(древность и средневековье)**

Утверждено Ученым советом Института истории, Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *Л. А. Леус*
Художник *А. И. Бахрамов*
Художественный редактор *Б. А. Хайбуллин*
Технический редактор *Г. П. Негматова*
Корректор *А. А. Ковалева*

ИБ № 5180

Сдано в набор 9.08.90. Подписано к печати 17.09.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,10. Уч.-изд. л. 21. Тираж 1000. Заказ 210. Цена 5 р.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70. Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Галина Анатольевна Пугаченкова (род. в 1915 г.) — доктор искусствоведения, профессор, академик АН УзССР. Является специалистом в области истории художественной культуры Среднего Востока. Автор более 500 работ, некоторые из них опубликованы в Англии, США, Франции, Венгрии, Италии, ГДР. Основные работы: «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма» (1958), «Искусство Афганистана» (1963), «Халчаян» (1966), «История искусств Узбекистана» (соавтор Л. И. Рempель — 1966), «Искусство Туркменистана» (1967), «Парфянские ритоны Нисы» (соавтор М. Е. Массон — 1969, переиздана в Италии), «Скульптура Халчаяна» (1971), «Художественные сокровища Дальверзин-тепа» (1976), «Искусство Бактрии эпохи кушан» (1979), «Chefs d'oeuvre d'architecture de l'Asie Centrale. XIV—XV siècle» (1981), «Из художественной сокровищницы Среднего Востока» (1987), «Древности Миankаля» (1989).

Эдвард Васильевич Ртveладзе (род. в 1942 г.) — доктор исторических наук, заведующий сектором истории искусств и архитектуры Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР. Является специалистом в области истории культуры и археологии Средней Азии и Кавказа. Автор более 200 работ, опубликованных в СССР и за рубежом: в Англии, Венгрии, Франции, США, Японии. Основные работы: «Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана» (соавтор Г. А. Пугаченкова и др. — 1978), «Каталог древних монет Южного Узбекистана» (соавтор Ш. Р. Пидаев — 1979), «Средневековые памятники Сурхандарьи» (соавторы З. А. Аршавская, З. Хакимов—1983), «Древние монеты Средней Азии» (1987), а также популярные книги: «В стране золотого огня» (1983), «Памятники письменности Средней Азии» (соавтор В. А. Лившиц—1985), «Памятники минувших времен» (соавтор А. С. Сагдуллаев—1986).